

ЮЛИЯ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ПАМЯТИ
ЛАНСЕОТА

Паломничество Ланселота — Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

«Паломничество Ланселота» - продолжение романа «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами». Ланселот, а точнее Ларс Кристенсен вместе со своей невестой Дженни и осликом Патти отправляются в трудное морское путешествие к острову Иерусалим, где Ланс надеется получить от Месса исцеление - молодой человек с детства не может ходить.

Роман-антиутопия

- [Часть первая](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Часть вторая](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

Посвящается моим сыновьям Андрею и Адриану-Артуру Окуловым

"... Ты был кротчайшим и учтивейшим мужем, когда-либо садившимся за стол вместе с дамами, а для смертельного врага - суровейшим противником, когда-либо сжимавшим в руке копье".

Мэлори, "Смерть Артура", слово сэра Эктора о сэре Ланселоте

"Куда пойду от духа Твоего и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там, сойду ли в преисподнюю — там Ты. Возьму ли крылья зари и преселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя".

Пс.138:7-10

Господи, благослови!

Часть первая

Глава 1

Был ясный весенний день. Сэр Ланселот Озерный шагал по дороге, идущей в обход Драконьего леса в замок Камелот. По краю дороги росли столетние дубы, а вымощена она была еще римлянами, в древнем Логрисе было немало таких дорог. Над головой у сэра Ланселота пел жаворонок, в лесу ворковали горлинки, по заросшим травой обочинам звенели кузнечики. А может, и цикады, кто их, мелких, разберет. Дорога шла через поля и верещатники, огибала холмы-курганы с редкими большими деревьями на вершинах, ненадолго забегала в лес и снова выходила под открытое небо. Стоял апрель, лес был зелен и прозрачен, вереск лилово-розов, по склонам холмов добрые крестьяне уже раскинули на просушку разноцветные полотнища полей, обочины дороги пестрели наивными весенними цветочками. Вокруг было мирно и весело, дышалось привольно, шагалось легко.

— Хок-ку, хок-ку! — меланхолично взывала где-то на опушке леса кукушка.

— Тебе нравятся хокку? — улыбнулся сэр Ланселот. — Мне тоже.

— Хок-ку! Хок-ку! Хок-ку! — продолжала клянчить кукушка.

— Знаешь, я не захватил с собой книжечку японской поэзии, ты уж прости, птичка. А впрочем... Сэр Ланселот остановился, секунду-другую подумал, а затем нараспев произнес: Рыцарю меч не скрестить с мечом самурая, но песня кукушки тоску на обоих наводит. Кукушка обиженно квакнула и замолчала. Ланселот засмеялся, помахал рукой в сторону опушки и зашагал дальше. И до чего же хорошо было вот так шагать и шагать по дороге, дыша свежим

утренним воздухом, любясь весенними холмами, переходя по замшелым каменным мостикам речушки с быстро бегущей чистой водой. О, дивный край, зеленый Логрис! Сэр Ланселот Озерный всем сердцем любил эту страну, где страстью зовется тяга к подвигам, одержимостью — любовь к приключениям, а бахвальство и лень — наихудшие из встречающихся пороков; страну, в которой при слове "любовь" на ум приходят баллады, а при крике "Тревога!" — мысль о драконе из соседнего леса; страну, где волшебника Мерлина считают хорошим врачом и никудышным пророком, ибо нередко пророчит дурное, а кто же любит такие пророчества? Страну, в которой камины и печи топят дровами, где даже простые крестьяне едят настоящие овощи, хлеб и мясо, пьют молоко и носят одежду из холстины, сукна и льна...

Но что это там такое? Показалось ему, или он в самом деле уловил боковым зрением мелькнувшее на холме крутое белое облачко? Вон на том горделивом холме, увенчанном короной из семи изумрудных елей, не Индрик ли это там, за желтым утесником, за темным остролистом? Сэр Ланселот сошел с дороги и начал осторожно подниматься на холм, туда, где мелькнула белоснежная тень. Он прошел мимо зарослей утесника, мимо куп остролиста, поднялся почти к самой вершине и остановился, не зная, очарован он или разочарован: перед ним стоял терновый куст, сплошь усыпанный белым цветом, вблизи похожий уже не на гордого единорога, а на застенчивую деревенскую невесту в свадебном уборе. Рыцарь протянул руку и осторожно коснулся нежно-пушистой ветки. Недостаточно осторожно коснулся — на его указательном пальце выступила капелька алой крови.

— Ах ты недотрога! — улыбнулся сэр Ланселот и слизнул кровь с пальца. — Соблюдаешь "правило двух вытянутых рук"? Правильно, с нами, рыцарями, так и надо.

Еще разок вдохнув горьковатый аромат цветущего терновника, сэр Ланселот развернулся, откинул за спину зеленый замшевый плащ и легкими длинными прыжками спустился с холма на дорогу. На обочине он почти сразу же высмотрел остроконечный подорожник: покойная матушка почему-то именно такой подорожник считала наиболее целебным. Он обмотал палец длинным зеленым листом и вновь зашагал к Камелоту.

Замок короля Артура издали казался маленьким городком, так много башенок и шпилей с флюгерами и штандартами теснилось над его высокими зубчатыми стенами.

Вскоре сэр Ланселот был уже под стенами Камелота. Подъемный мост через замковый ров был опущен, а железная решетка в воротах поднята, но не гостеприимно, до самого верха, а лишь наполовину. Непорядок и запустение! Однако когда сэр Ланселот уже шагал по мосту, мальчишки-герольды все же вышли из надвратной башни, подняли трубы и протрубили приветственную мелодию. Но только один из них доиграл ее до конца, а второй на середине мелодии вдруг опустил трубу, сделал изящный поклон, развернулся и танцующим шагом удалился в башню. Ланселот усмехнулся и покачал головой. Укорять герольда за недостаток вежливости не имело смысла, ведь это был фантомный мальчик.

Во дворе замка он никого не встретил, прошел мимо пустой коновязи и старого колодца к донжону и поднялся на второй этаж. На лестничной площадке рядом с рыцарскими доспехами стояло большое серебряное зеркало на каменном постаменте; после долгих споров со строгим декоратором Сандрой его все-таки поставили тут камелотские дамы: им, видите ли, требовалось бросить на себя последний строгий взгляд перед входом в пиршественный зал. Где они теперь, эти гордые, капризные и прекрасные дамы... На ходу сэр Ланселот увидел в зеркале свое отражение: смуглое лицо с глубоко посаженными серыми глазами, черные с проседью кудри, такие же усы и борода, длинный синеватый шрам на щеке и еще пара небольших шрамов на лбу — в общем, заурядное и мужественное лицо высокородного рыцаря средних лет.

В пиршественном зале у камина сидел король Артур с золотым кубком в руке. Сидел он на троне, еще в середине прошлой суровой зимы перенесенного с парадного возвышения поближе к огню. Рядом стояло простое деревянное кресло — Ланселотово. Волнистые белые волосы короля падали ему на лоб и плечи, корона-обруч была надвинута на самые брови, а тонкое горбоносое лицо с небольшой бородкой немного портила гримаса скучающего человека. У ног короля лежала Диана, последняя собака Камелота.

Когда-то в старом замке была добрая дюжина фантомных собак разного возраста и разнообразных пород, и у них даже водились щенки. Но, как известно, со временем фантомы изнашиваются и бледнеют, если их периодически не подпитывать, а на это нужны деньги, и вот их-то как раз и не было. Бедная Дианка уже дряхлеет, отуманивается и понемногу превращается в призрак собаки. Скоро она и вовсе растает. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь — королевство у них бедное, захудалое, можно сказать, королевство.

Король Артур обрадовался сэру Ланселоту и тут же предложил кубок вина с дороги.

— Где странствовал мой доблестный Ланселот? — спросил он. — В северных морях. — Были приключения?

— Да нет, ничего особенного: видел пару морских драконов, отогнал их от берега в открытое море.

— И конечно, освободил какую-нибудь морскую царевну?

— Чудищ в тамошних водах много, а вот царевны что-то не попадают. Вода, наверное, холодная... Между прочим, ваше величество, левый герольд не доигрывает до конца приветственную мелодию. — Я уже заметил. Надо будет им заняться.

— Без меня кто-нибудь заглядывал в Камелот?

— Два проезжих рыцаря-крестоносца. Но им у нас не понравилось.

— Они, верно, ожидали встретить в замке разгульный пир с красивыми и доступны ми девицами?

— Вроде того. Эти невежды даже не знали, почему на плащах у них нашиты кресты и зачем они направляются в Иерусалим. "Погрابتь маленько!" — сказали они, когда я спросил их о цели похода. Я этих крестоносцев угостил и вежливо выставил.

— А знаешь, король, они не соврали: палadini Господа Бога грабили охотно и умело.

— Вот-вот, и морды у них были самые разбойничьи. — А больше никто не заезжал? — Больше никто.

— Да, друг король, захирел наш Камелот, опустел твой Круглый стол, — сказал сэр Ланселот, протянув ноги к огню и попивая подогретое вино. — Послушай, а давай-ка устроим тебе королеву! Я начну за ней куртуазно волочиться, ты станешь ревновать — вот и драма, вот и развлечение.

Король наклонился, поставил кубок на каменный пол рядом с креслом, выпрямился и укоризненно взглянул на сэра Ланселота.

— Ты это серьезно? Ты хочешь поселить здесь, в Камелоте, красивую фантомную дуру в

качестве королевы?

— Ну да...

— А хочешь, я скажу, зачем это тебе надо, сэра Ланселота Озерный? — Слушаю, мой король.

— Ты хочешь, чтобы я занимался ею во время твоих постоянных таинственных отлучек и не скучал. Благодарю за заботу, Ланс, но, право же, не стоит труда. Такая королева очень скоро надоест мне до оскомины.

— Да, фантомная королева — это скучно и утомительно, ты прав, друг король. Вот Сандра — та могла вызывать персон, она сумела бы пригласить для тебя настоящую Гвиниверу.

— А настоящая Гвинивера оказалась бы стервой, и нам обоим житья бы от нее не стало, — король поднял свой кубок и пригубил.

— Вполне возможно, друг король, что Гвинивера-персона не пришлась бы по вкусу ни мне, ни тебе, тут заранее не угадаешь. И страшно даже представить, какие из того могли бы проистечь неприятности! Так что, выходит, все и к лучшему.

— У тебя, сэра, все к лучшему, — проворчал король.

Они помолчали, потягивая вино и глядя на огонь.

— Знаешь, мне сегодня показалось, что я видел на холме Индрика, — сказал Ланселот. — Показалось?

— Увы. Я подошел, а это цветущий терновый куст. Вот — укололся о шип.

Король покосился на зеленый палец Ланселота и пожал плечами:

— Как можно спутать единорога с терновым кустом, Ланс? — Я же спутал.

— А какой прекрасный был единорог и как он пел! Мы больше никогда не услышим его дивных печальных песен...

— Что до меня, то мне, признаться, больше нравились бодрые песни Фафнира. На пример, улетный марш драконов, — и Ланселот запел нарочито хриплым басом: Когда драконы разворачивают крылья, пред ними ветер гонит пыль и прах. Когда летит драконья эскадрилья — внизу царят смятение и страх. Гребень — по ветру, Крылья — вразлет! Драконы, вперед! Только вперед, а не наоборот!

Король, поначалу слушавший Ланселота с заблестевшими глазами, вдруг понял, что его разыгрывают, швырнул кубок об пол и воскликнул:

— Ланселот! Гнусный рыцарь и жалкий обманщик! Не было у Фафнира никакой драконьей эскадрильи и не пел он никогда такого дурацкого "улетного марша"! Признайся, что ты только что его сочинил!

— Ну и сочинил. А что мне остается делать, если мой король по крайней мере раз в месяц устраивает в Камелоте пару дней вселенской скорби: хандрит, капризничает, раздражается по всякому поводу и того гляди соорудит фантомного палача и велит отрубить мне голову вместе с обручем? Как же мне не попытаться развеселить твое печальное величество? Или в Камелоте уже и пошутить нельзя стало?

— Шуты на здоровье. Только знаешь, сэр Ланселот, шутки у тебя в последнее время какие-то... казарменные.

— Рыцарская казарма? Звучит исторически недостоверно, но вполне оскорбительно, и я оскорблен. Вызываю тебя на поединок, король! — Отстань. — Да не будь же ты таким унылым, Артур!

— А ты не будь таким жизнерадостным занудой. Мне скучно, вот я и скучаю.

— Конечно, у нас в Камелоте в последнее время стало скучновато, но ты вспомни, как весело мы жили раньше, при Сандре! — Я все помню. Но ведь это — в прошлом.

— А до веселого прошлого с Сандрой у нас было скучное прошлое без Сандры. Помнишь, какая тоска была в Камелоте до ее прихода? А сама наша Реальность? Посмешище была, а не Реальность! Чего стоила одна русская печь, которой мы отапливали замок. И куковали мы с тобой вдвоем, как и сейчас, друг король! Кстати, напомни мне как-нибудь рассказать тебе про кукушку, любительницу японской поэзии... Так вот, вспомни: пришла Сандра, за нею появились рыцари и прекрасные дамы, начались настоящие приключения. А какие персоны нас посещали! Индрик! Мерлин! Фафнир! Помнишь, как этот зверюга любил загорать на площадке надвратной башни, свесив свой хвост прямо в проход? Лежит этаким котиком и будто никого не замечает, а когда кто захочет пройти в ворота, он только слегка качнет шипастым хвостом — и у любого храбреца вмиг слабеют коленки.

— Да, умел напугать страху наш дракоша, — сказал король, грустно улыбаясь.

— Конечно, с персонами гораздо интереснее, чем с фантомами, — продолжал Ланселот. — Персоны непредсказуемы, у каждой собственный характер и поведение.

— А ты помнишь, Ланс, как обозвал меня Мерлин, когда впервые появился в нашем замке?

— Тебя обозвал — нашего короля? И что же сказал этот старичина?

— Он заявил, что никакой я не король Артур, а "просто взбесившийся кролик". А я сам тогда не знал, что Артур означает "бешеный медведь", мне Сандра потом объяснила смысл этой оскорбительной шутки.

— Да, шуточки у Мерлина были грубо ваты. Как сказал бы один мой знакомый король, казарменные у него были шуточки...

— Оставь! И прекрати меня утешать — я безутешен. Все равно без Сандры и остальных стало так тоскливо, что хоть беги из Реальности. Все теперь не то... — и король печально уставился на подернутые пеплом угли.

Ланселоту надоело сидеть в кресле, он поднялся и стал прохаживаться по залу, разглядывая обветшавшие гобелены.

— Ланс, скажи откровенно, тебе по-прежнему нравится наша Реальность? — спросил вдруг король.

— Да, Артур, мне очень нравится наша Реальность. — А что тебе больше всего в ней нравится? — Ноги.

— Какие ноги? — опешил король и подобрал протянутые к камину ноги. — Мои ноги. — Ты

шутишь?

— Вовсе не шучу. Мне нравится, что я могу прямо сейчас выйти за дверь, спуститься по лестнице и отправиться своим ногами гулять куда вздумается. Пойдешь со мной?

— Идти и на ходу сочинять, что именно ты увидишь за поворотом? Уволь! У меня не так развито воображение, ведь это тебя, а не меня воспитала фея Моргана.

— Тогда, может быть, ты выйдешь со мной и проводишь меня хотя бы до леса? — Зачем?

— Ну... Я мог бы показать тебе терновый куст, который издали похож на единорога, а вблизи — на невесту.

— Ты же знаешь, сэр Ланселот, что я король-домосед. Не хочется мне сегодня вы ходить из замка да и вообще двигаться.

— Тогда вот что, друг король, — сказал Ланселот, теряя терпение, — сейчас я выйду из Реальности, а завтра приду, и мы снова посидим с тобой у камина и побеседуем. Я надеюсь, что твоя хандра к тому времени пройдет. Ну, я пошел! Пока, друг король!

— Позволяю тебе удалиться, сэр Ланселот, — быстро и сердито проговорил Артур, и Ланселот, посвистывая, удалился, оставив короля хандрить у потухшего камина.

Глава 2

Мессия был не в духе, Мессия нервничал. Он сидел в высоком кресле во главе стола заседаний, мрачно склонив прекрасное лицо, и молчал. Его правая рука, уже обработанная, лежала на столе, и пальцы ее шевелились, сжимались в горсть и разжимались, будто собирали с зеркальной поверхности стола несуществующие крошки. Над другой рукой еще продолжал трудиться маникюрщик. За ночь красивые длиннопалые руки Мессии покрывались густыми

рыжими волосами, почти шерстью, а ногти выросли на полтора сантиметра и загибались внутрь наподобие когтей хищной птицы. Никто из врачей не знал, что это за напасть такая, и никто не умел помочь Мессии от нее избавиться. Когти и волосы на руках вождя человечества и целителя страждущих приходилось удалять к утренней программе новостей: утро планетян начиналось с короткого выступления Мессии, и если бы он пренебрег этим каждодневным благословением народов, в мире разразилась бы паника. Да, мир всегда с надеждой взирал на Мессию, но сам он сегодня не был доволен порученным ему миром.

— Начинайте докладывать, — обратился он к членам мирового правительства. — Как там ваша саранча, Пульман?

Министр сельского хозяйства Фритц Пульман откашлялся и начал:

— Благодаря своевременно принятым мерам и отчасти северному ветру в бассейне Средиземного океана продвижение саранчи на север удалось существенно замедлить. К отрядам экологов по вашему приказу, мой Мессия, присоединилась армия клонов, и она оказывает существенную по мощь в борьбе с саранчой. — Что именно делают клоны?

— Э... Об этом лучше спросить генерала Чарльстона. — Генерал?

Генерал клон-армии Джордж Чарльстон вытянул шею, презрительно покосился на министра сельского хозяйства и ответил коротко: — Выжигают. — Что выжигают?

— Все, мой Мессия. Поля, сады, фермы, поселки, леса. — Чем выжигают?

— Напалмом, естественно, — генерал по жал острыми старческими плечами, вздернутыми как у геральдического орла. Пульман привстал со своего кресла. — Ну? — повернулся к нему Мессия.

— Мой Мессия! По поводу применения напалма у меня есть некоторые возражения. Напалм, безусловно, уничтожает саранчу, но он также губит созревающий урожай и новые посевы. Обработанные напалмом поля нельзя будет засеивать ближайшие два-три года. Саранча и напалм равно несут голод населению.

— Министр продовольствия, у вас есть что послать в эти районы?

Министр продовольствия Моратти сокрушенно вздохнул и покачал лысой головой. — Нет, мой Мессия. Все запасы исчерпаны. Во всей Европе продовольствия осталось практически на месяц. Во многих районах юга уже начался голод.

— Генерал, применяйте против саранчи вместо напалма водородные бомбы локального воздействия. — Слушаюсь, мой Мессия!

— И сбрасывайте бомбы в первую очередь на голодающие районы: напалмом эти язвы не выжечь. А вы, Моратти, кажется, забыли, что я еще на прошлой неделе при казал вам покончить с голодом?

— Да, Мессия, но запасы продовольствия подошли к концу. Как может одна Скандинавия прокормить всю остальную Европу?

— Кто у нас министр продовольствия, Моратти, я или вы? Немедленно изыщите способ пополнить запасы продовольствия.

— Но, мой Мессия, их нечем пополнять! Против нас будто ополчились и Бог, и природа... — Молчать!

Мессия вытянул в сторону Моратти уже обритый указательный палец: министр поперхнулся невысказанным словом и замер, как в детской игре, выпучив глаза и не успев закрыть рта.

— Джубран, у вас есть на этот счет какие-нибудь соображения? Разумеется, помимо тех, что пытался тут излагать ваш бывший шеф. Но даже не пытайтесь заикаться о природе и прочей подобной чепухе!

Сидевший рядом с застывшим министром продовольствия его заместитель, смуглокожий и гибкий брюнет, вскочил с места и отвечал, быстро и глубоко кланяясь:

— Да, мой Мессия! Не только соображения, но и конкретные предложения, а также практические разработки.

— Да сядьте вы и перестаньте кланяться, как трясогузка! Вы представляли ваши соображения министру продовольствия?

— Да, — сказал Джубран, усаживаясь на свое место и все-таки не удержавшись при этом от еще одного почти незаметного для глаз поклона. — И какова же была реакция вашего шефа?

— Господин министр продовольствия изволил заявить, что я болван, и что от моих

предложений его тошнит.

— Интересно, что ж это вы такое ему предложили?

— Во-первых, я предложил ему новую продовольственную концепцию: если продовольствия не хватает для удовлетворения запросов потребителей, следует в первую очередь заняться сокращением числа потребителей с помощью имеющихся ресурсов продовольствия: это и дешевле, и эффективнее. — Не понял?

— В стандартные продукты питания можно добавлять средство для эвтаназии, направляя их затем в те районы, которым грозит голод. — Остроумно! А еще что?

— Затем я предложил господину министру послать продовольственные отряды клонов в районы нашествия саранчи для сбора и обработки акрид. — Сбора чего?

— Акрид. Акриды — это новый вид питания, разработанный под моим личным руководством в одной из лабораторий Института питания Мировой академии наук. Это съедобные животные, точнее крупные насекомые вида *Gryllus migratarius*. "Акриды" — древнее название, но можно предложить и другое, более современное и понятное широкому потребителю, а именно — "сухопутные креветки". В настоящий момент сама природа, да простит мне мой Мессия это упоминание, милостиво позаботилась о том, чтобы предоставить нам практически неограниченное количество ценного белкового продукта. Мой Мессия, разрешите мне представить уважаемому собранию разработанные нами образцы. — Представьте.

Мессия и все министры, кроме застывшего Моратти, заинтересованно смотрели на Джубрана. Тот поднялся, поставил перед собой кейс, раскрыл его и начал выставлять на стол пакеты, коробки, коробочки и банки.

— Вот это — акриды сушеные. Вкус отвратительный, но количество протеинов отменное. Годится для питания клонов, а также может быть использовано при изготовлении всевозможных энергетических напитков на фабриках питания — в смеси с другими продуктами и с добавлением ароматизаторов и витаминов, — он вытащил из пакета сушеную саранчу, продемонстрировал ее присутствующим и небрежно бросил обратно в пакет.

— А вот это, — интригуяюще проговорил Джубран, доставая глянцеватый коричневый трупик из другого пакета, — это стоит попробовать всем присутствующим. Перед вами акрида копченая! Признаюсь без ложной скромности, это самая большая удача нашей лаборатории. — Раздайте, — кивнул Мессия. Джубран пустил пакет вдоль стола. Министры и заместители с опаской и едва скрываемым отвращением брали копченую саранчу и, расстелив на столе перед собой бумажные салфетки, принялись чистить акриды, как чистят раков. Мессия протянул длинную руку к соседу, министру энергетики, выхватил у него еще не почищенную акриду, бросил в рот и с хрустом разжевал.

— А ведь недурно! — удивился он и протянул руку: — Ну-ка, еще одну.

— Смеею заметить, мой Мессия, — сказал Джубран, вскакивая с места и почтительно поднося Мессии пакет с копченой саранчой, — эти самые акриды использовались в пищу населением ближневосточных стран еще в глубокой древности. Между прочим, христианские отшельники в пустыне, в том числе и знаменитый Иоанн Креститель, питались исключительно акридами и диким медом.

— Святые лопали саранчу? Забавно! — Мессия улыбнулся, а министры захихикали: напряжение и страх постепенно оставляли их, и они заметно успокаивались. Джубран между

тем продолжал:

— Предлагаю вашему вниманию — акриды консервированные, акриды маринованные и акриды в масле — отменная закуска, между прочим! — вяленые акриды — эти вполне могут стать лакомством бедноты. И, на конец, особое предложение министру сельского хозяйства — кормовая мука из акрид: этой мукой можно откармливать свиней и птицу, а также добавлять в корм крупному рогатому скоту. Мой Мессия и господа министры! Я утверждаю, что мы имеем возможность превратить нашествие саранчи, это всепланетное бедствие, в основу всепланетного благоденствия.

— Проще говоря, перекрестить саранчу в акриды, — ухмыльнулся Мессия. — Ловко!

Мировое правительство угодливо захихикало.

— Особо хочу отметить, — продолжал Джубран, — что за эти разработки мы принялись по призыву нашего Мессии, который велел бросить все силы на решение продовольственной проблемы. Мне кажется, руководимая мной лаборатория этот наказ Мессии успешно выполняет. Но я, конечно, могу ошибаться, и в этом случае, уверен, мой Мессия меня поправит. Это все, мой Мессия.

Маникюрщик тем временем закончил обработку левой руки Мессии и тихо исчез. Ничего не ответив Джубрану, Мессия встал и подошел к пребывающему донныне в столбняке министру продовольствия. Он возложил свои руки, вновь ставшие самыми красивыми руками на планете, на плечи своего министра и сказал негромко и проникновенно.

— Дорогой помощник и друг, незабвенный Джузеппе Моратти! Я благодарю тебя за многолетнюю верную службу и прощаю тебе твои ошибки последнего периода — самого трудного периода в жизни мирового сообщества и моей. Я сам должен был заметить, что ты устал. Ты исчерпал свои возможности, мой бедный дорогой Джузеппе! Отправляя тебя на заслуженный отдых, я скажу от своего имени, от имени мирового правительства и всей Планеты: спи спокойно, добрый труженик, благодарные планетяне тебя не забудут!

Мессия, продолжая левой рукой держаться за плечо бывшего министра продовольствия, правой обнял его за горло спереди и резко дернул руку назад. Раздался хруст. Мессия отошел, вытирая руки платком, а бывший министр остался сидеть с неестественно запрокинутой за спинку кресла головой.

— Почтим его уход вставанием, — сказал Мессия и тем же платком промокнул сухие глаза.

Все министры и заместители встали и склонили головы.

— Уберите это, — негромко бросил Мессия охранникам, стоявшим за его спиной.

Два охранника подскочили к трупу Моратти, подцепили его под руки и бегом вынесли из кабинета.

— Министр продовольствия... — Мессия прикрыл глаза и на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то, а затем продолжил: — Исмаил аль-Идлиби Джубран, вы хотите еще что-нибудь прибавить к вашему сегодняшнему блестящему выступлению?

— Хочу лишь добавить, что мы продолжаем поиски новых методов использования акрид на пользу планете и во славу Мессии.

— Вы хорошо вступаете в должность, мой молодой друг. Пища святых отшельников — это надо же! Однако... Уберите эту гадость со стола! Да не вы, Джубран! Вы сидите спокойно, слушайте и думайте. У меня здесь мало кто думает.

Один из охранников подскочил к столу, вытянул из кармана платок, протер стол перед Мессией, а потом платок с остатками растерзанной акриды сунул обратно в карман. Прочие члены кабинета министров сделали то же самое, используя собственные платки и бумажные салфетки со стола.

Мессия между тем обратился к сухощавому старику: — Министр людских ресурсов!

— Я вас очень внимательно слушаю, — проговорил министр людских ресурсов Делардье. — Сколько у нас сейчас людей?

— Простите, мой Мессия, вы имеете в виду граждан Планеты или вообще население Земли? — Дайте обе цифры.

— Планетян сейчас восемнадцать миллионов, а всего на Земле в данный момент проживает около трехсот миллионов человек.

— Много, слишком много и тех, и других! Ладно, до русских и китайцев нам пока не добраться, но почему же так много планетян?

— Следуя вашим указаниям, мой Мессия, мы постоянно и планомерно сокращаем число граждан Планеты.

— Если бы вы следовали моим указаниям, — фыркнул Мессия, — сейчас на моей шее было бы не более десяти тысяч человек: три тысячи избранных полноправных граждан и психически обработанный обслуживающий персонал. Все остальные — лишние, лишние, лишние, сколько раз вам повторять! Армию и пролетариат должны составлять только клоны! Люблю я этих послушных малышей... А человечешек на Планете слишком много, мне столько не требуется!

— Мой Мессия, позвольте! Я приготовил на ваше рассмотрение новый закон об эвтаназии, — сказал Делардье и вытащил бумаги из кейса.

— Да не шуршите вы своими бумажками, так докладывайте!

— Слушаюсь. Я предлагаю ввести обязательную эвтаназию для всех одиноких инвалидов и хроников.

— Это связано с большими организационными трудностями и большим расходом дорогостоящих медикаментов, — заметил министр здравоохранения Славичев.

— Абсолютно никаких трудностей, — возразил Делардье, досадливо прикрывая глаза сухими пергаментными веками.

— Ну как же никаких? Не везде на местах есть пункты эвтаназии. А как вы принудите инвалидов явиться по вызову, если они, допустим, не намерены расставаться с жизнью?

— Все продумано, Славичев, — тонко улыбнулся Делардье. — Пункт эвтаназии организуется очень крупный и хорошо оснащенный, но зато один на всю Планету. — Это где же? — поднял брови Мессия.

— Здесь, в Иерусалиме, мой Мессия. А инвалиды со всего света соберутся сюда сами. Достаточно объявить неограниченное право на исцеление для всех. Инвалиды хлынут со всех сторон. — Не понял, в чем суть?

— В том, чтобы собрать весь человеческий балласт в одном месте, где его можно будет быстро и дешево ликвидировать.

— Где вы их всех разместите, хотел бы я знать? Кстати, ни у кого не появилось ни каких новых соображений, как нам проникнуть на "недоступные острова"? Генерал Чарльстон?

— Увы, мой Мессия, эти острова — Воскресенский, Елеон, Горний, Иерихон и прочие по-прежнему недоступны ни с воды, ни с воздуха, и что там на самом деле происходит, наука объяснить не может.

— Вот и хорошо, что не может... Бомбить продолжаете? — Естественно, мой Мессия. — Ну и каков результат?

— Никто из бомбивших не вернулся, что бы рассказать об этом. — А острова? — Стоят как стояли.

— Понятно. Значит, использовать "недоступные острова" мы все еще не можем... Ну так что же вы там решили с грядущим нашествием инвалидов, Славичев?

— Часть их, естественно, погибнет в пути — это нетрудно организовать, учитывая современную обстановку. А добравшихся до Иерусалима мы соберем на стадионе и скоренько избавим от страданий с помощью иприта в смеси с веселящим газом.

— Такое уже бывало, — кивнул Мессия. — Но некоторых инвалидов я могу действительно исцелить — для рекламы. Кто бы знал, как утомляют меня физически и нравственно эти идиотские исцеления! Однако сегодня каждый инвалид или хроник, на деющийся на исцеление по жеребьевке, приносит нам пол планеты в неделю. Как с этим? — Об этом я как-то не подумал, мой Мессия...

— Надо думать, дружочек, всегда надо думать! Иначе бы я вместо вас посадил за этот стол тринадцать клонов. — Можно назначить плату за исцеление...

— Не годится! Исцеления Мессии бескорыстны, об этом знает весь мир.

— У меня предложение, — поднял голову министр финансов. — Я бы поставил вопрос таким образом: чудеса Мессии служат всему народу, и народ жаждет поклоняться своему Мессии в соответствующей обстановке, то есть в Храме. А потому каждому пилигриму, отправляющемуся на исцеление в Иерусалим, надо позволить внести сто планет на восстановление Иерусалимского храма. До исцеления, естественно, а не после... И предложим это, конечно, не мы, а сами инвалиды и хроники.

— Принято, — кивнул Мессия. — Разрабатывайте программу глобального исцеления страждущих. А Храм давно пора достроить, Апостасий уже надоел мне со своими претензиями. Ну что ж, господа министры, я удовлетворен, сегодня мы плодотворно по трудились. Будем расходиться.

Министры встали и запели Общий Гимн, прославляющий Мессию: Союз нерушимый народов свободных сплотил ты навеки, Мессия-отец!

— Заканчивайте без меня, — буркнул Мессия, вставая и идя к дверям.

За дверью зала заседаний Мессия остановился и прислушался: после его ухода энтузиазм поющих иссяк, и они допели Гимн без первоначального воодушевления. Мессия покачал головой и удалился в сторону лифта. Студия, в которой записывались его личные обращения к человечеству, помещалась на девяносто девятом этаже Вавилонской Башни, резиденции Мессии на острове Иерусалим.

Глава 3

Ларе Кристенсен, смотритель и экскурсовод музея-усадьбы Известного Писателя, рыбак и ловец креветок, он же друг короля Артура сэра Ланселот Озерный или просто Ланс, уже с утра понял, что сегодня — не его день. Время от времени его больной позвоночник крепко давал знать о себе, и приходилось с этим считаться. Ну что ж, он проведет весь этот день дома: включит на полную мощь отопление, приготовит себе ужин, сделает грог, выпьет обезболивающее и уйдет на весь день в Реальность. Король Артур что-то хандрит в последнее время, и будет совсем нелишним сочинить для них какое-нибудь незатейливое приключение.

Ланселот приподнялся в постели и пересел в стоявшую рядом коляску. Душ он принимать не стал, ни холодный, ни горячий, только умылся и почистил зубы. Через силу, без аппетита позавтракал, приготовил себе грог, принял обезболивающее, подкатил коляску к персонику и стал смотреть программу новостей, потягивая грог из большой глиняной кружки.

Утренние планетные новости имели региональное дополнение "Погода в Скандинавии", и в нем прозвучало штормовое предупреждение: в Норвежское море с севера Атлантики идет шторм. Теперь стало ясно, что спина ныла к непогоде. Но как бы там ни было, а теперь надо было подниматься и отправляться за ловушками. Грог — это еще ничего, с половины кружки его не развезет, а вот обезболивающее он не стал бы принимать, если бы знал, что ему придется сегодня выходить в море. А идти надо далеко, до маяка у выхода из Тронхеймс-фьорда: там у него поставлены новые ловушки, и если он не хочет их потерять, отправляться за ними следует немедленно. Ловушки эти пластиковые, легонькие, добычу из них можно просто высыпать в ящики, а не выгребать сачком, как из тяжелых железных. Зато если на дно железной ловушки опустить пару камней, она плотно ляжет на дно и выдержит любой шторм, а пластиковую волна уже в четыре балла рвет в клочья. Одеваясь для выхода в море, Ланселот в который раз подумал, что если бы удалось достать железную сетку, он бы наделал себе новых ловушек по образцу старых, отцовских. Но где теперь найдешь хороший добротный материал? Все на свете стало каким-то непрочным, даже одежда планетян выдерживает только сутки носки, и еще хорошо, что он по инвалидности освобожден от ношения стандартного пластикового костюма. Ланселот надел свитер, натянул куртку-штормовку а поясницу вдобавок обмотал шарфом.

Он выехал на крытую сверху террасу, и будто кто-то наотмашь хлестнул по его лицу мокрым полотенцем — шквалистый ветер уже нес с собой мелкие брызги дождя. На террасе он пересел из домашней коляски в тяжелую уличную, с мотором на батарееке Тесла, заложил дверь дома на засов, чтобы ее не распахнул ветер, и съехал по широкому пандусу на каменистую дорожку, ведущую к причалу в небольшом заливишке.

Он въехал на палубу катамарана по короткому широкому трапу. По пути к рубке Ланселот заглянул в трюм — убедиться, что там есть пустые ящики, хотя на большой улов он сегодня не рассчитывал — какая креветка выйдет гулять в такую погоду! Потом он поехал в рубку. Она была низкая, но просторная, построенная с таким расчетом, чтобы ему сподручно было управляться, сидя в коляске, завел мотор и взялся за штурвал тоже особенный, ниже обычной высоты.

Ветер усиливался, по фьорду гуляла крупная норд-вестовая зыбь: когда он пойдет назад от маяка, ветер и волна будут бить ему в корму, поэтому надо было спешить.

Темная туча на горизонте превратила нижнюю половину переднего стекла рубки в зеркало, и если бы Ланселот хотел, он разглядел бы в стекле отражение широкоплечего парня с вьющимися волосами цвета соломы и небольшой кудрявой бородкой. Он увидел бы мужественное лицо выразительной лепки с горбатым тонким носом и серо-голубыми широко расставленными глазами, типичное для норвежца. Но как раз собственная внешность Ланселота совсем не интересовала: он глядел на тучи, клубящиеся на горизонте, и пытался прикинуть, с какой скоростью надвигается шторм.

Вот и первая ловушка. Ланселот надел брезентовые рукавицы, ухватился за торчавший из воды рельс, подтянул к нему катамаран, закрепил его и начал вытягивать проволоку. Она вся обросла морскими желудями, и без рукавиц он бы в кровь разодрал о них руки, прежде чем добрался до кольца, к которому была за четыре угла подвешена квадратная сетка. Как ни странно, улов оказался хорошим: видно, креветки, облепившие приманку — большой кусок трески, еще не уразумели, что шторм надвигается и пора им спасаться бегством, уходить на дно и прятаться среди камней, а не набивать брюшки. Ланселот выгреб сачком улов и ссыпал его в пластиковый контейнер, сразу заполнив его почти на четверть. На корме у него стоял деревянный ящик с камнями: он опустил в ловушку булыжник и отправил ее обратно на дно.

Так, продвигаясь от островка к островку, Ланселот шел к выходу из фьорда, попутно поднимая и осматривая ловушки. Во всех оказались креветки, четыре пятикилограммовых ящика скоро наполнились доверху, и он был рад, что вовремя выбрался из дома.

Когда Ланселот подошел к маяку, норд-вестовая волна поднималась вровень с кромкой бортов. Он еще издали увидел, что одну из новых ловушек сорвало и мотает по волнам. Выловив все ловушки, кроме одной — ее все-таки сорвало и унесло в море, он побросал их в трюм. Все они оказались пустыми. Теперь можно было возвращаться во фьорд и идти к дому. Натруженная спина ныла от боли и просила покоя, а одежда промокла от воды и пота.

Он шел в глубь фьорда и раздумывал, что же ему делать дальше: отвезти на удивление хороший улов сразу в Тронхейм или идти домой, загрузить креветки в морозильную камеру, а самому переодеться и лечь наконец в постель? Но свежие креветки стоят дороже замороженных, а Ланселоту нужны были деньги, и он решил идти в Тронхейм. Но прежде он спустился в каюту по короткому пологому трапу.

В тесной каюте было три койки, две по бокам и одна, самая широкая, напротив входа, а посередине оставалось место только для его коляски. На широкой койке он иногда отдыхал сам, две боковые когда-то занимали его родители, а теперь на них лежали фонари, кой-какой инструмент и рыболовная снасть.

Ланселот умел отдыхать: для краткого восстановительного отдыха надо было полностью расслабиться, но ни в коем случае не позволять себе заснуть. Он только снял промокшую куртку и перекинул тело на койку. Через четверть часа он поднялся и снова пересел с койки в коляску. Теперь он мог плыть дальше.

Центр питания в приморском городе, естественно, находился недалеко от берега, и Ланселот отправился туда с причала прямо в коляске. Он рассчитывал, что договорится о сдаче улова, а потом рабочие Центра поедут за ним на причал в грузовом мобиле и заберут ящики с уловом, как это обычно и происходило.

Чиновник, всегда принимавший у него весь его улов и особенно охотно бравший креветки, встретил его радушно:

— А, Ларе Кристенсен! Что привезли на этот раз? — спросил он, выходя из пластиковой кабинки. Чиновник знал, кто из его клиентов предпочитает общение, не разделенное звукопроницаемой гигиенической перегородкой.

— Я привез креветки. Четыре ящика свежих креветок.

— А вы уже знаете, что расценки на них понижены?

— Ничего об этом не слышал. И какова теперь цена? — Две планеты за центнер креветок.

— В десять раз меньше, чем было неделю назад!

— Да. Это в связи с появлением нового продукта — сухопутных креветок. Их доставляют с юга Европы.

— Но за такие деньги никто не станет сдавать креветки!

— Вы забываете, Кристенсен, что далеко не у всех ловцов креветок есть судно и сети: это вы легко можете переключиться на рыбу, но у того, кто ловит креветок с берега, выбора нет. А еще в нашем фьорде есть люди, для которых добыча креветок — единственный официальный заработок. Не станут сдавать — перейдут в разряд безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до направления на раннюю эвтаназию. Эти рыбаки, в отличие от вас, Ларе Кристенсен, не могут сдать свой улов перекупщикам, продать на рынке или завести постоянных частных покупателей в городе. — Спасибо за подсказку, я поехал на рынок!

— Я вам ничего не подсказывал, я только честно обрисовал положение. — И все равно, большое спасибо.

— Так вы что, сегодня совсем ничего не будете сдавать? — За такие деньги?

— Я знаю, как тяжело вам достаются ваши креветки, Ларе Кристенсен, и я уважаю ваш труд. Но на вашем месте я бы все-таки сдал часть улова.

— Нет! Вот пойдет лосось, потом треска — буду сдавать рыбу.

— Сдайте хотя бы ящик, и официально будет считаться, что вы продолжаете сотрудничать с государственным Центром питания. А остальное можете отвезти на рынок.

— Я считаю, что это грабеж — так низко оценивать труд рыбаков.

— Подумайте, Ларе! Я ведь опять вам подсказываю...

— Некогда раздумывать. Я тороплюсь домой: мне надо поскорее сменить одежду, не то я рискую простудиться. Я пришел прямо с лова, чтобы сдать креветки живыми.

— Понимаю. Но я очень надеюсь, что следующий улов вы, как обычно, доставите к нам.

— Ну уж нет! Мне действительно не слишком легко дается этот мой заработок, тут вы правы. Прощайте!

— Надеюсь — до свиданья, молодой человек.

Чиновник Центра с явной симпатией относился к молодому рыбаку-инвалиду и обычно Ланселот охотно с ним беседовал, иногда они даже выпивали по стаканчику энергена, сидя за круглым столиком в углу приемной, но сейчас он и вправду очень спешил.

Тронхейм после Катастрофы быстро разросся и стал огромным городом, как почти все скандинавские города, когда сюда хлынуло население полузатопленной Европы. Новые кварталы тысячеквартирных домов протянулись на километры, но рыбный рынок, куда было нужно Ланселоту, находился недалеко, и он не стал брать таксомобиль, а отправился туда прямо в коляске.

Он подкатил к рыбному ряду и сказал первому же продавцу, что хочет продать четыре пятикилограммовых ящика живых креветок. — Где они у тебя? — Здесь, на моем судне.

— Они у тебя и вправду живые? Сегодня мало кто выходил на лов.

— Пощупай мой рукав — я только что с моря. — На каком причале встал? — На пятнадцатом.

— Езжай вперед и готовь товар, я подъеду. Какое судно? — Катамаран "Мерлин".

Когда он добрался до причала, рыбник уже был там со своим грузовым мобилем. Ланселот подъехал к "Мерлину", вкатился на палубу и крикнул рыбнику:

— Будь другом, снеси сам ящики на причал: у меня сегодня спина что-то не в порядке. — О чем разговор!

Рыбник шагнул на катамаран, подошел к ящику и поднял крышку: убедившись, что креветки живые и достаточно крупные, он предложил Ланселоту по планете за ящик. Это было столько же, сколько ему прежде платили в Центре питания, однако ниже обычных рыночных цен, но спорить уже не приходилось. Рыбник достал карманный персоник, Ланселот приложил к окошечку большой палец с персональным кодом, и когда в нем появился его банковский счет, тот перевел на него четыре планеты. Рыбник снес на причал все ящики. Они простились, обменявшись кодами и договорившись, что в следующий раз Ланселот предупредит рыбника о доставке улова заблаговременно. Теперь можно было отправляться на свой остров.

Добравшись до дома, Ланселот сразу же принял горячий душ, поел, приготовил грог, проглотил три таблетки аспирина, взял книгу и улегся в постель. Он читал бумажные книги и почти никогда не пользовался Всемирной библиотекой по персоннику, благо книг в музее-усадьбе Писателя было достаточно.

Загудел персоник. Он со вздохом пересел в коляску и поехал к нему. На экране появилось письменное сообщение:

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СООБЩАЕТ, ЧТО ВАША ДОЛЖНОСТЬ СМОТРИТЕЛЯ-ЭКСКУРСОВОДА МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ УПРАЗДНЯЕТСЯ В СВЯЗИ С ЗАКРЫТИЕМ МУЗЕЯ. ВАМ РАЗРЕШАЕТСЯ ПОЖИЗНЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО МУЗЕЯ.

Так... Вообще-то, этого следовало ожидать. Уже много лет никто не посещал усадьбу Известного Писателя, и он уже давно был по существу сторожем при никому не нужном музее. Ланселот начал помогать отцу в усадьбе-музее еще с детства, он был хорошим и грамотным экскурсоводом; ему казалось, что он так и будет служить в усадьбе до конца своих дней и жить в этом старом, до последнего гвоздя знакомом доме, рядом с могилой матери в маленьком саду. Ладно, переживем. Из дома не гонят, и то хорошо. В послании ничего не сказано о его заработной плате: может быть, они все-таки оставят ему хотя бы часть ее на прожитие? Он ведь

не получает ни бесплатной еды, ни одежды, как прочие планетяне, не получает даже лекарств и витаминов по общим каналам, поскольку остров не подключен ни к одной из линий жизнеобеспечения, кроме электролинии Тэсла.

Ланс еще не успел отъехать от персоника, как снова прозвучал вызов и на экране появилось новое сообщение:

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДА СООБЩАЕТ, ЧТО В СВЯЗИ С ВАШИМ УВОЛЬНЕНИЕМ ИЗ ОРГАНОВ КУЛЬТУРЫ ВЫ ПЕРЕХОДИТЕ В РАЗРЯД БЕЗРАБОТНЫХ. ВАМ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ПОЖИЗНЕННОЕ ПОСОБИЕ В 12 ПЛАНЕТ ГОДОВЫХ.

Это значит — одна планета в месяц. Имея жилье и продолжая выходить в море, прожить, конечно, можно. На одежду наплевать: он будет донашивать то, что есть в доме, а полпланеты в неделю на инвалидную жеребьевку уж как-нибудь заработает даже при новых расценках. Но кое от чего придется отказаться, и в первую очередь — от Камелота. Король Артур, конечно, огорчится, но Ланселот предложит ему общаться через персоник, он уже давно об этом подумывал.

Он вызвал код банка и убедился, что на его счету всего двадцать шесть планет. Ладно, решил он, придется рассчитывать на путину лосося: эта славная рыбка поможет ему удержаться на плаву. Не стоит унывать! И он снова взялся за книгу. Долго читать ему не пришлось.

— Да что они, сговорились? — пробормотал он, снова перебираясь из кровати в коляску и протягивая руку к вновь ожившему персоннику.

МИНИСТЕРСТВО ЗДОРОВЬЯ СООБЩАЕТ, ЧТО В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА БЕЗРАБОТИЦУ ВАМ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ НОВЫЙ СРОК ЭВТАНАЗИИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ — ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА.

Что за день такой, со всех сторон обложили! Он вернулся в постель.

Прежний срок обязательной эвтаназии ему был назначен на двадцать пять лет, а теперь, выходит, остается всего год жизни с небольшим, ведь ему скоро исполнится двадцать два. Конечно, он может отказаться от эвтаназии, поскольку формально она является актом добровольным; но отказаться — значит стать асом, асоциальным элементом. Избравших этот путь исключают из Банка людских ресурсов и лишают персонального кода, а человек без кода оказывается выброшенным из нормальной жизни: он не может ничего ни продать, ни купить, не может искать работу и получать медицинскую помощь. Он даже не может вызвать полицию или обратиться в суд, если его здоровью или имуществу будет нанесен ущерб. Нет, жизнь аса Ланселота отнюдь не привлекала. Остается одно — надеяться, что ему все-таки повезет с жеребьевкой.

Так он лежал и предавался тягостным мыслям, уже не пытаясь больше читать. Редко, очень редко Ларс Кристенсен и сэр Ланселот Озерный позволял унынию овладеть собой, но сегодня это случилось.

Подошло время вечерних новостей. Он мог смотреть их прямо из постели по маленькому дорожному персоннику прикрепленному к спинке кровати. Ланселот включил программу и после обычной сводки услышал сообщение о засухе в южных районах Планеты.

— Эта засуха, как сообщают достоверные источники, объясняется новыми происками русских, ведущих постоянную метеорологическую войну против свободного мира, — говорил с экрана ведущий. — Но русскому царю не помогут ни знойные ветры, ни тучи саранчи, перенесенной

ветрами на поля Европы из России через Африку! Планете не грозит голод с тех пор, как специалисты по питанию открыли новый вид питания, запасы которого практически неисчерпаемы. Это сухопутные креветки!

Ага, вот это интересно! Дальше были показаны документальные кадры: цехи питания, работающие на полную мощь, огромные грузовые мобили, нагруженные ящиками с новым продуктом; счастливые потребители и потребительницы у своих едальников заказывают блюда из сухопутных креветок и лакомятся ими, плотоядно постанывая и закатывая глаза от восторга.

После сообщения о сухопутных креветках, почему-то так и не показанных крупным планом, ведущий предложил всем планетянам спеть Общий Гимн перед выступлением Мессии. Гимна Ланселот петь не стал и даже убавил звук. Он бездумно смотрел, как сменяют друг друга привычные кадры с толпами поющих планетян: их всегда показывали во время общего исполнения Гимна, чтобы каждый поющий у своего персоника чувствовал себя частью всей Планеты.

Ланселот хорошо сделал, что не выключил персоник: нанеся ему столько ударов подряд, капризная судьба вдруг сменила гнев на милость и поднесла подарок, который с лихвой перевесил все его беды. После Гимна он услышал из уст самого Месса, что отныне Мессия обещает исцелять всех инвалидов, увечных и больных, которые придут к нему за помощью на остров Иерусалим. "Придите ко мне, все измученные и обремененные болезнями, и я исцелю и упокою вас", — говорил Мессия, и в его прекрасных синих глазах стояли слезы.

Потом пошли волнующие кадры массового исцеления на огромном иерусалимском стадионе с Вавилонской Башней на заднем плане. Мессия, высокий, на голову выше всех сопровождающих его министров, врачей и охранников, обходил ряды инвалидов. Одних он исцелял прикосновением руки, других — одним лишь взглядом. Труднее всего Мессии давалось исцеление слепых и увечных.

Вот он подошел к молодому парню в инвалидной коляске, положил руки ему на плечи и сжал их. Забили барабаны, высоко взвывала напряженная музыка, и на экране крупным планом появилось сосредоточенное лицо Месса с выступившими на лбу каплями пота, и все жители Планеты убедились воочию, как дорого ему стоили эти чудеса. Месс выпустил парня из объятий — и все увидели ошеломленное и счастливое лицо бывшего инвалида, стоящего на своих ногах рядом с пустой коляской. Парень заплакал и покачнулся на еще нетвердых ногах. Его тут же заботливо подхватили под руки два медика в белых комбинезонах и под торжественную музыку фанфар осторожно повели в помещение под ликующими трибунами.

Потом ведущий программы новостей объявил, что на размещение и содержание прибывающих в Иерусалим паломников Мессия отдает свои личные средства, которые прежде собирался пожертвовать на восстановление Иерусалимского Храма. Узнав об этом, первые инвалиды, уже прибывшие в Иерусалим и исцеленные Мессией, отдали на восстановление Храма все свои сбережения и призвали к тому же тех, кто еще только собирается в Иерусалим. Было показано выступление этих счастливых. Один из них сказал:

— Мы надеялись на исцеление и мечтали о нем, а наш Мессия мечтает о восстановлении Храма в Иерусалиме. Мы, обездоленные, знаем, что такое МЕЧТА. И вот наша мечта исполнилась. Слава Мессу! Так давай те же теперь мы сделаем все, чтобы исполнилась МЕЧТА МЕССИИ! Мы отдали все что имели на построение Иерусалимского Храма, и мы призываем тех, кто еще только готовится к паломничеству в Иерусалим, поддержать нас. Братья по несчастью, планетяне-инвалиды! Жертвуйте на Храм, на ММ — МЕЧТУ МЕССИИ!

После него снова выступил Мессия. Он был растроган.

— Дети мои! Дорогие мои дети, которых сегодня я обрел и обнял здоровыми и счастливыми! Я благодарю вас, вы согрели мое сердце. Но я не хочу, чтобы вы жертвовали все свои деньги на мою мечту — на восстановление Храма, я просто не в состоянии этого допустить. Но и обидеть вас, отказавшись от вашего искреннего дара, я не могу. Будет достаточно, если все паломники ограничатся какой-нибудь единой для всех и, конечно, очень скромной суммой.

Потом выступил главный архитектор строящегося Храма, за ним министр здравоохранения Славичев, а после всех глава Мировой Церкви папа Апостасий Первый, и сумма была названа — сто планет.

К черту все мысли о безработице и об эвтаназии! Он двинет в Иерусалим на "Мерлине" — так выйдет дешевле, он станет на ноги, а уж потом будет планировать и устраивать свою жизнь. Двадцать шесть планет у Ланселота было на счету, оставалось раздобыть еще семьдесят четыре, ну и что-то на дорогу. Он будет теперь выходить в море каждый день, в любую погоду, и придется его спине потерпеть. Еще семьдесят четыре планеты — и вперед!

Теперь надо было встретиться с королем Артуром. Ланселот одним движением перебросил тело из постели в коляску, подъехал к большому персонику и надел обруч.

Глава 4

Приближаясь к воротам Камелота, Ланселот еще издали услышал веселый смех Артура: король забавлялся — играл в мяч с фантомными мальчиками-герольдами. Этот довольно тяжелый мяч сшит был из позолоченной кожи и набит песком, и был он вовсе не игрушкой, а воинским снарядом для укрепления мышц рук и плеч.

Мост оказался приподнятым примерно на высоту человеческого роста, и, стоя в его тени, Ланселот мог наблюдать за игрой, оставаясь невидимым. Герольды старались поймать мяч, обходя и отталкивая друг друга; они были неуклюжими и очень забавными, и ничего удивительного, что король то и дело заливался хохотом. Поймав мяч, они тут же бросали его королю обратно, но чаще бестолково роняли вниз, а король его подхватывал и снова забрасывал на башню. Но вот король особенно сильно размахнулся, мяч перелетел через головы герольдов и упал где-то во дворе замка. Король побежал за ним в ворота.

Ланселот не стал дожидаться, пока тот вернется и впустит его в замок: он разбежался, подпрыгнул и ухватился руками за край моста, подтянулся на руках, забросил ногу и вскарабкался на мост. Герольды тот-час протянули к нему руки: обнаружив у ворот человека, они и не подумали его приветствовать, не вспомнили про свои трубы, а ждали, что он бросит им мяч. Ланселот усмехнулся, пошарил глазами на земле, нашел у стены булыжник и забросил его герольдам. Один из них поймал округлую каменюку, и они оба склонились над ней, пытаясь понять, что же такое случилось с их мячиком?

Ланселот прошел сквозь ворота и увидел, что король сидит на краю старого колодца, наклонившись к воде: похоже, мяч угодил прямо в колодец. Ланселот подошел неслышным шагом и стал за спиной Артура.

Посреди заполненного мутной зацветшей водой колодца на большом листе кувшинки сидела крупная, неестественно зеленая лягушка с маленькой золотой коронкой на голове. В перепончатых лапах лягушка держала золотой мяч. "Артур играет в какую-то сказку", — решил Ланселот.

Почувствовав его взгляд, король оглянулся.

— А, это ты Ланс! Хорошо, что ты пришел. Понимаешь, какая штука, мне, кажется, удалось вызвать персону! — Вот этот лягух в короне — персона? — Он говорящий!

— Да ну? Послушаем, что же он говорит, — и Ланселот положил руку на плечо короля. — Сейчас услышишь.

Лягух сидел на листе, чуть подкидывая мяч.

— Лягушонок, лягушонок, верни мне мой золотой мяч! — попросил Артур.

— Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня, — с квакающим акцентом проговорил наглый лягух.

— Да нет, король, ты ошибся! Это все-таки фантом, и он случайно попал в нашу Реальность! — рассмеялся Ланселот. — Ты же слышишь, он называет тебя "девой", как в той сказке, откуда он сбежал. Я знаю эту сказку.

— А мне почему-то думается, что это персона! Отдай мне мой мяч, лягушонок! — повторил Артур.

— Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня, — бормотал лягух, продолжая мерно подкидывать мяч.

— Ну какая же это персона! — засмеялся Ланселот. — Безмозглый фантомчик запрограммированный на старинную сказку о принцессе с золотым мячом. Принцесса уронила в колодец золотой мячик, а лягушонок выловил его и пообещал ей вернуть, если принцесса даст слово исполнять все его желания. Она несет его во дворец, сажает с собой за стол, кормит, несет в свою спальню. Но когда лягушонок обнаглел и потребовал, чтобы она взяла его с собой в постель, разгневанная принцессахватила его об стенку. — И убила?

— Нет. Лягушонок успел превратиться в прекрасного принца.

— Какие перспективы открываются! Лягушонок, лягушонок, кто бы ты ни был, отдай мне мой золотой мяч!

— Дева, я верну тебе твой золотой мяч, если ты в награду поцелуешь меня. — Хорошо, я поцелую тебя. Плыви сюда! Фантом подплыл на своем листе поближе и потребовал: — Наклонись ко мне, дева!

Король наклонился. Зеленый лист вместе с лягушкой и мячом взлетел в воздух, и под ним оказалась серая змеиная голова на желтовато-белой шее толщиной с хорошее бревно.

— О, легковерная дева! Я сам тебя сейчас поцелую! — прошипел змей и ринулся к королю, распахнув пасть с двумя торчащими вперед длинными зубами.

Если бы Ланселот начал оттаскивать короля или доставать из ножен меч, чтобы бороться со змеем, он бы опоздал; но сэра Ланселот поступил единственно правильным образом — он просто сдернул с головы Артура корону. В тот же миг король исчез, а змей с размаха врезался пастью в каменную стенку колодца. Один из его страшных зубов отломился и отлетел в сторону, а из оставшегося в пасти пенька брызнула оранжевая жидкость. Только тогда Ланселот выхватил меч и попытался отсечь змеиную голову. Но чудовище успело дернуться в

сторону, и Ланселот лишь слегка задел его мечом. "Мы еще встретимс-с-ся!" — прошипел змей, бешено мерцая радужными глазами, и с плеском погрузился в воду. Ланселот осторожно заглянул в колодец. Вода была мутной, и разглядеть что-либо в глубине было невозможно. Потом булькнуло и на поверхность вынырнул золотой шар. Ни лягушонок, ни змей больше не появились, и Ланселот мечом осторожно подогнал мяч к стене колодца и выудил его из воды. Мяч покотился, виляя на булыжниках, а потом замер, остановленный ногой короля: Артур уже успел снова появиться, но на этот раз в десяти шагах от колодца. — Кто это был, Ланс?

— Ты оказался прав, Артур, это была персона. Чудовище успело улизнуть, я только задел его мечом, — ответил Ланселот, разглядывая валявшийся на камнях желтоватый полый зуб.

— Жаль, что ты спугнул его. Мне бы хотелось знать, чем это могло кончиться.

— Змей утащил бы тебя на дно колодца и там слопал, вот чем это могло кончиться.

— Но ведь не сожрал бы он меня по-настоящему, сэр Ланселот! Я никогда не слышал, чтобы кто-то реально погиб в Реальности!

— Да? А ты где-нибудь встречал статистику на этот счет? Знаешь, друг король, я не так храбр, как ты. Я не пожалею денег и сегодня же закажу крепкую крышку на этот колодец. А еще лучше — совсем его уберу.

— Ну вот... Только появилось что-то по-настоящему интересное, как ты хочешь все испортить, сэр Ланселот! Ты просто позавидовал, что мне удалось вызвать настоящую персону, вот что я тебе скажу! — король сел на каменную стенку колодца и низко наклонился, пытаясь разглядеть что-нибудь в глубине. Вода все еще плескалась о каменные стенки.

Ланселот только вздохнул. Сегодня ему совсем не хотелось ни ссориться, ни спорить с Артуром. Он подцепил мечом валявшийся на камнях зуб и ловко забросил его в колодец.

— Зачем, сэр Ланселот? Я сохранил бы его на память, ведь мне впервые удалось вызвать персону!

— Я думаю, это ядовитый зуб, Артур, и к нему нельзя прикасаться. — У тебя все нельзя, сэр Зануда!

— Пойдемка в донжон, друг король! Мне надо поговорить с тобой, ведь я пришел с новостями. — А у тебя хорошие новости или плохие? — Новости у меня разные.

Они поднялись в пиршественный зал и сели на привычных местах у камина. Ланселот помолчал, а потом начал, но не с новостей.

— Послушай-ка, друг король, мне пришла в голову одна мысль. А не попытаться ли нам снова пригласить Сандру через Банк-Реаль? — Через Банк-Реаль?

— Ну да! Как она впервые пришла к нам когда-то по вызову, так и теперь может к нам вернуться по новому вызову.

— Ты думаешь, она согласится снова войти в нашу Реальность? Мы ведь ее так обидали. — Ничем мы ее не обидали.

— Ну как же! Она попросила у нас денег на дорогу к своей больной бабушке, а мы начали ей плести, что это, мол, не принято — помогать друг другу не в Реальности, а в жизни. На самом

деле мы не захотели признаться, что у нас просто нет таких денег.

— Обыкновенное недоразумение. Сандра умная женщина, и она поймет нас, если мы ей расскажем, что когда она так и не вернулась и все начали обвинять в этом друг друга, только тогда и выяснилось, что в нашей Реальности собрались люди, у которых и на саму-то Реальность едва хватало денег.

— Если бы она сейчас объявилась, я бы сразу же попросил у нее прощенья, и думаю, корона бы с меня от этого не свалилась.

— Определенно не свалилась бы. Вот и давай разыщем Сандру. Что нам мешает хотя бы попытаться снова вызвать ее через Банк-Реаль в роли декоратора? — А ты помнишь ее полное имя, Ланс?

— Помню. Ее звали Кассандра Саккос. Был такой знаменитый спасатель во время Катастрофы Илиас Саккос, возможно, ее родственник. Мой отец работал под его началом и погиб вместе с ним в Греции, вот я и запомнил фамилию Сандры.

— Чудно! Ланс, у меня как раз есть немного денег, и я могу сделать этот вызов прямо сейчас. — Тогда валяй, друг король! — Жди меня, Ланс!

Сдернув корону-обруч, король исчез. Ланселот нетерпеливо ждал его, поглаживая голову Дианы, лежащую у него на коленях. Он волновался: после столкновения с монстром из колодца он совсем не хотел оставлять Артура одного в Камелоте, другое дело — вдвоем с Сандрой.

Король Артур скоро вернулся, и теперь они уже оба сидели и ждали, что вот-вот, как когда-то давным-давно, откроется дверь и в пиршественный зал войдет умница и красавица Сандра Саккос. Но ждали они напрасно. Послышался сигнал, и король снова отправился к персоннику. На этот раз он вернулся сразу и крайне огорченный: пришло сообщение из Банк-Реаля о том, что Кассандра Саккос уже больше двух лет находится в обеспеченном отпуске. Их спросили, не хотят ли они вызвать другого декоратора, но Артур снял заказ.

— Вот так... — развел руками Ланселот. — Не знаю, что еще можно придумать, чтобы найти ее. Да, друг король, как жаль, что мы не знаем персонального кода Сандры! Вызвали бы ее, попросили прощенья, и все наладилось бы в нашем королевстве. Надо по крайней мере нам с тобой обменяться кодами. — Это еще зачем?

— На всякий случай. Да и вообще мы с тобой в последнее время не столько играем в рыцарские приключения, сколько беседуем о том о сем. С таким же успехом этим можно заниматься через персоник, и это гораздо дешевле, чем выход в Реальность. Получается, что мы, два дурака, платим такие большие деньги за декорации к нашим беседам. Давай обменяемся кодами. — Нет! Это исключено!

— Почему, Артур? Тебе так жаль расстаться с Камелотом?

— Нельзя смешивать реальную жизнь с бытовой, сэръ Ланселот Озерный!

— Да кто тебе это сказал? Правила Реальности совсем не запрещают личного общения участников.

— Там сказано, что оно не рекомендуется. Не уговаривай меня, Ланс, я на это не пойду!

— Послушай-ка, твое величество, я догадываюсь, что у тебя есть причины не желать личного

общения. Но, между прочим, не у тебя одного. Но давай взглянем на проблему с другой стороны: если бы у нас был код Сандры, мы бы ее не потеряли. Дорогой мой король, я совсем не хочу когда-нибудь вот так же потерять и тебя — по глупости или по недоразумению.

— Если я скажу тебе мой код, это как раз и случится.

— Крепко же ты веришь в мою дружбу, друг-король! И это после стольких-то лет?

— Это были годы, проведенные в Реальности. Ты ведь не знаешь, Ланс, что я за человек на самом деле, как я, например, выгляжу.

— А какое мне дело до того, как ты выглядишь? Мы за эти годы через рыцарскую сказку стали настоящими, а вовсе не реальными друзьями, а разве имеет значение внешность друга? Я не древнего короля бриттов в тебе уважаю и люблю, а того человека, который исполняет роль короля Артура. Наплевать мне, есть у тебя корона на голове или нет — мне важно то, что у тебя в голове находится. Я знаю, что ты, может быть, прости, не слишком умен и образован, но зато честен во всех своих помыслах...

— А вот как раз и нет! — перебил его Артур. — Я лгу, я все время лгу тем, кого я люблю! И здесь, в Камелоте, и у себя дома...

— Только честный человек способен так о себе сказать, — заметил Ланселот. — Я совсем не тот, за кого себя выдаю!

— А я в этом уверен, — засмеялся Ланселот. — Разумеется, ты не король Артур и даже не его потомок: тебя давным-давно разоблачил волшебник Мерлин, а уж он-то знает! Артур, неужели ты думаешь, для меня имеет значение, из какой ты семьи, сколько тебе лет, какого цвета твоя кожа и как ты выглядишь?

— Ланс, если бы ты знал... Но давай оставим этот разговор, прошу тебя!

— Как скажешь, король. Хочу только заметить, что как раз у меня всегда были причины не желать, чтобы ты или кто-то из наших рыцарей, а уж тем более прекрасных дам, увидел меня: я калека, инвалид и всю жизнь провел в инвалидной коляске. Но я не боюсь показаться тебе таким, какой я есть. Поэтому запиши-ка мой код: СКМ 14.09.40. Мое настоящее имя Ларе Кристенсен. Я надеюсь, ты все-таки передумаешь... — И не подумаю передумывать.

— Ладно, упрямое твое величество, я больше не настаиваю. Но код мой ты на всякий случай запиши. — Я запомню.

— Врешь, король! Вот, смотри, я тебе на стене пишу, — и Ланселот острием кинжала нацарапал свой код на стене между двумя гобеленами. Артур подчеркнуто отвернулся. Ладно, подумал Ланселот, надпись-то все равно останется.

— А теперь, друг-король, я должен сказать тебе еще одну вещь: я собираюсь отправиться в паломничество в Иерусалим. — Я с тобой! — Это невозможно.

— Ты не хочешь взять меня в это новое приключение? — Это не приключение.

— Неужели ты на самом деле отправляешься в Иерусалим? — Да.

— Паломничество в Иерусалим! Как я тебе завидую, сэр Ланселот! Ты увидишь вблизи Вавилонскую Башню, восьмое чудо света, и своими глазами увидишь, как строится девятое —

Иерусалимский Храм. А вдруг ты там встретишь самого Месса? Говорят, он ходит по улицам Вечного города совершенно свободно, даже без охраны, — король пытался изобразить восторг, но голос его дрожал. — Но ты ведь ненадолго отправляешься туда, Ланс? Ты скоро вернешься? Сколько дней тебя не будет? Когда ты собираешься лететь?

— В конце лета. И я не полечу, а пойду морем. Думаю, это будет довольно долгое паломничество. И вот что еще, король: выходить в Реальность я больше не смогу. Я должен проститься с Камелотом. — Почему?

— Потому что вместо этого я буду каждый день выходить в море ловить рыбу.

— А разве ты не можешь это делать здесь? Какая тебе разница, в какую воду забрасывать удочку — в реальную или настоящую?

— Большая разница, друг король. Мне нужна настоящая рыба, и не удочкой я ее ловлю, а сетями. — Ого! А зачем тебе так много рыбы?

— Чтобы продать ее. Я рыбак, и этим живу. А теперь мне нужны деньги на паломничество, — и Ланселот поторопился закончить разговор. — Захочешь меня увидеть — мой код у тебя есть.

— Подожди, сэра Ланселот! Пожалуйста, не уходи, Ланс!

— Ищи меня по персональному коду, король, — и Ланселот снял обруч с головы. Он тут же вызвал Банк-Реаль и, не объясняя причины, закрыл свой договор по использованию Реальности.

Глава 5

Путина подходила к концу, стада лосося редели, и Ланселот решил, что пора ему реализовать свой улов. На этот раз он собирался продать рыбу в Осло. Он погрузил контейнеры с засоленным лососем в трюм "Мерлина" и отправился в Осло-фьорд.

Бывшая столица Норвегии Осло была перенаселена, и возле наскоро сооруженных длинных причалов в несколько рядов стояли на якорях бывшие военные корабли, приспособленные под жилища для бедноты. Но не было во фьорде той деловитой толкотни рыбацких судов и суденышек, которую он помнил по давним поездкам в Осло с отцом. Что ж, подумал Ланселот, значит, у него будет меньше конкурентов на рыбном рынке, и он сумеет хорошо продать свой улов.

Ланселот пришвартовал катамаран, выкинул трап и съехал по нему на причал. К нему тут же подошел дежуривший на причале полицейский и достал из висевшей на плече сумки считывающее устройство.

— Ваш персональный код, — потребовал он, не здороваясь.

Ланселот протянул полицейскому правую руку, и тот коснулся аппаратом его большого пальца. — Вы не житель Осло?

— Нет. Я живу в Тронхейме-фьорде. В Осло я пришел, чтобы продать лососину.

— Почему же вы не сдали ее в Центр питания в Тронхейме? У вас есть договор с Центром?

— Есть договор, и я много лет сдавал им креветки и рыбу. Но наш Центр питания снизил

расценки, а мне нужны деньги. Разве я не могу продать свою рыбу на рынке в Осло?

— Если вы уже сдали свою норму рыбы в Центр питания, то какую-то часть улова имеете право продать на рынке. В свободном мире, как известно, молодой человек, раз решена свободная торговля. Сейчас проверим ваши отношения с Центром в Тронхейме. Так... Договор, действительно, у вас есть, но вы уже два месяца ничего в Центр питания не сдавали. По какой такой причине?

— Я же сказал, они понизили расценки: сначала на креветки, а потом и на рыбу.

Полицейский нахмурился и перешел на ты.

— А ты кто такой, чтобы критиковать политику цен и саботировать решения мирового правительства? Понизили расценки, значит, так надо для благоденствия планетян! Мы живем в правовом сообществе: если Министерство питания назначило цены, по которым ты должен сдавать улов — вот и сдавай, соблюдай свои права! Тогда и тебе пойдут навстречу — разрешат часть улова продать на свободном рынке. Но только в Тронхейме, а не в Осло! Мы тут своих рыбаков отлавливать не успеваем, так и норвят толкнуть рыбешку в обход Центра питания. Полицейский поиграл кнопками и уставился на экран персоника.

— Тут сказано, что ты одинокий инвалид, сирота значит, а сироту обижать Бог не велит. Поэтому я сейчас вызову коллегу с соседнего причала, мы обыщем твой ката маран, и если у тебя нет контрабанды, мы, так и быть, тебя отпустим.

Появился второй полицейский. Вдвоем они запрыгнули на катамаран, обшарили каюту и трюм, а потом начали выгружать контейнеры с рыбой на причал. Ланселот подумал, что полицейские смягчились и решили помочь ему поднять на причал тяжелые контейнеры, чтобы он мог отвезти их на рынок. Но, выгрузив всю его рыбу, полицейские велели ему убираться из Осло-фьорда и больше тут не показываться.

— А рыбу твою мы конфискуем, поскольку ты ее привез с целью спекуляции. Даем тебе пятнадцать минут на то, чтобы отчалить и взять курс на выход из Осло-фьорда. Ты все понял, парень? — Да. Я понял, с кем имею дело. — Четверть часа! Успеешь?

— Успею, — ответил Ларе и, наклонившись, сдернул с кнехта причальный канат. Полицейские стояли и с угрозой смотрели на Ланселота до тех пор, пока он не отчалил.

Он вышел из Осло-фьорда и пошел к своему острову на предельной скорости, не жалея ни мотора, ни батарейки, ни себя. В Тронхеймс-фьорд он вошел, когда вечерняя заря уже окрасила горизонт. Состояние было хуже некуда, ныла спина и грызла обида: его ограбили на двухнедельный улов, а лосось уже прошел дальше на север.

Невероятная встреча состоялась почти возле самого дома. Ланселот уже входил в свой заливчик, как вдруг в борт катамарана что-то тяжело ударило. Топляк, подумал он и схватил багор, чтобы взять бревно на буксир — ему всегда нужны были дрова для коптильни. Багор его и спас. Когда над бортом катамарана поднялась серая змеиная голова с горящими радужными глазами, Ланселот на миг остолбенел. На него уставились глаза с узкими вертикальными зрачка-ми, пасть слегка приоткрылась, и из нее раздалось внятное: "Вот и встретились-с-с-сь, с-с-сэр Ланс-с-селот!". С головы змея нелепо и жутко свисал помятый лист кувшинки с распластанной на нем дохлой лягушкой; золотая коронка все еще сверкала на ее плоской голове. Змей не успел до конца развернуть пасть с одним торчащим зубом, как Ланселот отвел багор, размахнулся и всадил его прямо в середину радужного глаза. Чудовище дернуло головой, вырвало багор у него из рук и забилось в воде.

Ланселот сразу же бросился к штурвалу и отвел катамаран подальше, а уже после издали наблюдал, как бьются в бурлящей воде белесые петли змеиного тела. "Да кто ж ты такой есть, — думал он, — и как это ты сумел перескочить сюда из Реальности?"

Но вот змей бессильно вытянулся на поднятых им волнах, полностью перегородив вход в заливчик, и тогда только Ланселот отважился подойти к нему ближе. Змей был несомненно мертв, его желтовато-белое тело беспомощно колыхалось на воде. Выждав еще немного, Ланселот решил оттащить его подальше в море. Он отыскал в каюте тонкую капроновую веревку и самым тихим ходом подошел к змею. Застрявший в глазу чудовища багор покачивался над водой, Ланселот накинул на него лассо, закрепил конец на корме и потащил змея на середину фьорда. Он отошел на добрый километр от своего острова, с опаской оглядываясь на волочившееся за кормой светлое тело, но змей не подавал признаков жизни. Осмелев, Ланселот подтащил его к борту, достал длинный разделочный нож и стал отделять голову монстра от шеи. В гостиной писательского дома висел уже один охотничий трофей, добытый некогда писателем, — огромная лосиная голова с полутораметровыми разлапистыми рогами, и Ланселот решил добавить к ней свой трофей. Сначала ему никак не удавалось проткнуть чешуйчатую кожу, но потом, когда нож проник между чешуями, она вдруг стала легко поддаваться стальному лезвию, и на шее змея разошлась широкая щель. Внутри тело змея было пустым, плоти в нем не было никакой, а когда Ланселот расширил надрез и заглянул в него, он увидел металлическую кольчатую трубку, вдоль которой тянулись разноцветные провода. Ланселот раскачал багор и вырвал его из пораженного глаза: из глазницы в воду посыпались осколки радужного пластика и несколько мелких цветных деталей; из дыры остались торчать обрывки проводов. Другой глаз оставался блестящим и радужным, но изнутри он уже не светился. Через разрез на шее и пустую глазницу тело змея начало быстро наполняться водой и тонуть вместе с громадной головой, которую Ланселот так и не сумел отделить от туловища. Да ему уже и не нужен был этот трофей: монстр-мутант был страшен, но искусственный монстр вызывал отвращение. "Все! Больше никаких Реальностей!" — подумал он, провожая глазами опускающееся в глубину рукотворное чудовище, похожее на длинное серое бревно.

Ланселот вернулся домой промерзший, усталый и злой, как разбуженный зимой медведь. Он переоделся, лег и был уверен, что мгновенно уснет, но — не получилось. Одолеваемый мыслями, он ворочался на кровати, и сон его не брал. Что-то опасное непонятное происходит в их Реальности, он обязательно сообщит об этом случае Банк-Реаль. Но как предупредить короля Артура? Наконец он решил, что завтра снова внесет деньги за пользование Реальностью — на самый короткий срок, какой только возможен по правилам Банк-Реаля, вернется в Старый замок и потребует от короля, чтобы он тоже покинул Камелот. С этим Ланселот и уснул.

Утром он услышал сквозь сон сигнал персоника. "Не дай Месс, еще какая-нибудь официальная пакость", — подумал он спросонья. Он поднялся на кровати, накинул халат и перекинул тело в коляску. Подкатил к персоннику, включил прием и стал ждать. Когда через пару секунд экран засветился, он увидел на нем незнакомого подростка в зеленом пластиковом костюме и зеленой вязаной шапочке. Подросток глядел на него исподлобья и почему-то очень сердито. Ошибка, подумал Ланселот и хотел уже отключиться, но не успел.

— Вы Ларе Кристенсен, именуемый так же Ланселотом Озерным? — Да, это я.

— Здравствуй, Ланс, — сказал подросток и стащил с головы зеленую шапочку, высвободив при этом целую копну рыжих кудрей. Перед Ланселотом на экране была очень юная девушка, скорее даже девочка. Она откнулась лицом в свою шапочку и прорыдала сквозь нее:

— Сэр Ланселот Озерный! Как ты посмел исчезнуть, не простившись со мной?

— Простите, а вы кто? — спросил Ланселот, еще не совсем проснувшись и не пони мая, кто перед ним.

— Я... Я король Артур. Но ты не отключайся, ты выслушай меня сначала!

Ланселот и не думал отключаться. То есть он отключился, но совсем по-другому: он так хохотал, что чуть не вывалился из коляски. Король Артур, основатель рыцарской Реальности — смешная и сердитая девчонка-подросток! От смеха он не мог выговорить ни слова. Несколько раз он вытирал слезы, поднимал глаза на экран и открывал рот, чтобы начать говорить, но, видя красное лицо с зареванными глазами, зеленую шапочку с помпоном, который девчонка от смущения и злости закусил зубами и не догадывалась выпустить, он снова ронял голову на руки и хохотал. Обиженный король Артур всхлипнул в последний раз, сердито махнул на Ланселота своей шапочкой и исчез с экрана. Связь прервалась, экран потух.

Ланселот вытер слезы и покатил в душевую. Задыхаясь под ледяным душем, растираясь после грубым холщовым полотенцем, он продолжал похохатывать. Пересев из мокрой коляски в сухую, он прямо в халате отправился на кухню готовить себе завтрак.

Пока что безработный инвалид питался совсем неплохо. Некоторые продукты Ланселот брал в обмен на креветки и рыбу прямо в Центре питания, другие покупал на рынке, а что-то ухитрялся выращивать на доставшемся от матушки огороде. С прошлого лета у него еще оставалось несколько банок варенья, морошка, сухие и соленые грибы, сушеные приправы, а главное лук и чеснок — роскошь по нынешним временам. Большинство планетян даже в сравнительно благополучной Скандинавии получало бесплатную пищу, поступающую в дома по трубам, и эта готовая еда в пластиковых контейнерах была так же похожа на пищу, как пластиковые литые костюмы на нормальную людскую одежду.

В честь нового знакомства с королем Ланселот решил себя побаловать и вместо привычной овсянки испек себе два больших блина и к ним нарезал немного семги. Пока грелся чайник, он съездил в кладовку и насыпал себе мисочку моченой морошки, которую очень любил и бережно расходовал: малину он сам собирал по обочинам лесных дорог, а вот морошка на болотах была ему недоступна, ее приходилось покупать на рынке. Завтрак у него получился праздничный.

Покончив с посудой, Ланселот взял книгу и пристроился с нею возле персоника, ожидая нового вызова и посмеиваясь над раскрытой тайной короля Артура. Ланселот дал себе слово больше не смеяться, если король выйдет на связь, — а он был уверен, что тот обязательно снова появится.

Вызов прозвучал где-то к полудню, и он снова увидел на экране "короля Артура", но теперь девушка уже не плакала. Она сняла безобразный пластиковый костюм и нарядилась в темно-зеленое платье, с виду бархатное, а на рыжих кудрях у нее красовался зеленый шелковый шарф. Теперь ей было на вид лет шестнадцать, а может, даже и все семнадцать. Но когда Ланселот сообразил, что в момент основания Камелота этой пигалице было не больше четырнадцати, смех из него так и брызнул, а потом перешел в кашель.

— Ну и чего это вы так надрыгаетесь, сэр Ланселот Озерный? Горло бы поберегли... — голос у короля был девически нежный, а тон — дерзкий.

— Простите меня, ваше величество, но ведь нет же никакой возможности удержаться!

— По-вашему, выходит, что свободная планетянка не имеет права выходить в Реальность в удобном ей виде? — а теперь в ее голосе прозвучал даже оттенок склочности.

— Ваше величество, не волнуйтесь и не задирайтесь! — А вы — не смейтесь!

— Но, согласитесь, разве не потешно, что за круглый стол Камелота рыцарей собрала девчонка? И я просто восхищен тем, как ловко и как долго вы морочили всем нам голову.

— Восхищайтесь сколько угодно, но прекратите этот глумливый смех!

— Ваше величество, это смех не глумливый — это горький смех, ведь я над собой смеюсь, над своей слепотой! Ну полно, полно, престань сердиться, королек. Разве можно так гневаться на старого друга?

— Какие мы друзья? Мы теперь вроде даже и не знакомы...

— Вот те раз! Это звучит оскорбительно, король, особенно через неделю после того, как я спас твое величество от свирепого мутанта.

— Не мутанта, а персоны! Мне наконец-то удалось вызвать персону, даже двух, а ты, как всегда, вмешался со своим здравым смыслом и все испортил.

— Хорошо, хорошо, персоны, не будем спорить. А между прочим, лягух-то этот поганый все время называл тебя "девой"! Что бы мне тогда обратить на это внимание?

— Ты и обратил. Только вывод по своему обыкновению сделал неправильный: ты сказал, что это персонаж из чужой сказки, а лягушонок-то оказался провидцем!

— Сволочью он оказался, а не провидцем: эта дрянь приманивала добычу для змея. Я потом тебе кое-что расскажу про эту парочку, если только это два персонажа, а не один. Но я страшно рад, что ты появился... то есть появилась на экране моего персоника. Я собирался сегодня возобновить свой договор и выйти в Реальность, чтобы поговорить с тобой. — Нет, Ланс! — скорбно покачал рыжей

головой король Артур. — Теперь у нас ничего не получится, даже если ты и вернешься в Реальность. Пропал Камелот! И мне так жаль нашей трехлетней дружбы...

— Камелот Камелотом, а дружба дружбой. Не я ли предлагал тебе перенести нашу дружбу из Реальности в настоящую жизнь? Что для тебя важнее — общение со мной или игра в рыцарей?

— Ну... Как бы это сказать... В общем, конечно, можно считать, что все-таки, наверное, ты. — Ну а я — вот он, весь тут.

Ланселот отъехал от экрана, чтобы девушка могла увидеть его целиком — в инвалидной коляске, с не ходячими ногами, накрытыми пледом. Она так долго и пристально разглядывала его, что Ланселот даже немного смутился, а потом сказала:

— В Камелоте ты был старше, но в жизни ты кажешься умнее. — А там я что, дураком был?

— Ну не совсем дураком, скорее не по годам восторженным — стишки, цветочки, белочки, девочки...

— Ах ты, паршивая девчонка!.. — начал было Ланселот, но от возмущения поперхнулся и снова закашлялся.

Терпеливо переждав его кашель, девушка невинно спросила:

— Вы что-то хотели добавить, сэр Ланселот Озерный?

— Я?.. Ах, да, конечно! Я хотел сказать, что ты симпатичная девушка, однако и король Артур был очень даже недурен собой! У него была такая ухоженная борода, я всегда тебе немного завидовал. — Издеваешься? — Нет, шучу.

— Но теперь-то ты понимаешь, Ланселот, почему я не хотела выходить на личную связь?

— Вижу и понимаю. Но ведь и ты видишь, что я так же гожусь в рыцари, как ты в короли.

— Брось, Ланс, или как там тебя, Ларе, кажется? — Ларе Кристенсен.

— Какие похожие имена — Ларе и Ланс, всего лишь одна буква не совпадает.

— Тем не менее, это только случайное совпадение. Можешь продолжать меня звать Лансом. А как тебя зовут и где ты обитаешь?

— Зовут Дженнифер Макферсон, можно просто Дженни, а живу я в Шотландии.

— Разве еще существует Шотландия, Дженни? Я считал, что есть только бывшая Англия.

— Для нас, шотландцев, Шотландия была и есть. Мы, видишь ли, патриоты. Это от прежней Англии не осталось ни клочка суши, она вся обитает на своих "Титаниках". Зато в Шотландии не только горные вершины, но даже некоторые острова уцелели. Моя семья веками живет на таком острове, он называется остров Иона. Наши христиане говорят, что остров хранит святой пророк Иона. — Где это? — На юге Гебридских островов.

— И у вас там до сих пор водятся христиане?

— Встречаются. У меня няня была христианка. А ты где живешь, Ланс?

— На острове в Тронхейме-фьорде, это бывшая Норвегия.

— Теперь почти все живут на островах. Можно сказать, что вся наша Планета — один большой архипелаг.

— Интересное замечание, Дженни. Только не забывай, что Планетой мы зовем наше сообщество, объединенное Мессией. На самом деле наша планета — это планета Земля.

— А мировое сообщество объединяет далеко не весь мир, — задумчиво сказала Дженни.

— Да, это всего лишь громкие названия. Наверное, после Катастрофы люди таким образом самоутверждались и утешались.

— Наверняка так оно и было. А почему ты тоже живешь на острове, разве Скандинавия не уцелела?

— Уцелела. Но мой остров тоже всегда был островком в Тронхейме-фьорде. На нем когда-то жил знаменитый норвежский писатель, потом много лет обитала только наша семья, а теперь живу я один. — Как — один? Как же ты... — Справляюсь потихоньку. — Но ведь ты... — Дженни снова замялась.

— Инвалид? Давай отныне, твое величество, называть все вещи своими именами. Идет? — Идет, сэра Ланселот!

— А справляюсь я по принципу: изо всех сил старайся сделать то, что должен делать, и хоть что-нибудь обязательно сделаешь.

— Мне нравятся твои принципы, Ланс! И знаешь, это так здорово — иметь друга, которому можно сказать все. Мне все время было неловко, что я вас всех немного обманываю... — Ничего себе немного!

— Ты не смейся, а лучше расскажи мне еще что-нибудь про себя, про свой остров. Норвегия теперь очень плотно заселена, верно? Как же это никто не пытался потеснить тебя после Катастрофы? Ведь столько людей хлынуло тогда из Европы в Скандинавию.

— Мой остров — это просто большой гранитный камень в воде. — Один камень и никакой земли?

— Земли на нем с носовой платок, на котором едва помещаются дом, небольшой сад и огород. А главное — никаких коммуникаций, кроме электролинии, вот никто и не соблазнился. Проводить сюда трубы для подачи еды, одежды и лекарств было бы очень дорого.

— Холодное голубое море, серый каменный остров с маленькой хижинкой, возле берега лодка. И все время кричат чайки...

— Э, нет! У меня не лодка, а катамаран, который ходит на батарейках Тэсла. С одной лодкой на острове не проживешь. Да и хижина у меня вполне приличная: это двухэтажный дом, принадлежавший Известному Писателю. Он был гордостью норвежской литературы, пока норвежцы еще читали книги. Мой отец и я были смотрителями этого дома-музея. Теперь музей ликвидировали, и я официально стал безработным. Но я с детства умею ловить рыбу и креветок, так что меня кормит море.

— Здорово! А какие книги писал этот ваш писатель?

— Самая известная из них называется "Маленький Лорд".

— Это книга про маленького лорда Фаунтлероя? Я ее читала, она у меня есть.

— Дженнифер Макферсон! Ты читаешь настоящие книги?

— Читаю. Тайком, конечно. В моей семье такие вещи не одобряются. — Откуда же у тебя книги?

— Случайно нашла. У нас есть чердак, куда почти никто не заглядывает, и я любила в детстве там пошарить. Вот и дошарилась как-то до сундучка с книгами. Я их по одной таскала к себе в комнату и читала. — Ай да король!

— Правда, это все были детские книжки. Но знаешь, Ланс, что оказалось, когда я стала их сравнивать с книгами из Всемирной библиотеки?

— Знаю. Старинные книги для детей оказались серьезнее, чем современные книги для взрослых.

— Точно! У меня есть детская энциклопедия, это моя любимая книга, есть старинный учебник

географии, сказки Джорджа Макдональда и сборник народных сказок со всей Британии.

— А взрослых книг на твоём чердаке не нашлось?

— Кое-что есть. Я нашла несколько Библий и целый ящик с мамиными медицинскими книгами: она когда-то хотела стать врачом, но потом вышла замуж. Но они все скучные, и я не стала их читать. А детские книжки я и сейчас перечитываю. Только вот книжка про маленького лорда у меня без обложки, и я до сих пор не знала ее автора.

— Это не та книга, Дженни. Роман, который написал наш Известный Писатель, это жестокая книга для взрослых, а Маленький Лорд — прозвище героя. Но ты меня удивила! Сейчас редко встретишь человека, который читает настоящие книги. Когда мы создавали нашу Реальность, твое величество не ведало даже, что короля Артура звали Бешеным медведем.

— Откуда же мне было ведать, мне тогда и четырнадцати лет не было! Я про короля Артура впервые прочла во Всемирной библиотеке. Книга называлась "Смерть Артура", и в ней было пять страниц. Все остальное о нем я узнала уже потом, в Камелоте.

Так они беседовали, пока Ланселот не сказал, что ему пора отправляться на лов.

— Боюсь, пока мы с тобой тут беседовали, мои креветки угостились бесплатно и разбрелись по своим делам, а я не могу себе позволить такой благотворительности. Так что извини, Дженни, но сейчас я должен выйти в фьорд, поднять ловушки и разложить новые приманки. Давай-ка твой код, королек! На этот раз Дженни не спорила.

Глава 6

Путина лосося закончилась, остались только креветки. Но во время путины охотиться на лосося из Европейского моря пришли стаи хищников-мутантов; лосось ушел, и большинство мутантов мигрировало за ним, но отдельные твари остались в Норвежском море и засели в фьордах. Ланселот не выходил теперь в море без отцовского ружья. Мутанты изрядно ему досаждали: они распугивали рыбу, подбирали всю живность в фьорде и даже крали приманки из ловушек, и он отстреливал тех, что попадались ему на глаза. Креветок становилось все меньше, и Ланселоту приходилось копить улов, чтобы продать на рыбном рынке пару ящиков замороженных креветок.

Возвращаясь с моря, он складывал улов в морозильную камеру, завтракал и вызывал Дженни — она вставала намного позже. Он желал ей доброго утра, рассказывал о лове, а потом они просто беседовали.

Дженни рассказала Ланселоту о своей семье. Как он понял, в семье Макферсонов перепутались родовые традиции и планетные обычаи. Имея право носить любую одежду, дома все носили планетную форму; по праздникам и в дни семейных встреч готовили натуральную пищу и ели ее в общей столовой, но в обычные дни питались по своим комнатам едой из общепланетной сети; жили в одном доме, но общались между собой мало, проводя время по своим комнатам у персоников. Все мужчины в роду Макферсонов по семейной традиции были военными, отец и четыре старших брата Дженни служили где-то на границе с Россией. Сами они редко бывали дома, а их жены, невыносимо скучные и унылые, сутками торчали в любовных сериалах Банк-Реаля. Заправляла домом мать. Она следила за тем, чтобы в доме был порядок и соблюдались приличия, но большую часть жизни тоже проводила у персоника. Обязанности слуг выполняли списанные из клон-армии покалеченные клоны, которых братья наташили полный дом, скупив по дешевке. Дженни целыми днями было не с кем

перемолвиться словом, но зато она была свободна и могла заниматься чем угодно — в пределах поместья. Впереди ее ждало традиционное замужество: девушки Макферсонов обычно выходили замуж за военных.

Ланселот рассказывал Дженни, как идет подготовка к дальнему плаванью. Он уже пристроил к рулевой рубке камбуз и даже поставил там совсем маленькую чугунную плиту из матушкиной летней кухни. Дженни очень жалела, что он не может показать ей катамаран: из окон дома заливчик не был виден. Она была любопытна, как белка, и заставляла его поворачивать экран, чтобы разглядеть все уголки его комнаты.

— Зачем тебе вторая коляска, Ланс? — спрашивала она.

— Это старая коляска, я на ней езжу в душ. — А почему у тебя в углу висит распятие?

— Я обещал матушке никогда не снимать его. Она была христианка.

— А что это за книга лежит на столике под распятием? — Матушкина Библия. — Ты ее читал? — Нет.

— И я не смогла. У Библий какие-то странные переплеты: как только я брала Библию в руки, у меня начинал зудеть персональный код.

— Переплеты тут ни при чем. Матушка, у которой не было кода, предупреждала меня, что если я поставлю печать Мессии, то не смогу потом взять в руки Библию. Так уж устроен наш персональный код. — А для чего он так устроен?

— Понятия не имею. Возможно, для того, чтобы люди не забивали себе головы христианскими сказками. Я свою Библию не читаю, я только пыль с нее смахиваю.

книги — Покажи мне другие книги.

— Пожалуйста! — И он снимал с полок книги одну за другой, показывал ей и рассказывал, о чем они, иногда читал вслух страничку-другую или просто пересказывал содержание.

Несмотря на строжайшую экономию, к середине весны Ланселоту не удалось отложить даже пятидесяти планет. Он уже сомневался, удастся ли ему собрать к началу лета всю сумму на ММ, а ведь нужны были еще и деньги на дорогу.

Торопился он по двум причинам, и первая была чисто навигационная: он должен был достичь Гибралтара до осенних атлантических штормов. Вторая причина касалась политики. Обстановка в мире становилась все тревожнее, каждую неделю передавались сообщения о новых провокациях русских на границах с землями Планеты. Месс все чаще говорил планетянам о необходимости спасения народов России и установления единого мирового порядка на всем земном шаре. Беседуя с рыбаками и торговцами на рынке, Ланселот видел, что люди всерьез опасаются войны.

В одном из своих выступлений Мессия вдруг объявил, что люди Планеты должны экономить не только еду, но и одежду. Зеленая пластиковая форма была упразднена, теперь всем планетянам разрешалось носить любую одежду, и это было бы совсем неплохо, если бы одновременно власти позаботились обеспечить людей этой самой одеждой. Жители Тронхейма прямо на глазах становились похожими на асов. За годы ношения униформы люди, жившие в тесных жилищах, избавились от запасов одежды, и теперь им приходилось носить то, что удалось найти в домах или купить с рук. Затем неожиданно была отменена бесплатная

медицинская помощь, за исключением эвтанази. Однако каждый восьмерик по-прежнему шли прямые передачи со стадиона в Иерусалиме, где происходили исцеления. Инвалиды и тяжело больные продолжали стекаться в Иерусалим.

Ланселот и Дженни оба смотрели новости Планеты, но обсуждали их редко. Они чаще сравнивали красоту утренней или вечерней зари над Гебридами и над Тронхеймс-фьордом, поворачивая экраны персоников к окнам. Оба были увлечены своей обновленной дружбой. Дженни знала, что Ланселот вот-вот тронется в путь, и спешила с ним наговориться. Она перевела на его счет тридцать планет — все, что у нее было. Ланселот спокойно принял эти деньги, уверенный, что сумеет вернуть долг, как только встанет на ноги. У него был план после исцеления вернуться на остров, взять в аренду небольшую рыбацкую шхуну, собрать команду хороших крепких ребят и заняться рыбной ловлей всерьез.

В конце весны случилась беда. Поднимая со дна зацепившуюся за камни ловушку для креветок, Ланселот слишком сильно перегнулся через борт, забыв перед этим поставить коляску на тормоз — коляска отъехала назад, и Ланселот свалился в воду. Он умел плавать, работая только руками, без помощи ног: Кристенсены жили в окружении воды, и предусмотрительный отец с детства обучил его плаванию. Он не утонул и сумел, ухватившись за якорную цепь, подтянуться на руках и перевалиться через борт. Но сухой одежды, чтобы переодеться, на катамаране не было, и дело кончилось тем, что застарелая простуда перешла в бронхит. Ланселот изо всех сил сопротивлялся болезни, пытаясь лечиться домашними средствами. Он съел банку малинового варенья, извел все свои запасы лука и чеснока, потребляя их вместе с шелухой, но и фитонциды мало помогли. А хуже всего было то, что как раз в это время наступило обычное весеннее похолодание, в доме стало сыро и холодно, а он не включал отопление на полную мощность, сберегая батарейки Тэсла на долгое плавание в Иерусалим.

— Тебе, наверное, уже надоело слушать, как я кашляю на тебя прямо с экрана? — спросил он Дженни во время очередной встречи.

— Мне за тебя беспокоиться надоело. Что там за врачи у вас, что не могут тебя вылечить?

— Они могут, только мне их метод не подходит: это все равно, что прибегать к гильотине для лечения головной боли. — Что за мрачные шутки, Ланс?

— Мое дорогое величество, это не шутка. Врачи мне ничего не предложат, кроме эвтанази, — я ведь безработный инвалид. — Скажи, а градусник у тебя есть? — Есть.

— Достань его и поставь при мне: я хочу знать, какая у тебя температура.

После того, как Дженни выяснила, что температура у Ланселота уже около сорока, она на некоторое время исчезла, а потом появилась с толстой потрепанной книгой в руках. Она принялась допрашивать его, глядя в книгу.

— Тебе легче дышать, когда ты сидишь, а не лежишь? — Похоже, что так. — Ночью ты потеешь? — Иногда просыпаюсь мокрый как мышь.

— При кашле у тебя болят бока? — Все болит.

— Я тебя про бока спрашиваю, сэр Ланселот! — Ну болят, болят у меня бока при кашле...

— Если верить моему справочнику, Ланс, у тебя самое настоящее воспаление легких. Пневмония.

— Подумать только! Слушай, Дженни, а что это за справочник, по которому ты мне ставишь такие серьезные диагнозы?

— Это "Руководство по домашнему уходу за больными". — Где ты раскопала этот раритет?

— Все на том же чердаке, в мамином сундуке с медицинскими книжками.

Дженни велела Ланселоту добраться до аптечки и перечислить имеющиеся в ней лекарства. Но по ее лицу он видел, что она встревожена и чувствует себя беспомощной, несмотря на свой премудрый справочник.

— Ты понимаешь, Ланс, это очень древняя книга, еще прошлого века, тут все названия какие-то незнакомые...

— Я понимаю, и не очень на нее рассчитываю. Жуткие болезни, должно быть, были в прошлом веке?

— И болезни другие, и лечили по-другому, а уж как ухаживали за больными — это просто кошмар! Я бы с собой покончила без всякой эвтаназии, если бы кто-нибудь из моих родственников попробовал так со мной обращаться! — Как же они ухаживали за больными?

— Они их все время трогали! Они их ворочали, перестилали им постель, делали компрессы, уколы, перевязки — и все это голыми руками!

— Ужас какой! — засмеялся Ланселот. — Но это и сейчас делают в больницах, Дженни.

— Такие процедуры делаются под наркозом, чтобы не травмировать психику больных, и с соблюдением строгих гигиенических правил. Маленькой я однажды лежала в больнице, когда упала с дерева и сломала ногу. Конечно, за мной ухаживали медицинские сестры, но они все были в специальных защитных костюмах, в перчатках и в кислородных масках: голыми руками никто ко мне не прикасался и никто на меня не дышал. И мне, конечно, давали наркоз перед осмотром врачей. А здесь ничего не сказано ни про наркоз, ни про маски, ни про защитные костюмы. А какие картинки! Это просто кошмарники из Реальности, а не руководство по уходу из и...

— Покажи-ка. Дженни полистала книгу, нашла одну самых страшных, по ее мнению, картинок показала ее Ланселоту.

— М-да-а... — сказал он и покачал головой. На картинке был изображен лежащий ничком больной, а над ним склоненная женщина, раскладывающая у него на спине какие-то прямоугольники.

— Ты хоть знаешь, Дженни, что она делает с этим беднягой? — Хочешь, я прочту вслух?

— Я тебе и так скажу: она ставит ему горчичники. Ты знаешь, что это такое? — Нет. — А что такое горчица?

— Представь себе, знаю! Это растение, из которого делается горчичный соус.

— Правильно. В старые времена было не три соуса, как сейчас — горчичный, соевый и томатный, а сотни разных соусов и приправ. И была просто горчица, такая очень острая паста, я ее помню. Матушка рассказывала, что в дни ее молодости горчица была нескольких сортов. Для лечения простуды из нее делали горчичники: намазывали горчицу на листы бумаги и

лепили их прямо на голое тело. Матушка не раз ставила мне горчичники на спину. — Жуть какая!

— Ничего особенно жуткого. Немного пощиплет, а потом становится просто жарко.

— Но твоя матушка, конечно, надевала при этом перчатки и маску?

— Никогда не надевала.

— Что ж, она прямо так и дышала на тебя?

— Прямо так и дышала. А когда заканчивала процедуру, обязательно целовала меня, если я вел себя хорошо и не капризничал.

Дженни смотрела на него расширенными глазами.

— Ланс, ты меня разыгрываешь? — спросила она жалобно. — Ни чуточки.

— Скажи мне честно, Ланс, твой отец тоже притрагивался к тебе голыми руками?

— Конечно! Я не сразу научился одеваться самостоятельно, мне помогали родители. И не надевать же было моему отцу перчатки всякий раз, когда он хотел погладить меня по голове или похлопать по плечу.

— Ох, бедный ты мой Ланселот! Мало того, что ты родился инвалидом, так ты еще и постоянно подвергался личным прикосновениям!

— Что правда, то правда — подвергался. В нашей семье закон о личной неприкосновенности и правило о двух вытянутых руках нарушались постоянно.

— "Ни один планетянин не имеет право приблизиться к другому планетянину на расстояние, превышающее расстояние между их вытянутыми руками".

— К этому правилу есть примечание, в котором перечислены исключения. Ты разве не знаешь об этом, Дженни?

— Конечно, знаю! Исключения допускаются в отношении полицейских, тюремных и медицинских работников, супругов, а так же родителей и их детей до двухлетнего возраста.

— Так тебя, Дженни, после двух лет никто не целовал и не обнимал? Дженни отвернулась и покраснела. — Ну так как же?

— Наша няня... Она была христианка и поэтому, наверное, постоянно нарушала "правило двух вытянутых рук". Но мы были маленькие и не понимали, что это плохо. Она нас не только целовала, гладила по волосам, она еще и... Нет, не могу! — Что еще? — Мне ужасно стыдно, Ланс! — Ну открой уж и этот секрет, Дженни!

— Когда я не слушалась, она меня... она делала вот так! — и Дженни показала, как няня шлепала ее пониже спины.

— Подумать только, какое чудовищное нарушение личной неприкосновенности! — сказал Ланселот, смеясь. — С тобой, Дженни, не соскучишься!

— Смеешься... А когда наши родители узнали об этом, они возмутились и немедленно няню

прогнали. Я скучала по ней и целый год шаталась по дому без надзора. Вот тогда я и нашла на чердаке книги. А потом меня отдали в закрытую школу-пансион, и с тех пор ко мне, слава Мессу, никто никогда не прикасался.

— Все понятно. Меня, к счастью, ни в какую закрытую школу не отдавали.

— А почему? Разве не было тогда школ для детей-инвалидов?

— Они и сейчас есть. Средняя продолжительность жизни детей в таких школах один-два года: ровно столько, пока длятся эксперименты над ними. Такие дети никому не нужны, кроме родителей, если те их любят, конечно.

— Ну хорошо, твои родители тебя любили. Но разве это давало им право издеваться над тобой?

— Дженни, они надо мной никогда не издевались, они меня очень любили!

— А поцелуи? А личные прикосновения? Не станешь же ты утверждать, что тебе это нравилось?

Ланселот начал было смеяться, но сразу же закашлялся.

— Ой, прости! Я совсем не хотела тебя расстраивать, Ланс!

— Ты меня не расстроила, а рассмешила. Дженни, а ты сама любишь детей?

— Не знаю, Ланс. Я их никогда близко не видела, только в новостях по персонику.

— Тогда тебе трудно понять... Постой! Ты как-то рассказывала, что у тебя есть ослик Патти и ты сама выкормила его из соски, так? — Так.

— А тебе очень противно было к нему прикасаться?

— Ну что ты, Ланс! Ослик — это же не человек! И потом, он всегда был такой лапушка...

— Ты и сейчас его гладишь, треплешь за уши — где же твоя брезгливость?

— Ты говоришь глупости, сэр Ланселот. Трогать ослика, птицу, бабочку можно, хотя на них, конечно, полно микробов, и после этого надо мыть руки антисептическим мылом. К Патти, впрочем, это не относится: я его раз в неделю мою специальным шампунем для лошадей, так что он всегда чистый. А людей трогать нельзя потому, что этим ты нарушаешь зону их личной неприкосновенности, "зону комфорта". Нормальный человек не хочет, чтобы к нему прикасались другие, и это не столько из-за опасности инфекции, сколько из самоуважения. Понял теперь?

— Нет, не понял. У меня другие понятия о проявлении уважения к личности, — рассерженный Ланселот снова закашлялся.

— Не притворяйся, пожалуйста. Смысл "правила двух вытянутых рук" понятен каждому, у кого есть мозги и руки. И давай лучше вернемся к моей книге. Она хоть и страшная, но полезная. Тут сказано, что при сильном кашле надо приподнять больного и дать ему выпить горячее питье. У тебя есть горячее питье?

Ланселот показал на термос, стоящий на столике у изголовья.

— Приподнимись и выпей немного горячего чаю! Ланселот послушался, и кашель затих.

— Вот видишь! — сказала Дженни. — И совсем необязательно трогать человека голыми ручищами, чтобы ему помочь.

К вечеру Ланселоту стало еще хуже, и Дженни заявила, что хочет остаться на связи с ним всю ночь:

— Ты постарайся уснуть, а я буду следить за твоим сном.

— Королек, не фантазируй! Ты представляешь, во сколько планет тебе обойдется такое ночное бдение? — Ночью установлен льготный тариф.

— Да, но я-то спать не смогу, если буду знать, что прекрасная юная дева всю ночь глазеет на меня с экрана! — Я тебе не дева какая-то, а друг.

— И все-таки я не разрешаю тебе ухаживать за мной по персонику. Завтра мне станет лучше, вот увидишь! А сейчас я хочу уснуть: я вспотел, споря с тобой, и устал. И Ланселот прервал связь.

А наутро ему стало так плохо, что он уже не смог пересест в коляску и подъехать к персонику, чтобы вызвать Дженни.

Потянулись дни тяжелой болезни. Ланселот уже не понимал, когда ночь сменяет день, все превратилось в один тягостный бред, сменявшийся полным забытием. В редкие минуты просветления он пытался встать и добраться до персоника. Помочь ему король Артур, конечно, ничем не мог, но ему хотелось его видеть. После смерти матушки Ланселот ничем сильно не болел, и оказалось, что очень плохо болеть одному. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь просто был рядом с ним, и однажды Ланселоту даже привиделось в бреду, будто Дженни входит в его комнату, подходит к постели и кладет на его пылающий лоб прохладную руку, и бред этот потом несколько раз повторялся. Иногда король Артур превращался в симпатичного старого гнома с белой бородой и пушистыми, как у рыси, бакенбардами. А как-то вдруг обернулся маленьким серым осликом, только глаза у него были, как у Дженни — большие и похожие на каштаны.

Глава 7

Однажды Ланселот пришел в себя и, не открывая глаз, почувствовал, что все изменилось в нем самом и вокруг. Сначала он услышал пенье птиц, а потом его лица коснулось легкое движение свежего, пахнущего морем воздуха. Он понял, что в комнате открыто окно. Повернув голову, он открыл глаза. Ветерок шевелил в раскрытом окне невесть откуда взявшуюся белую занавеску. Рядом с окном стояло кресло, а в нем, прислонившись лицом к высокой спинке, спала девушка. Он видел только профиль — нос, составлявший прямую линию с высоким лбом, и упрямый круглый подбородок, и сначала не узнал ее. На голове у девушки был повязан зеленый шелковый платок, из-под которого на лоб выбивались рыжие завитки волос. Дженни?

Почувствовав его пристальный взгляд, Дженни вздрогнула, открыла глаза и поднялась с кресла. — Ланс! Ты очнулся? Наконец-то!

Она подошла к его постели и остановилась в двух шагах от нее. Даже на расстоянии Ланселот почувствовал, что от нее пахнет высыхающей водой и свежестью.

— Ты купалась? — спросил он, еще не пони мая, как это Дженни вдруг появилась в его доме.

— Да, купалась. — Вода холодная? — Жуть какая холодная...

Она подошла ближе, опустила голову и заплакала, вытирая слезы руками. Ланселот потянулся было, чтобы взять ее за руку и утешить, но не решился, и снова откинулся на подушку, с улыбкой глядя на плачущую девушку. Напротив было окно с покачивающейся от ветра занавеской, и когда оно тоже стало раскачиваться на стене из стороны в сторону, Ланселот понял, что ему не хватает воздуха и от этого у него кружится голова. Он попытался вдохнуть глубже раз, другой и вдруг разразился раздирающим грудь кашлем.

Дженни побежала к столу, потом вернулась, подсунула руку под его подушку, приподняла ее вместе с головой и поднесла к его губам стакан с каким-то остро пахнущим питьем.

— Выпей немедленно, Ланс, тебе сразу станет легче. И не бойся кашлять — это очень хороший кашель!

— Угу, — сказал он, выпив микстуру и отдышавшись, — кашель просто замечательный. Я бы сказал, девятибалльный кашель.

— Доктор Вергеланн очень волновался, что у тебя был "непродуктивный кашель", а теперь ты начал откашливаться, и это правильный кашель.

— Кто такой доктор Вергеланн?

— Врач, который тебя лечит, доктор Олав Вергеланн. Он из Тронхейма и каждый день приплывает сюда на катере. Неужели ты его не помнишь? Ты ведь даже разговаривал с ним.

— Так вот кто это был! Доктор Вергеланн, глава Медицинского центра в Тронхейме, я слышал о нем.

— Ну да, это он. В первые дни он от тебя не отходил, даже ночевал здесь. Это он тебя спас! — И ты тоже, Дженни. — Я только выполняла его предписания.

— А я в бреду недоумевал, почему это ты время от времени превращаешься в симпатичного старого гнома с бакенбардами?

— Доктор Вергеланн и вправду похож на гнома-переростка.

— Еще ты иногда превращалась в маленького симпатичного ослика. — Ослик — тоже правда. — Это твой Патти? — Ну да. — Как он-то сюда попал?

— Очень просто — через открытую дверь, когда я проветривала дом. Доктор говорит, что свежий воздух — лучшее для тебя лекарство. — Я очень рад, что ты привезла ко мне в 102

гости своего Патти, вот только не пойму — зачем?

— Ланселот! Ты знаешь, что в прежние времена одинокие люди заводили себе собак. Как ты думаешь, если такой собаковладелец ехал в гости далеко от родного дома, он брал с собой собаку?

— Гм, если он был действительно одинок, то, конечно, брал. Я где-то читал, что в старинных поездах и самолетах были даже специальные места для собак, на них продавались билеты.

— Вот видишь! У людей были кошки и собаки, а у меня — ослик Патти. Считаю, что это мой королевский каприз.

— Ладно, так и буду считать, мой король. Только держи своего Патти подальше от моего огорода. Но как тебе удалось его сюда привезти? Теперь ведь нет ни домашних животных, ни билетов для них.

— Он прилетел со мной на военном грузовом вертолете.

— Где же ты нашла военный вертолет, Дженни? — Надо знать где искать. — Расскажи!

— Потом, мой дорогой сэра Ланселот. Сей час ты должен выпить лекарство.

Она встала, и только тут Ланселот толком разглядел ее статную фигуру с высокой грудью и широкими бедрами. Он очень удивился: почему-то он был уверен, что Дженни маленькая, и фигура у нее как у подростка. Когда она поднесла ему какие-то таблетки и стакан воды, он послушно принял лекарство и заметил на ее белоснежной с веснушками руке массивный золотой браслет, явно старинный. Она производила впечатление старомодной девушки, и ему это нравилось.

Выпив лекарство, Ланселот потребовал, чтобы Дженни немедленно рассказала ему, как же она оказалась на его острове.

— Очень просто. Когда ты перестал отвечать на мои вызовы, я поняла, что тебе совсем худо. Я знала, что твой остров находится в Тронхейме-фьорде и рядом на берегу стоит город Тронхейм. Я нашла его на карте в моем учебнике географии и стала думать, как мне до тебя добраться. Тут как раз прилетел на военном вертолете один из моих старших братьев — в отпуск. Я уговорила его на обратном пути захватить меня и Патти и доставить в город Тронхейм в бывшей Норвегии. Маме мы сказали, что я лечу к нему в гости, потому что он хочет познакомить меня со своим другом. Мама спит и видит поскорее пристроить меня замуж, и она отпустила меня. — Надолго она тебя отпустила?

— Да хоть насовсем! Я думаю, что сегодня она уже не помнит, что у нее где-то есть дочь: моя мать целиком занята собой и своей Реальностью. Мы прилетели в Норвегию, мой братец высадил нас с Патти на вертолетной площадке тронхеймских экологов, пожелал мне счастья и растаял в облаках. Я догадалась пойти в Центр питания, и там один симпатичный чиновник рассказал мне, как найти твой остров. По его же совету я обратилась в Медицинский центр к доктору Вергеланну, и доктор сразу согласился навестить тебя. Он привез нас на своем катере.

— И давно вы с доктором Вергеланном меня лечите? — Две недели.

— Это выходит, я две недели был без сознания?!

— Больше, ведь я прилетела только через три дня после того, как ты перестал выходить на связь.

— Понятно. Похоже, дорогой мой королек, ты спасла своего рыцаря от гибели! Так я теперь твой вечный должник?

— Само собой. А теперь я должна пойти на кухню и приготовить тебе куриный бульон.

— Еще одно чудо! Откуда на моем острове куриный бульон? Надеюсь, ты не сварила его из чайки?

— Нет, не из чайки. Это я свистнула коробку бульонных кубиков из военного рациона моего

брatца. Доктор Вергеланн велел поить тебя бульоном часто и понемногу. — Но я совсем не хочу есть, я не голоден.

— Сэр Ланселот, бульон — это не еда, а лекарство. И потом, почему ты обсуждаешь мои приказы? Король я или не король?! — Ты — королек. Иди, готовь свой бульон. Дженни ушла на кухню, а Ланселот лежал и блаженно улыбался. На секунду мелькнула мысль о том, в каком безобразии застала его девушка, прибыв на остров. От этой мысли его бросило в жар, но он тут же успокоил себя: он инвалид, и все человеческое ему чуждо. Гораздо интереснее узнать, почему это доктор, зная его положение, не попытался применить к нему закон об эвтаназии, пока он находился без сознания? Но и о странном докторе сейчас не думалось. Ланселоту было хорошо, спокойно и не хотелось ничего, кроме куриного бульона.

Получив свой бульон и выпив полчашки, Ланселот устало сказал Дженни:

— Знаешь, я почему-то так и не выспался за время болезни. Ужасно хочу спать.

— Это восстановительный сон. Спи на здоровье. — А ты что будешь делать? — Сяду возле окна и буду вязать тебе фуфайку из настоящей овечьей шерсти: тебе придется какое-то время очень беречь легкие, когда ты встанешь с постели.

— Ага... Матушка тоже вязала... разные вещи... из шерсти...

— Угу. А теперь давай сюда чашку, пока ты ее не уронил, ведь ты совсем спишь, — Дженни взяла из его ослабевших рук чашку, погладила его по руке и тихо удалилась. Ланселот хотел спросить Дженни, как там с "правилом двух вытянутых рук", но ему было лень окликать ее; он повернулся на бок и с наслаждением уснул.

К вечеру они услышали за открытым окном звук мотора. Дженни вышла на террасу и, вернувшись, сказала, что это доктор Вергеланн.

Ланселот был рад увидеть наяву своего спасителя. Невысокий, полноватый, но крепко сбитый доктор был похож не столько на гнома, сколько на шкипера со старинного судна, только трубки в зубах не хватало. Осмотрев Ланселота, он сказал, что тот может в хорошую погоду выходить на воздух, но должен избегать сквозняков и переохлаждения.

Дженни предложила доктору Вергеланну чашку чая, приготовленного ею из листьев земляники и мяты. Дженни привезла с собой свое руководство по уходу за больными, а в нем были главы, посвященные лекарственным травам, и теперь она прилежно их штудировала. Доктору чай понравился, но пил он стоя — торопился к другому больному.

— Берегите лекарства, Дженни, — сказал он, — и больше поите его разными травками. В Медицинском центре практически нет лекарств, к нам почти ничего не поступает из Осло, кроме средств для проведения эвтаназии.

Доктор оставил Дженни все предписания и скудный набор лекарств. Она проводила его до причала, и там он еще раз подтвердил, что кризис миновал и Ланселот пошел на поправку. Он сказал, что теперь будет реже посещать больного, но без наблюдения его не оставит.

Когда Ланселот окреп и перебрался из постели в коляску, он сразу же начал понемногу выезжать из дома. Он познакомился с Патти.

— Правда же, он немного похож на Индрика? — спросила Дженни.

— Правда. Особенно в профиль, когда его уши находятся на одной линии — тогда они один к одному рог единорога. — Сэр Ланселот!

— Я не шучу, сама погляди сбоку. Можно мне его погладить?

— Нет. Патти разрешает это только знакомым.

— А мы с ним сейчас познакомимся. Иди сюда, ушастик!

Патти подошел к Ланселоту и подставил ему темя, приглашая почесать.

— Смотрите-ка, он тебя сразу признал! Знаешь, Патти объедает всю траву на твоём острове. И цветы тоже... Ты не в претензии?

— Ну что ты! Правда, тут ее маловато и она довольно жалкая, но на одного ослика, пожалуй, хватит. Я знаю, где на соседних островах самая сочная трава. Вот я поправлюсь, мы туда сходим на моем катамаране, и он там попасется на приволье.

— Я видела твоего "Мерлина" и весь его облазила. Ты там оставил ящик с креветками, они протухли и жутко воняли: пришлось мыть и проветривать трюм.

— Спасибо, королек! Из тебя, пожалуй, выйдет настоящая рыбачка.

— Надеюсь! Нам ведь по дороге придется рыбачить для пропитания, да, Ланс? — По дороге? Нам?

— Ну да. Мы, как я понимаю, скоро отправимся по воде в Иерусалим.

— Ты что, собираешься сопровождать меня в этом паломничестве?

— Самой собой. Кто-то должен приглядывать за тобой в дороге, ты же перенес такую пневмонию! — Ну-ну...

Подобное решение ему и в голову не приходило, но было в нем нечто лучезарное. Брать королька в столь опасное и дальнее паломничество, разумеется, никак нельзя, но помечтать о плавании с Дженни в Иерусалим, а главное из Иерусалима, когда он станет на ноги, — почему бы нет? Мечты о паломничестве вдвоем — это что-то вроде путешествия в Реальности, только куда безопаснее. И они принялись вдвоем фантазировать о том, как поплывут в Иерусалим, что возьмут с собой в плаванье и что будут делать в пути. В этих мечтах даже Патти занял свое место на палубе катамарана.

Ланселот быстро шел на поправку. Теперь он больше времени проводил на воздухе, а кашлял все меньше. И вот наконец они решили устроить пикник и втроем отправились на катамаране на один из соседних лесистых островов.

Это был низкий островок, поросший веселым смешанным лесом. На его опушках розовели подушки вереска, огромные гранитные валуны были с южной стороны покрыты нежно-лиловым тимьяном, а солнечные поляны в лесу поросли удивительно зеленой, какая бывает только на островах, и уже довольно высокой травой. И конечно, весь остров был покрыт весенними цветами: мелким желтым чистотелом, белыми и синими анемонами, первоцветом, ветреницей, мать-и-мачехой. Ланселот знал, что позже появятся и морошка на маленьком болотце, и земляника на прогретых каменистых пригорках, и малина по краям лесной дороги, а потом пойдут и грибы. Может быть, Дженни все это еще увидит.

Они прошли по лесной дорожке в глубь леса, где Ланселот с детства знал раскинувшуюся среди прозрачного березняка большую поляну с особенно густой и сочной травой, и там они пустили счастливого Патти пастись на воле. Дженни расстелила на траве плед и поставила в центре корзинку с припасами для пикника. Ей пришлось помочь Ланселоту перебраться из коляски на плед, и она сделала это, не дожидаясь просьбы. Она только покраснела при этом ужасно. Ланселот это заметил и усмехнулся. Потом они сидели каждый на своем краю пледа, пили чай из термоса и ели бутерброды, разговаривали и наслаждались теплым днем.

Им повезло: сквозь обычную дымку ненадолго проглянуло солнце.

— Как я соскучилась по солнышку! — сказала Дженни, сняв свитер и оставшись в майке из натуральной ткани, выгоревшей и заштопанной во многих местах: Ланселот узнал свою старую майку, и ему было приятно, что она нашла ее, привела в порядок и носит, но вслух он ничего не сказал.

— Поскорее бы нам отправиться в Иерусалим, — сказала вдруг Дженни.

— Милый мой королек, я не надеюсь до августа заработать деньги на исцеление. Боюсь, придется все отложить до будущего года. Тебе к тому времени пора будет возвращаться домой, и ты не сможешь сопровождать меня в это паломничество, — сказал Ланселот, а про себя подумал: не слишком ли они с Дженни увлеклись фантазиями о совместном путешествии? Девочка, кажется, начинает принимать их всерьез.

— Ланс, выслушай меня, пожалуйста! Мы должны отправиться в путь сразу же, как только позволит доктор Вергеланн. Мой брат, тот, который нас с Патти сюда доставил, по секрету сказал мне очень важную вещь: среди военных ходят слухи, что вот-вот начнется война с Россией. Планета, конечно, победит, но возможно, что из-за военных действий все передвижения будут запрещены. Он сказал еще, что между бывшей Европой и Скандинавией вот-вот установят кордон. Так что тянуть и рисковать не стоит.

— Твой брат, похоже, добрый и отважный человек, Дженни, и он так любит тебя... Она хихикнула.

— Мой брат настоящий Макферсон и больше всего на свете любит армию, свою карьеру и деньги! Он совсем не добрый, но зато теперь он богатый. У нас был состоятельный дедушка, которого я совсем не помню. Он давно умер и оставил всем своим внукам наследство: братьям больше, мне меньше, но всем с условием, что мы вступаем в права владения только в двадцать один год. Братья уже давно получили свои доли, оставалась я одна. Вот я и передала брату свои права на дедушкино наследство — за то, что он устроил мне маленькое путешествие в Норвегию и положил на мой счет небольшую сумму. От наследства осталось у меня только это, — она подняла руку с браслетом. — Это бабушкин браслет, и он тоже был указан в завещании, но ношу я его с детства. Теперь у нас есть деньги на исцеление, Ланселот, и мы можем хоть сегодня перевести их на счет ММ. К сожалению, мне не удалось получить с него больше, а то ты мог бы лететь на вертолете.

— И за сколько же ты продала свое наследство, Дженни? — За двести планет.

— А велико было наследство? — Лучше не спрашивай, Ланс. — И все-таки? — Двести тысяч планет.

— Да, твой брат провел недурную финансовую операцию!

— Представь себе, Ланс, мы с ним еще торговались! Пришлось мне рассказать ему, на что мне

срочно нужны деньги.

— И он согласился доставить тебя к не знакомому человеку и оставить у него?

— Как раз это ему было безразлично. Зато он решил, что у тебя, как у инвалида совсем нет денег, а то бы мне не удалось вырвать у него даже эти двести планет. Если бы он знал, что у тебя уже есть половина взноса, он бы со мной не так торговался! Но я пожадничала и схитрила — я ведь тоже из семьи Макферсонов. Я решила, что нам самим деньги пригодятся в дороге, ведь придется останавливаться в гостиницах и питаться в ресторанах.

"Нам", — сказала она, и опять у Ланселота не хватило духа признаться Дженни, что он никогда не принимал всерьез ее решения отправиться с ним в Иерусалим.

— Есть еще одна новость, которую ты проболел, — продолжала девушка, — теперь батарейки Тэсла уже не выдаются бесплатно, а стоят пять планет штука.

— У меня есть в запасе четыре батарейки.

— Ты думаешь, этого хватит на дорогу в Иерусалим?

— Не уверен. Обычно в год катамаран сжигает одну батарейку, но ведь в море я выходил не каждый день и ходил на катамаране самое большое пять часов. Ладно, на батарейки хватит. А насчет гостиниц и ресторанов, это ты, королек, зарвалась. Спать придется в каюте катамарана, а еду готовить на камбузе. Еще какие расходы предусмотрел мой королек? — Самые важные. Непредвиденные.

— Да, обычно эти расходы как раз и оказываются самыми крупными. Ну что ж, мое королевское величество, я беру у тебя в долг твои двести тысяч в расчете на исцеление. Ну а уж как долго я тебе буду их выплачивать, этого я пока не могу тебе сказать — Надеюсь, что очень долго..?

— Видишь ли, мне нравится твой остров, и я не покину его, пока ты не вернешь мне полностью дедушкино наследство. — Это почему?

— Потому что я — из Макферсонов, а они все жадные, хитрые и очень осторожные. Я буду свирепым кредитором и постараюсь глаз с тебя не спускать. Знаешь, Ланс, я всегда так тосковала, когда тебя не было в Камелоте!

— Дженни! Я не хочу больше ни единого слова слышать от тебя ни о Реальности, ни о Камелоте! С Реальностью покончено, ты меня слышишь, Дженни?

— Да слышу я, слышу... Пойду-ка я лучше вместе с Патти цветы собирать, а то ты на меня кричишь. Ты пока подремли на солнышке. Ланселот так и сделал и даже уснул. Разбудила его Дженни, сунув ему в лицо нагретые солнцем цветы.

— Понюхай, сэра Ланселот, как они пахнут! В Логресе таких не было!

Ланселот чихнул и похвалил цветы. Дженни бросила всю охапку на одеяло, села рядом и принялась их разбирать.

— Знаешь, моя мать не разрешает держать дома живые цветы ни в горшках, ни в вазах. Считает, что это негигиенично. Но зато у нас полон дом искусственных цветов. Перед Днем Месса и Хэллоуином все эти букеты отдают в химическую чистку.

— Что такое "химическая чистка", Дженни?

— Это такое особое предприятие в сфере обслуживания Семьи. Те, кому разрешено носить свободную одежду и пользоваться коврами, мехами и прочими старинными вещами, могут сдать туда эти вещи, чтобы их почистили.

— Дженни, так твоя семья имеет отношение к Семье?

— Разве я не говорила? Все мои старшие братья — члены третьего круга Семьи, как и все офицеры, а мать как дочь генерала входит даже во второй круг и имеет еще больше привилегий. — А ты, Дженни?

— Я обыкновенная планетянка, но с не которыми привилегиями, положенными мне как члену семьи членов Семьи... Фу, заговорила!

— Не мудрено. Довольно запутанная иерархия.

— Угу... Мне разрешено носить любую одежду и длинные волосы, пользоваться косметикой и не пользоваться едальником. Ты пробовал еду из Центра питания? Это такая гадость! Но все это уже не имеет значения, потому что теперь все планетяне должны сами себя обеспечивать и едой, и одеждой, и бесплатное удаление волос упразднили, так что все планетяне начинают постепенно обзаводиться прическами... Ланс, ты случайно не умеешь плести венки? Я хочу сплести веночек, но у меня ничего не получается. Оказывается, это гораздо труднее, чем вязать на спицах.

— Когда-то мы плели венки с матушкой. Отбери цветы с гибкими длинными стеблями, одуванчики, например.

Ланселот не сразу, но все-таки вспомнил, как плетутся венки, и показал Дженни. Она очень старалась, и через полчаса веночек был готов.

— Что это он у тебя такой растрепанный? — спросил Ланселот. — Такой фасон.

— Впрочем, твоим буйным кудрям именно такой и подходит, другой в них просто потеряется.

Надев веночек, Дженни спросила Ланселота: — Хороша ли я, сэр Ланселот Озерный? — Ослепительна!

— Теперь я больше похожа на принцессу, чем на короля, не правда ли, сэр Ланселот? — Скорее на пейзажку. — А это еще кто такое?

— Пейзанка — это на куртуазном языке значит крестьянка. — А что такое "куртуазный язык"?

— Это тот язык, на котором рыцарям приличествует разговаривать с прекрасными дамами.

— А кто не разрешает мне вспоминать о Реальности? — Дженни, ты же не думаешь всерьез,

что рыцарство существует только в Реальности? Оно и на самом деле существовало. — Все-то ты знаешь, Ланс. — Не все, но многое мне известно.

— Задавака. А вот знаешь ли ты, что будешь делать, когда вернешься исцеленный из Иерусалима? — Знаю. Сделаю тебе предложение. — Я согласна!

— Ну, Дженни, ты покладиста, как настоящая пейзажка! К чему такая спешка? Мы же говорим

о будущем.

— Мы говорим о том, что ты собираешься сделать мне предложение. Могу я заранее дать свое согласие, чтобы потом не было недоразумений? Или нет? — Можешь, конечно.

— Значит, с этого дня мы можем считаться женихом и невестой?

— Считайся, пожалуйста. Можешь даже сказать доктору Вергеланну, что мы обручились. Но учти, я верну тебе слово, если мое исцеление не состоится.

Дженни резким движением убрала руки назад.

— Ну уж нет! Я свое слово назад не возьму, мое слово — королевское!

— Ребенок ты, а не король. И знаешь, что я тебе скажу, невеста? Пора нам собираться и увозить отсюда Патти, а то как бы он у нас не лопнул. Ты погляди, какое он себе пузо наел!

Патти и вправду стоял, свесив крепко набитое брюшко между расставленными точеными ножками, и травкой похрупывал больше из принципа, чем от голода. Он задумчиво жевал, а длинные стебли травы и цветов свисали по бокам его хитрой морды, чрезвычайно ее украшая.

— Тиран ты и деспот, сэра Ланселот. Тут так хорошо, и солнышко нет-нет да выглянет, и Патти так доволен жизнью, и я хотела еще травок лекарственных пособирать, а ты хочешь нас загнать домой...

— Скоро похолодает, и я могу простудиться.

— Ты нашел сногшибательный аргумент! Собираемся.

Дженни помогала Ланселоту забраться в коляску, явно даже не вспомнив о "правиле вытянутых рук". "Это она уже чувствует себя невестой!" — подумал он. Потом она сложила плед и корзинку с остатками еды в сетку, прикрепленную под сиденьем коляски, и они отправились по лесной тропе к берегу. Цветы она несла в руках, а Патти шел за нею и время от времени через плечо поворачивал из ее букета цветочек-другой.

Глава 8

В зале заседаний дворца Мессии шел совет, но на этот раз за столом сидели не члены мирового правительства, а маги, астрологи, пророки, колдуны, ведьмы и экстрасенсы.

Докладывал главный астролог планеты Паоло Лоба. На столе перед ним была расстелена астрологическая карта, испещренная линиями, значками и цифрами. Он заканчивал доклад:

— Можно с уверенностью сказать, мой Мессия, что звезды на вашей стороне: Марс — во втором доме, Венера — в четвертом, Меркурий — в зените. Отсюда следует, что ни вам лично, ни благоденствию Планеты ничто не угрожает. Трудности настоящего момента связаны с тем, что Фаэтон все еще находится в пятом доме, но его власть уже подходит к концу, и нас всех ждут счастливые перемены!

— Ты, Лоба, помнится, примерно то же самое говорил и в прошлом месяце. Где же предсказанные тобой перемены?

— Если Мессия позволит, я замечу, что перемены предвещаю не я, а небесные светила. Что же

касается гороскопа минувшего месяца, то должен заметить, что я никогда не обращаюсь к своим прошлым астрологическим прогнозам, дабы они не влияли на меня при составлении звездных карт настоящего и будущего — только таким образом можно достичь непредвзятости. Я кончил, мой Мессия.

— И при этом надоел мне как никогда. Составь приличный прогноз для прочтения в новостях, дай планетянам надежду на лучшее будущее и уверенность в том, что звезды на моей стороне, а больше от тебя ничего и не требуется. Пошел вон, болтун!

— Благодарю за внимание, мой Мессия, — сказал великий астролог, свернул в трубку карту, поклонился и с достоинством удалился.

— Барон фон Тарсофф, единственный колдун с мозгами, ты выполнил задание, выяснил, что произошло с моим предшественником в России? — Да, мой Мессия.

Барон фон Тарсофф сидел в кресле поодаль от стола. Это был сухой старик с морщинистым смуглым лицом и свисающими вдоль впалых щек волосами цвета антрацита. У его ног расположился огромный черный дог, и долгопалая, в старинных перстнях, темная рука колдуна лежала на крупной голове зверя. — И что же?

— Во-первых, мой Мессия, в России у тебя был не один предшественник, а целый триумvirат — Троцкий, Ленин и Сталин, их настоящие имена — Бронштейн, Ульянов и Джугашвили. Все трое были духовно руководимы нашим Властителем, выполняли одно задание, но между собой состояли в лютой вражде и один другому не доверяли. Им удалось лишить великую державу ее скрепляющего и удерживающего стержня — самодержавия. Императорскую фамилию они истребили и предприняли самые решительные меры для искоренения православной веры и устранения всего, что мешало установлению нового порядка. Они уничтожили треть населения страны. — Прямо как чума, — усмехнулся Мессия.

— Да, мой Мессия, они прошли по стране как чума. Но затем один из них, а именно Ленин, вдруг усомнился в своем особом предназначении и начал бояться грядущего возмездия. Тотчас дух Властителя был от него отнят, и Ленин окончил свои дни в инвалидном кресле, потеряв дар мысли и речи. Двое оставшихся вождей начали сражаться за власть, и после недолгой борьбы Троцкому пришлось бежать из страны. Оставшийся в единовластии Сталин позднее подослал к нему убийц, и Троцкий был убит ударом ледоруба по голове. — Надежное и неожиданное орудие убийства: это должно было произвести устрашающее впечатление на конкурентов в борьбе за власть, не так ли?

— Произвело, мой Мессия. Конкурентов у Сталина после этого никогда не было — только дрожащие от страха соратники.

— Удобное окружение. Так почему же этому Сталину не удалось распространить свою власть на все человечество, если он так хорошо начал в своей стране?

— Это была не его страна, мой Мессия: Сталин был родом из горной страны на юге империи, он плохо писал по-русски и говорил с ужасным акцентом и даже не очень правильно. Именно поэтому он приказал считать себя крупным специалистом в области языкознания. — Остроумный господин!

— Товарищ, мой Мессия. В России того времени было принято обращение "товарищ", а "господин" — это было бранное слово. — И каков же был конец этого товарища?

— Он тоже был ужасен, мой Мессия. Сталин потерял уверенность в себе и упование на

Властителя, и дух Властителя вышел из него. Сталин тут же превратился в дряхлого испуганного старичка. От страха перед убийцами он запирался по ночам в клозете и спал, скорчившись между стеной и унитазом. — Мания преследования?

— Да. Именно страх Сталина перед тайными убийцами и спровоцировал его приспешников на убийство: когда он заболел невинной весенней простудой и слег в постель, его просто-напросто придушили подушкой. — Известно, кто это сделал?

— Все приближенные лица скопом: главный организатор проследил за тем, чтобы на подушку по очереди навалились все участники убийства.

— И после этого попытки начать покорение мира с России больше не повторялись, — задумчиво проговорил Мессия.

— Да, мой Мессия. И менее чем через полвека Россия вернулась к своему ужасному естественному состоянию — вновь стала православной страной. Вы знаете, я сам бежал из России, и я могу вам твердо сказать, что искоренить христианскую сущность ее народа невозможно. Она как сорная трава: стоит прекратить прополку и химическую обработку на самый короткий срок, как православие вновь дает обильные всходы по всей стране. Ужасная страна, ужасный народ! Его можно уничтожить, но нельзя изменить.

— Ну что ж, не так — так эдак. С Россией мне теперь все ясно. Если уж сам Властитель отступился, значит, все-таки — война.

Благодарю, колдун, можешь идти. Новое задание получишь потом.

Черный барон удалился вместе со своим наводящим ужас псом, поклонившись Мессии и не удостоив даже взглядом прочих участников встречи.

— Ну что, ведьмы и ведьмаки, гадалки и прорицатели, паразитки и дармоеды? Есть у кого-нибудь из вас что сказать по существу или будете мне голову морочить? Ну что молчите? Вот ты там, под красным колпаком, ты говорил, что у тебя открылся третий глаз. Углядел ты им хоть одного моего врага?

— Нет, мой Мессия. Но я следил всеми... тремя... троима... троими...

— Ты хочешь сказать, что у меня нет врагов?

— Они есть, Мессия, но обнаружить их невозможно — они скрыты под покровом Того, Кого мы не называем.

— Вот велю ослепить тебя на все три глаза... Ну, продвинутые, двигайте отсюда! Пошла вон, эзотерическая сволочь! А ты, Памфилия, останься...

Экстрасенсы, маги, колдуньи, прорицатели и ведьмаки бросились к дверям, толпясь, отпихивая друг друга и толкаясь, чтобы выскочить за дверь прежде других. В дверях застряли, но потом кое-как разобрались.

За столом заседаний осталась лишь древняя старуха в черной мантии с капюшоном, опущенным на лицо.

Мессия подошел к распахнутой двери и ударил по ней ногой. Дверь с грохотом затворилась. Он повернулся к старухе.

— Ну, прорицательница, а от тебя я дождусь сегодня чего-нибудь путного?

— Ничего, кроме ответов на любые твои вопросы, Мессия. И отвечать тебе буду не я. — А кто же?

— Не кто, а что — зеркало пророчицы Шалот. Точнее, осколок ее волшебного зеркала, ведь оно было разбито еще в древности.

Прорицательница достала из-под мантии резную шкатулку из темного дерева, поставила ее на стол и откинула крышку. Из шкатулки она извлекла некий предмет, завернутый в красный бархат, развернула его и показала Мессии небольшое зеркало в виде ромба, оправленное в раму из резной слоновой кости. — Любопытно. Мы можем приступить?

— Еще нет. Мне нужна большая карта мира. — Вон она висит на стене. — Нужно расстелить ее на столе. — Сейчас прикажу.

— Нет, Мессия! — Старуха предостерегающе подняла сухую руку, похожую на птичью лапу. — Зеркало уже открыто, и никто не должен входить сюда, иначе оно начнет настраиваться на постороннее лицо. Только мы с тобой можем находиться с ним рядом, поскольку я — не в счет: я уже давно не задаю вопросов даже мысленно. Ты сам сними карту со стены и расстели на столе.

— Памфилия! Ты в самом деле хочешь, чтобы я тебе прислуживал? Ты не забываешься, старушка?

— Прикажешь меня казнить после сеанса, только и всего, — пожалала острыми плечами Памфилия. — Если будешь недоволен его результатами. — Ну смотри у меня...

Мессия сорвал со стены большую карту мира и расстелил ее на столе. Памфилия разгладила карту, а затем взяла зеркало в обе руки, пристально уставилась в него и начала шептать сухими губами заклинания. Мессия смотрел на нее, чуть иронически улыбаясь одной стороной рта, но смотрел с интересом.

— Готово. Теперь подойди ко мне, встань рядом и задай зеркалу вопрос, на который хочешь получить ответ. — Я хочу знать, много ли у меня врагов?

— Для ответа на этот вопрос не требуется ни зеркала, ни пророческого дара. На него я тебе и так отвечу — у тебя очень много врагов, Мессия. Задай более конкретный вопрос. — Кто желает моей гибели?

— Это уже лучше. Повтори вопрос, глядя прямо в зеркало.

— Что за оптические фокусы, Памфилия? Эти лица в зеркале так и мелькают, ни одного невозможно разглядеть!

— Это ответ на твой вопрос, Мессия. Все эти люди, которых показывает зеркало, хотят твоей смерти.

— Кто из этих людей способен меня убить? Что за чушь — опять сплошной поток лиц!

— Зеркало правдиво отвечает, что при известном стечении обстоятельств все эти люди способны тебя убить, поскольку ты, мой Мессия, все-таки смертный человек.

— Пока — смертный. Дурацкое гаданье! Твое зеркало будто играет со мной в загадки-отгадки.

— Что поделаешь, Мессия, это старая школа волшебства. Попробуй сузить и уточнить свой вопрос.

— Пусть зеркало покажет мне человека, который сможет меня убить.

Поверхность зеркала осталась чистой, в ней отразился только белый потолок зала заседаний.

— Ну вот тебе и ответ, Мессия: никто из людей тебя убить не сможет. Ответ даже лучше, чем тот, который когда-то получил Макбет; ему ведьмы сказали, что его не сможет убить рожденный женщиной, а убит он был тем, кого вынули из рассеченного чрева матери.

— А ну-ка, зеркальце колдуньи Шалот, покажи мне лицо того, кого я буду видеть в миг моего ухода из этой земной жизни! Держись, старушка! Сейчас мы наверняка увидим лицо моего Властителя, а для тебя это зрелище трудно выносимое, хоть ты у нас и продвинутая.

Но Мессия ошибся, зеркало не показало им страшный лик Сатаны. Вместо этого поверхность его затуманилась, а затем пошла волнами золотистой зелени. Нежный зеленый туман этот приблизился и превратился в зеленеющие первой листвой верхушки леса; по лесу вилась тропинка, а по тропинке двигались трое — безногий инвалид в коляске, статная рыжеволосая девушка с венком на голове и маленький серый ослик. Девушка и инвалид беззвучно о чем-то беседовали и смеялись. Потом осталось только радостное лицо белокурого инвалида.

— Это лицо я увижу в миг моей смерти? — изумился Мессия. — Зеркало Шалот лгать не умеет.

— Оно ошибается, и мы его поправим, немножко подкорректируем будущее. Где находится этот веселый инвалид? Может зеркало сообщить нам его местопребывание?

— На этот вопрос зеркало Шалот ответит с помощью карты.

Памфилия осторожно повернула зеркало отражательной поверхностью вниз и подняла его над картой. Тотчас из зеркала упал на карту солнечный зайчик и накрыл собой половину Скандинавии.

— А точнее нельзя? — нетерпеливо спросил Мессия.

— Можно и точнее. Помоги мне влезть на стул, Мессия.

На этот раз Мессия не стал спорить и поддержал прорицательницу под локоток, пока она медленно, осторожно, чтобы не уронить зеркало, влезала на стул, а потом шагнула с него на стол и ступила прямо на карту, подняв зеркало высоко над головой. Пятнышко света стало величиной со старинную серебряную монету и, скользя по карте, остановилось на западном берегу Скандинавского полуострова.

— Так, — сказал Мессия, — это уже немного яснее — Тронхеймс-фьорд. Сомневаюсь, что безногий урод в сопровождении девчонки и осла может представлять для меня серьезную опасность, но сегодня же он будет схвачен и доставлен сюда, а уж допросить его я сумею.

Прорицательница стала спускаться со стола, и Мессия снова помог ей.

— Хочешь задать еще вопрос, мой Мессия?

— Да. Есть ли на земле сила, способная мне противостоять?

Зеркало вдруг стало похоже на слиток золота, и в этом золоте Мессия и Памфилия увидели отражение множества церквей, храмов, часовен, из которых выходили вереницы монахов и монахинь в белых и черных одеждах, священнослужители и тысячи мирских людей. Они несли в руках горящие свечи, бросавшие теплый отсвет на их радостные лица, и пели на разных языках, в том числе и на планетном. Вдруг они запели особенно громко и торжественно: "Христос воскрес из мертвых...", и в тот же миг зеркальный ромб задрожал в руках Памфилии, в нем вспыхнула и разбежалась лучами ослепительная осьмиконечная звезда, затем лучи превратились в трещины, — и зеркало распалось на мелкие осколки, которые тут же высыпались из рамки. Памфилия страшно закричала. По ее обожженным звездой и пораненным осколками рукам потекли струи темной лиловой крови. Она застонала и, не обращая внимания на кровь, опустила на колени, сокрушенно перебирая зеркальные осколки.

— О Мессия! У меня не осталось ни одно го крупного осколка!

— Крепче надо было держать! Теперь уходи и не возвращайся без нового зеркала. — Их в мире больше не осталось... — Захочешь мне услужить — найдешь! Памфилия, всхлипывая, вышла за дверь. Мессия рухнул в кресло и долго сидел без движения, с остановившимся взглядом, совершенно погрузившись в себя. Затем он вдруг поднял голову, обхватил ее руками с уже начавшими отрастать когтями и завыл. Выл он долго, на одной ноте, не переводя дыхания. Охранники, стоявшие за дверью и слышавшие этот вой, закрывали глаза и цепенели от страха.

Глава 9

Доктор Вергеланн прибыл на остров, чтобы еще разок осмотреть пациента.

— Что нового в Тронхейме, доктор? — спросил Ланселот.

— Нового много, а хорошего мало. Что-то неладное творится у нас в медицине. Местные власти постепенно превращают нас, медиков, в палачей. В то время как Мессия милосердно спасает безнадежных больных и возвращает здоровье инвалидам, нам приказано рекомендовать эвтаназию людям, подхватившим насморк. А на той неделе произошло нечто совсем несуразное. Вдруг явились на вертолетах экологи и собрали в Центр всех безногих инвалидов Тронхейма. Двух молодых человек отправили в Иерусалим — сказали, что на исцеление, а остальных, в том числе десятилетнего мальчика, приказали подвергнуть принудительной эвтаназии. Когда-то само понятие "эвтаназия" означало добровольную смерть во избежание лишних мучений, а сегодня... Кто бы мог подумать, что гуманнейшее право уйти из жизни по собственному желанию люди превратят в орудие убийства!

— Я слышал от моих родителей, что очень многие это предвидели и протестовали против принятия закона об эвтаназии, — сказал Ланселот.

— А вы исполнили приказ экологов, доктор? — спросила Дженни.

— Разумеется, нет! Эти олухи настолько самоуверенны, что никогда не проверяют выполнения своих приказов: как только они убрались, я тут же как главный врач Центра отправил всех инвалидов по домам и посоветовал им собирать деньги на исцеление от Мессии. А как вы, Ланс?

— Думаю отправиться, как только вы раз решите, доктор. Но это будет не полет, а плаванье на катамаране.

- На катамаране — до Иерусалима? Невероятно! — Почему? — Это же долгий и опасный путь!
- Я пойду вдоль берега внутреннего Европейского моря. Там не бывает таких штормов, как в Атлантике.
- Да, но зато там полно водяных мутантов, а многие участки Европейского моря сплошь заросли "водяной чумой" и через них невозможно пройти.
- В Норвежском море тоже появились мутанты, — заметил Ланселот.
- Но они еще не научились охотиться на людей, как чудовища во внутренних морях.
- Вы думаете? Но в любом случае спасибо за предупреждение. Может быть, и вправду лучше идти вокруг Европы.
- А почему вы не хотите лететь пассажирским вертолетом, Ланс? — Денег нет, — коротко ответил тот.
- Нет денег... Знаете, Ланс, — сказал доктор, — этой беде можно помочь. У меня еще с прошлого года заказан и оплачен билет до Иерусалима и обратно: я собирался во время отпуска слетать в Иерусалим, добиться аудиенции у Мессии и рассказать ему о безобразиях в местной системе здравоохранения. Однако меня предупредили, что встретиться с Мессом частному лицу почти невозможно. Но вот вы-то, Ланс, определенно с ним встретитесь — на исцелении. Вы и передадите Мессу все материалы, которые я собрал. Мы поступим так: я передам вам свой авиабилет, а сам напишу докладную записку, которую вы передадите самому Мессу или врачам, которые всегда присутствуют на исцелениях: уж они-то настоящие медики! Этим мы ускорим оба наших дела. Билет действителен на любую дату, которая вас устроит — можете лететь хоть завтра.
- Спасибо, доктор! — сказал Ланселот. — Я с легким сердцем беру ваш билет: если я вернусь здоровым, а иначе и быть не может, я очень скоро заработаю деньги и верну вам долг.
- Не сомневаюсь, Ланс. Если вы смогли содержать себя, будучи инвалидом, то, поднявшись на ноги, вы станете лучшим рыбаком в нашем фьорде.
- Ты не очень огорчена, Дженни, что тебе не придется плыть со мной в Иерусалим?
- Ну что ты, Ланс! Подумать только, ты можешь вылететь завтра или послезавтра, и может быть, через неделю ты уже будешь ходить!
- А ты будешь ждать меня на моем острове, как Сольвейг.
- Вот как чудесно все разрешилось, и теперь Лансу не придется объяснять Дженни, что он и не думал брать ее в дальнее плаванье.
- Доктор, вы присмотрите за моей невестой в мое отсутствие?
- Разумеется! Дженни, вы можете на это время перебраться ко мне в Тронхейм: у меня большая квартира при Медицинском центре, места нам хватит.
- Я не могу покинуть остров, доктор, у меня же тут Патти. И мой жених велит мне сидеть тут и ждать его, как... как кто я буду ждать тебя, Ланс?
- Как Сольвейг. Стыдно невесте норвежца не знать Ибсена!

— Она еще успеет узнать, она так молода! — вступился доктор за девушку. — Сколько вам, Дженни? Года двадцать два — двадцать три, я думаю?

— Вы не смотрите на фигуру, доктор, вы на ее лицо внимательно посмотрите — она же совсем девчонка, ей всего семнадцать.

— Семнадцать?! Девочка, что же будет с вами в двадцать пять? Ну, Ланс, вам несказанно повезло — в наши-то времена отыскать такую девушку! Умная, решительная, красивая. А уж заботливая — просто как девушки прошлых веков. Ну ничего в вас нет от планетянки, Дженни!

— Доктор, это комплимент или порицание?

— Это диагноз. Вы, Дженни, абсолютно здоровая душой и телом девушка. И где это, Ланс, вы нашли такое сокровище? — За круглым столом короля Артура.

— Ой, Ланс, не надо! Я не переживу, если доктор начнет надо мной смеяться!

— Простите, доктор, но здесь начинаются наши маленькие семейные тайны — видите, как она смутилась!

— Уважаю и не настаиваю. Итак, друзья мои, поскольку мы все решили и обо всем договорились, я хочу немедленно переоформить мой билет на ваше имя, Ланс. Давайте ваш код!

Ланселот продиктовал доктору свой персональный код, и доктор тут же связался с планетной авиакомпанией. На маленьком экране его карманного персоника возникла надпись:

АВИАБИЛЕТ НА ИМЯ ДОКТОРА О. ВЕРГЕЛАННА АРЕСТОВАН В СВЯЗИ С АРЕСТОМ ВЛАДЕЛЬЦА.

— Что это значит? — растерялся доктор Вергеланн, и тут же начал набирать новый код.

— Пойдите, доктор! Что вы хотите теперь делать? — спросил Ланселот, хватая его за руку.

— Как что? Хочу позвонить в авиакомпанию и узнать, что это за чепуха?

— А если это правда?

— Как это может быть правдой — я же не арестован!

— Вы сами говорили, что экологическая служба плохо работает. Наверняка было два приказа — о вашем аресте и об аресте вашего билета, чтобы вы не ударились в бега, и второй приказ опередил первый. Это и не удивительно, поскольку вас нет сейчас дома. Кто-нибудь знает, куда вы отправились?

— Нет, я ведь живу один. Но, помилуйте, за что меня арестовывать?

— Как это за что? Вы нарушили приказ экологов и вместо того, чтобы уничтожить инвалидов, отправили их по домам.

— Я должен узнать, что происходит в нашем Медицинском центре!

— Разрешите, доктор, я сделаю вызов от своего имени.

Ланселот набрал код Медицинского центра, и в ответ пришло сообщение:

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЕТ. ОБРАТИТЕСЬ В МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ОСЛО.

Вергеланн побледнел и стал дрожащими руками набирать новый код, но Ланселот снова его остановил.

— А теперь кого вы хотите вызывать, доктор?

— Кого-нибудь из моих коллег. Я должен узнать, что с ними!

— А если они все уже арестованы? Выйдя на связь, вы им ничем не поможете, а себя обнаружите. Посидите спокойно, ничего не предпринимая, я сейчас вернусь. Дженни, не давай доктору ни с кем связываться!

Ланселот покатил в свою мастерскую, оставив Дженни с Вергеланном. Через несколько минут он вернулся с железной коробкой в руках. Он покопался в ней и извлек небольшой квадратик серого металла. — Дайте вашу правую руку, доктор! — Что вы задумали, Ларе? Что это?

— Это свинец. Я хочу заблокировать ваш персональный код. Этому фокусу меня научил один рыбак, когда мы с ним ходили промышлять креветок в запретную военную зону. Наверняка вас уже ищут через полицейский Надзор и удивительно, что до сих пор не обнаружили.

— Но я вовсе не желаю прятаться от Надзора, ведь я ни в чем не виновен. Я законопослушный гражданин Планеты и не сделал ничего плохого.

— Я в этом совершенно уверен, доктор. Но сейчас давайте вашу руку — дорога каждая секунда. Надзор вас разыщет в один миг, как только местные экологи осмелятся сообщить начальству, что они вас упустили.

Ланселот наложил на большой палец правой руки Вергеланна тонкую свинцовую пластинку, обернул ее вокруг последней фаланги и затем обмотал тонкой медной проволокой, а сверху сделал обычную повязку из бинта.

Доктор Вергеланн покрутил большим пальцем. — Какое странное ощущение...

— Я знаю это чувство, — улыбнулся Ланселот. — Как будто вышли из-под колпака, да? — Что-то вроде этого.

— Да, конечно, как ни чтим мы нашего отца Мессию, но удрать на время из-под Надзора — запретное и приятное приключение. Наверное, так чувствует себя мальчишка, сбежавший с уроков.

— А вы что, Ланс, никогда с уроков не сбежали?

— Я никогда не учился в школе. Но будь те готовы и к неприятным ощущениям, док тор: в море эта маленькая хитрость со свинцом вызывает чувство изоляции от мира и потерянности.

— Надо же... Признаться, мне никогда не нравился тотальный контроль над гражданами Планеты, но я не предполагал, что это так ощутимо, — проговорил доктор, поглаживая правую руку с повязкой на большом пальце. — Ну и что я теперь, по-вашему, должен делать дальше, мои предприимчивый и решительный друг?

— Я бы предложил такой план. Скажите нам, где вы держите ваш отчет, приготовленный для Мессии, и дайте ключи от дома. Мы с Дженни сходим на "Мерлине" в Тронхейм, поглядим что там и как, и если получится, заберем ваши бумаги.

— Не стоит рисковать. Я держу в голове все факты, собранные мной для доклада Мессии.

— А, ну тогда все еще проще. Раз мы оба не можем лететь в Иерусалим по воздуху, отправимся оба по воде. Согласны, доктор?

— Конечно, согласен! Сколько можно терпеть произвол местных экологов и их подпевал из городского совета! Дорогой я напишу доклад о положении в скандинавской медицине, вы передадите его Мессии, и Месс наведет в Скандинавии порядок. Тогда я вернусь в Тронхейм уже вертолетом и снова начну по-настоящему лечить людей.

— Вот мы все и решили, — сказал Ланселот, — а поскольку я теперь выхожу в море в сопровождении личного врача, наш выход можно ускорить. И ты, Дженни, тоже поплывешь с нами. Одна ты здесь не останешься. Экологи могут пронюхать, что доктор посещал этот остров, и заявиться сюда.

— Ура-а! — закричала Дженни. — Пират, веселей разворачивай парус! Йо-хо-хо, веселись, как черт!

— Приготовь-ка ты лучше нам с доктором что-нибудь основательное на ужин, пиратка. И учти, что в нашем дальнем плаванье именно тебе придется заниматься камбузом.

— Вот и прекрасно! Я еще и стирать умею, и штопать, и вязать на спицах... — И вышивать.

— И вышивать... А вышиванье-то тут при чем?

— Совершенно ни при чем, как и вязанье на спицах.

— Обязательно возьму с собой незаконченный свитер и довяжу его тебе к исцелению! Я пошла готовить ужин. — Вот и иди. Обрадовалась...

— Бойтесь брать ее с собой? — спросил доктор, когда Дженни вышла из комнаты.

— Конечно, боюсь. Но оставлять ее здесь боюсь еще больше. Вы не представляете, доктор, насколько она несовременна и незащищена!

— Да, она несовременна, но насчет незащищенности — это вы, Ланс, погорячились. Когда она пришла ко мне и заявила, что прилетела к больному жениху и потребовала, чтобы я немедленно отправился с ней на ваш остров, я просто обомлел.

— Она так и сказала — "к жениху"? — удивился Ланселот.

— Так и сказала. Храбрая и решительная девочка. Да и физически она гораздо крепче, чем большинство планетянок: я не наблюдаю в ней ни малейших признаков астении. И где это вырос такой цветок?

— Цветочек чертополоха, — усмехнулся Ланселот. — Дженни шотландка и родилась на острове Иона. — Это что — Гебриды?

— Да. Кстати, доктор, у меня есть карта Европы, давайте-ка мы с вами подумаем над маршрутом.

Когда через час Дженни появилась из кухни с большим горшком ароматной ухи, Ланселот и доктор сосредоточенно намечали карандашом путь на карте, расстеленной на столе.

— Убирайте со стола вашу карту, пилигримы, ужинать будем, — скомандовала Дженни.

— М-м-м, что за уха! — воскликнул доктор, попробовав варево Дженни. — Дженни, волшебница, откуда у вас картофель, петрушка и вообще все эти приправы?

— Вы забыли вкус настоящей картошки, доктор, — засмеялась Дженни, — это всего лишь корни лопуха! А петрушка, любисток и сельдерей — с грядки. У Ланса есть настоящий огород, только очень маленький. Но он утверждает, что у него были и картофель, и лук, и чеснок. — Были! Только я все это за зиму съел.

— Но в этой ухе абсолютно точно присутствуют и чеснок, и лук! Их божественный вкус и запах ни с чем не спутаешь, — сказал доктор.

— Доктор, это медвежий лук! Я нашла его, когда мы ездили на соседний остров за сеном для Патти. — И у вас много этого замечательного лука? — Нет, всего один пучок.

— В нем полно фитонцидов. Непременно прихватите его в дорогу и кормите им Ланса.

— Хорошо, так и сделаю. Я ужасно рада, доктор, что вы плывете с нами!

— А я благодарен вам, Дженни, что вы именно ко мне обратились тогда в Тронхейме, и я смог вылечить Ларса. И как это вы нашли меня?

— Адрес дал чиновник в Центре питания, у которого вы лечили жену, а дорогу к вашему дому показал рыбак, которому вы вместо эвтаназии спасли руку.

— А, Йенсен! Помню, как же... Представьте, является в Медицинский центр рыбак, которому прошило руку лопнувшим тросом, а врач, к которому он обратился за помощью, вместо того, чтобы просто зашить рану, предлагает ему эвтаназироваться "по медицинским показаниям". Абсурд! Конечно, я принял его лечить. Ну а когда же мы сможем выйти в море?

— Вы опасаетесь ареста, доктор? — спросил Ланселот.

— Нет, об этом я теперь не думаю, ведь я уже в бегах. Просто не терпится выйти в плаванье.

— Мы сможем выйти уже завтра на рассвете, если эту ночь целиком посвятим сборам в дорогу.

— А спать ты когда собираешься? — возмутилась Дженни. — Доктор, скажите ему, что он должен выспаться перед дорогой!

— Ну вот что, дорогие мои, — сказал Ланселот, — давайте сразу договоримся. Поскольку я капитан судна, то и командовать всем, что касается нашего плаванья, буду я.

— Но здоровье команды будет под моим надзором, поскольку я судовой врач.

— А я, бедная, и матрос, и кок, и стюард... В общем, вся судовая команда и все мною командуют! — воскликнула Дженни.

— Судно, на котором есть капитан, врач и такая команда, просто обречено на счастливое плаванье! — сказал доктор Вергеланн.

— Вы забыли про пассажира, доктор! У нас на судне будет и пассажир — мой ослик Патти. Правда, Ланс? 149

— Гм. Я думал, мы его отвезем крестьянам на соседний остров и там оставим на время.

— Ланселот! Патти не вьючная скотинка, а мой друг: я не могу оставить своего друга в чужом хлеву. Ты знаешь, однажды я поехала с матерью в гости к нашим соседям на несколько дней. Патти пришлось оставить дома, мама не хотела его брать ни в какую: это не принято, и все тут! Знаешь, что было? — Что?

— Он лег у ворот и не вставал и не съел ни соломинки до тех пор, пока я не вернулась, только воду пил. Ну как его можно оставить?

— Решено, мы берем Патти в качестве пассажира.

— У тебя в сарае есть коса, Ланс, — сказала обрадованная Дженни. — Давай прихватим и ее. Мы ведь сможем иногда сходить на берег, чтобы накосить травы для Патти? Ты, конечно, умеешь косить?

— Дженни, ты меня идеализируешь! Я многое могу делать руками без помощи ног, но вот косить... — Косить умею я, — сказал доктор.

— Ну вот, я же знала, что все уладится! А меня научите косить, доктор? — Охотно, Дженни.

— Я думаю, мы будем каждый вечер для ночлега приставать к берегу, так что Патти сможет пастись самостоятельно, — сказал Ланселот. — А косу возьмем, будете делать для него запас травы на время плавания. Итак, нас будет трое в лодке, не считая осла.

— "Трое в лодке, не считая собаки", — задумчиво проговорил доктор Вергеланн. — Вы читаете книги, Ларе Кристенсен? — Да. И Дженни тоже.

— Теперь понятно, отчего вы мне оба понравились с первого взгляда! Вы не из тех молодых болванов, которые годами торчат в Реальности, не интересуясь ни жизнью, ни книгами.

Дженни и Ланселот переглянулись. Дженни чуточку смутилась, а Ланселот ухмыльнулся.

— Вот тут вы не угадали, — сказал он, — мы с Дженни тоже выходили в Реальность и очень это любили. У нас была своя собственная Реальность. Дженни, как ты считаешь, мы можем теперь открыть доктору нашу тайну? — Ладно уж, открывай!

— Наша Реальность называлась "Старый замок короля Артура". И знаете, кто был королем Артуром? Дженни, не смущайся! — Неужели Дженни?

— Вот именно, доктор! И еще каким королем! Разве вы не заметили, что я по сей день исполняю при ней роль преданного и послушного рыцаря? Дженни фыркнула.

— В таком случае вы, Ланс, не кто иной, как сэръ Ланселот Озерный. Я угадал?

— Угадали, доктор! А теперь давайте перейдем от Реальности к реальным проблемам. Я поехал к "Мерлину". Дженни, ты собирай одежду, спальные мешки и продукты. Доктор, вы осмотрите нашу аптечку, отберите лекарства в дорогу, а потом приходите мне помогать на катамаран. Если удастся до утра подготовиться к плаванию, я еще успею немного поспать этой ночью. Завтра я выведу катамаран из залива, а потом поставлю к штурвалу Дженни и доплю

остальное. Прогноз на завтра передали хороший, так что ты, Дженни, справишься, когда мы пойдем по открытой воде.

— Сэр Ланселот, у вас в команде не только Дженни, — сказал доктор, поднимаясь из-за стола и поводя широкими плечами. — Я, между прочим, как и вы, норвежец и с детства выхожу в море — на лодке, на катере и под парусом. Кстати, а парус у вас есть?

— Есть старый парус в сарае, но после смерти отца я его ни разу не ставил, мне это оказалось не под силу. Но это было бы неплохо — с попутным ветром идти под парусом, так можно экономить батарейки. У нас их очень мало.

— Мой катерок оставим здесь или возьмем на буксир? — Лучше оставить.

— Я это к тому, что в таком случае надо взять из него батарейки. У меня их две — одна в гнезде и вторая запасная.

— Отлично, доктор! Нам ведь нужна еще батарейка для дорожного персоника, иначе мы окажемся оторванными от мира и не сможем видеть планетные новости. А теперь идемте в сарай, поглядим, что там с парусом.

В углу сарая оказался не один, а два паруса, правда, второй был основательно порван.

— Что вы скажете, доктор, о том, чтобы устроить для Дженни приятный сюрприз? С помощью нескольких бамбуковых удилищ и этого старого паруса мы могли бы соорудить на корме что-то вроде сарайчика или будки для нашего пассажира: Патти в ней будет укрыт от ветра, зноя и дождя, и там же мы сможем хранить для него сено.

— Я думаю, эта идея стоит того, чтобы выйти в плавание на час позже. Я готов взять сооружение будки на себя. — Спасибо, доктор!

— Не благодарите, а лучше исполните мою маленькую просьбу.

— Буду рад.

— Я бы хотел захватить в плаванье пару книг вашего Писателя: я очень давно не брал в руки настоящих книг, отпечатанных на бумаге. — Хорошая идея, доктор!

Всю ночь пилигримы провозились со сборами. Ланселоту так и не удалось прилечь, хотя доктор и Дженни пытались отправить его в постель. Зато к рассвету мачта с парусом была установлена, все необходимые вещи и продукты погружены и даже Патти заведен на катамаран и привязан в брезентовой будке на корме. Последнее, что Ланселот вынес из дома, были распятие и Библия.

— А это ты зачем берешь с собой? — удивилась Дженни.

— Я обещал матушке никогда не убирать из дома распятие и Библию. Приходится держать слово, ведь теперь нашим домом на долгое время будет катамаран "Мерлин". Подержи их, пока я запру замок!

— Давай лучше я запру дом, я боюсь прикоснуться к Библии.

— А ты бери ее левой рукой, и ничего с тобой не случится: к Библии нельзя прикоснуться только рукой с кодом. На, держи!

Ланселот запер дверь дома, положил ключ под порог, и они отправились к "Мерлину". Через полчаса отчалили, паломничество началось.

Из фьорда, по которому Ланселот мог бы пройти даже безлунной ночью, катамаран вывел он сам, но когда вышли в Норвежское море, был развернут и поднят парус, и за штурвал встала Дженни, а доктор Вергеланн следил за парусом. Ланселота отправили спать в каюту.

Море было спокойно, ветер дул северный, попутный. Доктор умело управлялся с парусом.

К вечеру они выбрали безлюдную бухточку для ночлега и пристали к берегу. Развели костер, и Дженни принялась готовить ужин, а Патти отправился пастись на ближайшую лужайку. После ужина вернулись ночевать на катамаран.

Первая ночь паломников прошла спокойно.

Глава 10

Мессия принимал гостей. В гостиных, ресторанах и в саду на верхнем этаже Вавилонской башни прогуливались, сидели и стояли члены Семьи первого круга. По правилу, установленному Мессом для своих вечеринок, гостям запрещалось на них говорить о политике и о чем-либо грустном или серьезном. Играла музыка, благоухали экзотические цветы в огромных вазах, официанты разносили подносы с крепкими напитками и шампанским, натуральными соками, фруктами и легкими изысканными закусками. Гости танцевали и вели непринужденные разговоры, флиртовали и сплетничали.

Мессия сам нарушил установленное им правило, отведя к огромному панорамному окну Папу Апостасия первого, главу Мировой Церкви.

— Скажи, святейшество, какой символикой вы пользуетесь при ваших богослужениях? Я догадываюсь, что не крестами.

— Упаси Созидательная Сила! Кресты — скажешь тоже... Еще в прошлом тысячелетии экуменисты требовали удалить христианскую символику из общественных учреждений. Например, в Баварии кресты были удалены из школ и гимназий, а на германских каретах "скорой помощи" вместо красных крестов изображали синие снежинки. Все это делалось будто бы для того, чтобы не оскорблять магометан, иудеев, буддистов, сатанистов, кришнаитов и членов других нехристианских конфессий. — А на самом деле — для чего?

— Не для чего, а для кого — для тебя, Мессия. Мы все тебя ждали и дорогу тебе от крестов очищали.

— А какими символами пользуется теперь Мировая церковь?

— Мы используем три шестерки — символ Мессии, пятиугольники — символ Планеты, звезды вершиной вверх — символ могущества освобожденного человека, а также звезды вершиной вниз как символ Созидательной Силы Природы.

— Еще вопрос, Апостасий. Известны тебе какие-нибудь тайные секты, практикующие сегодня?

— Собственно говоря, мой Мессия, сект уже давно нет, кроме одной. Это вполне безобидная Церковь Эволюции, в нее в основном входят школьники. Ее членов еще зовут дарвинистами.

— Они что, в самом деле имеют какое-то отношение к Дарвину?

— Самое непосредственное: они до сих пор верят в теорию эволюции и убеждены, что человек произошел от обезьяны.

— Забавно. Ты никогда не задумывался, Апостасий, почему некоторые люди так упорно держатся за эту научную теорию, несмотря на то что наука от нее давно отказалась?

— Отвечу вопросом на вопрос, мой Мессия: а тебе в твои молодые годы разве ни когда не хотелось побыть шаловливой и без ответственной обезьянкой? Шалить, блудить, драться за лакомства и никогда не стыдиться своих поступков?

— Я именно так и делал и ничуть не стыдился.

— А чего же стыдиться? Коли у нас с обезьянами общие предки, то все это совершенно в природе человека, не так ли? А потому мораль, культура, совесть, правопорядок — это все поверхностно, временно и держится лишь до тех пор, пока в них есть нужда. Осознать, что глубоко в нашей природе прячется блудливая, эгоцентричная и агрессивная обезьяна, — это так освобождает! А вот бедные христиане, например, верят, что они созданы по образу и подобию Божию, и им, беднягам, приходится стараться этому соответствовать. Представляешь, какую немислимую ответственность они на себя принимают?

— И они соответствовали своей странной идее, как ты думаешь, святейшество?

— Иногда — да, чаще — нет, но ведь дело-то совсем не в этом, мой дорогой Мессия. — А в чем же?

— А в том, что в глубине души каждый самый плохонький христианин верит, что пускай сам-то он не святой, но святость, то есть соответствие образу и подобию Божию, меж людьми существовать должна и существует.

— Ты, Апостасий, говоришь о христианах в настоящем времени. Ты имеешь в виду Россию? — Не только. — На Планете тоже есть христиане?

— Да, мой Мессия. — Где? — В потаенных местах.

— Но ты же сказал, что на Планете не осталось сект, кроме дарвинистов!

— Увы, Мессия, христианство не секта, христианство — Церковь.

Папа Апостасий задумался, глядя в окно на зависшее внизу розовое облако. Потом он обернулся к Мессии.

— Но ты начал эту беседу вовсе не для того, чтобы выяснить положение с сектами, я прав?

— Совершенно верно. Мои продвинутые эзотерики недавно показали мне людей, молящихся с крестами и свечами в руках.

— Кресты не были перевернуты верхушками вниз? — Нет. — А какого цвета были свечи?

— Гм. По-моему, у некоторых свечи были желтые, а у других — красные. Я видел целые процессии христиан с большими иконами и крестами. А что, это имеет значение?

— Несомненно. Мы при богослужениях пользуемся черными свечами, дарвинисты — зелеными. А вот иконы и кресты — это признак того, что ты видел самых упорных из христиан — православных. У них эти процессии так и называются — "крестный ход".

— Я считал, что на Планете остались только жалкие христиане-одиночки.

— Увы, мой Мессия, это совсем не так. Например, в бывшей Греции добрая треть жителей по-прежнему тайно придерживается православия. Этого следовало ожидать, учитывая древность греческой православной Церкви. Удивительно то, что в каждой бывшей европейской стране есть свои тайные православные общины.

— Православные? Не католические и не протестантские? — Вот именно. — Мне ничего об этом не известно.

— Я бы тоже не знал, если бы не мой прошлый экуменический опыт. Мне, как бывшему главе европейского экуменического движения, пришлось взять на учет все религиозные конфессии, существовавшие тогда в Европе. Так вот, мой Мессия, когда почти все они присоединились к Мировой Церкви, в списке присоединившихся не оказалось православных объединений! Отдельные православные христиане и даже священнослужители признали ЕМЦ и вошли в нее, но не общины, не говоря уже о поместных церквях. Более того, значительная часть протестантов и католиков именно в тот момент присоединилась к Православию. "Возвращение домой" — так они это называли.

— Как жаль, что это случилось до моего вступления во власть: я бы придумал, что с ними делать.

— Да, жаль, ты прав. А теперь они все ушли в катакомбы, и уничтожить их мы не в силах. Будучи итальянцем по крови, я особенно огорчен тем, что тысячи католиков-итальянцев тоже перешли в тот момент к православным. И увел их из лона Католической церкви сам тогдашний глава католиков, Папа Римский, мой предшественник!

— Вот как? А сообщили, что он умер, и только поэтому Папой Римским, а затем Папой Мировой Церкви избран ты. Выходит, обманули?

— Нет, не обманули. Я предал его анафеме, как только он отказался признать приоритет Единой Мировой Церкви. Это значило, что для нашей церкви он духовно умер, так что сообщение о его смерти не было лживым.

— Ну а на самом-то деле что с ним случилось? Отравили, небось, старичка, мракобесы вы такие?

— Ватиканские врачи готовы были предложить ему эвтаназию в связи с обострением ревматизма, но не успели. И сам он, и все православные итальянцы ушли в катакомбы. Таким образом история римского христианства завершила свой круг: в катакомбах она начиналась, в них она и закончилась. — Ты уверен, что закончилась?

— Если в затопленных римских катакомбах кто-то сегодня и обитает, мой Мессия, то разве что чудовища-мутанты.

— Ну вот и отлично. Да, кстати, о чудовищах! Наши реалисты подготовили какое-то необыкновенное шоу с монстрами из Реальности. Пойдем, Апостасий, посмотрим, что они там насочиняли.

Мессия подал знак стоявшему неподалеку секретарю, после чего всех гостей пригласили спуститься на балкон одного из нижних ярусов Башни. Под балконом шла терраса, лентой обвивавшая всю Башню от подножия до верхних этажей, по ней шла двухполосная дорога. Обычно по ней сновали в обе стороны грузовые и пассажирские мобили, но сейчас она была

пуста: по распоряжению Мессии движение на дороге перекрыли на время шоу.

Гости высыпали на балкон. Дамы делали вид, что им холодно на легком, дующем с океана ветерке и кокетливо кутались в дорогие меха. Мужчины по большей части "согревались" крепкими напитками.

К краю парапета, окружавшего террасу, вышел ненатурально красивый молодой человек с белозубой улыбкой; в одной руке он держал микрофон, а в другой небольшой аппарат со множеством кнопок, в его черных кудрях был хорошо виден красный обруч реалиста. Гости подошли к ограждению балкона и приготвились смотреть и слушать.

— Дорогой Мессия! Дорогие дамы и господа, гости нашего Мессии, — начал молодой человек, глядя вверх, на публику, заполнившую балкон, — я хочу представить вашему вниманию устрашающих водяных чудовищ, созданных лучшими реалистами Планеты. Как известно, в Реальности мы обычно имеем дело с фантомами, то есть придуманными чудовищами. Они забавны, они ужасны и доставляют много радости тем, кто общается с ними в Реальности. Но гораздо больший интерес представляют собой так называемые "персоны" — персонажи сказок, легенд, фэнтэзи. Они созданы реалистами самого высокого класса на основе уже существующих изображений и описаний, но их облик и поведение от реалистов не зависят. Персоны подчиняются только своему характеру, иногда весьма и весьма прихотливому. И вот мы сделали следующий шаг: из Реальности мы перенесли некоторых особо интересных чудовищ-персон прямо в жизнь, и сейчас мы их вам продемонстрируем. Итак, прошу внимания, дорогой Мессия, дамы и господа, мы начинаем наше Чудовищное Шоу!

Реалист поиграл кнопками, и гости Мессии увидели, как из синей воды поднялась гигантская змеиная шея с маленькой головкой наверху. Ниже шеи в волнах можно было разглядеть темно-коричневую спину с тремя горбами. Чудовище поводило головой, с туповатым любопытством оглядывая гостей, а гости любовались чудовищем.

— Перед вами Несси, легендарный обитатель озера Лох-Несс. Озеро сохранилось на одном из островов Шотландии, но сама Несси живет только у нас, в нашей замечательной Реальности.

Вслед за Несси гостям был представлен глубоководный Кракен — огромный осьминог, чьи щупальца, когда он их поднял над водой и протянул к Башне, почти дотягивались до края террасы. Потом по волнам проплыл титанических размеров белый кит, а за ним невероятной длины сельдяной король по имени Тройка, с тремя головами в ярко-красных гривах. Затем была представлена медуза по прозвищу Горгона — полупрозрачное с перламутровым отливом гигантское тело, похожее на купол и окруженное бахромой из серых водяных змей.

Гости удивлялись и ахали, но вскоре утомились зрелищем и начали не на шутку замерзать. Заметив это, реалист объявил:

— Прошу еще немного внимания, уважаемые гости! Сейчас вам будет представлен главный персонаж нашего Чудовищного Шоу — Змей-из-бездны! Но Змей появился вовсе не из бездны, а выплыл откуда-то сбоку. Он был так огромен, что в его пасти без труда поместилась бы небольшая лодка. Глаза змея полыхали огнем, как у дикого зверя в ночном лесу, при этом змеиный взгляд был осмыслен выразителен.

— Змей-из-бездны — самое впечатляющее создание современных реалистов; не будет преувеличением сказать, что среди персон новейшего поколения он настоящий VIP — очень важная персона, и мы гордимся тем, что он вышел из бездны талантов нашего Банк-Реаля, — торжественно объявил реалист

— Ну, это ты соврал, — громко сказал Мессия, пристально поглядев в глаза змею. — Этот змей вышел совсем из другой бездны, и мы с ним встречались прежде. Зовут его Випер, по-домашнему — Вип, так что с VIP ты, мальчик, угадал. И он еще не змей, а так — детеныш-змееныш. Что, малыш Вип, тебя выпустили погулять? А ну-ка, дружок, покажи нам, на что ты способен, накажи этого завравшегося человечка.

Випер медленно поднял голову над водой, показывая желтые полосы на шее и брюхе. Он нашел своими огромными глазищами Мессию и явственно склонил перед ним голову. Затем Змееныш-из-бездны подплыл к самому подножию Вавилонской Башни и начал медленно вытягиваться вверх, поднимая голову с горящими глазами до тех пор, пока она не оказалась вровень с террасой. Гости на балконе шарахнулись к стене Башни. Випер рывком распахнул пасть, и оттуда на гостей пахнуло невыносимым смрадом. Многие закрыли глаза, а некоторые и лицо, и поэтому мало кто видел, как монстр почти незаметным движением чудовищного раздвоенного языка смел с террасы бедного реалиста, не успевшего даже крикнуть.

— Молодому человеку удалось закончить свое шоу самым впечатляющим образом, — пошутил Мессия. — Благодарим тебя за доставленное удовольствие, Вип. Плыви по своим делам, шалунишка. Настоящего Змея вы, господа, возможно, еще увидите, но вряд ли кто из вас будет в состоянии насладиться этим зрелищем так, как вы наслаждались сегодня.

Випер, к восхищенному ужасу гостей, снова явственно поклонился Мессии, потом со страшным плеском опал в воду, развернулся, выбросив несколько блестящих черных колец гигантского тела, и ушел в глубину. Поднятые им волны еще долго бились о подножие Башни, когда уже и гости, и сам Мессия покинули террасу.

Гости, теперь уже и вправду начавшие стынуть на ночном ветру, отправились ужинать и обмениваться впечатлениями в одном из бесчисленных ресторанов Башни, но хозяин праздника их покинул.

Мессия вошел в кабину лифта и приставил свой персональный код Я-1 к самому низу доски с обозначениями этажей. Лифт опустился в особый подвальный этаж. Там Мессию встретил некто в черном одеянии с низко надвинутым на лицо капюшоном. — Все уже приготовлено для молитвы? — Да, мой Мессия.

Они прошли по длинному пустому коридору и остановились перед высокой дверью из черного резного дуба. Мессия приложил руку к вырезанному вверх пятиугольнику, и дверь бесшумно отъехала в сторону. Они вошли в низкий зал со стенами и потолком из грубого серого камня. Вдоль стен тускло горели огромные свечи в больших, в человеческий рост, кованых шандалах, а между ними на стенах были укреплены грубые деревянные кресты. На крестах висели распятые человеческие фигуры. Почти все они были еще живы.

— Есть удачные экземпляры? — спросил Мессия у человека в черной мантии.

— Сегодня ничего особенного, мой Мессия, — ответил тот. — Вот разве что два брата; старший привез младшего, безногого мальчишку, на исцеление, и вы изволили его исцелить. Пока мы их поместили в разных концах зала, и они друг друга еще не видели. Прикажете начать с них?

— Пожалуй. Это может дать результат. Мальчишка был без обеих ног? — Да, Мессия.

— Уберите и ноги, и руки. Потом тащите младшего на алтарь, а старшего — на главный крест. Сегодня я хочу говорить с Повелителем.

Мессия подошел к черному алтарю, над которым висел пустой перевернутый крест, сверху

донизу покрытый потеками высохшей крови. Рядом стоял аналой с большой потрепанной книгой на нем. Мессия раскрыл книгу, полистал, потом начал читать монотонным голосом.

Через некоторое время служители в черном поднесли к Мессии молодого мужчину без сознания. Мессия взглянул на него, не прерывая чтения, и указал на крест. Служители перевернули крест, подняли на него неподвижное тело и привязали заскорузлыми от крови веревками к перекладине. Потом на носилках принесли еще одно тело, совсем короткое, накрытое красным покрывалом, и, не снимая покрывала, положили на алтарь, прямо под ноги распятому.

— Встряхните сначала этого, — кивнул Мессия на распятого.

Несчастный очнулся и закричал, когда один из палачей прикоснулся к нему концом электрического провода.

— Ну, ты по-прежнему благодарен мне за то, что я исцелил твоего брата? — спросил его Мессия.

— Мессия! — закричал распятый, широко открыв глаза. — Я ни в чем не виноват, за что меня терзают эти люди? Спаси меня, о Месс!

— Ты что, не слушаешь меня? Я спросил тебя, благодарен ли ты мне за то, что я исцелил твоего брата? — Да, да, мой Мессия, да, я благодарен тебе!

— А в уплату за это исцеление я и беру у тебя твою жизнь. Ну как, теперь ты проклянешь и своего брата, и меня, не правда ли? — Нет, Мессия, я не проклянущу ни брата, ни тебя, — хрипло проговорил распятый, — я все равно буду любить моего братишку и благословлять тебя.

— Нет, так не пойдет. Ты думаешь, мне нужны твои благословения? Нет, мне нужны твои проклятья. Ты — жертва за брата.

— Тебе зачем-то нужна моя жизнь? Возьми ее, Мессия! Зато мой Тео теперь может ходить ногами по земле. Благодарю, благодарю тебя, мой Мессия, я ни о чем не жалею! — Ну, это мы исправим — сейчас пожалеешь. Мессия подошел к алтарю, на котором лежал младший брат пытаемого, сдернул с него покрывало и крикнул: — Вот твой исцеленный брат! Смотри! Опустив голову, старший брат поглядел на алтарь и увидел на нем своего Тео — с отрубленными выше колен ногами и рука-ми по локти. Обрубки были перетянуты ремнями.

По залу разнесся отчаянный вопль распятого.

— Это мой брат! Ты исцелил, а потом убил его! За что? Зачем? Такого тихого, та кого несчастного мальчика! Проклинаю тебя, изверг! Исчадие ада!

— Правильно говоришь. Но недостаточно громко. Сейчас мы это поправим, — сказал Мессия и повернулся к служителям: — Разбудите младшего.

К носу мальчика поднесли ампулу с сильно пахнущей жидкостью. Он застонал, не открывая глаз.

— Ты хочешь, чтобы я убил его сейчас быстро и легко? — спросил Мессия старшего брата. — Прокляни меня самым страшным проклятьем, на какое ты способен. Ну же, будь мужчиной! — Добей, добей его, прошу тебя!

— Да, любишь ты сильно, но проклинаешь ты слабо. — Чтоб тебя разорвало на куски, палач!

— Нет, все еще слабо, — покачал головой Мессия.

— Антонио, где ты? — застонал младший брат, не открывая глаз. — Мне снилось, что я хожу, Антонио! А потом мне во сне отруби ли руки и ноги, и они даже сейчас еще так болят, так болят... Антонио, ты где? Помоги мне проснуться!

Старший брат замолчал и в ужасе смотрел вниз, на алтарь.

— Ну, прокляни же меня как следует, — продолжал Мессия, — и тогда я пощажу и тебя, и брата — убью вас быстро.

Младший вдруг приподнял голову и увидел прямо над собой распятого старшего брата. Он закричал и начал биться головой о каменный алтарь. — Я проклинаяю тебя, дьявол! — завопил Антонио. — Я проклинаяю себя, Сатана! Боже, как я мог поверить обещаниям Антихриста?!

— Прекрасно! Тебя я тоже исцелил — ты прозрел. Продолжай, продолжай в том же духе! Ну так как же именно ты ненавидишь меня?

Мессия подошел, схватил с алтаря нож и аккуратно вспорол живот распятому: внутренности старшего брата вывалились наружу, сначала на его ноги, а потом сползли с них на лицо младшего, и тот, страшно закричав, захлебнулся и замолк. Старший еще долго был жив, минут пять, не меньше. Мессия ухватился за перекладину креста и начал медленно его вращать, жадно глядя в глаза распятому. Антонио молчал, но его умирающие глаза, которые не могли закрыться когда он висел вниз головой, были полны ненависти. Наконец он содрогнулся и умер.

Мессия встал на колени перед алтарем и перевернутым крестом и протянул руки.

— Призываю тебя, мой Повелитель! — закричал он. — Приди ко мне, приди сейчас!

По подземному залу пронесся ледяной сквозняк, стена вокруг распятия в один миг покрылась льдом и засверкала. И тогда мертвые глаза распятого загорелись желтым огнем, сведенный судорогой рот раскрылся, выплеснул черную кровь, и вслед за тем из него вырвались скрежещущие звуки:

— Слушаю тебя, избранник. Говори!

— Благодарю, Повелитель. Скажи мне, должен ли я идти войной на Россию, Повелитель? Россия — оплот Православия, а мне предсказано, что я должен остерегаться православных христиан.

— Ты медлишь. Если ты будешь нерешителен, я выберу себе другого слугу.

— Нет, нет, только не это, мой Повелитель! Только не это! Скажи мне, что я должен делать?

— Ты должен уничтожить Россию, а по том и весь остальной мир. Уже пора. Я раз решаю тебе оставить только этот остров с Башней — для забавы.

— Когда я должен их уничтожить, Повелитель?

— Россию — этой ночью. К утру она должна быть стерта с Земли. Ты понял, ничтожество?

— Я понял, мой Повелитель. Я сегодня объявлю войну России и сброшу бомбы.

— Не объявляй. Просто взорви ее. Разрушь. Сожги. Уничтожь. — Слушаюсь, Повелитель.

Желтые глаза погасли, в подземелье резко потеплело, по стене вокруг распятия поползли струйки воды.

Мессия встал с колен и быстрым широким шагом отправился к выходу из подземелья.

Люди в черном пошли вдоль стен, гася свечи в шандалах и походя закалывая длинными ножами еще живых распятых.

Глава 11

За два дня паломники обогнули западный берег Скандинавии и достигли пролива Скагеррак. Тут они увидели на горизонте длинную цепочку судов.

— Как вы думаете, друзья, что это? Почему в море столько судов? — спросил доктор.

— Я думаю, это и есть тот морской кордон, о котором говорил мой брат, — предположила Дженни. — Кажется, они нас замети ли: в нашу сторону идут два глссера.

— Доктор, вам лучше спуститься в каюту, — озабоченно сказал Ланселот, — мы с Дженни сами их встретим. Может быть, обойдется без обыска. Но сначала надо спустить парус, чтобы мы могли сразу остановить катамаран, если потребуется.

Парус спустили и дальше пошли на мо-торе. Доктор спустился в каюту, Дженни встала к штурвалу, а Ланселот взял бинокль и покатыл в своей коляске на нос катамарана.

— Дженни, когда они приблизятся, заглуши мотор: мы должны сразу же показать им, что мы не злоумышленники, а законопослушные планетяне.

Вскоре глссеры подошли к ним и прижались с двух сторон к бортам "Мерлина". Экологисты, по двое с каждого глссера, перепрыгнули на палубу катамарана и направились к Дженни и Ланселоту.

— Мне кажется, лучше с ними говорить мне, все-таки я лучше знаю военных, — шепнула Дженни.

— Попробуй, — так же тихо ответил Ланселот.

— Кто вы такие? Куда это вы пробираетесь? — спросил один из экологистов.

— Мы плывем из Норвегии, офицер, хотя я вообще-то из Шотландии, — сказала Дженни, лучезарно улыбаясь экологисту. — Я была в гостях у брата в Тронхейме-фьорде, а теперь мы с ним плывем на юг. Но мы не пробираемся, офицер, а идем совершенно открыто. — Из Норвегии? В Европу?

— Ну да. Но не в Европу, а дальше. Мы паломники и идем морем в Иерусалим. — Зачем?

— Мой брат инвалид, вы же видите. Мы плывем в Иерусалим, чтобы получить исцеление у Мессии. — Предъявите ваш персональный код. — Пожалуйста!

Дженни протянула офицеру правую руку, он достал карманный персоник и считал код.

— В самом деле — Шотландия. А ты, парень? Ланселот подкатил к экологисту и тоже протянул руку. Его код также оказался в полном порядке, и экологист удовлетворенно кивнул. — На судне еще кто-нибудь есть?

— Есть, — ответила Дженни и кокетливо хихикнула, — у нас имеется пассажир. Ланселот удивленно на нее взглянул.

— Давайте его сюда, пусть тоже предъявит код.

— А он не может к вам подойти, офицер! Он, хи-хи, привязан!

— Что, еще один инвалид? А почему привязан? Буйно помешанный, что ли?

— Да что вы, офицер! Третий наш пасса жир — это мой ослик, и он на привязи. Вон там, в палатке на корме! Видите, он голову высунул — приветствует вас. А персонально го кода у него, извините, нет, он у меня, знаете ли, асик. Экологисты дружно захохотали.

— Ну дает девчонка! Осел — асоциальный элемент!

Старший офицер снисходительно улыбнулся Дженни и прикрикнул на экологистов. Он достал кодоискатель и включил его. Ланселот и Дженни замерли, но прибор среагировал только на них и на самого офицера с командой. 178

— В самом деле, никого, — офицер убрал аппарат. Его заинтересовала карта на стене рубки. — Это вы свой маршрут обозначили тут красным пунктиром?

— Совершенно верно, — подтвердил Ланселот.

— Ну и ну... Сомневаюсь, что вам удастся дойти до Иерусалима. Вы знаете, почему мы вас задержали?

— Нет, — сказал Ланселот, — но я надеюсь, это не война с русскими?

— Слава Мессу, пока нет. В бывшей Европе беспорядки. Кое-где наблюдается нехватка продовольствия, а у людей не хватает мужества перетерпеть временные трудности. Прослышав, что Скандинавия и Британия не пострадали от саранчи, голодающие пытаются пробраться на север. Мессия распорядился о морском кордоне, чтобы сохранить нормальное положение в Скандинавии и Британии. Раз вы британка и скандинав, вы это поймете. Я думаю, вам лучше повернуть назад и лететь в Иерусалим вертолетом. — Это приказ? — спросила Дженни.

— Нет, красавица, это совет. Нам велено заворачивать только тех, кто плывет на север, а вы идете на юг.

— Вы хотите сказать, что мы можем продолжать наше плаванье, офицер? — мило улыбнувшись, спросила Дженни. 179

— Да. Вы видите там, на востоке цепочку судов? — Это еще один кордон?

— Нет, это суда с продовольствием, они идут из Скандинавии в Европу. Вы можете присоединиться к ним, и тогда дойдете без риска до северных европейских архипелагов. — Но они движутся так медленно! — Естественно, ведь это баржи.

— Нет, мы не можем идти с такой черепашной скоростью. Мы пойдем сами по себе.

— В таком случае вы идете на свой страх и риск. У вас хотя бы есть оружие? — Оружие? Ланс, у нас есть оружие?

— Мое охотничье ружье. Ну, еще коса, которой мы косим сено для нашего пасса жира. — А девушка вооружена? — Нет.

— Должен вас предупредить, что ближе к Датским островам в море орудуют пираты и контрабандисты, а залив кишит лодками и плотами беженцев, пытающихся прорваться через кордон. Если у вас есть золото, я могу продать вам револьвер с патронами — отличное оружие для девушки.

Дженни сняла с руки браслет и протянула его экологисту.

— Наверное, мне и вправду надо иметь собственное оружие. Вот, возьмите, офицер! Это все, что у нас есть. Золото настоящее, не сомневайтесь, это старинный браслет!

— Чувствую по весу. Держите! — Он достал из висевшей на боку сумки и протянул Дженни увесистую коробку. — Тридцать второй калибр и к нему две пачки патронов. Теперь вы предупреждены и вооружены, и это все, что я могу для вас сделать. Идите за нами, чтобы вас никто больше не задерживал. Через кордон мы вас проведем, а дальше — ваше дело и ваше счастье. Уходим, ребята!

Экологисты, весело попрощавшись с паломниками, попрыгали на палубы глассеров, и тут же их моторы взревели. Дженни тоже запустила двигатель и пошла вслед за летящими вперед глассерами.

— Зачем ты отдала свой браслет, королек? Ты говорила, что это наследство и память от бабушки, а револьвер нам вовсе не нужен, моего ружья вполне достаточно. Ты же не собираешься стрелять в людей?

— Конечно, нет. Если хочешь, можешь прямо сейчас выбросить его за борт. Я просто заметила, что офицер все время поглядывает на мой браслет, и поняла, что экологист нарочно нас задерживает и пугает, что бы получить его в уплату за оружие. Подумай сам, какие могут быть пираты в наше время? А Надзор-то на что? Но если бы мы показали, что не верим ему и не стали покупать у него оружие, он мог бы устроить обыск в каюте, а вот это было бы совсем лишнее. Куда более лишнее для нас, чем этот револьвер. Ты согласен, сэр Ланселот?

— Согласен, королек. Ты все сделала правильно. — Люблю, когда меня хвалят! — А кто не любит?

— Смотри, револьвер в кобуре. Можно я буду носить его на поясе? — Зачем, Дженни? — Для устрашения.

— Ну ладно, носи для устрашения. Только стрелять не вздумай, а то еще поранишься ненароком.

— Сэр Ланселот! Братья начали учить меня стрелять из револьвера, когда мне было десять лет.

— И так — каждый день! — Что "каждый день", сэр Ланселот?

— Узнаю о тебе что-нибудь новенькое, король Артур.

Переговариваясь, они внимательно следили, к какому из судов подойдут глиссеры, а потом Дженни провела катамаран прямо под бортом этого судна. За ними следили с борта, но остановить не пытались. Они прошли кордон и направились дальше на юг.

Когда цепочка судов осталась далеко позади, Дженни передала штурвал Ланселоту, а сама спустилась в трюм. Доктор Вергеланн сидел на подвесной койке и читал захваченную из усадьбы книгу Известного Писателя.

— Доктор! Вы что, совсем не боялись, пока над вашей головой топтались экологи?

— Нет. Я знал, что все обойдется, наше паломничество не могло так глупо закончиться в самом начале. — Вот как... А вот я ужасно боялась.

— Странно, я все время слышал с палубы ваш веселый, я бы даже сказал, легкомысленный смех.

— Доктор, это я со страху, это у меня нервное!

— Ах, вот оно что! Удивительная у вас реакция на испуг, — сказал доктор и снова уткнулся в книгу.

— Что-то я сегодня всех удивляю, — пробормотала Дженни, поднимаясь на палубу, — просто удивительно!

К вечеру на горизонте показался остров, а чуть позже паломники разглядели на нем серый замок с высокими крепостными стенами.

— Знаете, что это за остров, друзья мои? — спросил доктор Вергеланн.

— Нет.

— Остров Зеландия. Конечно, это уже не тот остров, что был до Катастрофы, но кое что от него осталось. Прямо по курсу город Эльсинор и замок Кронборг.

— Замок принца Гамлета, — задумчиво произнес Ланселот. — Помнишь, Дженни, я тебе рассказывал о Гамлете, принце датском?

— Помню, это такой говорливый и закомплексованный принц. А нельзя пристать к этому острову на ночлег? Мы с Патти оба уже устали от качки: море качается, небо качается, палуба качается. Мне уже хочется проверить, не качается ли и суша?

— Тс-с, Дженни! Вы счастливая, вам не приходилось видеть, как качается земля во время землетрясений. Это гораздо страшнее, чем самая сильная качка на море.

— Я вам верю, доктор, — сказал Ланселот, — моя матушка рассказывала мне, что творилось с берегами во время Катастрофы.

— Не пугайте меня! — воскликнула Дженни. — Все равно хочу сегодня ночевать на твердой земле!

— Но мы могли бы еще идти до темноты, а потом найти другое место для ночлега, — сказал Ланселот. — Но Эльсинор же лучше!

— Чем он лучше любого другого места, Дженни?

— А тем, что когда мы с тобой состаримся, мы сможем рассказывать нашим внукам, что во время нашего дальнего плавания останавливались на ночлег у принца Гамлета! Ланселот усмехнулся и повернулся к доктору.

— А что вы думаете о посещении Эльсинора, доктор?

— Я согласен с Дженни. Кстати, я вижу отсюда вход в маленькую бухту, в нее можно будет завести "Мерлина".

Вблизи выяснилось, что это была не бухта, а пролив, отделявший островок, на котором располагался замок, от остальной части острова, низменной и покрытой каменными руинами, между которыми росли трава, кусты и даже большие старые деревья. Катамаран завели в пролив и стали подводить к воротам Кронборга. Высокие стены королевской резиденции угрюмо наклонялись над проливом, из бойниц свисали ивовые кусты, вверх по стенам ползли щупальца плюща, а по самому верху стен буйно разрослась трава. Вода пролива подходила к самым стенам.

Пилигримы причалили к воротам, из двух створ которых сохранилась только одна, решетчатая, покрытая ржавчиной и погнутая волнами. К ней и прикрепили конец, а трап спустили прямо на булыжник под сводами. Дженни первая спрыгнула с борта и пошла по проходу за решеткой. В конце его оказались внутренние ворота. Дженни толкнула тяжелые створы, старые петли заскрипели, и ворота разошлись. Она остановилась и оглядела двор.

— Тут никого нет — ни пиратов, ни бандитов, ни мутантов! — крикнула она, обернувшись.

Внутри замка-крепости громоздились руины, в толстых стенах щерились черные проломы, но напротив ворот стояло почти уцелевшее дворцовое здание. Пилигримы обошли двор, между плит которого пробивались сорняки и березки, и убедились, что, по крайней мере, во дворе замка действительно никого нет. После этого доктор вернулся на катамаран, взял из арсенала Ланселота мощный электронный фонарь на батарейке Тэсла, и они отправились осматривать дворцовые помещения. Холодные пустые залы, длинные коридоры, продуваемые сквозным ветром, были абсолютно пусты. Кронборг был необитаем и полностью разграблен, деревянные дверные проемы и оконные рамы отовсюду были выломаны, и только окна с каменными готическими переплетами остались на своих местах, но и в них не уцелело ни единого стекла. На каменных полах не было ни сора, ни пыли — вымело сквозняками.

— Все сперли в датском королевстве, — сказал Ланселот, оглядывая очередной пустой и мрачный зал. — Может быть, останемся ночевать на "Мерлине"?

— О нет, пожалуйста, давайте сегодня спать на полу, который не качается! — воскликнула Дженни.

— Если мы хотим ночевать под крышей, — сказал доктор, — нам придется еще засветло перебраться через пролив и там поискать топливо для костра.

— Заодно пустим Патти погостить, — сказала Дженни.

Они снова вышли к катамарану, переправились через пролив и там пустили Патти на травку, а сами стали собирать сухие ветки кустарника и плавник на берегу и охапками носить его на катамаран.

Набрав запас топлива, они вернулись в замок. Дженни удалось обнаружить пригодное для ночлега помещение совсем неподалеку от входа, видимо, бывшую караульную. Это была

комната с низким сводчатым потолком, с небольшим окном и закопченным камином, а главное с почти сохранившейся железной дверью. Из нее был выломан замок и висела она косо, но когда Дженни взялась за грубую железную ручку, приподняла дверь и стала ее толкать к проему, та подалась и затворилась почти плотно. Вместе с доктором они перенесли в караулку спальники, пластиковый ящик с едой, посуду, контейнер с водой и собранное за проливом топливо. Затем доктор начал разводить в камине огонь. Сначала караульное помещение наполнилось дымом, но потом тяга наладилась, огонь запылал, и Дженни принялась стряпать ужин.

Ланселот, которого освободили от хозяйственных хлопот, поставил на широкий каменный подоконник дорожный персоник и настроил его на вечернюю программу новостей.

— Идите скорее сюда, Дженни, доктор! — закричал он через несколько минут. — Кажется, началась война с русскими! Россия напала на Планету! Послушайте, что говорит Мессия!

На маленьком экране они увидели лицо Мессии, взволнованное и озабоченное, но как всегда мужественное.

— ... и в ответ на вероломное нападение царской России наши доблестные ракетные войска нанесли сокрушительный ответный удар по врагу! Сейчас, когда я говорю с вами, дорогие соотечественники, Российская империя доживает свои последние минуты...

Тут экран коротко и ярко вспыхнул и сразу же потух. Звук тоже пропал. Но свет в караулке не исчез — ослепительный белый луч ворвался в крохотное помещение через окно и осветил его до последних углов.

— Это молнии? Это гроза? — испуганно спросила Дженни, уже понимая, что никакая это не гроза, потому что грозовая молния сверкнет и потухнет, а этот ослепительный свет бил с неба непрерывно, как будто снаружи прямо в окно светил мощный прожектор. Дженни закрыла лицо руками и от вернулась. Доктор схватил спальный мешок, бросился к окошку и стал затыкать его.

— Вы не бойтесь, доктор, что этот свет — ответный ядерный удар русских? — спросил Ланселот. — В таком случае затычка из старого спального мешка нас не спасет. Придется спускаться в подвалы замка, если только они не затоплены.

Они стояли у железной двери, открытой в коридор, еще не решив, что им предпринять. Потом свет в коридоре стал слабеть, и через несколько минут в караулке светился только огонь в камине.

— Слава Богу, — сказал доктор Вергеланн, — это, кажется, все-таки гроза. Я не на шутку испугался, что мы попали под ядерный удар.

— А вы думаете — не попали? — с сомнением спросил Ланселот, выглядывая в коридор. — Взгляните на небо, доктор. 189

Доктор Вергеланн подошел к нему и встал у оконного проема напротив караулки. Очень высоко в ночном небе продолжали метаться сполохи белого света. Проснулись и подняли тревожный крик гнездившиеся на острове морские птицы.

— Патти плачет! — воскликнула Дженни и бросилась по коридору к выходу.

— Пойдите, Дженни! — крикнул доктор. — Я провожу вас и погляжу, не нужна ли моя

помощь.

Они вышли во двор. Патти стоял посреди двора, расставив ноги, и отчаянно кричал.

— Патти, бедненький, что с тобой? — Дженни обняла ослика за шею. — Доктор, смотрите, у него слезы из глаз катятся!

— Я думаю, это от резкой вспышки света. Ваш ослик не был в укрытии, как мы, и его ослепило. — Не насовсем, доктор?

— Надеюсь, нет, но точно мы это узнаем позже. А пока давайте-ка заведем его в замок и поместим в коридоре рядом с караулкой. Там он будет в безопасности, и вам будет спокойнее. К тому же, я замечаю, ветер крепчает: такое ощущение, что надвигается шторм. И птицы будто с ума посходили. Вот точно так же страшно кричали птицы перед Катастрофой, я это помню. 190

— Пойдем, Патти, ты будешь со мной рядом. Доктор, ему можно чем-нибудь помочь?

— Да, можно. После ужина сделайте ему примочки из спитого чая. — Вы думаете, мы будем сегодня ужинать? — А почему же нет? Мы ведь пока живы.

Когда ослик успокоился, а пилигримы отужинали, ветер за стенами усилился, и всем стало ясно, что шторм надвигается нешуточный. Ланселот и доктор взяли фонарь и отправились наружу, чтобы закрепить катамаран и заодно взять побольше еды на случай, если придется застрять в Эльсиноре. Но электронный фонарь не загорелся.

— Странно! Я перед выходом в море вставил в него новую батарейку, — удивился Ланселот.

— Я проверю свой фонарь, — предложил доктор.

Фонарь доктора, не такой мощный, как у Ланселота, без электронных хитростей, был исправен. Они вышли во двор. Ветер окреп и гулял по всему Кронборгу свистя и завывая в проемах и проломах. Доктор ухватился за коляску Ланселота, чтобы ее не перевернуло ветром и чтобы самому удержаться на ногах. Двор был залит водой, прибывавшей прямо на глазах. Выйдя к воротам, они обнаружили, что за стенами замка дела обстоят еще хуже — там уже вовсю бушевал шторм, и они слышали железный грохот: это "Мерлин" бился бортами о ворота.

— Что будем делать с катамараном? — громко, стараясь перекричать ветер, спросил доктор.

— Давайте попробуем завести его под своды ворот, если тут уже достаточно глубоко.

— Я проверю, — сказал доктор и решительно шагнул в воду. — Так, здесь мне уже выше пояса. — Хорошо. У "Мерлина" малая осадка.

— Дальше еще глубже, но, кажется, я смогу добраться до катамарана, дно тут ровное. А что мы будем делать потом, когда вода спадет и "Мерлин" окажется на суше?

— Про потом и будем думать потом, док тор. Отвяжите один конец и принесите его мне: я перекину его через внутренние ворота и начну тянуть, как только вы освободите катамаран.

После долгих трудов доктору и Ланселоту удалось затянуть катамаран в проход до самых внутренних ворот и там закрепить его.

— Теперь нашему "Мерлину" никакой шторм не страшен, — сказал доктор, — и все наши вещи

останутся сухими. Может быть, вообще не стоит перетаскивать их в замок? Мы сможем в любой момент сюда добраться, если нам что-то понадобится.

— Пожалуй. Но сейчас возьмите сухую одежду для себя — вам надо переодеться. Возьмите на всякий случай мое ружье и захватите один мешок с сеном, чтоб заткнуть окно. И Патти будет чем позавтракать, если шторм к утру не кончится.

Погрузив все вынесенное с катамарана на руки Ланселоту, доктор встал за спинку коляски, ухватился за поручни и повел коляску к замку.

— У вас это лихо получается, доктор! — крикнул ему Ланселот.

— Долгий опыт, друг мой! Прежде чем стать врачом, я несколько лет работал медбратом.

Дженни поджидала их в дверях. Она помогла перетащить вещи в караулку, а потом завести туда коляску Ланселота. Закончив хлопоты, они поужинали и принялись устраиваться на ночлег. Все улеглись, но уснуть никто не мог. Хотя окно было надежно заткнуто мешком с сеном, завывания взбесившегося ветра мешали сну. Мешали спать и мысли о войне.

— Как вы думаете, доктор, если это война, то чем она кончится? — спросила Дженни.

— Если исходить из событий недавнего времени, то война завершится не чьей-либо победой, а очередной Катастрофой. — Как это понять?

— Когда в начале века американцам все-таки удалось развязать третью мировую войну, никакие миротворческие усилия России и союзников не смогли ее прекратить. Война была остановлена стихиями — серией страшных землетрясений, начавшихся в зонах военных действий. Сначала в Северной Америке и в Персидском заливе, а затем землетрясения волной прокатились почти по всему миру. Тем и кончился первый этап третьей мировой войны. Воевать стало некогда и некому, поскольку два главных противника к этому времени фактически истребили друг друга, а стихийные бедствия завершили это взаимное истребление. На первом этапе войны победителей не оказалось, и союзники той и другой стороны начали собирать силы для нового столкновения. Второй этап мировой войны закончился уже общей Катастрофой. Как говорили некоторые, пожар мировой войны был залит мировым потопом. Если мы сейчас наблюдаем третий этап все той же самой войны, значит, можно вновь ожидать вступления в войну третьей силы — разбуженных и оскорбленных мировых стихий.

— Землетрясения и затопления уже были, а что будет на этот раз? — испуганно спросила Дженни.

— Вода и земля уже сказали свое слово, небо, возможно, говорит сегодня... 194

— А четвертая стихия — огонь, — поеживаясь, сказала задумчиво Дженни. — Это будет всемирный пожар, как вы думаете, доктор?

— Возможно. Персоник все еще молчит, Ланселот?

— Молчит и не дышит. Похоже, что он совсем испортился. — Как не вовремя!

Дженни в конце концов заснула, а Ланселот с доктором так и не спали, сидели и разговаривали до утра.

Глава 12

А утром пилигримы обнаружили, что шторм все еще продолжается. Огонь в камине разводить не стали, позавтракали хлебом и рыбой, принесенными с катамарана, запивали холодным чаем.

— Мои электронные часы встали, — вдруг заметил доктор. — Очевидно, русские что-то взорвали в космосе как раз над нами: вся наша электроника вышла из строя — персоник, фонарь и мои часы. Между прочим, я потерял мою свинцовую накладку, когда за водил катамаран под ворота, и теперь у меня ощущение, что мой код тоже вышел из строя.

— После свинца он всегда некоторое время бездействует, не волнуйтесь. У меня есть на "Мерлине" свинцовые грузила, я сделаю вам новую накладку. А вот электроника — это тревожно. Хорошо, если она вышла из строя только у нас, но что если вся планетная электроника отказала?

— Все может быть, — задумчиво сказал доктор, — но мы об этом узнаем только когда встретимся с людьми.

— Ой, что же станет с планетянами, если заглохли все персоники? — ужаснулась Дженни. — Ни новостей, ни выхода в Реальность — люди начнут сходить с ума!

— Мы же не сошли, — пожал плечами Ланселот.

— Мы и не сойдем, потому что мы все трое — чудачки, нам и сходить-то особенно не с чего. Простите, доктор, это не касается ваших профессиональных качеств — тут вы ас. Но кто еще в наше время способен часа ми беседовать друг с другом, как мы? Нормальные люди давно разучились общаться без персоников, они просто не сообразят, о чем им друг с другом разговаривать и, живя рядом, погибнут от одиночества!

— Святая правда, — сказал доктор. — Толь ко бы наше гостеванье в Эльсиноре не затянулось.

— Не будем неблагодарными, — возразил Ланселот. — Если бы мы во время космических взрывов оказались в море, мы бы неизбежно погибли. Здесь сухо и в общем даже тепло. Компания подходящая — тройка сумасшедших пилигримов, как сказала Дженни.

— А если нам вдруг надоест беседовать друг с другом, — сказала Дженни, — мы можем читать книги. У нас есть целых две книги — роман про Маленького Лорда, который читает доктор, и твоя Библия, Ланселот.

— Вот-вот, самое время раскрыть Библию и начать читать Апокалипсис, — усмехнулся доктор. — Ало... Как вы сказали, доктор?

— Апокалипсис, Дженни. Это пророчество любимого ученика Христа апостола Иоанна Богослова о конце света, о гибели человечества.

— Ну и увлекательное же, должно быть, чтение! — заметил Ланселот. — А чего-нибудь повеселее в Библии нет?

— Когда я был юношей и читал Библию, мне казалось, что нет на свете книги более радостной, чем Новый Завет. Я тогда разрывался между двумя своими призваниями: мне одинаково хотелось быть врачом и принять священнический сан.

— Как хорошо, что вы все-таки предпочли медицину, доктор! — заметила Дженни. — Доктор, а в армии хорошие врачи?

— Я ничего об этом не знаю. Почему вы вдруг об этом спросили, Дженни?

— У меня отец и четыре брата военные. А тот брат, который доставил меня на твой остров, Ланселот, служит в ракетных войсках. Знать бы, что с ними...

Ни Ланселот, ни доктор Вергеланн утешительных слов для Дженни не нашли, а потому просто промолчали.

— Какая страшная буря и как темно, — сказала девушка тоскливо. — Как будто сегодня и не рассветало... Доктор, а почему вы хотели стать священником?

— Ах, девочка, я уж и не помню, ведь это было так давно! Наверное, хотел помогать людям. Помню только, что в те годы мы каждый вечер всей семьей читали Библию, тогда это еще было можно.

— А почему Библия запрещена, как вы думаете?

— Трудно сказать. Возможно, это было сделано для того, чтобы сохранить психику травмированного войной и Катастрофой человечества. Мессия, наверное, хотел, чтобы после пережитого ужаса люди начали просто жить, а не задумываться о смысле жизни.

— А вот моя матушка, которая тоже читала Библию каждый день, утверждала как раз обратное: она говорила, что без Бога человек не может вынести выпавшие ему испытания и беды. Между прочим, мне Бог тогда и в самом деле помогал.

— Тебе? Ты верил в Бога, Ланс? — удивилась Дженни. — Верил, и еще как.

— Ой, как интересно! Ну-ка, выкладывай всю правду, сэра Ланселот!

— В детстве у меня бывали сильные боли в спине, которые меня страшно мучили. Эти приступы обычно нападали на меня во время штормов. Матушка тогда дни и ночи напролет сидела рядом с моей постелью, растирала мне спину и вслух молилась Христу, прося облегчить мою боль. И боль по степенно стихала.

— Так, может, тебе массаж помогал, а не молитвы? — усомнилась Дженни.

— Не знаю. Тогда я был уверен, что помогают мне моя мама и Христос.

— Молитва — хорошее лекарство, — заметил доктор. — Когда-то я и сам рекомендовал тяжелым больным обращаться за помощью к Христу. Я уж не помню, многим ли молитва помогла в болезни, но она всем давала силы терпеть и успокаивала душу. Потом появился Мессия, и люди начали поклоняться и молиться Мессу вместо Христа Спасителя.

— Но ведь Месс и есть спаситель! — воскликнула Дженни. — Потому мы и плывем в Иерусалим, не так ли? Разве Месс не спасает самых безнадежных и отчаявшихся? Уж вам ли, доктор, этого не знать!

— Дженни права, — сказал Ланселот. — В юности мне пришлось выбирать между Спасом и Мессом, как вы говорите: я выбрал Месса и не жалею об этом. Но в принципе я ничего не имею против веры в Христа. Во всяком, случае моей матери она приносила большое утешение. —

Понимаю...

Друзья помолчали, а потом доктор вдруг спросил:

— Ланс, как вы отнесетесь к небольшому нарушению закона? Судя по бездействию на шей электроники, нас не застукает Надзор, если мы и вправду немного почитаем Библию.

— Хорошая идея, доктор! Не стоит забывать, что два тысячелетия эта книга была бестселлером. Вы сказали, что в юности считали Новый Завет самой радостной книгой: немного радости нам сейчас как раз не помешает.

— Делать нам все равно нечего, так уж давайте читать эту таинственную книгу, — сказала Дженни. — Меня с детства тянет к запретным вещам.

— Так я схожу на катамаран и принесу Библию, Ланс? — спросил доктор.

— Несите. Но будьте осторожны, не берите Библию правой рукой! Если вы при коснетесь к ней кодом, вы тут же почувствуете что-то вроде удара током: печать Мессии и Библия не любят друг друга. Если это случится, не уроните Библию в воду, она мне дорога как память.

— Я буду очень осторожен, хотя мне кажется, что мой код по-прежнему бездействует, — сказал доктор Вергеланн, поднимаясь со своего спального мешка.

— Вас проводить, доктор? Теперь, кажется, еще и дождь зарядил.

— Не беспокойтесь, Ланс. Куртка у меня непромокаемая, я ее на голову натяну.

Вскоре доктор вернулся и вынул из-под куртки Библию.

— Маленькое чудо, друзья! — объявил он с порога. — Мой код совершенно не реагирует на Библию.

Дженни поглядела на свою правую руку и сказала:

— С моим кодом тоже что-то случилось, он перестал светиться. А у тебя, Ланс? То же самое, вот удивительно! Ага, значит, теперь за нами никто не может надзирать? Доктор и сэр Ланселот Озерный, я вас поздравляю: мы теперь свободны от Надзора! Мы можем делать и говорить все что хотим!

— Как будто ты не делала этого раньше, — усмехнулся Ланселот.

— Но я все-таки помнила о Надзоре, а теперь... Да здравствует свобода и независимость в пределах Эльсинора и его окрестностей!

— Центр Надзора находится в Иерусалиме, а это значит, что Надзор не действует по всей Планете, — заметил Ланселот, разглядывая свой потускневший код. — Учтите, друзья, что наша независимость включает и нашу незащищенность: мы можем совершенно независимо погибнуть, и никто никогда не узнает, где и как это случилось, это во-первых. А во-вторых, как бы нам не превратиться в асов: если наши коды больше не действуют, это означает, что мы отныне не сможем ничего ни купить, ни продать, ни перевести наши деньги с одного счета на другой.

— Ох, об этом я не подумала! А как же твои деньги, внесенные на ММ?

— Увидим. Ладно, не будем заранее горевать. Все равно с проблемой наших кодов мы сможем разобраться не раньше, чем до беремся до цивилизованных мест.

— Совершенно верно, — кивнул доктор. — Ну а сейчас, дети мои, давайте, пока хлещет дождь и воет буря, откроем Библию и начнем читать, как делали люди встарь, когда еще не было ни персоников, ни Реальности. Однажды норвежский король Олав Трюгвасон, бывший язычник, принявший крещение, собрал домочадцев и слуг в своем бревенчатом замке вокруг закопченного очага и при его свете начал читать им Библию. Вот так когда-то христианство пришло в Норвегию.

Дженни уселась на пол рядом с коляской Ланселота и пристроила голову ему на колени, полностью пренебрегая его и своей "зонами комфорта", не говоря уже о "правиле двух вытянутых рук". Доктор открыл Библию и начал читать:

— Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова...

Пока бушевала буря над Эльсинором, в замке Кронборг пилигримы, натянув на себя всю теплую одежду и укутавшись в спальники, читали Святую Книгу. Днем они читали при тусклом свете, падавшем из окна, а вечерами им светил огонь, разведенный в камине. Доктор и Ланселот читали очень хорошо, а Дженни — по слогам, запинаясь, но свою очередь она уступить никому не хотела. К концу она стала читать гораздо лучше.

И вот Ланселот прочел: "Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и весь мир не вместил бы написанных книг. Аминь".

Никто не сказал ни слова. Как раз пора было ужинать, и Дженни принялась накладывать в миски кашу, доходившую в уголке камина.

Только после чая Ланселот первый заговорил о прочитанном.

— Пожалуй, я готов признать, что, не смотря на печальный конец, это очень светлая книга, — сказал он. — Пока мы читали, матушкин Христос стоял передо мной как живой. Никогда не встречал ни в одной книге такого удивительного героя. Интересно, как это удалось четверем авторам сохранить единство в Его описании? Судя по стилю, они все четверо были такие разные.

— Я думаю, что знаю ответ, — задумчиво сказала Дженни.

— И что же вы думаете, Дженни? — спросил доктор.

— А все очень просто: эти люди, Матфей, Лука, Иоанн и Марк, записали то, что сами видели или слышали от верных людей. Я думаю, что Христа нельзя выдумать, Его можно только описать. Вот и Ланс говорит, что ничего подобного не встречал в других книгах. А он, наверное, сто книг прочел!

— Да, ничего подобного я в книгах не встречал.

— А в литературе были попытки создать подобный образ, — сказал доктор, — но они никому не удались. Ланс, вам не случалось читать русского писателя Федора Достоевского? несколько

— В библиотеке на моем острове есть несколько его книг. — Роман "Идиот" читали? -

— Читал. Вы думаете, доктор, что Достоевский пытался наделить своего князя Мышкина

чертами Иисуса Христа?

— Несомненно. Как вы считаете, ему это удалось?

— Да ничуть! Князь Мышкин — чудесный человек, светлый и добрый, всех понимающий и всех прощающий, это так. Но это физически немощный и душевно нездоровый человек. А Христос — это ясность ума и абсолютное психическое здоровье.

— И физическое тоже. Он здоровый и сильный, — сказала Дженни. — Вы только вспомните, ведь Он постоянно в пути и почти не отдыхает, а питается как скудно! Хлеб, иногда рыба, иногда просто сухие пшеничные зерна, какие-то плоды с придорожных деревьев и только изредка угощение в гостях. Но Он никогда не устает и не болеет! Доктор, вы случайно не знаете, что такое "смоквы"?

— Знаю. Это такие южные фрукты, их еще называют инжиром и фигами. В прежние времена их продавали в свежем и вяленом виде. — Они вкусные?

— Вкусные и полезные. Я советовал варить их в молоке и давать детям при простуде: фиги смягчали кашель, а дети обожали сладкое лекарство.

— Как много всего было в прежние времена! И плотники тогда тоже были?

— Конечно. Так называли людей, работавших с деревом. Они обрабатывали его с помощью топора, пилы, рубанка, стамески и разных других инструментов. Было много деревянных домов, вот как дом Писателя, в котором живет Ланселот, и все дома эти были построены плотниками. — Это была трудная работа?

— Да, это был тяжелый физический труд. Недалеко от нашего дома была мастерская, где плотники изготавливали деревянные оконные рамы и двери. Все соседские мальчишки бегали туда за деревянными чурбачками, мы из них мастерили кораблики. Я до сих пор помню, как славно пахнут древесные стружки.

— Вот видишь, сэр Ланселот Неверующий, и смоквы были на самом деле, и плотники. Значит, и Христос был!

— Дженни! Неужели ты думаешь, что Христос и вправду жил в Назарете с названным отцом и матерью, работал топором и рубанком, ловил рыбу, а потом странствовал и проповедовал, по пути срывая смоквы и пшеничные колосья?

— Именно так я и думаю, Ланс. Вернее, чувствую. Вот ты помнишь сцену, когда иудеи хотели побить женщину камнями?

— Помню. Должен признать, очень сильная сцена.

— Ты обратил внимание, Ланс, что делает Христос, пока иудеи стоят и размышляют, имеют ли они право кидать в нее камни?

— Он сидит, склонив голову, и что-то чертит пальцем на песке...

— А она стоит и ждет. Потом Он поднимает голову и говорит: "Ушли? Ну иди и ты, и больше не грешి...". Ланселот, ведь это реальнее, чем Реальность, это же просто, видишь! Будто кто-то стоял рядом с Христом и перепуганной женщиной, наблюдал и запоминал все до мелочей.

— Думаю, Дженни права, и так оно все и было, — сказал доктор.

— Ну, дорогие мои, эту сцену автор мог просто сочинить!

— А кто-нибудь из тогдашних писателей сочинял такие сцены? — спросила Дженни.

— Нет. Но это еще ни о чем не говорит. Просто автор текста опередил свое время в изображении тонких психологических нюансов.

— Так они же не писатели были, Ланс! Значит, это просто точная запись того, что было.

— Ты в самом деле в это веришь, Дженни? — Верю!

— Ты еще скажи, что Христос и сейчас жив и смотрит на нас откуда-то с небес! — засмеялся Ланселот.

— Я бы этому не очень удивилась. Доктор, скажите, только честно, как вы думаете, Христос и сегодня жив?

— Если бы я знал, Дженни, если бы я знал! Когда-то я в это верил всем сердцем, и тогда мне было гораздо теплее и светлее жить на этом свете... А потом мир начал меняться так стремительно, жизнь стала такой, что христианскому Богу уже не осталось в ней места, и на смену Ему пришел Мессия. Теперь я, как и все, верю в Месса.

— А если нам не верить в Месса, то все наше паломничество теряет смысл, — подвел итог дискуссии Ланселот.

— Я согласна, с тобой, Ланс, Мессия — бог. Я почитаю его, преклоняюсь перед ним, уважаю его силу и разум. Но Христа невозможно не полюбить!

— А Библия — чудесная книга, и поэтому давайте читать дальше! — сказал доктор.

— Давайте, — согласился Ланселот. — У нас еще остались деяния и послания апостолов и Апокалипсис.

Через неделю ветер начал стихать, дождь прекратился, но волны все еще были слишком высоки для того, чтобы пуститься в путь.

Зато пилигримы смогли выходить и бродить по Кронборгу и по всей уцелевшей части Эльсинора. Море принесло на берег и выложило грядами массу веток, вырванных с корнем кустов и деревьев, тростника и даже каких-то досок. Все это топливо было мокрым, дымило и трудно разгоралось, но поддерживать в караулке тепло и просушить отсыревшую за время дождей одежду и спальники им удавалось. Ланселот придумал, как использовать дымящие сырые дрова с большой пользой: он нанизал на проволоку соленых лососей и повесил их внутри камина — коптиться. От запаха копченого лосося у всех текли слюнки, но Ланселот на очередной обед выделил Дженни только одну рыбину:

— Королек, наши персональные коды, похоже, вышли из строя, мы можем остаться без денег до самого Иерусалима. Копченый лосось всегда стоил дорого, мы сможем его продать и купить овощей и хлеба.

Глава 13

Прошел еще день, и вода под воротами Кронборга начала отступать. Паломники снова спустили катамаран в пролив и покинули Эльсинор. Они обогнули Зеландию и взяли курс на Ютландию — группу островов, оставшуюся от крупного датского полуострова.

У северных берегов Ютландии они еще издали увидели огромное скопление судов, больших и малых, между которыми сновали лодки. Над многими судами в небо поднимались небольшие дымки, видимо, там топили печки и готовили еду. В бинокль разглядели, что с бортов одних плавучих домов на другие были перекинута широкие трапы, образующие целые улицы, по которым жители могли добираться до самого берега. Стало очевидно, что к берегу через этот город на воде катамаран провести не удастся.

— Что меня удивляет, друзья, — сказал доктор, когда они отошли от Ютландии, — так это топография затопления Европы во время Катастрофы. Понятно, почему уцелели шведские и норвежские земли Скандинавии — большая их часть всегда лежала высоко над уровнем моря. Но каким образом уцелела большая часть низменной Дании? Я помню, что до Катастрофы наивысшая датская точка над уровнем моря была где-то метров сто семьдесят.

— Действительно странно, — согласился Ланселот.

— А вот я знаю! Знаю, почему Ирландия с Шотландией сохранились, а вся Англия ушла под воду, — сказала Дженни. — Англия вместе с Америкой была зачинщицей третьей мировой войны! Кто больше горя принес человечеству, тот больше других и наказан. Ваша Скандинавия триста лет как отвоевалась, потому и уцелела.

— В этом что-то есть, Дженни, — сказал доктор.

— Да нет, друзья, это вы увлеклись. Ваша теория катастроф не работает. Германия в прошлом веке две мировых войны развязала, а в Катастрофе уцелела половина ее земель.

— Германия покаялась в своих прошлых преступлениях, — сказал доктор.

— Но Германия бомбила Сербию, — заметил Ланселот.

— Она и в этом раскаялась и потому пыталась остановить Америку, когда та напала на Ирак.

— А Сербию, между прочим, Катастрофа вообще не задела, — заметила Дженни.

— Все это звучит почти убедительно, — сказал Ланселот.

— Но я опровергну вашу симпатичную теорию одним лишь словом, и слово это — Россия.

— Сдаюсь, — сказала Дженни. — Россия — это угроза всему человечеству...

— Так говорит Мессия! — сказал доктор Вергеланн.

Они обогнули Ютландию с севера, повернули на юг и шли почти до самой ночи. Под вечер они увидели скалистый островок, с моря казавшийся необитаемым, и пристали к нему. Изголодавшийся Патти первым соскочил на берег и бросился выискивать между камней редкие пучки травы. Найдя немного плавника, развели костер, поужинали и улеглись спать у костра в спальных мешках — пилигримам хотелось выспаться на твердой земле.

Утром Дженни проснулась раньше всех и решила поискать укромный уголок, чтобы привести себя в порядок: после полуторанедельного сидения в Эльсиноре ей еще ни разу не удалось как следует вымыться. Она огляделась. Почти весь островок занимала большая серая скала с плоской вершиной, на которой покоились два огромных круглых валуна. Она зашла за скалу и увидела, что остров не был отрезан от суши: каменистая коса с тропой поверху шла от него к недалекому берегу, низкому и топкому на вид, поросшему тростником и кустарником. За плавнями виднелась гряда невысоких дюн, а за дюнами — красные крыши города. Дженни обрадовалась, но сначала все таки выкупалась, вымыла волосы и выстирала кое-что из одежды. Потом вернулась на катамаран, протянула веревку от мачты к палатке и развесила на ней белье. Закончив свои труды, она разбудила Ланселота с доктором, спавших у потухшего костра, и поведала им о своем открытии.

— Надо сходить на разведку, — сказал Ланселот. — Может быть, мы сумеем раздобыть в городе корм для нашего Патти. Бедняга совсем оголодал в Эльсиноре, вид у него грустный и потерянный, как у принца Гамлета.

— Но катамаран нельзя оставлять без охраны, — возразила Дженни. — Давайте сделаем так: мы с доктором возьмем рыбу для обмена, нагрузим на Патти и ходим в город, а ты оставайся на "Мерлине".

По дороге к городу Дженни и доктор увидели пространные поля, засеянные высокими растениями, по виду напоминавшими артишоки.

— А в новостях недавно передавали, что саранча напала на Датский архипелаг, — удивилась Дженни. — Смотрите, доктор, какие прекрасные и сильные растения! Я думаю, это какой-то новый вид артишоков: вы только поглядите, как они похожи на гигантский чертополох! Но, конечно, они далеко не такие красивые.

— Патти наверняка с вами согласен, — улыбнулся доктор, — он совсем не обращает на них внимания. Я вас понимаю, Дженни: чертополох символ Шотландии, и никакому артишоку с ним не сравниться! — Все-то вы знаете, доктор Вергеланн! — Живу долго, — улыбнулся доктор. Они подошли к городу и увидели, что вблизи он вовсе не такой благополучный, каким казался издали. Половина домов в нем была разрушена, а добрая часть города еще и затоплена мутной зеленоватой водой. На высоких местах потрескавшийся асфальт был сухим, а там, где город покрывала вода, улицы превратились в каналы, площади — в лагуны, и дома стояли в воде выше первого этажа — дома без дверей. Но люди в этих домах жили: Дженни с доктором увидели над крышами легкие дымки и еще издали услышали запахи готовящейся еды.

Дженни, Патти и доктор вошли в город поутру, поэтому людей на улицах было немного. На них поглядывали с удивлением, особенно на Патти. Они выбрали горожанина, казавшегося на вид приветливее других и лучше одетого, и спросили его, где в этом городе можно купить еду?

— Я как раз направляюсь на рынок, идем те со мной. — Это в центре, недалеко.

Горожанин провел паломников по самому краю затопленной части города. Они пробирались по замусоренным и покрытым нечистотами улицам, под ногами у них хлюпала жидкая зловонная жижа. Они видели жителей, плавающих по улицам-каналам на плотиках, сделанных из уложенных друг на друга дверей, для прочности связанных веревками и проволокой. Передвигались они с помощью шестов. Некоторые из них снимали что-то с затопленных стен и складывали в мешки.

— Не пойму, что они там собирают? — спросила Дженни.

— Ракушки. Вы увидите их на рынке, но ни в коем случае не покупайте: ими уже половина города отравилась, и многие на смерть. Именно из-за ракушек мне никак не удастся уговорить жителей этих кварталов переселиться повыше, хотя там полно свободных домов. А жить тут опасно не только по причине гнилой воды: в затопленных подвалах укрылись водяные монстры, и с наступлением темноты они начинают охоту на людей. Но люди держатся за свои прежние жилища из-за добычи ракушек, травятся сами и травят других — в ожидании, пока Мессия справится с ситуацией.

— В городе нехватка продовольствия? — спросил доктор.

— Голод, — коротко ответил горожанин. — Все посеы уничтожены саранчой.

— Но по дороге сюда мы видели огромные площади, занятые какой-то высокой культурой вроде артишоков. По виду растения казались на редкость здоровыми, — сказал доктор.

— Они здоровы и еще как. Это дьяволох. Саранча его не берет, но и в пищу людям он не годится.

— Я слышал об этом растении в новостях, но в наших краях он не растет. Дьяволох ядовит?

— Хуже. Это растение-мутант, и человеческий организм просто не способен его усвоить. Зато в обратном направлении пищевая цепочка работает отлично: сам дьяволох прекрасно усваивает любую органику. Он уже подбирается к самому городу, и скоро нам придется его покинуть и уходить в глубь острова, а это значит — дальше от моря и от пищи. — А нельзя его уничтожить гербицидами?

— Может, и можно, только гербициды взять негде.

Вскоре они вышли на рыночную площадь. Здесь продавалось и покупалось, вернее, обменивалось, абсолютно все, от ржавых гвоздей и старой одежды до высушенных моллюсков.

— В городе бытует мнение, что если ракушки высушить и прокалить на огне, они теряют свои ядовитые свойства. Бесполезно объяснять жителям, что эта легенда не соответствует истине: бактерии погибают, но токсины остаются, — горько сказал их провожатый. — А теперь, после ядерного космического удара русских, бесполезно просить Медицинский центр о помощи лекарствами: вертолеты больше не летают — электроника отказала. Да и связи с центром нет по той же причине.

Дженни и доктор Вергеланн переглянулись.

— А вы, наверное, врач? — спросила Дженни.

— Хуже. Я бывший мэр этого умирающе го города.

После этих слов спутник распрощался с ними и отправился по рядам, осматривая товары и ведя разговоры с торговцами и покупателями.

Хлеба на рынке они не нашли: как им объяснили торговцы, в городе его просто не было. Зато на самом краю рынка доктор и Дженни увидели большую кучу бурого сена. На сене, подстелив под себя дерюжку, сидел худой белокурый юноша с гитарой в руках. Он тихонько перебирал ее струны и совершенно не обращал внимания на рыночную суету. Его напарник, на вид крепче и бойчее, с темными кудрявыми волосами, сбившимися в настоящее гнездо и с такой же давно нечесаной бородой, ходил вокруг своего товара, приминая взьерошенные ветром сухие стебли,

и время от времени выкрикивал:

— Морская капуста, а вот экологически чистая морская капуста, добытая в море! Покупайте, покупайте! Меняем на все! Меняем на все! Пилигримы подошли поближе. похожи.

— Как ты думаешь, Патти, это вкусно? — спросила Дженни ослика, подводя его к груде сухих водорослей.

— Но-но! Держи свою животину подальше от нашего товара — он не для скотов! — А для кого же? — Для людей, конечно! — А попробовать можно?

— Попробовать? Ишь, хитрая! Так и про кормиться можно на рынке, если пробовать все подряд. Подошла какая-то рыжая патлатая девчонка и старикан, похожий на доктора, а с ними осел, и они желают бесплатно лакомиться нашей капусткой! Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — не повернув головы, безучастно отозвался напарник. — Правду сказать, на поморников они не похожи.

— А кто такие "поморники"? — спросил доктор Вергеланн.

— Будто сами не знаете! — Не знаем. Мы не здешние.

— То-то вид у вас такой сытый. А что меняете?

— Рыбу. И рыба у нас замечательная — копченая лососина.

— Ишь ты! Копченая рыба! Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — так и не повернув головы, отвечал нелюбопытный Хольгер.

— Хотите менять рыбу на капусту? — спросил Якоб.

— Посмотрим. Так все-таки, кто такие "поморники"?

— Это люди, которых мы в наш город не пускаем. Они живут там, в дюнах, — он махнул рукой в сторону моря. — Опасные люди.

— Понятно, — сказала Дженни. Она развязала мешок и достала из него небольшого лосося.

— Вот эту рыбу мы готовы поменять на вашу капусту, если наш ослик станет ее есть. Можно дать ему попробовать?

Якоб задумчиво поскреб свою запущенную бороду.

— Ладно. Дай, только немного. Ух, а как пахнет рыбка-то!

— Попробуйте и вы наш товар, — предложила ему Дженни, вынула карманный ножичек и отрезала хвост лосося. Якоб взял его, оторвал себе небольшой кусочек, а остальное вложил в руку парнишке с гитарой.

— Ешь, Хольгер! М-м! Она еще и соленькая! Хотел бы я знать, где это люди нынче соль достают? — У нас дома есть запас. — Где это "у нас"? — В Скандинавии.

— Эти люди, оказывается, из самой Скандинавии, слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — ответил Хольгер, отложил гитару и начал аккуратно есть рыбу. Якоб вытер руки о рубашку и спросил: — Вы контрабандисты?

— Нет, мы пилигримы. Идем в Иерусалим.

— В Иерусалим на осле! Ну прямо как в Библии! Слышишь, Хольгер? — Слышу, Якоб.

Якоб взял щедрую горсть сухих водорослей и протянул ее Патти:

— На, пилигрим ушастый, угощайся! Бесплатно!

Патти вежливо взял у него из рук угощение, пожевал, проглотил и потянулся к куче.

— Но-но! Какой шустрый! Попробовал — и хватит с тебя, за остальное придется платить.

— У вас нет пустых мешков? — спросила Дженни. — Мы бы взяли всю вашу капусту, но нам не во что ее сложить.

— А сколько рыбы вы нам предлагаете за всю капусту и за мешки под нее? Пять рыб дадите? — Три.

— Три рыбы — за целый стог капусты и за четыре замечательных, почти целых мешка! А еще пилигримы! Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — монотонно отозвался Хольгер, не поворачивая головы в сторону спорящих. Дженни с некоторым недоумением заметила, что он еще ни разу не взглянул на них.

— Вы сами говорите, что мешки не новые. Вон тот, сверху, совсем дырявый. — Вы эту рыбину тоже в счет включите? — Конечно. — Ну так она тоже не совсем целая. — Я же для вас от нее кусок отрезала!

— А я вам дал за него горсть сена. Меняю сено и не совсем целые мешки на четыре не совсем целых рыбины. — Вы настоящий грабитель! — Да и вы девушка не промах. — Точно. Три с половиной лосося. — Четыре. — Три с половиной — крупных. Доктор удивленно наблюдал, с каким увлечением торгуется Дженни.

— Ладно, давайте четыре мелких — и по рукам, — предложил Якоб. — Идет?

— Идет, — ответила Дженни и вынула из мешка еще три рыбины.

— Вставай, Хольгер, будем укладывать товар.

Ленивый напарник встал, подобрал гитару и отошел в сторону, а Якоб взял мешки, на которых тот сидел, и начал укладывать в них проданный товар, плотно его утрамбовывая. Получилось как раз четыре полных мешка, и Дженни с Вергеланном связали их попарно и погрузили на Патти.

— Вот мы и расторговались на сегодня и можем идти домой. Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — ленивый напарник уложил свою гитару в порыжевший от старости футляр и закинул его на спину.

Якоб завернул лососей в тряпицу, обернул клочком старого мутного и ломкого пластика, сунул в сумку, повесил ее на плечо, потом взял своего напарника за руку и собрался уводить его с

рыночной площади. Только тут Дженни и Вергеланн поняли, что Хольгер слеп. Дженни сочувственно вздохнула, уж очень красивый юноша был этот Хольгер — стройный, светловолосый и синеглазый, с небольшой аккуратной бородкой. И кого-то он ей очень напомнил.

Именно слепой их и спас. Он вдруг остановился, прислушался к базарному шуму и сказал:

— Якоб! Сюда идет Косой Мартин со своими людьми. Помоги пилигримам скрыться, иначе он их ограбит — отнимет ослика. Слышишь, Якоб?

— Слышу, Хольгер. А где сейчас Мартин и его банда, куда они идут? — озабоченно спросил Якоб.

— Сейчас они вошли в палатку к Стену-оружейнику. Если мы сразу же двинем в дюны, они нас, может, и не заметят.

— Ясно. Вот что, голубчики пилигримы, быстро линияем отсюда в дюны. Ступайте за нами. А там — вы нас не видели, и мы вас не знаем! — А что случилось? — спросила Дженни.

— Хольгер услышал, что на рынке появились наши местные бандиты: у него слух, как у оленя. Косой Мартин и его банда хуже поморников, а у вас такой сытый вид, что они обязательно к вам привяжутся. — Якоб ухватил Хольгера за руку и они заторопились прочь с рыночной площади. — Не отставайте! Мы вас дожидаться не станем, нам тоже есть чего терять!

Дженни потянула Патти, доктор поспешил за ними. Якоб и Хольгер нырнули в улицу между кирпичными руинами, свернули в один, в другой переулок, и через несколько минут все они оказались возле последних домов города. Перед ними были невысокие дюны, поросшие сизой осокой, а далеко за ними виднелась полоска воды.

— Если мы зайдем за дюну, нас будет не видно из города, — сказал Якоб, переводя дыхание. И вдруг закашлялся тяжело и надрывно.

— Тебе нельзя так быстро ходить, слышишь, Якоб?

— Слышу, Хольгер. Но не отдавать же было нашу рыбу Мартину с его сворой! Мы с тобой собирали водоросли почти под носом у поморников, носили домой тяжеленные мешки, сушили капусту по ночам на ветру, чтобы никто не увидел. И вот после таких трудов — возьми и отдай всю выручку бандитам!

— Спасибо вам большое, друзья мои, — сказал доктор. — Если бы вы еще могли под сказать, как нам теперь выбраться отсюда к стоянке нашего судна. — А где ваша стоянка? — спросил Якоб.

— Вчера вечером мы пристали к скалистому островку, а утром обнаружили, что он связан с сушей узкой песчаной косой. По этой косе мы и подошли к городу.

— А, знаю! Эта скала называется Задница Тролля. Опасное место, между прочим. Вы знаете, что сейчас вы на тот островок уже не попадете?

— Это как же так? Почему? — испугалась Дженни. 224

— Да потому, что коса выступает из воды только по утрам, во время отлива. Сейчас ее затопило приливом.

— Ничего. На островке остался наш друг с катамараном. Мы выйдем на берег и дадим ему знать о себе — он подплывет и заберет нас.

— Ничего у вас не получится, пилигримы. Никакому судну не подойти в том месте к берегу, там сплошныеzybучие мели. Ваш друг, может, еще и выплывет на берег, если он хорошо плавает, но судно вы точно потеряете. — У нас катамаран.

— Это не имеет значения, мели очень высокие.

— А вы можете показать безопасное место, где катамаран может подойти к берегу?

— Слышишь, Якоб? Надо помочь пилигримам. — Как скажешь, Хольгер. — Пошли, пилигримы!

Он снова взял Хольгера за руку и повел всех по узкой, едва видимой тропе между дюнами. Они шли долго и наконец вышли к берегу. Тут Дженни с доктором поняли, что без помощи Якоба они ни за что не нашли бы вновь Задницу Тролля: за время их отсутствия островок погрузился в воду, и два огромных валуна, лежавшие утром на вершине скалы, теперь действительно напоминали торчащий над водой каменный зад тролля, за чем-то нырнувшего в воду. От косы, соединявшей островок с сушей, не осталось и следа. У самой каменной "задницы", оставшейся от островка, тихонько покачивался "Мерлин", Ланселота на палубе не было.

— Ланселот, наверное, спит, — сказала Дженни доктору, — сейчас я покричу ему, — и она уже поднесла руки ко рту.

— Стойте, девушка! — Якоб схватил ее за руку. — Если вы сейчас позовете своего друга, и он вас услышит, сумеете ли вы ему растолковать, что здесь нельзя подходить к берегу? Ветер дует с его стороны, он может вас не расслышать и, наоборот, поспешит сюда и напорется на мель. Идемте, я покажу вам глубокую бухту, куда он сможет безопасно войти. Оттуда и позовете.

Они прошли по берегу и действительно вскоре увидели укромную бухту среди скал, где вода была прозрачна и глубока.

— Теперь только сумеешь бы докричаться до вашего друга, — озабоченно проговорил Якоб.

— Ну, с этим нет проблем, — улыбнулась Дженни и похлопала Патти по спине. — Ну-ка, Патти, давай вместе покличем нашего Ланселота.

Патти поднял голову, вздернул верхнюю губу, обнажив розовую десну с огромными зубами, и приготовился.

Дженни громко закричала, сделав руки рупором: — Ланселот! Я зде-е-есь! Патти закричал: — Ия! Ия! Ия! Дженни прокричала: — Я жду тебя-а-а! Патти вторил ей: — Ия! Ия! Ия!

На палубе "Мерлина" показался Ланселот. Он увидел их, помахал рукой и сразу же направил катамаран в бухту. Подведя судно к большим камням у самого берега, он крикнул:

— Дженни, доктор, привет! Почему вы оказались здесь? Напротив острова песчаный берег: я мог бы там опустить в воду трап, чтобы Патти легче было взойти на катамаран, а здесь он может ноги переломать на камнях!

— Ланселот! Эти люди говорят, что берег напротив острова опасен, перед ним сплошные песчаные мели.

— Ах, вот оно что!.. Ну и как же мы теперь поступим с Патти?

— Якоб, вы поможете нашему другу опустить в воду трап? — Охотно.

— А мы с доктором подведем к нему Патти и заставим на него взойти. Только бы он не заупрямился, а то придется поднимать его на веревках.

Патти вел себя вполне покладисто. Якоб снял с его спины мешки с кормом и понес вперед: ослик не захотел оставлять свою капусту без присмотра и без колебаний поднялся вслед за Якобом на катамаран по трапу.

— Ланселот, вот это Якоб, а там на берегу — Хольгер, — сказала Дженни, когда Патти был водворен на свое место у кормы. — Они нас очень выручили. Мы потом тебе расскажем.

— В самом деле? Спасибо, Якоб. А почему второй гость не поднимается на борт? Пока вы гуляли, я занимался обедом, и он уже готов.

— Хольгер не может сам подняться, он слепой, — пояснил Якоб.

— Ну так сходите за ним! Пора садиться за стол.

Якоб сбегал на берег и помог Хольгеру подняться на борт катамарана.

Доктор вынес из трюма складные стулья для гостей, и все уселись за стол возле камбуза.

— Хольгер, Хольгер! Ты знаешь, чем нас тут угощают? Это суп из креветок — настоящих, а не той сухопутной дряни, что посту пает из Центра питания. А в супе плавают петрушка и лук. А это что такое? Неужели сухари? Хольгер! Сухари из настоящего хлеба! Вот тебе сухарик, вот ложка. Ты еще не забыл, как надо держать ложку, Хольгер?

— Не забыл, Якоб. Спасибо. Ланселот внимательно наблюдал за гостями, и когда они быстро прикончили свои порции, кивнул Дженни, чтобы та подлила им супу. Потом все пили чай из трав, насушенных Дженни. Якобу и Хольгеру предложили к чаю еще по одному сухарю, и они, конечно, не отказались.

— Вы братья, молодые люди? — спросил доктор.

— Да. А вы и вправду доктор? — спросил в свою очередь Якоб. — Доктор Вергеланн, к вашим услугам.

— Можно вас кое о чем спросить, доктор? Вот вы все идете в Иерусалим. Раньше Мессия исцелял увечных по жребию, а как теперь, вы не слышали?

— Разве вы не видели в новостях, как теперь проходят исцеления?

— У нас с Хольгером давно нет персоника, с тех пор как нет и дома. А теперь их ни у кого нет: как только началась война с русскими, так все персоники в городе, у кого они еще оставались, начисто вырубались. — Почему?

— Говорят, русские что-то взорвали в космосе. Персональные коды тоже больше не действуют, и у кого были деньги в банке, теперь остались ни с чем.

— Неужели нельзя восстановить банковские счета?

— А кто станет этим заниматься? У нас, в Дании, порядка давно нет, все сгнило и развалилось, а за последние недели тем более: бывшие власти бегут на юг и на север, а на их место сразу же являются бандиты. Один наш мэр еще держится, но и он уже делит власть над городом с Косым Мартином.

— А как же полиция, армия, экологи? Они разве не могут поддержать порядок?

— После начала войны мы их и не видели. Так что же происходит в Иерусалиме в последние месяцы?

Ланселот рассказал о массовых исцелениях Мессии, рассказал и о том, какую плату должны внести паломники.

— Сто планет! — вздохнул Якоб. — Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, и знаю, о чем ты думаешь. Не надо мечтать о невозможном, брат. Даже если бы эти добрые люди взяли нас в паломничество, чем бы мы заплатили им за дорогу? А как бы мы нашли сто планет в Иерусалиме?

— Я мог бы там найти работу и все деньги откладывать, а ты мог бы играть и петь на улицах, и за это люди давали бы нам еду и деньги.

— Ты же знаешь, Якоб, что моя игра не многим нравится, серьезная музыка давно никого не интересует.

— Почему же? — возразил доктор. — Я, например, всегда слушал только классическую музыку. Вы не сыграете для нас что-нибудь, Хольгер? — О, с радостью!

Хольгер достал из футляра свой инструмент и заиграл сложную испанскую пьесу. Музыка была прекрасна и печальна.

Пока Хольгер играл, Дженни неотрывно смотрела в лицо Ланселота, а он старательно отводил от нее глаза. Дженни взяла жениха за руку, и ему все-таки пришлось встретиться с ней взглядом. Но прочитав мольбу в ее глазах, Ланселот покачал головой. Дженни вздохнула, сокрушенно кивнула и больше на него не смотрела. Вдруг Хольгер прервал игру и замер.

— Я слышу стук копыт, — сказал он. — В нашем городе только у банды Косого Мартина есть лошади. По-моему, они двигаются сюда, к берегу.

— Ланселот, вам бы лучше отчалить пока не поздно, — сказал Якоб. — А нас вы потом где-нибудь высадите. Учтите, у Мартина и его банды есть ружья и автоматы.

Доктор и Дженни подняли сходни и якорь, Ланселот встал к штурвалу и запустил двигатель. Но они опоздали: на верхушку дюны выскочили несколько всадников в военной форме. — Это они? — спросил Ланселот у Якоба.

— Да, они! Уходите скорее подальше, как бы они не начали стрелять!

Но они начали. Скакавший впереди бандит остановился и дал очередь в воздух.

— Якоб Йенсен! — закричал он. — Скажи этим людям, чтобы они поворачивали обратно к берегу! Я дам тебе сто планет за то, что ты мне их передашь вместе с грузом и судном! Слышишь, Йенсен? Сто планет! Золотом!

— Эй, Мартин! — закричал Якоб, высываясь из рубки. — Они в моих руках! Только тут к берегу не подойти. Я поведу судно туда, где можно будет пристать! Иди за нами! — Идет, Якоб! А добыча хорошая?

— Здесь красивая женщина вся в золоте и полно еды!

— Ого! Ты отличный парень, Якоб! Веди их вдоль берега на расстоянии выстрела, что бы я мог держать ситуацию под контролем!

— Иди к Заднице Тролля, Мартин! — крикнул Якоб и уже тихо сказал пилигримам: — Мартин знает, что между Задницей и берегом нам не пройти, поэтому не станет стрелять, когда увидит, что мы заходим за скалу. А под прикрытием скалы вы повернете в открытое море и уйдете из-под выстрелов. Сможете быстро развернуть парус? — Сможем. — Готовьте парус. Ветер нам поможет. Никто из пилигримов не спросил, что же будет дальше с Якобом и Хольгером, если катамаран выйдет в открытое море, все были заняты работой.

Маневр удался. Как только между "Мерлином" и бандитами оказалась скала, доктор с Якобом поставили парус, и Ланселот повел катамаран в открытое море. Как только Задница Тролля перестала прикрывать "Мерлина", бандиты поняли, что добыча от них ускользает и подняли стрельбу. Но пули до катамарана уже не долетали.

Когда "Мерлин" ушел так далеко в море, что берег остался на горизонте, и все наконец расслабились, Хольгер снова достал свою гитару:

— Косой Мартин испортил мою музыку. Хотите, я вам сыграю снова?

— Конечно, — сказал доктор. — А что это за пьеса?

— "Прощанье с Альгамброй". Это испанская пьеса старинного композитора Франсиско Таррего. Я вам на прощание сыграю, — ответил Хольгер и заиграл. И снова все слушали музыку, позабыв о бандитах.

— Ну вот, — сказал Хольгер, кончив играть и убирая гитару, — теперь мы простились. Якоб, выбери место на берегу, откуда мы сможем добраться до дома.

— Вы хотите возвращаться домой? — удивился Ланселот. — А как же Иерусалим? — При чем здесь Иерусалим?

— Разве вы с братом не мечтали попасть в Иерусалим, чтобы Хольгер смог получить от Месса исцеление? Теперь, когда вы нашли сто планет на исцеление, вам есть смысл плыть вместе с нами. — Какие сто планет мы нашли?

— Те, которые вам хотел дать Косой Мартин в уплату за предательство. Отказавшись от них, вы сделали нас своими должниками: считайте, что сто планет у вас есть. Правда, деньги у меня лежат на счету в банке, но если вся электроника Планеты вышла из строя, то я не знаю, как я смогу их теперь перевести на счет Мессии. Однако надеюсь, что в Иерусалиме с этим все как-нибудь уладится: не одни же мы с вами оказались в таком положении!

— Спасибо, спасибо! Я не знаю, что сказать... Хольгер, слышишь?

— Слышу, Якоб, и тоже не знаю что сказать. Я лучше что-нибудь сыграю.

— Да будет вам, — отмахнулся Ланселот. — Нет-нет, я не про музыку! Играйте, Хольгер,

репетируйте, пока есть время. Нам всем, включая Патти — вы заметили, как он слушал музыку? — очень нравится ваша игра, она придаст особый комфорт нашему плаванью. Кстати о комфорте. В каюте у нас тесно, еще двух человек в нее не втиснуть. Но если Дженни не возражает, мы устроим вас в будке Патти на корме, а для Патти устроим загородку возле камбуза: все равно он любит находиться там, где Дженни.

— Мы с Патти не возражаем, — улыбнулась Дженни. — Хорошо бы только сделать для него небольшой навесик на случай дождя.

Якоб пообещал собственноручно соорудить для Патти загородку и навес, как только им попадется на берегу подходящий плавник. Дженни спросила Якоба:

— Я понимаю, женщина, которую вы обещали бандитам — это я, ну а где же то золото, которым я будто бы обвешана?

— А вы, Дженни, при случае загляните в зеркало: у вас на голове целая копна червонного золота. А вы, значит, подумали, что я решил сдать вас Косому Мартину?

— Якоб! — возмущенно воскликнула Дженни. — Я так струсил, что вообще ни о чем не думала, пока мы от них удирали.

— Да, вы очень похожи на трусиху, — усмехнулся Якоб.

— Ох, не говорите, — вздохнула Дженни, глядя на тающий вдали датский берег. — С детских лет только и делаю, что борюсь со своей трусостью. — У вас получается.

Вечером в каюте, причесываясь на ночь, Дженни сказала Ланселоту:

— Знаешь, Ланс, Хольгер ничем не похож на моих братьев, но у меня к нему какое-то родственное чувство, как будто нас связывают семейные узы. Я часто заранее угадываю, что он скажет, что сделает. Странно это, правда?

— А он тебе никого не напоминает, Дженни-королек?

— Да, кого-то напоминает и очень сильно, какого-то близкого человека, вот только никак не вспомню, кого именно?

— В самом деле? А вот я так сразу понял, — засмеялся Ланселот. — Он как две капли воды похож на нашего короля Артура! — Ой, правда! То-то он мне так нравится! — Скромница ты моя!

Глава 14

На другой день они подошли к северным германским островам.

Паломники знали, что берега Северной Германии, которые никогда и не были высокими, как, например, западный берег Европы, после Катастрофы ушли под воду на многие километры к югу. Бывший Кильский канал превратился в Кильский пролив, разделивший Данию и Германию, а на его южном берегу чудом уцелел Гамбург, вернее его центральная часть, превратившаяся в остров. От прежних земель между Данией и Гамбургом остались кое-где низкие острова, частью песчаные, частью заболоченные, поросшие тростником и камышами. Опасаясь мелей, Ланселот старался идти на безопасном расстоянии от буро-зеленых плавней.

Вскоре они увидели вдали высокие крыши домов, церковные шпили и согнутую почти под прямым углом телевизионную башню.

— Похоже, остров Гамбург, — сказал Якоб. — Два года назад мы были здесь с братом. Помнишь, Хольгер?

— Помню, Якоб. Ты возил меня на лечение к знаменитому гамбургскому экстрасенсу, обещавшему вернуть мне зрение, и он потом прислал тебе такой гамбургский счет, что даже ты ахнул! А я так и остался слепым, да потом еще несколько месяцев мучился головной болью. Этот колдун погрузил меня в гипнотический сон, и знаете, что я видел во сне? Бесов, которые роились вокруг этого целителя, как осы вокруг гнезда. Нет, теперь я надеюсь только на Месса!

— А что случилось с вашими глазами, Хольгер? — спросил доктор Вергеланн. — Давно вы ослепли?

— Давно, в раннем детстве. Во время Катастрофы на меня упала балка нашего рухнувшего дома. Якоб меня раскопал, но я уже ничего не видел.

— Я думаю, Мессии совсем не трудно будет вернуть тебе зрение, Хольгер, ведь он исцеляет даже слепорожденных, — успокоил юношу Ланселот. — Я тоже так думаю, — кивнул Хольгер. Когда стало темнеть, на берегу вспыхнула цепь огоньков.

— Слава Мессу, кажется, город живет нормальной жизнью! — воскликнул Ланселот. — Мы можем найти причал и, если повезет, даже провести эту ночь в гостинице.

— А завтра с утра мы пойдем на городской рынок, обменяем рыбу на хлеб и матрацы для наших новых пассажиров, — обрадовалась Дженни.

— Вы о нас особенно не хлопчите, Дженни, — улыбнулся Якоб. — Вы думаете, мы с братом у себя дома спали на кроватях? Ни чего подобного. У нас было жилье в тысячеквартирном доме. Его построили на песке, и он через десять лет после постройки начал расползаться и рушиться. Мы успели спастись и устроились жить в заброшенном сарае на краю города, а спали на мешках, набитых сухой морской капустой. Можем и дальше спать на них, пока Патти не схрупают наши постели. Главное, мы плывем в Иерусалим за новыми глазами для Хольгера! Слышишь, Хольгер?

— Слышу, Якоб, — привычно ответил Хольгер, продолжая напряженно прислушиваться. — Пойдите-ка! Я слышу, в той стороне поют. Какой-то унылый хор, как будто по берегу идет похоронная процессия. Слышите?

Все прислушались, но никто ничего не услышал — очень уж тонкий слух был у Хольгера.

Они подошли ближе к берегу. Уже совсем стемнело, и тут пилигримы поняли, что они приняли за огни большого города множество небольших костров, разведенных по всему берегу. С катамарана стали видны человеческие фигуры: они с пением двигались вокруг костров, кланяясь и приседая.

— Похоже на какой-то ритуальный танец, — сказал доктор.

— Может быть, в городе праздник? — предположила Дженни.

— Скорее похороны, — возразил Хольгер, — уж очень мрачные у них песни.

— Вон там, чуть в стороне от костров, я вижу причал! — воскликнул Якоб. — Ланселот, вы видите его?

— Еще нет, но я вам верю на слово. Командуйте, куда вести "Мерлина", Якоб. — Ланселот уже убедился, что Якоб видит так же хорошо, как слышит Хольгер.

Они подошли к старому полуразрушенному причалу и пришвартовали катамаран. На этот раз в разведку пошли доктор с Якобом.

Вдоль берега шла дорога, когда-то покрытая асфальтом; в темноте она была похожа на таинственную и мрачную реку, покрытую черным растрескавшимся льдом. Идти по черным торосам приходилось очень осторожно. Наконец они подошли к ближайшим кострам, и странная картина предстала перед ними. На берегу длинной цепочкой горели костры, вокруг которых по песку с пением бродили люди. В руках у них были мешки, они что-то поднимали с песка и бросали в мешки. Подойдя еще ближе, Якоб и доктор разглядели, что они собирали каких-то довольно крупных тварей, почти сплошной массой двигавшихся по берегу на свет костров. Ползли они со стороны темной стены тростника, росшего за полосой прибрежного песка.

— Добрый вечер, — сказал доктор, когда они подошли к ближайшему костру. — Можно нам присесть к вашему костру?

К ним обернулся высокий старик, следивший за огнем с длинной палкой в руках. Над костром была подвешена рама, и на ней, нанизанные на проволоки, коптились какие-то крупные кузнечики.

— Присаживайтесь, — сказал он довольно приветливо. — За едой? Берите сколько хотите, тут на всех хватит.

— Мы путешественники, вернее пилигримы, — объяснил доктор, присаживаясь к костру и знаком предлагая Якобу сделать то же самое.

— Вы еще скажите — туристы, — усмехнулся старик. — Теперь люди не путешествуют, а рыскают по земле в поисках пропитания. Такие времена настали, Господи... — Мы идем морем, на катамаране.

— Ах, так! — равнодушно сказал старик, даже не оглянувшись в сторону моря. — А кто эти люди и что они собирают?

— Люди зовутся продовольственным отрядом, а собирают они саранчу. Саранча по ночам не летает, но зато ползет на свет костров. Утром сюда придет отряд клонов под командой экологов из Гамбурга, они заберут все, что мы собрали за ночь. Они принесут нам немного сухих лепешек и пустые мешки для нового улова.

— Так это вы саранчу коптите?

— Совершенно верно, саранчу, именуемую также "сухопутными креветками". — А почему эти люди поют за работой? — Чтобы не уснуть. — Понятно. А что происходит в Гамбурге?

— Этого я не могу вам сказать. В город нас не пускают, мы — поморники.

— А там, где я жил, — сказал Якоб, — поморники добывали морскую капусту. Горожане их тоже ненавидели и не пускали в город.

— Везде одно и то же, — усмехнулся старик, — Поморники — единственные добытчики продовольствия в этих краях, и они же изгои.

— Как же это получается, что поморников везде ненавидят, а они, оказывается, добывают еду для других планетян? — удивился доктор.

— Хотите узнать, как это произошло у нас, в Гамбурге? — Конечно, хотим!

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никого нет поблизости, старик уселся рядом с доктором и начал рассказ.

— Примерно полгода назад, когда в Гамбурге начался голод, в город прибыл большой отряд клонов под командованием экологов. Они врываются в дома и забирали целые семьи, со стариками и малыми детьми. Люди растерялись, перепугались, ничего не понимая и не чувствуя за собой никакой вины. Лишь немногие догадались захватить с собой самое необходимое. Нас затолкали в грузовые мобили и привезли сюда, на берег, дали нам сети и приказали собирать в море все, что попадется съестного — рыбу, моллюсков, водоросли, креветки. Все это каждый день забирали вертолеты, а нам оставляли ровно столько еды, чтобы мы могли работать. Ни палаток для жилья, ни теплой одежды — ничего нам не дали. Ослабевшим и больным делали уколы, и мы их хоронили в песке, вон там, в дюнах. А на смену им привозили новых людей из Гамбурга. Экологи сначала дали нам несколько резиновых лодок, чтобы мы могли на них выходить в море на лов, но не могли удрать. Теперь от них осталось три, и они в руках наших старшин. Как вы понимаете, где есть рабы — там сразу же появляются и надсмотрщики из числа рабов: "Умри ты сегодня, а я — завтра". Мы полностью опустошили прибрежные воды от рыбы, моллюсков и съедобных водорослей. Нас уже хотели уничтожить, но тут началось нашествие саранчи, и теперь мы заготавливаем саранчу. Поначалу между нами и городом держали оцепление клонов, а потом в этом отпала необходимость. Горожанам внушили, что мы грабители и убийцы, и они теперь нас и близко к городу не подпускают. Но и сами на берег не выходят — боятся. Впрочем, правильно боятся. Теперь эти слухи о нас уже стали правдой: если кому-то из наших людей удастся пробраться в город, они, конечно, воруют и грабят и вообще спуска горожанам не дают. А ведь мы сами бывшие гамбургцы.

— У нас в Дании происходит то же самое, — задумчиво проговорил Якоб. — И не многие догадываются, что презренные поморники — это бывшие жители нашего же города, которым просто не повезло.

Старик подбросил в костер небольшую охапку сухого камыша. Увидев по лицам пилигримов, что они слушают его со вниманием, он продолжил:

— Мессия прекратил мировую войну, но развязал смертельную войну в каждом городе, в каждой деревне. Он построил новый мировой порядок, а кончился этот по рядок мировым развалом. Всеобщее благоденствие сменилось всеобщим голодом и разрухой. По бывшей Европе бродят пешком и вплавь толпы нищих, воров и бандитов. В едином мировом сообществе каждый стал врагом каждому.

— Что вы хотите этим сказать, уважаемый? Что во всем этом виноват Мессия? — спросил доктор.

— Я хочу сказать, что мы присутствуем при последнем акте человеческой комедии, — ответил старик. — А теперь, когда Мессия развязал войну с Россией и в результате в первый же день потерял всю электронику Планеты, станет еще хуже. Впрочем, он к этому и стремится — чтобы

нам стало еще хуже.

— Вы думаете, что цель Мессии — гибель человечества?

— Цель Мессии — личная власть над миром, а гибель человечества — это задача Мессии. А кто ему эту задачу поручил, этого я вам не скажу. Я стар, болен, мне осталось жить, может, несколько месяцев, а может, и несколько дней, и я хочу дожить их спокойно среди знакомых мне людей, хоть это и жалкие поморники. — Вы чем-то больны? — спросил доктор.

— У меня полно обычных старческих недугов, но даже если бы я мог лечиться, я бы не стал тратить на это время. У меня уже угасла воля к жизни, я не испытываю никаких желаний, кроме двух. Первое из них совершенно несбыточное: мне бы хотелось выпить рюмочку хорошей водки. А вот второе мое желание еще вполне может исполниться: я бы хотел своими глазами увидеть, чем все это кончится. Я, знаете ли, историк. Бывший, конечно. Не сразу, совсем не сразу, но я сообразил, что мне выпала великая честь жить при конце человеческой истории. Теперь я испытываю к происходящему исключительно профессиональный интерес. Любопытство — единственное чувство, на которое я еще способен. Между прочим, на вашем месте я не стал бы здесь засиживаться, слушая разглагольствования выжившего из ума профессора истории: скоро сюда придут за готовой продукцией другие поморники.

— Вы думаете, они будут к нам враждебны? Поморники ненавидят других планетян?

— Все планетяне ненавидят всех планетян, и поморники не исключение. Знаете, для чего наши старшины используют последние оставшиеся у них лодки? Конечно, они ловят с них рыбу для себя и для своих приближенных, но когда ветер дует с юга на север, они набирают полные мешки живой саранчи, отплывают подальше и выпускают ее на ветер. Вы догадываетесь, зачем они это делают? — Нет...

— Они хотят помочь саранче перелететь море и напасть на Скандинавию. Ходит слух, что скандинавы благоденствуют, что между Европой и Скандинавией в море установлен специальный кордон, чтобы не пропустить голодных европейцев в сытые северные области. "У нас все пожрала саранча, так пусть и у скандинавов будет то же самое!" — говорят наши люди, и радуются, когда видят летящую на север саранчу.

Якоб с доктором переглянулись: хорошо, что они не успели сказать старику, откуда плывет катамаран "Мерлин" — кто знает, насколько хватило бы его бесстрастия, если бы он узнал, что перед ним скандинавы.

— Пожалуй, нам пора. Спасибо за рассказ, — сказал Якоб, поднимаясь. — Так выходит, отсюда нам в Гамбург не попасть?

— Нет. Всем берегом по окружности острова владеем мы, поморники. В город можно попасть только вертолетом, а вертолеты теперь не летают, и вряд ли когда-нибудь еще хоть один вертолет сумеет подняться в воздух. Ну, прощайте, и доброго вам пути.

— Погодите, профессор, — сказал доктор, — вы были с нами очень любезны, и мне не хотелось бы оставаться в долгу. Конец света я вам показать не могу, но зато я могу исполнить ваше первое желание, а именно — предложить рюмочку водки. Вот моя фляжка, в ней еще осталась половина спирта: разбавьте его водой — и будет вам водка.

Старик бережно принял фляжку, отвинтил пробку, понюхал и вернул ее доктору со словами:

— Да, чистый спирт. Но ведь я про водку для красного словца. Вы, я вижу, и вправду

путешественники, так что спирт вам самим пригодится в дороге.

— Примите, не отказывайтесь, я очень прошу вас, — настаивал доктор. — Спиртом вы можете продезинфицировать раны, он и при простуде поможет, а у меня на судне есть еще фляжка.

— В таком случае принимаю с благодарностью, но тоже хочу сделать вам ответный подарок. — Старик достал из кармана небольшую черную пластиковую коробочку и раскрыл ее. — Вы знаете, что это такое?

— Боже мой, — шахматы! — воскликнул доктор. — Умеете играть?

— Еще бы! У меня остались дома шахматы, я не смог захватить их в наше путешествие. Но неужели вы сможете с ними расстаться?

— А-а! Здесь никто в них не играет и не хочет учиться. Берите, и пусть шахматы скрасят вам долгую дорогу. Кто бы вы ни были и куда бы ни шли — Бог вам в помощь! А теперь уходите, сюда идут сборщики с мешками.

Доктор и Якоб простились со стариком и поспешили назад, к старому причалу. Как только они взошли на катамаран и рассказали об увиденном, Ланселот сразу же скомандовал отдать концы, и пилигримы отчалили от печального острова Гамбург.

Глава 15

Выбрав ветреный день, Дженни развела стирку возле камбуза. Веревку для белья она протянула от мачты к бамбуковой стойке палатки братьев, и вывешенное на веревке разноцветное белье придавало катамарану "Мерлин" уютный домашний вид. Якоб стоял у штурвала, Хольгер играл на гитаре для Дженни — помогал. Патти очень внимательно слушал игру Хольгера и, кажется, считал, что тот играет исключительно для него.

Свободный от вахты Ланселот подъехал к Дженни и тоже вызвался ей помочь. Она попросила его натянуть еще одну веревку от мачты к другой стойке палатки. Ланселот еще не успел как следует закрепить веревку, а Дженни уже повесила на нее мокрый и тяжелый спальный мешок. Веревка вырвалась из рук Ланселота, мокрый мешок плюхнулся на палубу, а Дженни рассердилась.

— Ты не паломник, а пОломник, сэр Ланселот Озерный, — чуть палатку не развалил! — сказала она и пошла сама привязывать веревку.

Изгнанный Ланселот, смущенно посмеиваясь, подъехал к доктору, сидевшему в складном кресле с книгой.

— Монарший произвол, — пояснил Ланселот сочувственно улыбающемуся доктору. — Можно изгнаннику посидеть рядом с вами, доктор? — Конечно, Ланс. — Как вам читается между небом и морем?

— Больше думается, чем читается. Прочту пару страниц, а потом гляжу на небо, на воду и размышляю.

— Созерцательность — вторая морская болезнь, — заметил Ланселот. — Две вечные стихии, встречаясь и сливаясь, заставляют размышлять о вечности. Навеял вам какие-нибудь вечные вопросы наш Известный Писатель?

— Представьте, да, навеял. Знаете, Ланселот, я давным-давно читал эту трилогию про Маленького Лорда, и все никак не мог понять, а чего, собственно, мается этот юноша, и почему он все время помышляет о самоубийстве? Ну да, автор объяснил, что героя окружало лицемерное буржуазное общество, а сам он был заперт в своем эгоизме, как в стеклянном яйце с искусственным снегопадом внутри. Но почему так случилось — это оставалось для меня тайной. Теперь я, кажется, разгадал эту загадку, и все оказалось очень просто. Причина страданий Маленького Лорда заключается в том, что он не верил в Бога и не был крещен!

— Разве? Ах, ну да, что-то там такое, действительно, было: Вилфред спорил с матерью о том, надо ли ему креститься, — вспомнил Ланселот. — Но я никогда не придавал значения этой сцене.

— Не только вы. Я уверен, что и автор — тоже. А в этом ключ ко всему.

— Как это может быть, доктор, чтобы сам автор не заметил ключевого момента собственной книги?

— Тайна творчества. Я и прежде сталкивался с этим в литературе. Писатель создает произведение по своему плану, порой пишет откровенно в угоду какой-то тенденции или господствующему в литературе направлению, но вдруг побеждает не тенденция, а правда и логика жизни. Магическая сила творчества берет над ним власть, и он говорит читателю то, что и не думал сказать. Так и наш Известный Писатель: я абсолютно уверен, что он вовсе не собирался писать о трагедии человеческой души, лишенной веры.

— Он и не писал ничего подобного, доктор! Уж чье-чье, а творчество нашего корифея я хорошо изучил: в музее-усадьбе есть не только все его книги, но и почти все написанное о нем исследователями его творчества. Поверьте, если бы кто-нибудь когда-нибудь затронул эту тему, я бы не пропустил.

— Ничего удивительного. Атеизм не вчера начал господствовать в мировой литературе. Я уже не помню теперь, с какими мыслями я читал светские книги в то время, когда всей душой верил в Бога. Скорее всего, я их вовсе и не читал тогда: я разрывался между двумя своими призваниями и едва успевал читать медицинские и религиозные книги. Интересно было бы рассмотреть всю мировую художественную литературу сквозь призму христианской веры!

— Вы снова считаете себя христианином, доктор?

— Со времени наших эльсинорских бдений над Библией я много размышляю о Боге, Ланс. Моя вера, кажется, ко мне возвращается. Во всяком случае, все, что про исходит в мире и вокруг нас, я теперь совершенно произвольно рассматриваю с религиозной точки зрения. И мир представляется мне совсем не таким, каким я его видел до нашего паломничества. Неудивительно, что и книгу о Маленьком Лорде я читаю теперь другими глазами, другим умом, если можно так выразиться.

— И что же вы прочли другими глазами и другим умом? — Вам это в самом деле интересно?

— Очень! Я же в некотором роде специалист по Известному Писателю.

— Тогда я прежде прочту вам некоторые страницы. Послушаете? — Конечно.

— Мать просит Вилфреда пойти на первое причастие. Не потому, что беспокоится о его душе, а потому, что так принято. И вот какой происходит разговор между нею и сыном.

Доктор поднес книгу поближе к глазам и начал читать вслух:

" — Мне очень не хочется огорчать тебя, мама, я бы все отдал, чтоб тебя не огорчать. Но как ты справедливо заметила, мы уже это обсуждали.

— Ну и почему же, мой мальчик, почему ты не хочешь?

— Если уж тебе непременно угодно знать — я не верю в Бога.

Против воли Вилфреда это прозвучало слишком торжественно. Ему хотелось пощадить ее чувства. А он заговорил как в исповедальне. Это только подлило масла в огонь. — Что за чепуха, а кто верит?

— Не знаю, не представляю, мама. Только не я.

— Дело вовсе не в вере. Твой дядя Мартин, мой брат, — думаешь, он хоть во что-нибудь верит?

— В курс акций, я полагаю.

Она еще посидела немного, потом беспокойно встала и подошла к камину.

— Есть еще и другое. Уж говорить, так обо всем разом: ведь ты не крещен.

Вилфред не мог удержаться от смеха. Но она не улыбнулась, и он смеялся чуть дольше, чем ему хотелось.

— Можно подумать, что это большое не счастье.

— Конечно, несчастье. А все твой отец. В некоторых вопросах он был ужасно упрям. А я... Я такая безвольная. А потом я просто забыла. Но неужели ты не знаешь, что не крещеному нельзя пройти конфирмацию? Но теперь пришла его очередь вспыхнуть.

— Значит, решили отвезти меня в колясочке в церковь и сунуть в купель?".

Вилфред не хочет креститься и взамен обещает матери, что "будет во всем и везде первым — в школе и в консерватории". Он пытается отвертеться от крещения, но семья настаивает — из сугубо практических соображений. Подбирают подходящего священника: "Удивительный пастор, такой снисходительный, не похож на священника. А это для священника высшая похвала". Помните, что было дальше?

— На семейном совете Вилфред соглашается креститься. Но тут и начинается кошмар: он напивается за семейным столом, потом отправляется в поход по злачным местам и, в конце концов, избитый и ограбленный, пытается покончить с собой. И как вы теперь это объясняете, доктор?

— Если связать это с его согласием креститься, то я могу сделать лишь один вывод: некие силы ополчились против этого решения. Они решили погубить героя, но не допустить его крещения. И крещение не состоялось, и сам вопрос о крещении потонул где-то между строк романа, все сосредоточилось на мучительных рефлексиях героя.

— Вы уверены, доктор, что именно вопрос о крещении играет здесь такую большую роль?

— Да. Но автор, как и вы, Ланс, этого не заметил.

— Ну, доктор, вы меня удивили! Теперь я жалею, что мы не загрузили "Мерлина" книгами по самым бортам. Сколько бы вы открыли в них нового для себя и для меня!

— А я благодарю Бога уже за то, что у меня теперь есть время просто думать, размышлять. Я ведь приближаюсь к возрасту, когда человек либо становится мудрым, либо выживает из ума. И знаете, Ланс, скажу вам откровенно, хоть я и старик, но у меня нет той целостной мудрости, которой прежде отличались старики, по крайней мере у нас в Норвегии. Я не могу вам объяснить, что творится в нашем мире, что двигает поступками людей, куда движется человечество. А в былые годы самые простые наши старики знали такие вещи и объясняли их молодым.

— Вы с начала нашего знакомства казались мне человеком ясного мировоззрения и твердых убеждений, доктор.

— Я очень изменился внутренне, Ланс. После всего, что мы увидели в нашем паломничестве, я уже сомневаюсь в справедливости существующего миропорядка, и могу вам сказать совершенно откровенно, что в Мессию как в бога я больше не верю. Да, Мессия велик и обладает огромной властью, он способен исцелять людей, но он не бог. Если хотите, он даже не всемогущий и вселюбящий властитель, а просто еще один авторитарный правитель в удручающе длинном ряду других властителей и тиранов.

— А в Господа Иисуса Христа вы верите, доктор?

— А в Господа Иисуса Христа как в Бога я снова верую. Без веры в Него и в Его жертву за нас все человеческие страдания, которые мы сейчас наблюдаем на земле, показались бы мне чудовищно бессмысленными. Я вернулся к этой вере, как редкие счастливицы возвращаются в старости к своей первой любви.

— Как это?

— Они возвращаются к давным-давно покинутой женщине, чтобы сказать, что это была ошибка, предательство, и что теперь они понимают, что они не должны были изменять первой своей любви. И они просят у нее прощенья.

— Какое странное сравнение, доктор — Христос и первая любовь!

— Ну я-то знаю, о чем говорю, я же помню, каким счастливым и безмятежным я был христианином! Тогда для меня молиться было все равно что дышать. А теперь каждый покаянный вздох, каждая молитва даются мне с болью и сокрушением. Но я оглядываюсь и вижу позади себя пустое холодное болото.

— Неужели ваша прошлая жизнь вам представляется такой ужасной, доктор?

— Я старался жить по совести и быть полезным людям, но холодна и пуста была моя жизнь без веры, и добрые дела не наполняли ее смыслом. Но, кажется, это болото я уже перешел и выбрался на берег обетованный.

— Рад за вас. А вообще вы любите жизнь, доктор?

— Я всегда любил и ценил жизнь. Мне приходилось принимать роды у женщин, когда женщины еще рожали. Какой же это подвиг — роды человеческие! Я начал по настоящему уважать женщин только тогда, когда узнал, что новая жизнь оплачивается их добровольным мученичеством. Поэтому я всегда был против эвтаназии, особенно принудительной. Вы

никогда не задумывались над этим словосочетанием — "принудительная эвтаназия"? книги! — Нет. А что в нем особенного?

— Это оксюморон, Ланс. Подумайте сами: принудительный добровольный уход из жизни! И таких фальшивых понятий за последние десятилетия возникло множество. Вы помните, как сильные мира бомбили страну за страной, называя это борьбой с терроризмом? А экологисты, которые преследуют людей? При желании можно было бы создать словарь подобных терминов. — Новоречь Орвелла?

— Именно. Господи, до чего же приятно разговаривать с человеком, который читает

— Взаимно, доктор, взаимно! К сожалению, сейчас мне пора сменить Якоба у руля, но мы непременно продолжим нашу беседу, хорошо? — и Ланселот поехал в рубку к Якобу, чтобы перенять у него вахту.

Однако беседа о Боге на катамаране "Мерлин" на этом не прервалась. Освободившийся от вахты Якоб подошел к доктору и предложил сыграть в шахматы.

— Но, кажется, я не вовремя? Вы, я вижу, размышляете о чем-то очень серьезном. Я угадал?

— Угадали, Якоб. Мы только что говори ли с нашим Ланселотом о христианстве и о нашем мире. Он спросил меня, верую ли я в Иисуса Христа. — И что вы ему ответили? — Ответил, что да, верую. Якоб присел на борт рядом с доктором.

— Знаете, доктор, я начал всерьез задумываться о Боге после ядерного удара русских, когда жизнь стала вдруг рушиться с такой скоростью. Мне стало казаться, что все это не просто так, что мы, люди, каким-то образом заслужили это. Знаете, доктор, о чем я мечтаю? — О чем, мой молодой друг?

— Когда-нибудь разыскать одну старинную книгу, в которой, может быть, найду ответы на мучающие меня вопросы. Книга называется Библия. Там рассказывается о том, что однажды человечество уже переживало время подобное нашему.

— Якоб! Когда Ланселот освободится, подойдите к нему и попросите у него Библию. — Что? На нашем судне есть Библия?

— Да, она лежит внизу, в каюте, в рундуке Ланса.

— Ах, доктор! Ну... Ну я просто не знаю, что сказать!

— Потом скажете, когда Библию дочитаете.

Позднее Якоб получил от Ланселота Библию, обернул ее выпрошенным у Дженни чистым кухонным полотенцем и с этого дня с нею не расставался.

Глава 16

Они проходили над затопленными Нидерландами. От вечно боровшейся с морем Голландии теперь ничего не осталось, и никто из планетян о ней не вспоминал, разве что спасшиеся голландцы.

Когда пришло время пополнить запасы воды, они повернули к югу, к последним германским островам. Подыскивая место для стоянки, они увидели зеленый мысик, поросший деревьями и

кустарником, и за ним небольшую бухту. Уже был отлив, так что они, не боясь сесть на мель, зашли в удобную с виду бухточку и встали на якорь. Углядев на берегу зеленые кусты, Патти, не дожидаясь пока спустят сходни, прямо с кормы прыгнул на берег, замочив в воде только задние ноги.

— Не осел, а горный козел, — одобрительно сказал доктор.

— Скорее морской осел — еще одна разновидность мутантов, — засмеялся Якоб.

— Не смейте обзывать моего Патти мутантом, — возмутилась Дженни, — он просто ослик, обладающий множеством разнообразных талантов. Правда, Патти?

— Йа-а! Йа-а! — обернувшись к ней, на бегу коротко бросил ослик и устремился к аппетитным зеленым зарослям.

— Вот видите, он еще и полиглот: на германской земле отвечает по-немецки — "Ja, ja!".

Под деревьями, как они и предполагали, оказался небольшой ручей, сбегаящий в бухту. Вода в нем была пресной и чистой. Якоб с доктором наполнили свежей водой все пластиковые канистры и отнесли их на катамаран. Потом развели костер, и Дженни приготовила завтрак и чай. Спустили на берег Ланселота, и перед завтраком все мужчины пошли к ручью, чтобы вымыться пресной водой и смыть морскую соль и пот. Патти пощипывал росшие вдоль берега ручья сочные растения. Якоб уже успел наломать для него несколько веников ракиты в запас.

Когда они сели завтракать, из-за ближайших дюн к ним вышли десятки одетых в рубище поморников. Они остановились поодаль и некоторые сели на землю. Они не приближались, ничего не просили и не угрожали.

— Эй! Кто вы и что вам надо? — крикнул Ланселот. — Чего вы хотите от нас? Подойдите кто-нибудь сюда, к костру и скажите, в чем дело?

После его окрика кое-кто из поморников отступил за дюны и скрылся, а другие остались. И опять ничего не происходило, поморники просто сидели на песке и ждали. Чего они ждали, было непонятно.

Пилигримы решили поскорее убраться на судно и там закончить завтрак, уж очень подозрительным и тягостным показалось им поведение поморников. Когда они собрали свои вещи, загасили и затоптали костер и двинулись к "Мерлину", за ними бросилась женщина, по виду старуха, но с молодым голосом. Она закричала:

— Пойдите! Куда же вы? Вы ничего нам не оставили! А договор?

За ней подали голос и другие поморники. Они были недовольны поведением пилигримов, но понять, в чем они их упрекают, было совершенно невозможно.

— Я пойду к ним и выясню, чем мы их обидели, — сказал Якоб. — Они явно не опасны. А вы пока возвращайтесь на судно, я вас догоню.

Когда он вернулся и присоединился к паломникам на борту катамарана, на нем лица не было. — Ну и в чем же там дело, Якоб?

— На этом мысе контрабандисты устроили перевалочную базу. Они приходят с вечера откуда-то с юга и привозят свой груз. Ночью сюда приходят их коллеги с севера со своим грузом. Они

обмениваются контрабандой и расходятся под утро, оставляя на берегу следы своего пребывания — объедки и экскременты. Это их дань поморникам за то, что они молчат о них, когда бухту посещают экологисты — такой у них с поморниками договор. Вот чего дожидались эти бедняги!

— Боже мой, как же они не перемерли еще все до одного!

— Мертвых они наверняка тоже не закапывают...

— Скорее, скорее отсюда! — скомандовал Ланселот. — Мы не можем им помочь, значит, надо уйти и на время забыть о них. После мы обо всем доложим Мессу и его чиновникам, и они примут меры, помогут этим несчастным. А сейчас давайте скорее уйдем отсюда! — и он покатил к рубке.

— Постой, Ланселот! — воскликнула Дженни. — Не можем же мы в самом деле вот так их и оставить! Давай дадим им хотя бы немного рыбы.

— Дженни! — строго сказал Ланселот. — Здесь человек сорок. У нас осталось при мерно столько же рыбин лосося. Сколько ты намерена им оставить? Половину? Четверть? Десятую часть? Дженни смутилась и отвернулась.

— Ответь мне, Дженни. Сколькими рыбами ты собираешься накормить эту толпу голодных? Пятью — как в Библии? И долго они будут сытыми после твоей милостыни?

Дженни заплакала. Ланселот молча смотрел сначала на нее, потом на поморников, после отвернулся и стал смотреть в море.

— Доктор и вы, Якоб, помогите мне, пожалуйста, — заговорил он наконец. — Достаньте из трюма одну из наших сетей и одну... нет, две ловушки для креветок и по могите мне съехать на берег.

Когда Ланселот в сопровождении доктора и Якоба, нагруженных сетью и ловушками, съехал на берег, его коляску окружили поморники.

— Кто из вас ловил прежде рыбу и креветок? — сразу приступил к делу Ланселот. — Кто знает, что за снасти я держу в руках?

Поморники долго соображали, чего он от них хочет, потом несколько человек вышли вперед. — Я... Мы ловили рыбу...

— Я знаю, что это такое... это сеть.

— Ловушка для креветок... — бормотали они, сгрудившись и толкаясь вокруг Ланселота. Их ослабленный постоянным недоеданием мозг работал с трудом, речь была невнятна и прерывиста. Но Ланселот был доволен.

— Отлично, — сказал он, похлопав по руке ближайшего поморника. Тот заулыбался беззубым ртом. Потом Ланселот обернулся к Якобу: — Тебе придется взять сеть и пройти с ними по отмели. Я поеду по берегу и поищу место, где можно закинуть ловушки прямо с берега, привязав их к деревьям. А ты, Дженни-кормилица-всех-голодных, возьми немного рыбы — пять штук, но помельче и ни в коем случае не копченой, возьми из вчерашнего улова! — и свари уху пожиже. Дай рыбе как следует развариться, вытащи из нее все кости, а потом накорми тех, кто остается с вами на берегу. Только давай по чуть-чуть, иначе весь берег завалишь трупами!

Доктор, проследите, что бы она от щедрости душевной не перетравила этих несчастных.

— А можно сначала сделать им жидкую болтушку из муки, Ланс? — спросил доктор.

— Вы меня спрашиваете? Это я у нас доктор? — Да, но запасы продовольствия...

— Дженни знает, где лежит мука. Все, друзья! Мы ушли на лов, а то скоро станет жарко и рыба уйдет на глубину.

Они ушли рыбачить с группой поморников, а Дженни принялась варить болтушку и уху. Оставшиеся поморники окружили ее и костер молчаливым кольцом. Ей было страшно, и она старалась не глядеть на голодных людей, пока готовила для них еду. Потом они с доктором собрали всю посуду, какая была на катамаране, и стали кормить поморников мучной болтушкой. Съев по черпаку теплой и слегка подслащенной болтушки, поморники оживились и даже начали тихонько между собой переговариваться, робко улыбаясь, потирая животы. Плохо никому от болтушки не стало, хотя многие через полчаса отошли от костра на несколько метров и стали испражняться прямо тут же, у всех на глазах. Потом они возвращались к костру и усаживались, неотрывно глядя на доктора и Дженни — ждали, когда их снова станут кормить.

— Не могу видеть их глаза, — сказал доктор. — Страшно, когда у человека не остается никаких других чувств, кроме чувства голода. Но кормить их беспрерывно нельзя. Чем бы занять их?

— Хотите, я принесу Библию? Будем по очереди читать им вслух.

— Они в таком состоянии вряд ли поймут что-нибудь.

— Пусть они не поймут, но хотя бы будут слушать и чуть-чуть отвлекутся от мыслей о пище: мне просто страшно поворачиваться к ним спиной, когда в руках у меня еда.

— Хорошо, давайте попробуем. Несите Библию, а я пока посторожу вашу кухню.

Дженни принесла Библию, и доктор начал читать вслух. Поначалу никто из поморников его не слушал. Потом спокойный голос доктора и размеренное чтение начали на них действовать: острый голодный блеск в глазах стал затухать, напряженность сходила с лиц; один за другим поморники опускались на песок и засыпали. Наконец уснули все. Доктор Вергеланн опустил книгу — теперь и они с Дженни могли передохнуть.

К полудню вернулись с лова Ланселот и его команда, их тоже накормили ухой. Поев и отдохнув, они снова ушли на добычу: с другой стороны мыса Якоб обнаружил заросли морской капусты. А оставшимся у костра теперь читала Дженни.

К концу дня поморники-добытчики падали от усталости, а их женщины готовили на костре варево из пойманной ими рыбы и водорослей.

Пилигримы переночевали на катамаране, выставив на всякий случай часовых. Дежурили по очереди доктор и Хольгер с его тонким слухом, но все было спокойно до самого утра.

Утром прощались с поморниками. Один из обученных пилигримами рыбаков подошел к Ланселоту и спросил:

— Кого нам благодарить, друг? Скажи свое имя.

— Благодарю Иисуса Христа, — пошутил Ланселот.

Уходя в море, пилигримы оставили поморникам, кроме сети и ловушек, один из котлов, несколько мисок, соль и коробку спичек, наказав беречь огонь. А еще они велели им хорошенько спрятать подарки и ни в коем случае не говорить о них контрабандистам и вообще чужакам. Когда они отчалили, поморники еще долго стояли на берегу и махали им вслед.

— Вот ты и накормила голодных пятью рыбами, Дженни, — сказал Ланселот.

— Нет, это чудо сотворил ты, мой Ланселот, — ответила она, глядя на него сияющими глазами.

Пилигримы вошли в воды бывшего Ла-Манша. Дул легкий ветерок, шли под парусом. Хольгер, как обычно, перебирал струны гитары, Дженни слушала Хольгера и приглядывала за обедом. Доктор Вергеланн с Якобом сидели за столом, и доктор обучал Якоба первым премудростям шахматной игры. Одновременно они вели беседу.

— Удивительно складывается наше паломничество, не правда ли, Якоб? Кругом беда и разруха, а мы будто на маленьком островке какой-то забытой допотопной жизни. Никаких тебе персоников, а вместо них — живое общение с приятными людьми. Мы читаем Библию и свободно беседуем друг с другом на любые темы, дышим свежим морским воздухом и едим пищу, приготовленную заботливыми женскими руками из натуральных продуктов.

— Продуктов могло бы быть побольше, — заметил Якоб. — Их у вас и было бы больше, если бы вы не брали на борт пассажиров и не кормили голодных. Милосердие — это такая роскошь в наши времена!

— Не знаю, как у вас в Дании, но у нас в Скандинавии если кто-то пытается помочь ближнему, на него смотрят с подозрением.

— У нас то же самое. А теперь, после нападения русских, стало еще хуже. Люди озверели. — Человек человеку волк.

— Скажете тоже — волк! Где это вы видели таких волков? В нашем городе еще остался мэр. Все власть имущие удрали к Мессу в Иерусалим, а он остался и помогает горожанам как может. Так вот он говорит, что прежде отношения между людьми определялись поговоркой "Человек человеку бревно", а теперешние — "Человек человеку мутант".

— Мы встретили вашего мэра и даже разговаривали с ним. Я думаю, что ваш мэр верит не в Месса, а в Христа.

— Во всяком случае, он верил в Него прежде. Мальчиком я ходил в церковь на богослужения и хорошо помню, что тогда наш будущий мэр, еще совсем молодой человек, играл в нашей церкви на органе. По том он, как все, принял печать Мессии, а церковь нашу взорвали экологисты.

— Мне думается, что теперь ваш мэр вернулся к вере.

— Почему вы так думаете?

— Да потому что где же иначе почерпнуть сил доброму человеку, если не в молитве?

— Боюсь только, жить этому доброму человеку осталось недолго. — Он чем-то болен?

— Сердце. А еще знакомый вам Косой Мартин люто ненавидит его за то, что мэр не признает его власти над городом. Кто-то не выдержит первым — сердце мэра или Мартин. — Как это грустно!

— Еще бы. На свете становится все меньше и меньше хороших людей. Кстати, о хороших людях: мне пора сменить нашего Ланса у руля.

Они прошли Дуврский пролив и вышли в Ла-Маншское море.

— О чем грустит мой король? — спросил Ланселот, подойдя к Дженни, одиноко сидевшей возле будки на корме. — Где-то там, на севере, моя Шотландия. — Скучаешь по ней?

— Нет, но волнуюсь за отца и братьев, и мне жаль мою мать. Конечно, она всегда вела себя так, будто она к нам совершенно равнодушна. За всю жизнь она, кажется, ни разу меня не поцеловала. Но если братья и отец погибли, то она потеряла разом всю свою семью.

— Когда у меня будет шхуна, мы сходим на ней на остров Иона и навестим твою мать. А если она захочет, возьмем ее к себе жить.

— Ох, сэръ мой Ланселот, где только ты находишь всегда самые правильные слова, чтобы утешить меня?

— Я их мастерю, Дженни, я же мастер на все руки.

— Знаешь, Ланс, я, наверное, все-таки сентиментальна: вот навернулись на глаза слезы, и мне мерещится сквозь них большой цветок чертополоха — там, у горизонта.

— А там и вправду плывет что-то розовое. Это, скорее всего, какой-нибудь мусор, принесенный течением с затонувших "Титаников".

Патти стоял возле камбуза и понуро жевал подвешенный к мачте ракиновый веник. Вдруг он насторожился, поднял голову, поглядел на север и оглушительно закричал.

— И серому другу чертополох мерещится? — удивился Ланселот.

— Смотри, Ланс! Цветок поднялся над водой и раскачивается! Теперь он больше похож на розовый лотос, чем на чертополох. Что это там может быть такое?

— Якоб! Возьми бинокль и взгляни, что это там на севере? — крикнул Ланселот.

— Это белая шлюпка, а в ней — этого не может быть, но я это вижу! — нарядная девушка в голубом платье под розовым зонтиком. Идем туда? — Конечно!

Якоб повернул катамаран на север. Вскоре "Мерлин" приблизился к шлюпке. Прелестная издала картинка вблизи обернулась довольно печальным зрелищем: в белой шлюпке без весел находились двое — девочка с зонтиком и женщина. Женщина лежала на дне, укрытая чем-то белым. Девочка, строго выпрямившись, сидела на скамье шлюпки и держала в левой руке розовый зонт, стараясь, чтобы тень от него падала на голову женщины. Одета она была в голубое шелковое платье, изрядно помятое, разорванное на правом плече и выпачканное чем-то темным, может быть, кровью.

— Как поживаете, господа? — вежливо обратилась девочка к пилигримам, отводя зонтик, чтобы лучше их видеть. — Вы что, потерпели кораблекрушение?

— Да. Наш "Титаник" затонул, а мы с мамой спаслись в шлюпке. Моя мама — леди Патриция Мэнсфильд, жена адмирала британского флота, а я — Эйлин Мэнсфильд.

— Поднимайся скорее на борт, Эйлин, — сказал Якоб, хватаясь за борт шлюпки и притягивая ее к борту катамарана. — Давай руку!

— О нет, давайте сначала поднимем на палубу мою маму. Она не очень хорошо себя чувствует.

— А жива ли женщина? — шепнула Ланселоту Дженни.

Доктор с помощью Якоба спустился в шлюпку и откинул с лица женщины белый плащ, которым она была укрыта.

— Женщина без сознания, — сказал он. — Но никаких ранений я пока не вижу.

— Мама не ранена, она просто потеряла много сил, — подтвердила девочка.

— Якоб, помогите мне поднять женщину на борт, — попросил доктор.

Он осторожно поднял леди Патрицию на борт катамарана, где ее принял и уложил на палубу Якоб. Только тогда Эйлин, аккуратно сложив свой зонтик, тоже стала подниматься на борт, и тут доктор и все остальные увидели, что правая рука девочки почти не действует.

— А ну-ка, молодая леди, покажите мне вашу руку! — потребовал доктор.

Эйлин послушно спустила порванный рукав с плеча: вся ее рука выше локтя превратилась в один большой синяк.

— Что случилось с вашей рукой? — спросил доктор, осторожно ощупывая плечо девочки.

— Меня ударило о борт шлюпки, когда мы с мамой в нее забирались.

— Так вас не спустили в шлюпке с борта "Титаника"?

— Нет. Шлюпку мы подобрали уже далеко от "Титаника".

— Рука не сломана, но трещина в кости не исключается — удар был очень силен. Такой кровоподтек! Идемте в каюту, Эйлин, я наложу вам повязку.

— Доктор, я могу еще потерпеть, помогите сначала моей маме.

Леди Патриция, лежавшая на палубе под охраной Дженни, вдруг открыла глаза и медленно проговорила:

— Эйлин, я слышу голоса, или это мне кажется?

— Нет, мамочка, тебе не кажется, — Эйлин опустилась на палубу рядом с матерью и нежно погладила ее по щеке, — нас подобрали какие-то добрые люди, и мы теперь у них на судне. — Эти люди — джентльмены, Эйлин?

— О, да, мамочка, это очень приятные люди. С ними доктор и молодая леди.

— Я очень рада. Поблаговари их и извинись за меня: я хочу еще немного поспать, — и леди Патриция снова впала в забытие.

— Она все время вот так: скажет два слова и опять теряет сознание. Нельзя ли перенести ее куда-нибудь в тень? — спросила Эйлин,

— Конечно, можно, — кивнул Ланселот. — Якоб, отнесите женщину в каюту. Не беспокойтесь, я снова встану к штурвалу. Эйлин, ты тоже спускайся туда с доктором.

— Чем я могу помочь, доктор? — спросила Дженни.

— Приготовьте не слишком крепкий солевой раствор: я боюсь, что обе пациентки страдают от обезвоживания организма.

— О, нет, не беспокойтесь! У нас только первые два дня не было воды, доктор, — сказала девочка. — Потом пошел дождь, я собирала воду в перевернутый зонтик и слила ее в ведро, которое нашлось в шлюпке. Вода была невкусная, но нам ее хватало для питья и даже еще немного осталось. Ведро стоит там, под банкой.

Все невольно посмотрели на качавшуюся под боком "Мерлина" белую шлюпку и отметили, что девочка назвала скамейку "банкой" — по-морскому. — А где же ваши весла? — спросил Якоб.

— Весел в шлюпке не было, и мы плыли просто так, по течению.

— И сколько же продолжалось ваше плавание? — спросила Дженни.

— Этого я не могу вам сказать точно. Все случилось ночью, когда мы уже легли спать. На палубе вдруг забегали, зашумели, кто-то крикнул, что началась война с русскими. Потом на нашем "Титанике" погас свет, и началась паника. Мы с мамой не выходили из нашей квартиры до тех пор, пока не почувствовали запах гари. Мама велела мне надеть плащ и захватить зонтик. Мы выбежали на палубу. Все вокруг нас горело, и наш "Титаник", и другие, стоявшие рядом у причала. Потом "Титаники" начали один за другим взрываться и уходить на дно. Моя мама решительный и смелый человек, это она сейчас не в себе — из-за крушения и из-за папы. В ту ночь она не стала ждать, пока мы начнем тонуть вместе с "Титаником", а потащила меня на корму и велела прыгать. Мы взялись за руки и прыгнули, и сразу поплыли в открытое море. Вы знаете, зонтик помог нам держаться на воде: я его раскрыла, перевернула кверху ручкой, и мы с мамой с двух сторон за него держались. Потом нам повезло, мы увидели пустую шлюпку и сумели в нее забраться. Сколько дней мы были в открытом море, я не знаю, потому что через несколько дней у меня начало все путаться в голове. Ночью я спала на дне шлюпки рядом с мамой, чтобы нам было теплее, а днем сидела и держала зонт над мамой. — И все это время вы обе ничего не ели? — У нас не было еды.

— Болтушку из муки, доктор? — спросила Дженни.

— Да, Дженни. Они голодали не больше двух недель, если считать со времени космического столкновения. Но поскольку пили они очень мало, выходить из этой голодовки надо осторожно. Сделайте им для начала очень жидкую болтушку, чуть позже — крепкий чай с сахаром, а вечером дайте немного бульона из кубиков, только сделайте его со всем слабым. А завтра им можно будет дать бульон с сухариком.

К вечеру Эйлин совсем оправилась. Она вымылась на камбузе, сняла свое голубое платье и надела брюки и блузу Дженни: они были ей велики, но зато широкие рукава блузы не травмировали забинтованную руку и девочка могла ухаживать за матерью. Ужинать Эйлин села за стол вместе со всеми. Она неторопливо и аккуратно пила свой бульон из кружки, держа левой рукой. При этом Дженни заметила, что девочка очень прямо держит спинку, на вопросы взрослых отвечает вежливо, но сама ни с кем не заговаривает — словом, ведет себя как

истинная маленькая леди в малознакомом обществе.

После ужина Ланселот объявил, что теперь они с доктором тоже переберутся на палубу, а каюту полностью уступят женщинам. Будку Патти разобрали и превратили в большой тент, под ним разложили матрацы из мешков с сеном и соорудили для Ланселота ложе из пустых ящиков из-под съестных припасов: доктор мог спать на мешках с сеном рядом с братьями, а Ланселоту требовалось более высокое ложе, чтобы он мог в любой момент самостоятельно и быстро перебраться с него в коляску.

Глава 17

Возле северных берегов бывшей Франции на пилигримов, которых теперь стало уже семеро, напали пираты. Как назло в тот день был штиль, и "Мерлин" шел на моторе, а у преследователей на допотопном военном катере мотор оказался гораздо мощнее. Сначала пираты просто прокричали в мегафон требование остановиться, а когда "Мерлин" попытался от них уйти, быстро настигли его и приказали бросать якорь, угрожающе потрясая в воздухе боевыми винтовками. Ланселот хотел достать из каюты свое ружье, но доктор попросил его до последней возможности не применять оружие.

— Не стоит нам затевать перестрелку, пока они не начали стрелять первыми, — сказал он. — Она неминуемо превратится в бойню, и тогда нам не уцелеть. А больше всего мне не хочется пугать леди Патрицию и бедную девочку, они только-только начали приходить в себя.

— Правда, Ланселот, может быть, все еще и обойдется, — поддержала доктора Дженни. Но сама она вытащила из тайника пояс с револьвером и спрятала его под свитер. Ланселот увидел и недовольно по морщился.

— Сидела бы ты лучше в каюте, Дженни, приглядывала за женщинами, а мы посмотрим, чего хотят эти люди.

Люди хотели еды. Они не обратили внимания на женщин, сбившихся в углу каюты, но унесли все съестные припасы, какие нашли в трюме. Они не обошли вниманием и крохотный камбуз Дженни: какой-то пронырливый пират подхватил двумя кухонными полотенцами кастрюлю с готовящейся ухой и, отворачивая лицо от пара, побежал с нею на свой катер. Пираты не тронули одежды, не спросили об оружии, не забрали ни удочек, ни сетей Ланселота — их интересовала только еда. Хольгер, сидевший под тентом на корме, обнял двумя руками свою гитару и приготовился ее защищать, но пираты на него даже не взглянули. Зато Патти привлек их внимание.

— Скотину берем? — спросил один из пиратов.

— Конечно, это же мясо! Забей его, Жером, а освежаем тушу потом.

Бандит вытащил нож и направился к Патти. И тут Дженни, наблюдавшая снизу за происходящим, одним прыжком выскочила на палубу, на ходу выхватывая из кобуры револьвер. Она крепко зажала его в обеих руках, направляя на Жерома.

— Эй, ты там, как тебя? Жером? Так вот, Жером, ты сам скотина, и я тебя сейчас пристрелю, если ты сделаешь хоть еще один шаг к моему ослику!

Доктор Вергеланн ахнул, а Ланселот рванул свою коляску и загородил собой Дженни: оба ожидали, что сейчас раздадутся выстрелы. Но к их удивлению, главарь только крикнул Дженни:

— Не вздумай стрелять, психопатка! На выстрел подойдут другие, и тогда ни нам, ни вам не поздоровится. Ладно, черт с ним, с ослом! Пора уходить!

И пираты стремительно покинули палубу "Мерлина", развернули свой катер и умчались.

А Дженни рыдала, обнимая Патти за шею. Невозмутимый Патти меланхолично пожевывал рыжую прядку ее растрепавшихся волос.

— Ну не плачь, Дженни-королек, ведь все уже позади, — сказал Ланселот, подъехав к ней с другой стороны и тоже глядя ее по рыжим кудрям, — ты прогнала пиратов. Но скажи мне, ты и вправду могла выстрелить в этого негодяя?

— Не знаю, — сказала девушка, — но боюсь, что если бы он напал на Патти, я бы спустила курок. А теперь мне страшно!

— Может быть, вы отдадите мне револьвер, Дженни? — спросил Якоб. — Убивать я никого не стану, а припугнуть сумею не хуже вас.

— Конечно. Заберите эту гадость. До этого я стреляла только в тире по мишеням и по пустым банкам из-под энергена. — Вы и сейчас не стреляли в человека, Дженни, успокойтесь. Вы просто припугнули его.

— Вы думаете, я бы не стала стрелять в него? — Я в этом убежден, — сказал Якоб. Дженни вытерла слезы и отдала ему револьвер вместе с патронами. Она пошла на камбуз, и оттуда раздался ее возмущенный крик:

— А где моя уха? Где моя самая любимая кастрюля? Ворюги несчастные! Где мой револьвер?

— Конечно, это несчастные ворюги, Дженни права, — сказал доктор Якобу. — Вы видели их лица? Эти люди уже давно голодают. Если бы они не взяли нас на испуг, мы бы сами поделились с ними едой.

— Конечно, поделились бы, — кивнул Якоб, — но не до такой же степени!

— В любом случае догонять мы их не станем, иначе Дженни устроит из-за своей кастрюли Трафальгарскую битву, — сказал Ланселот.

Надувшись, Дженни пошла на камбуз, и вскоре оттуда раздался ее торжествующий крик:

— Они не заметили мои сухари! У нас остались сухари, которые я подвесила в мешке подсушиться! И все приправы, и чай, а главное — соль, они не тронули нашу соль! Ланс, если ты забросишь сеть и наловишь немного рыбы, я снова сварю вам уху! Ну как, я уже могу ставить воду?

С пиратами пилигримам, можно сказать, повезло.

— Интересно, неужели в здешних водах нет ни экологов, ни полицейских патрулей — одни только пираты? — спросил доктор.

— Я думаю, так оно и есть — сказал Ланселот, готовя сеть к спуску, — у властей теперь плохо с техникой. Вся военная и полицейская техника была напичкана электроникой, а это значит, что вся она вышла из строя. Пока экологи и полицейские догадаются приспособить для работы обычные рыбацкие суда, пираты успеют ограбить все прибрежные воды.

Первый экологический патруль они встретили недалеко от бывшей Франции, и пилигримы убедились в прозорливости Ланселота: транспортом патрулю служил обыкновенный рыбацкий баркас, только выкрашенный в красный цвет экологической службы. В мегафон прозвучал приказ остановиться, и Якоб, стоявший у руля, заглушил мотор.

— Ну наконец нам встретилась какая-то законная власть, — сказал доктор.

— Что-то преподнесут нам эти представители официальной власти, — мрачно сказал Якоб, глядя на приближающийся баркас экологов. — Боюсь как бы они не отняли у нас последнее.

Экологи и клоны заполнили палубу катамарана. Старший экологист, невысокий и приземистый офицер, приказал всему экипажу катамарана встать в ряд и поднять руки вверх.

— Позвольте, — возмутился доктор. — Мы мирные путешественники, мы никого не ограбили и не обидели. Почему вы так с нами обращаетесь?

— А это мы сейчас выясним, — ответил офицер. — Общем, допросим — и выясним, в чем вы провинились против закона, и какого именно закона. Но могу заранее сказать, что суденышко ваше мы конфискуем — отличный катамаранчик! На батарейках ходит?

— На батарейках, — мрачно ответил Ланселот.

— И никакой тебе электроники! — обрадовано воскликнул офицер, оглядев рубку. — Чудненько! На таком катамаране можно перевозить большой отряд.

Ланселот начал потихоньку отъезжать к трюму, где в рундуке лежало его ружье, твердо решил без боя катамаран не отдавать. Неизвестно, чем бы кончилась эта встреча, если бы не Эйлин Мэнсфильд. Она вышла из каюты и смело направилась к офицеру. Девочка подошла и остановилась перед ним, в упор глядя на удивленного коротышку — они оказались одного роста.

— Как поживаете, капитан? Я ведь не ошиблась, вы капитан?

— Ну, предположим, капитан, — сказал тот, насмешливо оглядывая стоящую перед ним самоуверенную девочку в закатанных спортивных брюках и слишком широкой для нее блузе.

— Мы с моей матерью, леди Патрицией Мэнсфильд, женой адмирала британского флота, совершаем оздоровительную морскую прогулку. У вас есть какие-нибудь вопросы к нам и к нашей команде?

— Леди Патриция? Супруга адмирала Джеральда Мэнсфильда? А что заставило леди Патрицию отправиться в плаванье на таком непрезентабельном судне да еще с командой, похожей на шайку асов? — удивился капитан.

— Каприз, — коротко ответила Эйлин. — Леди Патриция в своих действиях руководствуется исключительно собственными капризами. А вы имеете что-нибудь против, капитан? На лице капитана появилось сомнение. — Вы, кажется, хотите допросить мою мать? — подняла тонкие брови Эйлин. — Как раз сейчас она отдыхает в своей каюте. Конечно, я могу ее разбудить и попросить подняться к вам, капитан. Не уверена, что ей это понравится, но если вы настаиваете...

Все были уверены, что экологист отступит, но службист взял верх над карьеристом.

— Да, пожалуйста, если вас это не затруднит, юная леди, — сказал он. — А потом я принесу свои извинения леди Мэнсфильд.

Эйлин, не говоря больше ни слова, спустилась в каюту, и через несколько минут леди Патриция поднялась на палубу. Капитан сразу бросился к ней, и на лице его изобразилась восторженная почтительность. Видимо, экологист не раз видел знатную леди на экранах персоников.

— Рад познакомиться с вами, леди Патриция! — воскликнул он, взяв под козырек.

— Извините, но я никогда не знакомлюсь с экологистами, — рассеянно ответила леди Патриция. — Эйлин, ты сказала, что меня хочет видеть офицер. Я полагала, что речь идет об офицере армии или флота. Будь добра, проводи меня обратно в каюту: ты же знаешь, что я не люблю экологистов, — и леди Патриция величаво повернулась спиной к опешившему капитану и, не глядя, протянула руку дочери.

Эйлин чуть развела руками, показывая капитану, что она тут ни причем, взяла мать под руку и отправилась с нею назад в каюту.

Обиделся капитан или нет, это осталось неизвестным, но он ни с кем больше не стал разговаривать и быстро убрался с палубы вместе со своей командой.

— Эйлин, ты просто чудо! — воскликнула Дженни, заглядывая в каюту. — Вы с мамой вдвоем разогнали целый экологический отряд! Эйлин удивленно подняла брови. — Но мама действительно не любит экологистов!

И паломники осторожно продолжали путь в этих людных и опасных водах. Они встречали по пути острова, пестревшие палатками, как цыганские таборы, и острова, казавшиеся необитаемыми. Ночевать они теперь предпочитали на судне во избежание ненужных встреч, едой им служили сухари да рыба, которую удавалось наловить, но искать пропитание на обитаемых островах они не решались.

Они приблизились к северо-западным берегам Франции.

— Прямо по курсу небольшой островок, — вдруг сообщил Якоб, стоявший вахту с биноклем. — Голый остров, а на нем замок или крепость, а может, просто хорошо сохранившиеся руины.

— Это остров Жизор, — объявил доктор, подойдя к висевшей на стене карте, — мы уже в бывшей Нормандии. Я доложу Лансу.

— Пристанем к этому острову, — решил Ланселот, — может быть, на нем есть источник пресной воды: нам давно следует освежить наши запасы.

Доктор вышел на палубу, чтобы лучше рассмотреть остров Жизор. К нему подошла Дженни.

— Крепость Жизор, когда-то построенная тамплиерами, — сказал доктор, глядя на остров.

— Я плохо знаю французскую историю, — вздохнула Дженни. — Кто такие тамплиеры, доктор?

— Это французский рыцарско-монашеский орден, существовавший в двенадцатом-тринадцатом веках. Основан он был в Иерусалиме крестоносцами. Эти рыцари-монахи занимались грабежами, ростовщицеством, торговлей и контрабандой. Грабили они не только язычников, но и православную Византию.

— Ага, они были вроде тех крестоносцев, что заглядывали к нам в Камелот! — воскликнула Дженни.

— Крестоносцы — в Камелот? — удивился доктор.

— Дженни говорит о Реальности. Продолжайте, доктор: что же с было с тамплиерами дальше?

— В конце концов французский король и папа римский, снедаемые алчностью, объединили усилия и разгромили орден с помощью инквизиции и оружия. Но золота тамплиеров они не получили: рыцари-монахи успели его спрятать. На протяжении веков тамплиерские клады искали в самых разных местах Франции. Перед нами одно из таких мест — замок Жизор.

— Какой он мрачный, прямо второй Кронборг! — сказала Дженни, когда они по дошли ближе к острову.

— Вы бывали в Эльсиноре, Дженни? — спросил Якоб.

— Мы в нем пережидали космическую атаку русских.

— Атаку русских? — переспросила Эйлин, стоявшая рядом с доктором и слушавшая его рассказ о тамплиерах. — А вы разве не знаете, доктор, что не было никакого нападения русских на Планету?

— Что ты говоришь, дитя мое? Мы успели увидеть по персонику Месса, объявившего о войне с русскими и о нашем ответном ударе.

— Простите меня, но я знаю, как все было на самом деле. В тот день моему отцу было приказано вывести в океан флотилию кораблей-ракетоносцев. Прощаясь, он сказал маме, что русские способны обнаружить и взорвать наши ракеты в тот самый миг, как они поднимутся в космос и возьмут направление на восток. Когда через несколько часов Мессия объявил о нападении русских, мама сказала: "Это наши ракеты полетели на Россию". В ту же ночь затонул наш "Титаник". Мама не знает, что с моим отцом, поэтому она в таком тяжелом состоянии, а не только из-за того, что нас долго носило по волнам.

Все молча слушали Эйлин и не знали, верить ей или нет. Разумеется, она не лгала, но могла ведь и ошибаться...

Они подошли к Жизору. Громада замка нависала над узким каменистым берегом, кое-где поросшим ивовыми кустами. Похоже, остров когда-то был холмом с крутыми склонами — глубина возле самого берега была изрядная, и Ланселот подвел катамаран почти вплотную к скалистому берегу. Якоб бросил якорь, сходни опустили прямо в воду. Патти первым простучал копытцами по доскам, вбежал в мелкую прибрежную волну и поскакал на сушу.

Пока Якоб и доктор выкатывали на берег коляску Ланселота, доктор и Дженни с осликом в поводу первыми подошли к высоким воротам замка — дубовым, окованным железными полосами, с большими медными гвоздями-скрепами. Доктор толкнул громадные створы, но ворота были наглухо заперты. Тогда он отправился в обход замка в поисках другого входа. Патти, осмотрев берег и не найдя ничего для себя интересного, то есть съедобного, пошел за доктором. Вдруг ослик остановился, покрутил головой со вставшими столбиком ушами, издал радостное "Ийех!" и галопом помчался вдоль стены замка.

— Патти! Патти, вернись! — закричала Дженни.

— Не волнуйтесь, дорогая! — успокоил ее доктор. — Патти увидел свое любимое лакомство.

Действительно, в углу между стеной и выступающей наружу башней, куда и летел окрыленный восторгом Патти, высились заросли чертополоха.

— Ну вот, один из нас уже нашел пропитание, — засмеялся подъехавший к ним Ланселот. За ним шла Эйлин, ведя за одну руку мать, а за другую — Хольгера. Все стояли перед закрытыми воротами и ждали доктора. Вскоре он вернулся и объявил, что других ворот не обнаружил, а стены замка совершенно неприступны.

— Похоже, что там нет никого, кроме птиц, — заметил он. — Вы только послушайте, как они поют там, за стеной.

Действительно, из-за стены замка доносилось громкое и разноголосое птичье пение.

Поскольку в замок войти не удалось, решили устроиться на ночь прямо под аркой ворот: хоть и небольшое, но все-таки укрытие от дождя и ветра. С этим все разошлись по острову в поисках топлива и пресной воды.

Глава 18

Эйлин шла по берегу, вглядываясь в сплошную полосу водорослей и мусора, вынесенных прибоем. Маленькие крабы, слышав ее шаги, разбежались и ныряли в кучи вянущих и остро пахнущих водорослей. Среди зелено-коричневых стеблей торчали разноцветные банки из-под энергена, куски обгорелого пенопласта, рваные пластиковые пакеты и другой бесполезный сор. Плавника ей пока не попадалось.

Девочка зашла за серую стену замка и увидела неподалеку кучу ивовых кустов. "Там может быть хворост", — подумала она и храбро принялась пробираться сквозь заросли.

Она сразу заметила подходящую сухую корягу, торчавшую из песка, и попыталась ее вытащить. Но это оказался обломок ивового ствола, крепко державшийся за корни, и ей не удалось его ни вытянуть из песка, ни обломить. Утомившись, Эйлин села на теплый песок, а потом и прилегла. Солнце пригрело ее, и она сама не заметила, как сладко уснула. Эйлин не знала, сколько она проспала, когда ее разбудили тихие голоса.

— Как ты думаешь, это мальчик или девочка? — Не знаю. На ней брюки, а брюки носят мальчики.

— Мари тоже носит брюки, а она девочка.

— Что ты, Кей! Мари не девочка, а учительница. Учительницы старые и носят разное, а девочки носят юбки. Вспомни-ка, в наших книжках все девочки нарисованы в юбках, а мальчики в брюках. — Да, правда, Эль.

Голоса были детские, но какие-то странные. Эйлин вспомнила любимую в детстве игрушку: пушистого котенка, который, если положить его на спинку, говорил: "Хочу спать!" и закрывал глазки, а если поднять, пищал: "Хочу играть!". Голоса были чем-то похожи на голос игрушечного котика.

— А пойдем к Дине и скажем, что мы первые нашли девочку.

— Давай еще посидим и поглядим на нее: она такая красивая! Ты посмотри, Кей, какие у нее

волосики!

— Если ты хочешь, то давай посидим и посмотрим.

Голоса умолкли. Эйлин, не меняя позы, чуть-чуть приоткрыла глаза. Два человечка, меньше ее ростом, но более плотные, сидели рядом под ивовыми кустами; оба были в широких серых балахонах и в колпачках, один в красном, другой в зеленом. "Это гномы", — подумала Эйлин и успокоилась: гномы могли ей только присниться, и она решила спать дальше. Но гномы продолжали беседу.

— Как ты думаешь, у меня вырастут такие же волосы? Я ведь выбрала себя девочкой.

— Наверное, вырастут. У девочек всегда длинные волосы.

— Дина говорит, что скоро все наши девочки станут красивыми. — А ты уже почти красивая, Эль. — Спасибо, Кей, что ты так говоришь. Эйлин открыла глаза и убедилась, что она не спит, а таинственные существа не исчезают. Теперь они смотрели не на нее, а друг на друга. Существо в зеленом колпачке попросило:

— Кей, взгляни, пожалуйста, не растут ли уже мои волосы?

Под зеленым колпачком оказалась лысая яйцевидная голова клона! Только клон этот был совсем не похож на тех, что Эйлин постоянно видела рядом с экологистами. Оба человечка имели раскосые клоновские глаза и тонкогубые длинные рты, похожие на надрезы, и кожа на лицах у них была того же неестественно-желтого цвета, по которому можно было издали отличить лица клонов от человеческих, но на этом сходство кончалось. Выражением и мимикой лица их были похожи на детские, хотя и несколько странноватые. Леди Патриция говорила, что рядом с клонами дети-монголоиды выглядели бы ангелами; Эйлин монголоидов никогда не видела, потому что их уничтожали сразу при рождении, но она подумала: "Может быть, это не гномы и не клоны, а монголоиды? Они такие симпатичные". Она поняла, что снявший колпачок гном считает себя существом женского пола, точнее — девочкой.

Эль подставила свою голову для обозрения Кею, и ее косенькие глаза совсем ушли под лоб, будто она сама тоже пыталась взглянуть на свою макушку, а длинный рот с мелкими зубами был приоткрыт в ожидании.

Кей долго сосредоточенно рассматривал голову Эль, а потом осторожно дотронулся пальцем до ее макушки. — Ну что там у меня наверху?

— У тебя вот тут не чешется, Эль?

— Я не знаю, Кей. — Эль неуверенно подняла руку и почесала макушку. — Кажется, немного чешется...

— Значит, у тебя уже растут волосы. Я вижу маленькие точки, и из каждой что-то выглядывает. Надень шапочку, а то простудишь свои волосики.

— Как хорошо, что они уже растут, прав да, Кей?

— Правда, Эль. Вставай, пойдем к Дине и скажем, что мы нашли девочку. — Мы ее первые нашли. — Да.

Человечки встали, и тут Эль увидела, что Эйлин открыла глаза. — Ой, ты проснулась!

Здравствуй!

— Здравствуйте, — Эйлин совсем не боялась странных малышей, — а вы кто такие? Вы гномы? Лепрехуны? Может быть, вы хоббиты?

— Мы никто из этих, — сказала та, что была в зеленом колпачке. — Я просто Эль, а вот это — Кей. Мы называемся "воспитанники". А ты кто — мальчик или девочка? — Я девочка. Меня зовут Эйлин. — Ты такая красивая, Эйлин. Почему? — Честное слово, не знаю.

— Все твои люди пошли к Айно, а нас Дина послала за тобой. Эй, идите все сюда, мы нашли ее!

Кусты зашумели, зашуршали, и вокруг зазвучали "игрушечные" голоса:

— Смотрите, смотрите, Эль и Кей уже нашли девочку!

Из кустов появились еще пять таких же странных детей, в колпачках, красных и зеленых, и серых колокольчатых балахонах на железных пуговках спереди. Один из них вышел вперед и учтиво представился:

— Здравствуй, девочка. Я — Эй, а это Эф и Джей. Мы мальчики, а вот это наши девочки, Си и Ди. А Кея и Эль ты уже знаешь, ведь это они тебя нашли.

— Да, они меня нашли, когда я спала. Меня зовут Эйлин Мэнсфильд.

— Какое длинное имя! Можно, мы будем звать тебя просто Эйлин? — Можно.

Эль подошла к Эйлин совсем близко и спросила: — Можно я тебя буду за руку вести? — А куда ты хочешь меня вести, Эль?

— В школу. Твои друзья уже там. А ты знаешь, Эйлин, у нас тоже скоро будут настоящие имена! — Мне твое имя очень нравится, Эль.

— А нам не нравится, — возразил бойкий Эй и ухватил Эйлин за другую руку. — Это ведь не настоящее имя, а просто буква. В первом классе нам дают временные имена по алфавиту. — А когда вы получите настоящие имена?

— Когда нас крестят и мы станем настоящими людьми.

— Понятно, — сказала Эйлин, хотя мало что поняла из разговоров со странными "клониками", как она стала звать их мысленно. Теперь она забеспокоилась о том, что случилось с остальными пилигримами, пока она спала.

А пока Эйлин спала на песке среди ивовых кустов, случилось вот что. Пилигримы набрали топлива для костра и стали разводить костер прямо возле ворот крепости. И вот когда дымок от костра, увлекаемый сквозняком, начал утекать под своды ворот, вдруг послышался скрип железных петель, и ворота медленно растворились. Все вскочили на ноги и отступили от них. В проеме появилась высокая женщина в длинном черном платье, старая и красивая.

— Приветствую вас, король Артур и сэр Ланселот с друзьями-пилигримами, — произнесла она глубоким голосом, в котором звучала и улыбка, — милости прошу в замок Жизор, посетите нашу христианскую школу-пансион. А ваш костер вы, пожалуйста, затушите — его с моря могут заметить экологи или пираты.

Удивленные пилигримы послушно затушили и затоптали костер.

— Прощу вас, проходите в замок, — пригласила она их, когда с костром было покончено.

— Подождите, а где же моя дочь? — заволновалась леди Патриция.

— В самом деле! Она ушла собирать топливо, а потом я ее больше не видел, — сказал доктор.

— Не беспокойтесь о ней, — сказала женщина, — на нашем острове с девочкой ничего плохого не случится. Она, наверное, просто устала и спит где-нибудь на берегу. Я сейчас пошлю за ней наших воспитанников. Ступайте за мной!

И они все вошли в ворота Жизора вслед за старой женщиной в черном. Пройдя через довольно длинный проем, они оказались на свету и радостно ахнули: весь замковый двор оказался огромным ухоженным садом. Как давно все они не видели нарядных цветущих растений! Даже Хольгер поднял лицо и с наслаждением вдыхал благоухающий воздух.

Женщина повела их к замку по дорожке, вымощенной стертymi известняковыми плитами. Она шла впереди, рядом ехал в своей коляске Ланселот, за ними шли остальные пилигримы и позади всех — Дженни и Патти. Все они, включая ослика, восхищенно оглядывались по сторонам. Когда дорожка из плит сделала один единственный поворот, Дженни оглянулась и не увидела позади серых каменных стен: изнутри стены крепости до самого верха были покрыты сплошным ковром дикого винограда с блестящими зелеными листьями.

В замковом саду многие деревья были никому из пилигримов не знакомы, но и деревья известных пород вели себя здесь необычно: рядом стояли три яблони — одна в цвету, другая покрытая молодой листвой, а ветви третьей склонялись под тяжестью зрелых плодов.

Между плодовых деревьев росло множество цветов. Дженни увидела на клумбе цветущие подснежники и астры, незабудки и георгины. Она спросила у женщины:

— Как это получается, что подснежники и астры цветут в одно время? Они что, с ума сошли?

— Нет, не сошли, — улыбнулась женщина. — Они всегда росли рядом, но цвели в разное время, вот им и захотелось разок взглянуть друг на друга в цвету.

— Посмотрите на небо! — закричал вдруг Ланселот.

Пилигримы подняли головы — небо над островом было синим, чистым и глубоким, без привычной дымки и даже без единого облачка. Они остановились и долго любовались им: все они уже годы не видели чистого синего неба. Женщина их не торопила.

— Да здесь у вас прямо рай Господень, — радостно и удивленно сказал доктор Вергеланн.

— Нет, это только его слабое отражение, — серьезно ответила старая женщина.

— Но как вам удастся очистить небо от обычной дымки?

— Оно само очищается над нашим островом.

— Какой чудный остров, как в сказке! — воскликнула Дженни.

— Сказки, найденные в сундуке на чердаке? — с улыбкой сказала женщина. — Да, на нашем острове творятся чудеса, но совсем не сказочные.

— А вы, должно быть, хозяйка всего этого великолепия? — спросил доктор.

— Хозяев у нашего замка много — все, кто здесь живет. Если вы останетесь с нами, вы тоже станете его хозяевами.

— Нет, мы не можем остаться. Мы паломники и держим путь в Иерусалим, — поспешил сказать Ланселот.

— Вот как... — женщина внимательно на него поглядела. — Понятно, некоторые из вас жаждут получить исцеление в Иерусалиме. Но не все, надеюсь?

— Не все, — сказал Ланселот. — Дженни — моя невеста, и поэтому отправилась в путь со мной. Якоб мечтает вернуть зрение своему брату Хольгеру вон тому красивому юноше с гитарой, а у доктора Вергеланна собственная миссия: он хочет добиться аудиенции у Мессии. Леди Патрицию с дочерью Эйлин мы подобрали в море, и они еще не решили, куда им держать путь.

— Поскольку ваши имена мне теперь известны, пора представиться и мне, — сказала женщина. — Меня зовут Дина, а свою фамилию я уже давно больше не ношу и стараюсь забыть. Кроме воспитанников в замке Жизор живут учителя и обслуживающий персонал, и все мы вместе с учениками составляем одну христианскую общину. Руководит ею пророк Айно, вы его скоро увидите.

— Это какая-нибудь секта с тоталитарным пророком во главе, — тревожно шепнул доктор шедшей рядом Дженни.

— Нет, мы не сектанты, — не оглядываясь на доктора, громко сказала Дина, — мы обыкновенные христиане, а пророк — это не звание и не титул, Айно и вправду пророк.

— Ах, вот как... — пробормотал несколько смущенный доктор. — Смотрите, вот и наша Эйлин! Догоняя их, по дорожке шла Эйлин в кругу маленьких человечков в зеленых и красных колпаках.

— Вы посмотрите, Белоснежка и семь гномов! — воскликнула Дженни. — Кого это ведет наша Эйлин?

— Это они ее ведут. Я вижу, она уже подружилась с нашими воспитанниками, — сказала Дина. — И вы все тоже не обижайте их, пожалуйста.

— Что вы, Дина! Неужели мы похожи на тех, кто способен обидеть детей? — удивился Ланселот.

— Это не дети, брат Ланселот, это бывшие клоны.

— Мама, ау! Со мной все в порядке! — крикнула Эйлин издали.

— Да, конечно, моя дорогая, — спокойно сказала леди Патриция. Увидев Эйлин живой и невредимой, она перестала тревожиться о ней и снова погрузилась в себя.

— Можно я пойду с моими новыми друзьями, мама? Они хотят показать мне, где растет смородина. — Конечно, иди, Эйлин.

Эйлин и ее "клонки", весело переговариваясь на ходу, отправились в угол сада и там скрылись в кустах, увешанных длинными кистями красных ягод. Пилигримы вышли на открытое место и оказались прямо перед замком. Между ними и входом в замок раскинулся большой газон: он казался зеленым бархатным ковром, расшитым белыми и красными маргаритками, а на краю

его стоял старый каштан, огромный и развесистый; каждая его ветка росла от ствола вначале прямо, потом изгибалась книзу, а на конце круто шла вверх и заканчивалась высокой бело-розовой свечой, и таких свечей были сотни.

На площадке перед входом в замок не-подвижно как статуя стоял высокий человек в свободной белой одежде со множеством складок. Увидев путешественников, он встрепенулся и поспешил им навстречу, протягивая обе руки и улыбаясь.

— Приветствую вас, Ланселот Озерный, его невеста Евгения и дорогой отец Иаков! Вот вы и появились наконец, а я уже давно вас жду! И вас всех тоже, сестры и братья. Входите же, прошу вас! Пилигримы остановились в недоумении.

— Это пророк Айно, — торжественно произнесла Дина, и в голосе ее слышались гордость и любовь.

— Здравствуйте, Айно, — сказал слегка растерявшийся Ланселот. — Друзья и в самом деле зовут меня Ланселотом, но мое настоящее имя Ларе Кристенсен. А вот имя моей невесты вовсе не Евгения, а Дженнифер.

— В крещении я нареку ее Евгенией, — спокойно возразил ему пророк. — А вот будущий отец Иаков ничуть не удивился, не так ли? — обратился он к Якову.

— Вы это ко мне? А я и не понял, что вы ко мне обращаетесь, уважаемый пророк. Меня зовут Якоб, просто Якоб.

— Ну вот, Дина, никто из наших гостей не верит в мои пророчества! — засмеялся молодой пророк. — А разве не ты, брат мой Якоб, мечтал когда-то стать священником? Не ты ли в шестнадцать лет бежал из дома в монастырь и собирался там остаться и принять постриг? Или я опять ошибаюсь?

Пилигримы удивленно поглядели на Якоба. Тот смутился.

— Ну, когда это было... С тех пор столько воды утекло!

— Да, много гнилой воды с тех пор протекло по земле. Но мы с тобой распутаем нити твоей судьбы, исправим прошлое, и ты станешь, как тебе и было предназначено, священником отцом Иаковом. Но это — позже, а сей час я просто рад всех вас здесь видеть! Здравствуй и ты, ослик Патти, упрямый мой братец!

Патти тотчас подошел к пророку и учтиво склонил перед ним ушастую голову. Тот погладил его по холке.

— Вообще-то Патти не упрямый, он послушный, — застенчиво сказала Дженни.

Пророк улыбнулся ей, потом посерьезнел и сказал:

— Запомни, сестра Евгения: однажды твой ослик Патти проявит непослушание. Не сердись на него, когда это случится. Своим непослушанием он избавит тебя от большой беды, ведь животным дано чувствовать зло и предостерегать от него людей. Будь внимательна к своему серому другу, — сказал Айно и повернулся к Патти. — Брат мой ослик, ты уже насытился чертополохом, поэтому на десерт предлагаю тебе полакомиться вот этим газоном. Можешь и на травке поваляться, только с газона никуда не уходи: это будет твое маленькое личное пастбище, я тебе его дарю. Каштан тоже твой — ты можешь отдыхать в его тени.

Патти, будто поняв сказанное, издал радостное "И-ех!", мотнул головой и рысцой побежал на травку. Но только успел он деликатно тронуть первую маргаритку, как на газон с другой стороны выбежал бородатый старик с граблями наперевес.

— Эй, откуда ты взялся, ушастый? А ну, прочь с газона! — Брат Павел! Человек с граблями остановился.

— Поль, дорогой, оставь ослика в покое! Он в своем праве, я подарил ему этот газон.

Это ты теперь будешь просить у него позволения пройти по нему с граблями.

— Прости, Учитель, я не знал, — смирен но ответил старик, опуская грабли.

— Не тревожьтесь об ослике, сестра Евгения, — сказал Айно. — Поль ни за что бы его не ударил. Мы здесь животных не обижаем, а они ведут себя разумно и смирно. У нас есть несколько кошек, они не трогают наших птиц и охотятся только на крыс в жизорских подвалах. А сейчас мы все пойдем в замок. Об оставленных на берегу вещах и о "Мерлине" не беспокойтесь, мы последим за ними.

— Мы с благодарностью принимаем ваше приглашение, — сказал Ланселот. — Но вообще-то мы собирались отчалить еще сегодня, в крайнем случае завтра. Нам только надо запастись пресной водой, а еще мы купили бы у вас немного еды, вернее, обменяли на рыбу. — Еду мы вам дадим без всякой платы и дадим столько, сколько сможем, — сказал Айно. — Но так скоро продолжить путь у вас не получится. Дети пока еще в Пиренеях.

— Какие дети? — удивился Ланселот. — И при чем тут Пиренеи?

— Вы все узнаете со временем. А пока — отдыхайте! — С этими словами пророк спустился по ступеням, прошел по дорожке и исчез в саду.

Дина повела всех в замок. Они вошли в просторный и светлый холл, уставленный живыми растениями в кадках и горшках и бывший как бы продолжением сада. Здесь они снова увидели воспитанников в красных и зеленых колпачках. Весело переговариваясь, они ухаживали за растениями.

— Это тоже бывшие клоны? — шепотом спросила Дину Дженни.

— Да, конечно, — ответила Дина, — других воспитанников здесь нет.

— Обычные клоны сумрачны и необщительны, — заметил доктор, — а ваши ведут себя как обыкновенные ребяташки.

— Этого мы и добиваемся. Наша задача — ввести наших воспитанников в число творений Божиих, снискать для них милость Господню.

— Расскажите об этом немного подробнее, прошу вас! — воскликнул доктор. — Вам в самом деле интересно? — И нам тоже! — сказала Дженни.

— В таком случае давайте зайдем в гостиную и присядем: я вам расскажу о нашей миссии на Жизоре. Вы должны это знать, ведь вы наши гости.

В небольшой гостиной с высокими витражными окнами, через которые на каменные плиты пола падали разноцветные пятна, они уселись в кресла и приготовились слушать Дину.

— Я биолог — начала она, — и я была среди тех, кто достиг первых успехов в клонировании. Это при моем участии преступная наука создала на земле особый род живых существ, не относящихся к числу созданий Творца, не имеющих законного места ни среди людей, ни среди животных. Мы самонадеянно полагали, что создадим человека идеального, сверхчеловека, здорового и практически бессмертного: мы рассчитывали вместе с клоном создавать и запасные органы для него. Вместо этого мы создали живых роботов, что весьма устроило и обрадовало Антихриста. Некоторые из нас ужаснулись содеянному и ушли из науки, в том числе и я. Встреча с Айно спасла меня от отчаяния: я поняла, что и для меня есть покаяние и возможность хоть что-то исправить. Айно взял меня работать в свою школу. Воспитанием и молитвой мы постепенно приближаем наших воспитанников к людям, а затем крестим их Святым Духом и водой, и они становятся детьми Божьими. Вы знаете, сколько клонов сейчас существует на земле? Тридцать шесть миллионов, ровно вдвое больше, чем планетян. Экологи и военные, в чьих руках сосредоточена основная масса клонов, не считают их за людей, а потому плохо считают, простите за каламбур: они даже не замечают, когда мы их похищаем десятками и сотнями.

— Вы многого достигли, на ваших воспитанников приятно смотреть, — сказал доктор.

— Они кажутся такими разумными! — воскликнула Дженни.

— Я думаю, — сказал Ланселот, — что теперь мы и на других клонов будем смотреть по-другому.

— Ты понял главное, Ланселот, — сказала Дина.

Только леди Патриция ничего не сказала и сидела опустив глаза.

— Я рада, что этот разговор состоялся, — проговорила Дина, вставая. — Пойдемте, теперь я отведу вас отдыхать.

Они прошли через большой светлый зал, всю середину которого занимали три длинных стола.

— Здесь у нас трапезная, — сказала Дина. — Обед будет через час, и за это время вы при ведете себя в порядок и немного отдохнете в ваших комнатах.

Из трапезной они прошли в длинный коридор с дверями по обеим сторонам. Освещался коридор старинными светильниками, укрепленными на стенах, в которых горели настоящие свечи. Свет от них был мягкий и золотистый, а в воздухе пахло воском и медом.

— Мы, к сожалению, не можем предоставить вам отдельных комнат, — сказала Дина, остановившись, — у нас почти все помещения заняты под классы и спальни воспитанников. Вот здесь комната, в которой приготовлены постели для мужчин, а в соседней мы устроим женщин. При каждой из этих спален есть душ. Устраивайтесь! Когда вы услышите гонг на обед, прошу вас, сразу приходите в трапезную.

Глава 19

Пророк Айно захотел поговорить наедине с леди Патрицией и Эйлин. После обеда он повел мать с дочерью в одну из башен замка. Они оказались в очень светлой круглой комнате со множеством узких окон. Посередине был стол, заваленный старинными книгами, несколько деревянных кресел стояло вокруг него, а возле единственной глухой стены примостился книжный шкаф. Айно усадил мать и дочь в кресла возле стола, а сам остался стоять.

— Дорогие мои сестры Патриция и Эйлин, — начал он, когда они сели и приготовились слушать. — Мне стало известно, что вы все еще надеетесь на возвращение вашего мужа и отца. К сожалению, я не могу вас ничем утешить: адмирал Джеральд Мэнсфильд погиб. — Не верю! — умоляющим голосом воскликнула леди Мэнсфильд.

— Дорогая сестра, если у вас хватит мужества, я могу показать вам, как это про изошло.

— Показать? — с недоверием спросила Эйлин. — Вы можете показать нам, как погиб мой отец? — Да. Повернитесь, дорогие, к этому окну. Айно прошел вдоль окон, задергивая тяжелые плотные шторы, оставив открытым лишь одно. — Смотрите!

Солнечный свет за окном медленно померк, тьма сгустилась, затем из туч вышла луна и осветила мрачный морской пейзаж. Они увидели волнующееся ночное море и в нем караван военных судов, стремительно разрезающих морские волны.

— Мама, смотри, это папин флагман, — шепотом сказала Эйлин, показывая пальцем на один из кораблей.

— Нехорошо показывать пальцем, — машинально заметила леди Патриция, сжимая руки и пристально вглядываясь в картину за окном.

Сразу вслед за тем они увидели помещение внутри корабля, заполненное аппаратурой, а в нем нескольких морских офицеров и среди них — адмирала Мэнсфильда.

— Это безумие, но я вынужден исполнить приказ Мессии, — произнес адмирал, обращаясь к офицерам. — Готовьтесь к операции R-1.

— Адмирал, вы опасаетесь, что русские успеют нанести ответный удар до того, как Россия будет стерта с лица Земли?

— Я убежден, что они успеют это сделать в тот самый момент, когда наши ракеты выйдут в космос и возьмут направление на Россию.

Адмирал подошел к пульту, на котором одна из кнопок — красная — была забрана стеклом. Он набрал на клавиатуре некий код, и стекло задвинулось в боковую прорезь. Большой палец правой руки адмирала, на котором мерцал персональный код, завис над красной кнопкой.

— Начинаем отсчет, — сказал адмирал. — Десять... девять... восемь...

Пока адмирал вел обратный отсчет, офицеры стояли неподвижно, некоторые побледнели, а самый пожилой из них украдкой перекрестился, и все не сводили глаз с большого экрана, на котором пока ничего не было. — Два... один... ноль... Пуск!

Палец адмирала опустился на кнопку. На экране появилась надпись: "Пуск произведен". Адмирал отошел от пульта, и к нему тотчас сел один из офицеров. Его быстрые пальцы проделали какую-то манипуляцию с кнопками, и на экране появилось изображение фиолетового неба, усеянного звездами, а затем ряд движущихся ярких точек, за первым рядом появился — второй, за ним третий — это планетяньские ракеты двинулись на Россию. Светящиеся точки первого ряда, подойдя к некой невидимой линии на экране, вдруг вспыхнули и все разом исчезли с экрана.

— О, Месс! Они это сделали даже раньше, чем я предполагал! — воскликнул адмирал, бросившись к экрану. Через секунду то же самое произошло со вторым рядом ракет, а затем и

с последующими — они вспыхивали и исчезали один за другим. Экран мигнул и потух, а вслед за ним погас и свет в каюте. Через миг каюта осветилась синеватым аварийным светом, но аппаратура уже больше не ожила.

— Этого следовало ожидать, — сказал адмирал Мэнсфильд помертвевшим голосом и снял с головы фуражку. — Все наши ракеты взорваны в космосе прямо над нами. Это конец, ребята.

— Мы сейчас все сгорим! Вся Планета будет разрушена нашими же ракетами! — воскликнул кто-то из молодых офицеров.

— О нет! Если бы так, если бы все погибло в несколько минут! Все обстоит гораздо хуже, друзья мои, — сказал адмирал. — Взрыв не достигнет Земли, и люди от него не пострадают. Но вся электроника Планеты полетит или уже полетела ко всем чертям.

— Но люди-то, надеюсь, останутся живы, адмирал? — спросил тот же перепуганный офицер. — Цивилизованный мир уцелеет?

— Люди — да, но не цивилизованный мир. Электроника — это мозг и нервы нашей цивилизации. Представьте себе человека, лишённого мозга и нервов. Вот такой станет теперь Планета. Это относится и к нам: наши корабли не могут нормально функционировать без электроники. Аварийное освещение — это все, что у нас есть. Мы не сможем подойти к берегу, не сможем зайти в порт. Слышите? Двигатели уже умерли. Малейший шторм — и мы всей эскадрой идем ко дну. — Что же нам остается делать, адмирал?

— Разойтись по каютам и молиться, если кто-нибудь еще помнит, как это делается. Остальные могут напиться — я распоряжусь. Окно потемнело.

— А шторм уже начинался, очень сильный шторм, вызванный взрывом такого количества ракет над океаном, — услышали мать и дочь голос Айно из темноты.

Затем они вновь увидели бушующий океан, а в нем крохотные кораблики, бестолково снующие среди валов и один за другим идущие на дно. И вдруг перед ними снова появилось лицо адмирала, уже без фуражки, окруженное кипящей водой. Будто почувствовав их взгляд, адмирал, захлебываясь, крикнул:

— Патриция! Эйлин! Прощайте, мои дорогие девочки...

И вновь окно стало черным. Эйлин плакала, леди Патриция молчала. Айно неспешно раздвигал шторы на других окнах башни, давая матери и дочери время прийти в себя. Бушующий океан за окном исчез. Через минуту-другую за всеми окнами сияло безмятежное голубое небо и стало слышно пенье птиц в саду.

— Сестра Патриция и сестра Эйлин, вы должны подумать о том, как вам жить дальше. Адмирала Мэнсфильда больше нет, Англии, даже плавучей, тоже нет. Вы можете остаться здесь, с нами, а можете продолжить путь с пилигримами.

— Я ненавижу Мессию и не хочу в Иерусалим! — воскликнула Эйлин, продолжая крепко обнимать леди Патрицию.

— Правильно, маленькая моя сестра, — кивнул Айно. — Я бы хотел найти для вас обеих дело, которое может отвлечь вас от скорби и помочь обрести душевный покой. Я буду об этом думать. А теперь пойдите в сад, он вас утешит. Мне же предстоит разговор с вашими спасителями.

Айно нашел пилигримов в виноградной беседке. Он оставил леди Патрицию и Эйлин в саду с Хольгером, а доктора, Якоба, Дженни и Ланселота позвал с собой.

— Братья, мы должны подняться с вами на самую высокую сторожевую башню Жизора. Брата Ланселота нам придется поднять туда на руках. Ты мне очень нужен, Ланселот. Мы справимся или позвать на помощь Поля?

Паломники от помощи отказались и сами внесли Ланселота на руках на верхушку башни по винтовой лестнице, к счастью, довольно широкой, и вскоре все они стояли на круглой площадке, огороженной невысоким, по пояс взрослому человеку, парапетом. Для Ланселота здесь уже было уже приготовлено широкое садовое кресло. Айно подошел к парапету и сказал: — Смотрите!

Паломники увидели простирающееся до горизонта залитое серо-зеленой водой пространство, а на нем — острова и островки, отмели и плавни, струящиеся полосы туманов; кое-где из туманов пробивались кверху горные хребты.

— Ланселот и братья, посмотрите вон туда, на юг, — сказал Айно. — Видите высокие горы между Бискайским заливом и Среди земным океаном? Это Пиренеи.

Паломникам показалось, что воздух вокруг башни действует, как огромная линза, зрительно приближая любую точку, на которую они смотрели.

— Если вы взглянете туда, куда я показываю рукой, вы увидите на горной дороге движущуюся точку. Сосредоточьтесь и взгляните, прошу вас.

— Да, я ее вижу, — сказал доктор. — А вот теперь вижу еще яснее, и кажется, это автобус. Не мобиль, а старинный пассажирский автобус, какие ходили в дни моей юности. — Я тоже его вижу, — сказал Ланселот.

— Теперь вы все его видите, — уточнил Айно. — Так вот, братья, вы должны будете через две недели, когда автобус спустится с горной дороги, встретить его на берегу Гароннского пролива. В этом автобусе несколько злоумышленников везут увечных и больных испанских детей якобы на исцеление в Иерусалим. Так они сказали их несчастным родителям, собравшим последние средства, чтобы купить этот автобус и на нем отправить своих детей на исцеление к Мессии. Но организаторы этого нового "крестового похода детей" на самом деле задумали недоброе дело. Сейчас они хотят отъехать на порядочное расстояние, чтобы родители ни когда не смогли узнать о судьбе своих детей. А судьба им уготована такая: выехав на берег Гароннского пролива, руководители похода выгрузят детей якобы для ночлега, а сами скроются, бросив их без еды и питья. Конечно, дети обречены на гибель. Они уже начали догадываться об этом по той грубости, с какой к ним обращаются взрослые. А это чудесные дети, страдающие дети, еще недавно полные надежды на исцеление, а теперь насмерть перепуганные и отчаявшиеся. Только одна девушка пытается спасти их, девушка с чудесным именем Мария. Не обижайте ее, когда встретитесь с нею. Хотите увидеть детей поближе? Я могу это сделать.

— Не надо, — сказал Ланселот, — когда встретимся, тогда и познакомимся. Так когда, ты говоришь, они переберутся через Пиренеи?

— Через две недели. Я сам поведу ваш катамаран к месту встречи.

— Нам предстоит сражение за детей? — спросил Якоб.

— О нет, брат Иаков! — улыбнулся Айно. — К тому времени тебе уже нельзя будет брать в руки никакого оружия, кроме Креста Господня. И тебе, брат Ланселот, сражаться не придется. В этот раз — нет. Запомните, везде, где только возможно, действуйте миром, даже если имеете дело с преступниками. Я дам вам достаточно золота, чтобы выкупить автобус и горючее для него у этих злодеев.

— Золото? — удивился Ланселот.

— Да. Вы уже знаете, что ваши персональные коды больше не действуют, так что никаких денег со своих банковских счетов вы уже никогда не получите. А сами коды вскоре вообще исчезнут у тех, кто больше не верит Антихристу.

— Вы хотите сказать, Мессии? — хмуро уточнил Ланселот.

— Антихристу, которого обманутые люди приняли за Мессию. Вот у вас, брат целитель, печать уже сошла. Кстати, коды Якоба и Хольгера, нашего слепого музыканта, который скоро прозреет, тоже побледнели. Один только брат Ланселот пока еще упорствует в своих заблуждениях.

— Мой брат прозреет? Это правда? — просветлев, спросил Якоб.

— Да, он прозреет. Ну, друзья мои, давай те спустимся вниз. Сейчас в нашей маленькой церкви начнется служба, и ты, брат Иаков, пойдешь со мной в алтарь и будешь прислуживать. И вы все тоже можете пойти на службу.

Глава 20

Айно сказал, что детей везут в ужасных условиях и будет лучше их разделить: половина продолжит путь в автобусе, но уже не в тесноте и духоте, а остальных придется везти морем. Время от времени автобус и катамаран будут встречаться на берегу и обмениваться пассажирами: это поможет детям меньше утомляться в дороге и развлечет их немного.

По совету Айно пилигримы принялись строить новые палубные помещения на катамаране. В крепости Жизор нашлись доски, гвозди и рабочий инструмент; руководил перестройкой катамарана старый Поль, оказавшийся в прошлом не только асом, но и плотником.

Однажды Айно подошел к Дженни, помогавшей плотникам, и объявил:

— Дженни, я поговорил с вашим осликом: отныне Патти сможет есть дьяволах, его организм теперь способен его усваивать. Но только молодые побеги, чтобы не стать агрессивным. Следите за этим. Я сделал это для того, чтобы вы не отдавали так много сил попечению о своем сером друге: впредь вам придется больше думать о детях, которых я вам поручаю. — Спасибо, Учитель!

Леди Патриция, Эйлин и Хольгер в строительстве палубных надстроек не участвовали. Леди Патриция лежала в отведенной женщинам комнате и спала. Айно наслал на нее глубокий и целительный сон, от которого она пробуждалась только три раза в день, чтобы поесть, справиться туалет и немного поговорить с дочерью.

Эйлин и Хольгер почти все время проводили с Диной и ее воспитанниками. Маленькие друзья Эйлин водили ее по всему острову, она учила их хорошим манерам и рассказывала им сказки, и за эту дружбу пилигримы так и продолжали звать ее Белоснежкой. Впрочем, доктор утверждал, что она больше похожа на Мэри Поппинс.

Хольгер, обнаружив, что почти у всех воспитанников тонкий музыкальный слух и чистые звонкие голоса, изъявил готовность заниматься с ними пением. Айно благословил благое начинание. Эйлин серьезно училась музыке, и Айно попросил ее помочь Хольгеру, вручив ей альбом с православными песнопениями. Результат все услышали уже через несколько дней, когда на литургии в домашнем храме воспитанники в первый раз спели хором "Отче наш" и "Верую".

— Им буквы давались намного труднее, чем ноты! — восхитилась Дина. — А как украшает церковную службу хоровое пение! Хольгер и Эйлин, а вы не думаете о том, чтобы остаться с нами? Вы могли бы вместе продолжать учить детей музыке.

— Я останусь, если останется Эйлин, — сказал Хольгер. — Без нее мне не обучить детей музыкальной грамоте.

— А я останусь, если останется моя мама. Но леди Патриция ответила решительным отказом.

— Девочка моя, мне здесь очень нравится, этот сад просто волшебен, но ты же знаешь, дорогая, что я не люблю клонов! — сказала она.

— Мамочка, ну какие же они клоны? Это милые и невинные клоники!

— Я не хочу о них говорить, дорогая, — сказала леди Патриция, и разговор был окончен.

Эйлин, огорченная, пришла к Айно и спросила:

— Учитель! Вы не можете сделать так, чтобы моя мама полюбила клоников?

— Ты сама любишь их недостаточно, Эйлин. — Я не люблю?!

— Я не сказал "не любишь", я сказал "любишь недостаточно". Вот ты зовешь их "клониками", а это почти то же самое, что "клоны". Ты их любишь как меньших братьев. Дина никогда не называет своих воспитанников "клонами" — вот она их действительно любит. Я думаю, тебе лучше вместе с твоей матерью и другими паломниками отправиться странствовать дальше.

На глазах девочки выступили слезы обиды и стыда.

— Не плачь, моя хорошая! Ты не представляешь, как ты нужна будешь в дороге Ланселоту. Ты сможешь ему смотреть за детьми, которых вам предстоит спасти. Там ты будешь нужнее. Но пока вы с Хольгером здесь, продолжайте учить пению наших детей. А с твоей матерью я поговорю.

Айно не стал вызывать к себе леди Патрицию, а сам разыскал ее на другой день в саду после завтрака: леди Патриция сидела на зеленой полянке и читала книгу, взятую в библиотеке замка.

— Сестра моя Патриция, можно мне посидеть с тобой?

Женщина подняла на него удивленный взгляд и кивнула. Айно пустился на траву напротив леди Патриции и спросил ее:

— Известно ли тебе, сестра, в честь кого тебе дали имя Патриция?

— Конечно. В честь моей бабушки. Так называли многих женщин в моей семье, это любимое имя в нашем роду.

— А мальчиков часто называли Патриками, не правда ли?

— Да. Это распространенное ирландское имя.

— Я хочу тебе поведать, сестра, если ты этого не знаешь, что имена Патрик и Патриция давались маленьким ирландцам в честь святого равноапостольного Патрикия.

Леди Патриция задумалась, сосредоточенно нахмутив брови, а потом кивнула:

— Я вспомнила. Когда я была маленькой, День святого Патрика отмечали в наших краях большим всенародным праздником. Потом этот праздник запретили, когда власть на земле захватило это чудовище...

— Не будем говорить о нем сейчас. Так вот, сестра, святой Патрик, или Патрикий, а по латыни — Патриций, что значит "благородный", был крестителем Ирландии. Это он основал в твоей стране православную христианскую Церковь и монашество. Он не убоился язычников-кельтов, не брезговал их непохожестью на христиан — он их любил и приводил к Христу. Один из твоих предков, сестра, служил ему верой и правдой, хотя и был воином. Вот почему в вашем роду так часто встречаются эти имена — Патрик и Патриция. И тебе твое имя дали при крещении в честь святого Патрикия.

— Этого я не знала. Признаться, я забыла даже, что меня крестили в детстве. — Леди Патриция задумалась, помолчала некоторое время, а потом спросила: — Как я понимаю, вы не просто так все это сейчас мне рассказываете?

— Да. Я хочу, чтобы ты была готова бережно и ласково учить вере в Иисуса Христа детей человеческих — детей несчастных, измученных, увечных, голодных и грязных.

— Но я не знаю таких детей, Учитель!

— Ты скоро встретишь их. Неси им любовь, добро и свет Христов, трудись в память святого Патрикия. — И тогда моя жизнь снова обретет смысл?

— Да, дорогая моя сестра. В служении Христу и детям ты снова обретишь смысл жизни.

Каждый день после ужина и вечерней молитвы в храме Айно беседовал с паломниками и оглашенными — так он называл тех, кто готовился к святому крещению. Он читал им вслух Святое писание, объяснял непонятные места и отвечал на вопросы.

Якоб не отходил от Айно и не пропускал ни одной службы в храме. Он и на "Мерлине" трудился, не прекращая молитвы, и поскольку все мысли его были о Христе, то и работа с топором и пилой нравилась ему потому, что Христос в юности был плотником.

Как-то вечером Айно позвал Ланселота для беседы.

— Брат мой Ланселот, — начал он, — твои спутники очень изменились за время ваше го странствия.

— Дорогой Айно, я сам вижу, что происходит с моими людьми. Но ты напрасно беспокоишься, я совсем не противник их веры, моя матушка была христианкой, а я очень любил ее.

— Так это в память о ней ты возишь с собой Библию и распятие?

— Да. Я обещал ей не расставаться с ними и выполняю обещание. Но сам я поклялся в

верности Мессии, живому богу планетян, и я не мог бы идти за исцелением в Иерусалим, если бы носил крест на груди, а не возил его за собой в моем рундуке на катамаране всего лишь как память о матери. Мне кажется, что эти две веры взаимно исключают друг друга.

— Вот тут ты абсолютно прав, брат Ланселот. О, если бы христиане поняли эту несовместимость в самом начале, когда глобалисты только начали объединять мир, готовя его к принятию Антихриста!

— Я и сейчас не вижу ничего плохого в том, что глобалисты попытались создать единую мировую цивилизацию. К несчастью, все кончилось Катастрофой.

— В которой, замечу, именно они первыми и погибли. — Зато мир все-таки был объединен.

— Скажи честно, брат Ланселот, впрочем, ты всегда честен, — а тебе нравится этот новый объединенный мир?

— Нет, пророк, он мне совсем не нравится. Этот мир, по-моему, катится к концу.

— И опять ты прав, мой Ланселот! И все же ты хочешь идти в Иерусалим?

— Да. Ты не знаешь, Айно, что это такое — быть прикованным к инвалидной коляске и всю жизнь передвигаться на колесах. Я очень хочу встать на свои собственные ноги. Дать это может мне только наш Месс, но никак не ваш Иисус. — А вот на этот раз ты ошибся.

— Не трать на меня время, не читай мне проповеди, пророк. Ты ведь не обо мне хотел говорить? Я знаю, что доктор давно верует, а Дженни готова креститься и только опасается моего недовольства. Напрасно опасается: своей искренней детской верой в Бога она мне напоминает мою матушку. Что же касается Якоба, то он, по-моему, настолько возлюбил Христа, что готов уже не только сам креститься, но и всех вокруг крестить. — Он это и будет делать, — кивнул Айно.

— Якоб что, в самом деле намерен стать священником? — Да. И я уже готовлю его к служению.

— Значит, он останется на Жизоре? Ну что ж, за Хольгером мы присмотрим и доставим его в Иерусалим на исцеление. На обратном пути мы сможем завернуть сюда и оставить его у брата...

— Не спеши! Я вовсе не говорил, что Якоб останется здесь, чтобы долгие годы готовиться к священству, как это было в давние времена. Я рукоположу его в день крещения всех наших оглашенных, и он сможет плыть дальше с тобой и братом.

— Так это кто спешит? — усмехнулся Ланселот.

— Ты прав, — улыбнулся Айно, — спешим, конечно, мы с братом Якобом, а торопит нас время. — А время тут при чем?

— Нынешнее время требует, чтобы слуги Божьи прошли по всей земле и подобрали для Господа все, что еще можно спасти. Мы должны собрать в Его житницу все до последнего колоска.

— Проще говоря, вы хотите крестить всех, кого удастся?

— Да. Так ты возьмешь с собой Якоба, если я рукоположу его в иереи?

— Ладно уж, прихвачу твоего иерея-скороспелку, — улыбнулся Ланселот, — пусть в нашем Ноевом ковчеге будет еще и священник. Тем более что, как я понял, ты собираешься крестить и всех остальных, пророк? — Нет, только Дженни и Эйлин. — Что ж так слабо? Почему только их?

— Все другие крещены еще в детстве. Здесь, на острове Жизор, они только укрепились в вере.

— Вот как. Выходит, в каком-то смысле я снова остаюсь в одиночестве...

— Это так, но придет и твое время. Христовой любви сопротивляться бесполезно, мой честный и упрямый брат Ланселот, а Христос возлюбил тебя особо, это мне открыто. Крестишься ты все равно, это мне ведомо, вот только водой или кровью, этого я пока не знаю...

Последние слова Айно проговорил как бы про себя. Ланселот их не понял, лишь пожал широкими плечами и ничего пророку не ответил.

Они расстались: Айно ушел в замок, а Ланселот остался сидеть в саду у фонтана. Журчала вода, негромко пели птицы, а ему было грустно и, как всегда после беседы с пророком, слегка ломило в висках. Но когда через четверть часа он услышал, что на катамаране зазвенела пила и застучали молотки, он утешился и встряхнулся: как бы там ни было, а паломничество в Иерусалим продолжается!

К концу второй недели пребывания на острове катамаран был готов к выходу в море, а оглашенные — к крещению. Брат Якоб должен был после общего крещения рукополагаться в диаконы, а на другой день — в иереи.

Крестил всех сам Айно, а купелью служил большой фонтан в саду. Сток в бассейне перекрыли, и когда в нем набралось достаточно воды, отключили и сам фонтан. Готовые к святому крещению воспитанники и Дженни с Эйлин были одеты в длинные белые рубашки: их собственноручно сшили Дина и вторая воспитательница по имени Мэри, будущие крестные матери всех крещаемых. Быть крестным отцом воспитанников вызвался старый Поль, а паломниц — доктор Вергеланн.

Воспитанники вошли в бассейн, и он едва вместил их всех, вставших плечом к плечу. По знаку Айно дети потеснились, и в каменную купель, держась за руки, вошли Дженни и Эйлин. Трижды возглашал Айно "Во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь..." и трижды все окунались с головой в освященную воду. Воспитанникам Айно дал настоящие христианские имена, женские и мужские, и при этом ни разу не повторился. Дженни получила православное имя Евгения, а Эйлин — Елена. Потом новые христиане хором, все еще стоя в воде, спели "Символ Веры" и стали по одному выходить из купели. Айно каждому надевал золотой крестик на шелковом шнурке и еще раз называл его новое имя, а бывшие клоны громко повторяли данные им имена святых. Крестные матери дарили воспитанникам маленькие книжечки Евангелия, а сестры Елена и Евгения получили в подарок большие старинные Библии.

Потом новые христиане, обсыхая на солнце, слушали проповедь Айно.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, — начал он. — Дорогие братья и сестры и дорогие мои дети! Простите, что в этот великий для вас и для нас день я начну свою проповедь горьким словом. От своего рождения вы не знали ни отца, ни матери. Больше того, вы и самих себя не знали: вам было неизвестно, кто вы такие и зачем живете на земле? Злые люди, давшие вам жизнь, приказывали вам творить злые дела, заставляли грешить. Любовью и строгостью мы научили вас различать добро и зло, открыли вам истину о Боге. И вот вы приняли святое

Крещение. Вы родились не полтора десятка лет назад в лабораториях хитроумных ученых, вы родились сегодня вот из этой купели. С сегодняшнего дня вы не только наши дети, вы — дети Божьи! Но вы останетесь нашими учениками, потому что миллионы бедных клонов остались непросвещенными, неразумными и продолжают мучиться и творить зло: нужно много учителей, чтобы успеть спасти хотя бы некоторых из них. Это и будет ваше служение Господу, отныне и вашему Создателю. Аминь.

А теперь слово к вам, новые христианки Евгения и Елена, мои духовные дочери. Вы думаете, наверное, что до крещения очень отличались от клонов. Нет, дорогие мои, в глазах Господа вы были одинаково неразумны. Но была одна великая разница: бедные клоны не имели надежды на спасение, но не имели и греха. Их создали слугами Антихриста, а вы стали ими добровольно, приняв его печать. Перед крещением вы все покаетесь в этом, и сегодня — взгляните на ваши руки! — печати с вас полностью смыты. Этот грех снят с вас покаянием и крещением. Но вы еще должны принести достойные плоды покаяния, чтобы предстать перед нашим Господом в день Его второго пришествия полностью оправданными. День этот недалек. Торопитесь трудиться для Бога, возлюбленные мои дочери, спешите делать добро. Господь при дверях. Аминь.

После проповеди Айно совершил обряд рукоположения в диаконы Якоба, и тот стал отныне зваться отцом Иаковом. Назавтра ему предстояло принять таинство священства.

К Эйлин-Елене подошла Людмила, бывшая Эль.

— Эйлин! А ты уже знаешь, как меня теперь зовут?

— Знаю, Людмила. А ты знаешь, Людмила, что ты блондинка? — Кто я такая?

— Блондинка. Так называют девочек со светлыми, как у нас с тобой, волосами.

Людмила робко провела рукой по своей голове. — Ой, что это?

— Это начали расти твои белокурые волосы. Они скоро еще подрастут и станут очень красивыми. Уже и сейчас видно, что они будут виться.

— Кей!.. Ой, Христофор! Христофор, иди сюда! Посмотри, какая я стала блондинка!

К Людмиле подбежал бывший Кей, в крещении Христофор. Мальчик стал теперь почти на голову выше Людмилы. У него на голове тоже показалась темная щетинка. Он полюбовался короткими завитками на голове подруги, а потом они взяли за руки и отправились бродить по саду. Сияющая Дженни подошла к Ланселоту.

— Ланселот, перед тобой новая христианка Евгения! Ты рад за меня?

— Конечно, я рад за тебя, Дженни-Артур-Евгения.

— Смотри, теперь у меня есть собственная Библия. Посмотри на воспитанников, как они изменились после крещения!

Ланселот поглядел на бывших клонов и увидел, что Дженни права: их лица теперь даже отдаленно не напоминали косоглазые маски, черты приобрели красоту и разнообразие. И теперь уже без всяких колпачков стало ясно, кто из них девочка, а кто мальчик.

— Однако и вправду велик твой Господь, Дженни, — удивился Ланселот, разглядывая

преобразившихся клонов. — Он и твой Господь тоже, Ланселот!

— Может быть, может быть... И однако же, признавая Его величие, я все равно никогда не смогу полюбить Его, моя Дженни. Он даже имя тебе дал новое. — Ты ревнуешь?

— Конечно, я ревную, ведь с таким соперником мне не сравниться! — Так ты веришь в Него?

— Я только замечаю, что Он постоянно встает у меня на дороге! — И помогает тебе!

— А вот этого — не замечал. Мне гораздо ближе и понятнее Мессия, которого вы все зовете Антихристом: он действительно исцеляет страждущих людей. — А Христос — преображает!

— Да на здоровье! Мне-то от того какая польза?

— Ланс, я хочу сказать тебе одну вещь, но боюсь.

— Говори, Дженни!

— Надо ли тебе, Ланс, принимать исцеление от Антихриста? Душой и телом ты самый здоровый и выносливый человек из всех, кого я знаю. — Скажешь тоже! А ноги?

— Подумаешь, ноги! Не у всех все есть, вон Хольгер — слепой, а это хуже, чем не уметь ходить. Ну-ка, согни руку в локте и напряги мускулы!

Ланселот послушно согнул руку и напряг бицепс. Дженни попробовала нажать сначала пальцем, а потом и кулаком, но мускулы Ланселота даже не спружинили под ее руками.

— Видишь? У тебя стальные мускулы, Ланс, а ты совсем недавно перенес такое страшное воспаление легких. Ты только духовно не здоров, а ведь как раз от этого Антихрист тебя не вылечит.

— Это почему же я духовно не здоров? — улыбнулся Ланселот. — В здоровом теле — здоровый дух, как говорили древние греки.

— Греки ошибались. Это у здорового духа здоровое тело. Если ты тоже крестишься, ты станешь духовно зрелым и будешь принимать свое увечье без ропота. Доверься Господу, Ланселот! — Твой Господь не исцелит меня, Дженни.

— Ох, Ланселот... — вздохнула Дженни. — Я не знаю, что тебе сказать. Разве что вот это: я люблю моего Господа Иисуса Христа, и я люблю тебя. Я сегодня клялась, что сочеталась с Христом. Но и тебе я клялась в верности, когда ты на острове в Тронхейме-фьорде просил меня стать твоей женой...

— Только в случае моего исцеления, Дженни! А оно полностью в руках Месса.

— Но я-то буду с тобой в любом случае, Ланселот. И я буду хранить верность моему Господу, как моему жениху, а моему жениху — как моему Господу! И поверь, что я буду с тобой независимо от того, есть у тебя ноги или нет. Даже если, не дай Бог, ты вдруг станешь вовсе неподвижным, слепым и безгласным, не будешь даже понимать меня, я все равно останусь с тобой...

— Остановись, Дженни! Я рад, что мы вот-вот уплывем с этого блаженного острова и ты не успеешь стать фанатичкой. Ты уже на полпути к этому, дурочка, — Ланселот, смеясь, поцеловал руку Дженни. Она вздохнула и умолкла, склонив голову на его плечо.

Праздничный обед устроили прямо в саду, для чего из трапезной вынесли на Паттин газон все столы и стулья и поставили их под каштаном. Ослик не возражал, но ходил вокруг столов, поглядывая, не перепадет ли и ему что-нибудь. Перепадало изрядно: на обед, кроме рыбы и вина, было подано много овощей, фруктов и ягод.

После обеда Айно пригласил брата Ланселота пойти с ним в библиотеку для важного разговора. Тот подумал, что Учитель будет пенять ему за отказ от крещения, но разговор пошел совсем о другом.

На большом овальном столе была расстелена большая карта Планеты, а сверху лежал небольшой кожаный мешок.

— Вот это, — Айно указал на мешок, — золото тамплиеров, которое наконец-то послужит доброму делу. Наш брат Поль отыскал клад, замурованный в стенах Жизора. Когда-то он страстно мечтал найти таинственное золото тамплиеров. Потом он нашел клад духовный — веру в Христа, ну и забыл о своем прежнем увлечении. Однако по привычке он приглядывался к старинным стенам и камням, и его профессиональный глаз однажды углядел какую-то неправильность в кладке одного из темных переходов замка. Так, наш Поль обнаружил и обрел золото тамплиеров, за которым люди охотились на протяжении веков. К этому времени он сам настолько изменился, что уже не знал, что ему делать с этим золотом, и отдал клад мне. Часть золота тамплиеров ушла на устройство школы, на посадку нашего сада, на покупку книг, но и осталось немало. Если встретишь в своем странствии доброго человека, кому золото нужно для благого дела, пошли его к нам. А сейчас бери свою часть, брат Ланселот! Ланселот протянул руку и поднял мешок. — Какой тяжелый, однако!

— Золото, — улыбнулся Айно. — Этот кошель и эту карту ты возьмешь с собой, брат Ланселот. Это самая новая карта на земле. Вот, смотри: недалеко от Жизора начинается Французская коса, отделяющая Европейское море от Атлантики; мы ее обогнем и войдем во внутреннее Европейское море. Пройдем до Гароннского пролива и дальше пойдем этим проливом, держась правого берега. Вот здесь, напротив маленького островка Тулуза, мы с вами простимся. Я вас покину, а вы останетесь и будете ждать. Места там пустынные, кругом бесплодные горы и руины городов, людей вы там не встретите. Но вскоре вы увидите, как по горной дороге на берег спустится старый автобус. Здесь по замыслу преступников и должно окончиться паломничество испанских детей, едущих к Антихристу на исцеление. Они начнут их высаживать на берегу, чтобы там их и бросить. Вы к ним подойдете с вашими мужчинами, вооруженными, конечно, и предложите им выкуп за детей и за автобус. Оружие в ход пускать не придется — они трусы. Но поторгуйтесь как следует, все золото им не отдавайте. С этими бандитами едет сестра Мария. Она медицинская сестра и в преступном сговоре не участвует. Не оставляй ее на произвол негодяев, а возьми с собой: она поможет вам ухаживать за детьми. Но самое главное, она умеет водить этот старый автобус.

— Не беспокойся, Айно, девушку мы, конечно, не бросим.

— Я знаю. Дети едут в скверных условиях: они либо теснятся на сиденьях, либо лежат прямо на полу автобуса, на мокрых, прогнивших за дорогу матрацах. Когда часть детей вы переведете на катамаран, можно будет достать из багажного отделения автобуса их инвалидные коляски, в них детям будет удобнее ехать. Теперь смотри, как будет дальше пролегать ваш маршрут. Вы пойдете сначала на север, потом обогнете бывшую Швейцарию и вскоре достигнете Дунайского моря. Оно мелкое, полное островов и островков. Дальше катамаран пойдет, как и прежде, по воде, автобус же — по аквастрадам. — Что такое "аквастрады"?

— Это дороги, проложенные над водой и соединяющие острова Дунайского моря. Вы дойдете

до Баварского Леса. Теперь смотри внимательно, брат Ланселот: вы должны отыскать вот этот маленький островок, и там вы сделаете остановку. На этом островке находится заброшенная усадьба, где вы сможете устроиться в относительной безопасности. К этому времени дети совсем устанут и будут нуждаться в длительном отдыхе.

— А потом, после отдыха, мы сразу двинемся в Иерусалим на исцеление. Мне придется перевозить детей двумя партиями через Средиземный океан. Я думаю, я пойду где-то здесь, по Греческому архипелагу, а потом...

— Дорогой брат Ланселот! Дальнейший ваш путь вы определите сами, мне он виден пока только до Баварского Леса. Если бы ты вместе со всеми принял сегодня крещение...

Так, подумал Ланселот, начинается: Учитель все-таки не удержался от проповеди! Он усмехнулся, сложил карту и отъехал от стола.

— Благодарю, Айно, за указания, за золото тамплиеров и за карту. Больше всего — за карту. Айно понял его и вздохнул.

— Я бы хотел еще поговорить с твоей невестой, Ланселот, — сказал он. — Ты мне разрешишь это? — А разве я могу запретить?

— Запрещать ты, конечно, не станешь, мой добрый Ланселот. Но можешь обидеться, что я хочу говорить с нею наедине.

— Я не обижусь, — усмехнулся Ланселот. — Ведь и с Дженни речь у вас наверняка пойдет о нашем паломничестве. Я сейчас пришлю ее к тебе, пророк.

Когда Дженни пришла, Айно повел ее на самую высокую башню Жизора. Дженни уже была здесь вместе с другими паломниками в их первый день на острове, когда Айно показал им автобус с детьми, пробирающийся по горным дорогам Пиренеев. Сегодня он показал ей нечто другое.

Как и в прошлый раз, Айно взмахнул рукой — воздух перед глазами Дженни превратился в огромное увеличительное стекло, и мир распахнулся и приблизился. Перед нею открылась живая карта истерзанной, почти наполовину затопленной Европы. Дженни видела ее всю, от Северного моря до Средиземного океана, от границы с Россией и до Атлантики. Она увидела оливковую поверхность внутренних морей, увидела архипелаги островов, в которые превратилась Европа, и цепи гор, поднимавшиеся по ее границам, словно выщербленные края гигантской каменной чаши с зацветшей водой. Скорбное зрелище представляла собой некогда гордая Европа! Останки когда-то прекрасных европейских столиц лежали в руинах и пожарах, леса и поля были повсюду истреблены саранчой и зарастали черно-зеленой плесенью дьяволоха, дороги по большей части вели под воду, мосты провалились. Люди металась по земле. Они брели, шли, ехали на велосипедах, плыли на плотках и лодках. Люди бежали отовсюду и бежали во всех направлениях: одни брели на юг, другие — на север, одни преодолевали Пиренеи, чтобы выйти к чистому океану, другие перебирались через горы, чтобы уйти от холода океана к запакощенному, но теплому внутреннему Европейскому морю. Люди металась по всей земле и нигде не находили пристанища. — Погляди на юго-восток, Евгения. Далеко, на юго-востоке от бывшей Европы торчала из воды устремленная в небо черная стрела. — Что это? — спросила Дженни.

— Это то место, куда стремится попасть брат Ланселот и, к сожалению, скорее всего попадет. Это Вавилонская башня, резиденция Мессии.

— Я не узнала ее, хотя видела много раз в новостях. Отсюда она кажется очень мрачной. Она похожа на черный палец, грозящий небу.

— Ну, до неба он не дотянется, — усмехнулся Айно.

— Кажется, что до нее совсем недалеко, — сказала Дженни и поежилась.

— Это не совсем так. "В будущем году в Иерусалиме" — так когда-то говорили евреи в своих диаспорах. Вот и я скажу тебе сегодня: в будущем году, дочь моя, ты будешь в Иерусалиме. А теперь, Евгения, я покажу тебе самое важное.

Он широко распахнул обе руки и взмахнул ими. И пораженная девушка увидела, что по всей земле то тут, то там поднимаются в небо столбы света.

— Это потайные острова молитвы, — пояснил Айно. — Монастыри, общины катакомбных христиан и отшельники, святые старцы-молитвенники. Они связаны с небом, как младенец в утробе связан с матерью пуповиной. Ты видишь молитвенные островки на Святой Земле?

— Яркие столбы света вокруг черной башни — это они?

— Да, Евгения. Отныне ты сама сможешь всегда их увидеть, это мой дар тебе. Запомни, где этот свет — там ты всегда найдешь приют и помощь. Тебе достаточно будет сказать христианам, что ты выполняешь поручение Айно.

— А я разве выполняю, Учитель? Ведь это Ланселот должен найти и спасти детей, а я просто буду при нем, как всегда.

— Нет, дочь моя, не просто "при нем". Откуда ты родом, Евгения? — Из Шотландии, с острова Ионы.

— Сестра Евгения, я хочу сделать тебе еще один подарок. Хочешь ты увидеть свой остров? — Очень хочу!

Айно вытянул руку на север, и там, куда показывал его палец, Дженни увидела сначала яркую зеленую точку. Потом точка эта приблизилась, выросла и превратилась в остров Иона — такой, каким его видела Дженни из окна вертолета, когда летела к Ланселоту. Дженни разглядела усадьбу Макферсонов и даже свою мать, одиноко идущую по их большому неухоженному саду.

— Наш сад стал таким запущенным... Неужели она скучает по мне? — спросила Дженни.

— Не знаю, — ответил Айно. — Но могу показать ту, которая действительно скучает по тебе и возносит за тебя молитвы.

На краю острова Дженни увидела маленькую деревеньку, состоящую из приземистых каменных хижин. Возле одной из них на скамеечке сидела сгорбленная старая женщина. — Кто это? — Приглядиись.

Лицо женщины приблизилось, и Дженни услышала: — А еще, Господи, сделай так, чтобы моя малышка Дженни узнала Тебя, спаси ее душеньку, Милостивый! Сохрани ее от всех бед и напастей и приведи к вере православной.

— Господи, это же моя няня! Она до сих пор жива! — воскликнула Дженни. — Неужели она до сих пор меня не забыла?

— Она любит тебя, Евгения, и всегда любила. А ты хоть помнишь, как ее зовут?

— Мы с братьями всегда звали ее просто "няня".

— Ее зовут Анна. Она о тебе молится — молись и ты за нее.

— Учитель, а нельзя сделать так, чтобы она узнала о том, что я уже крестилась?

— Ты сама ей об этом скажешь, когда вы встретитесь. — А мы встретимся? — Обязательно. — Скоро?

— Скорее, чем ты думаешь, Евгения. "Уже гораздо, гораздо позже, чем вы все думаете..." [1] А теперь посмотри снова туда, где стоит твой дом. Ты видишь неподалеку развалины большого монастыря?

— Да. Эти развалины я хорошо знаю, мы туда ходили с няней и братьями. Няня там дремала на солнышке, а мы лазали по камням. Но она нам не говорила, что это за руины.

— Известное высказывание о. Серафима Платинского (Роуза) о последних временах.

— Няня ваша не дремала, а молилась на святом месте. Это руины монастыря, основанного некогда на вашем острове святым равноапостольным Колумбой. Он пришел в шестом веке из Ирландии на ваш остров и основал на нем монастырь, ставший колыбелью кельтского монашества и духовной столицей Шотландии. Отсюда православное христианство распространилось не только на Британские острова, но и на север европейского континента и дальше. Некоторые монахи с острова Ионы отправлялись в длительные морские путешествия, чтобы нести свет Христовой веры язычникам. Эти странствия часто были опасными и всегда трудными и потому получили название "зеленого мученичества". И было пророчество о том, что перед концом времен "зеленое мученичество" возродится, и с острова Иона по миру вновь будет распространяться истинная, то есть православная христианская вера.

— И кто же будет это делать? Я не знала на нашем острове других христиан, кроме моей няни.

— Ты знаешь еще одну девушку-христианку с острова Иона. Это ты, Евгения. Ты станешь помогать отцу Иакову просвещать и крестить детей. — Тех, которых мы встретим?

— Да. А мученичество твое, кроме опасностей, тех которые вы встретите в пути, кроме трудов и лишений, которые тебя ждут в усадьбе на островке в Дунайском море, будет еще и в том, что будешь непрерывно молиться за душу твоего Ланселота. Это будет очень трудно, порой мучительно, но, поверь мне, Ланселот очень нужен Господу. — Я так рада это слышать, Учитель!

— Вот и хорошо, — улыбнулся Айно. — Это и есть мое поручение: ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях ты не должна оставлять Ланселота. С одним единственным исключением: если только тебя не вынудит к тому твой ослик Патти. — Патти?

— Да. Животным дано чувствовать Антихриста и бояться его, он не может обмануть их сердца. Патти не даст тебе попасть в руки Антихриста. Ты поняла и запомнила, Евгения?

— Кажется, да, Учитель. Благослови же меня на это "зеленое мученичество"!

Айно благословил девушку. Дженни в последний раз кинула задумчивый взгляд на измученное земное пространство, повсюду пронзенное восходящими к небу молитвенными столбами света,

а затем вместе с Айно спустилась с башни.

Часть вторая

Глава 1

Высоко в Альпийских горах между неприступных ледников притаилась зеленая долина с круглым синим озером посередине. Здесь укрылись от Антихриста катакомбные христиане и русские монахи.

До Катастрофы почти всю долину занимало водохранилище, снабжавшее чистой ледниковой водой расположенную ниже долину Циллерталь, знаменитую альпийскими самоцветами. Землетрясения разрушили плотину, и воды, хлынув с высоты, затопили долину, лежавший в ней городок и несколько окрестных селений. От водохранилища осталось небольшое озеро да плотина с огромной поперечной трещиной, а еще в верхней долине сохранилась игрушечная альпийская деревушка из трех десятков деревянных домиков для любителей горного отдыха. Домики стояли по обоим берегам быстрой речушки, впадающей в озеро. Когда беженцы поднялись в горную долину, они поселились в этих пустующих домах: ближайšie к плотине занял монастырь, а дальше, за речкой, поселились миряне.

Вот так появился в Альпах гонимый русский монастырь, и был тот потаенный монастырь храним самой Пресвятой Богородицей, да еще как храним! Днем над Долиной всегда светило солнце, землю обильно поили ручьи и потоки, сбегаящие с ледников, а дожди если и случались, то были это короткие и веселые дождички, освежающие, но не удручающие, и все живое в Долине процветало и блаженствовало как в Раю. Монахи и общинники никогда не болели, а урожай в полях, в садах и на огородах созревал по два-три раза в году. И других чудес в Долине хватало, но о них речь впереди.

Обителью управляла игуменья Руфина, Матушка, как ее все звали, а общиной мирян правила мать Ольга, вдова с целой стаей детей, русская эмигрантка, бежавшая из России коммунистической и не успевшая вернуться в Россию императорскую. В общине собрались православные христиане из разных стран, поскольку к моменту воцарения Антихриста многие западные христиане успели "вернуться домой", то есть перешли в православие.

Самый большой дом в деревне, двухэтажный, занимали Елизавета Николаевна Саккос и ее семья: внучка Кассандра, ее муж Леонардо и их маленькая дочь Сонечка. В доме внизу был устроен детский сад, а семья занимала второй этаж. Елизавета Николаевна управляла детским садом и считалась бабушкой всех детей Долины, ее все так и звали — Бабушка.

Леонардо трудился вместе со всеми мужчинами общины, помогал монастырю и прислуживал в церкви, а Сандра помогала Бабушке в детском саду и обучалась медицине у монахи матери Ангелины, бывшей медицинской сестры. В Долине никто не болел, но при родах надо было помогать роженицам, да и всякие мелкие травмы порой все же случались.

В августе монахи и общинники собрали большой урожай пшеницы. Часть зерна просушили на солнце и тут же посеяли. Всходы появились уже на другой день и дружно пошли в рост. Оставшееся зерно решили пустить на муку, и вот тут встал вопрос о мельнице.

Матушка вызвала к себе монастырского смотрителя дядю Лешу, уже много лет жившего с женой при монастыре.

— Как ты думаешь, Лешенька, можно в Долине построить мельницу?

— Мельницу устроить не сложно, в Долине хватает водопадов, на одном уже работает наша лесопилка. С жерновами только проблема...

— Так ведь без жерновов мельница молотить не станет. Дядя Леша развел руками: — Не станет, Матушка.

— А нельзя раздобыть эти самые жернова, Лешенька? — жалобно спросила Матушка. — Как-то не верится, чтобы нашлась хозяйственная задачка тебе не по плечу.

Дядя Леша скромненько повел упомянутым плечом: втайне даже для самого себя старый монастырский смотритель любил похвалу, а Матушку любил еще больше, и уж если та его подхваливала, был готов взяться за любую работу. Услышав Матушкины слова, он тут же принялся вслух обдумывать новую задачку.

— В принципе, Матушка, — сказал он, — жернова можно самим вырубить из камня и обтесать. Конечно, мы с Леной справились бы с этим делом, — Леной дядя Леша звал на русский манер Леонардо. — Но работа эта долгая: присмотреть камень жерновой кремнистой породы, да от скалы его отсечь, жернова вырубить обтесать, оковать, жерновые бороздки высечь... Тут, Матушка, работы на год, если не больше! Но начать можно прямо сейчас, коли благословите.

— Бог благословит, Лешенька! Начинай те строить мельницу, а там как Бог даст.

Дядя Леша объявил о мельнице своему помощнику Леонардо, которого он звал на русский манер Леной, и велел думать.

Уже вечером того же дня Леонардо сказал жене:

— Я думаю, что знаю, где можно достать жернова для мельницы. Ты помнишь, Сандра, макаронную фабрику ди Корти? — Конечно, помню.

— А ты знаешь, что в старину на месте макаронной фабрики была мельница?

— Мне говорил об этом Ромео ди Корти-старший, когда рассказывал свои макаронные предания. А во дворе фабрики, я помню, лежал огромный жернов, и на нем стояли горшки с геранью. Может, он и сейчас там лежит. Но ты ведь не собираешься катить его сюда из Бергамо?

— Разумеется, нет. В подвале фабрики лежали в углу два небольших жернова — вот они вполне подошли бы для нашей мельницы. Конечно, они тяжелые, но на джипе их привезти можно. — Леонардо, ты гений!

— Приятно, что ты наконец это заметила. Я пошел за благословением к Матушке.

— Иди, но учти, что в Бергамо я тебя одного не отпущу! — А тебя Бабушка не пустит. — А я ее попрошу!

— А я ей скажу, чтобы она этого ни в коем случае не делала.

Сандра только вздохнула: она предвидела, что в этом вопросе Леонардо и Бабушка будут заодно. Несколько лет назад Сандра прикрывала уход монахинь из обители, обнаруженной экологами, и сама попала к ним в руки. Ее схватили и отправили на каторгу на остров Белый, и Бабушка с Леонардо долго не знали даже, где ее искать. Вот они теперь и дрожат над ней.

Матушка обрадовалась, что жернова, похоже, нашлись, и благословила Леонардо ехать в Бергамо на джипе. Она только велела взять с собой дядю Лешу — для помощи и для охраны: дядя Леша когда-то, еще в России, служил в десантных войсках.

— Леонардо, а где твой пластиковый костюм? — спросила Сандра, собирая мужа в дорогу.

— О чем вспомнила! Я наткнулся на него на чердаке, когда устанавливал бак для горячей воды. Знаешь, во что он превратился? В зеленую пластиковую лепеху, похожую на дохлую лягушку. Я его тогда же закопал в саду поглубже, чтобы он воздух Долины не отравлял. Господи, как это мы носили такую гадость? — В чем же ты поедешь в мир?

— Я не собираюсь подделываться под рядового планетянина — для этого пришлось бы остричь волосы. Мы с дядей Лешей решили, что поедем в праздничных белых костюмах, и пускай встречные принимают нас за членов Семьи: на вражеской территории лучше маскироваться под врагов крупного ранга, не так ли? — Ты прав.

Все дороги, ведущие из Долины в мир, были затоплены во время Катастрофы, кроме одной, хорошо укрытой от случайных глаз да еще и запертой — железными дверьми трех горных туннелей. Вот по этой единственной потаенной дороге дядя Леша с Леонардо и отправились в Бергамо. Они выехали в понедельник утром сразу после литургии, а уже к полудню субботы вернулись в Долину с двумя небольшими жерновами. Оба устали, осунулись за дорогу и рассказывали, что в мире стало еще страшнее.

— Ты представляешь, — говорил Леонардо Сандре, — мой Бергамо, переживший столько веков, теперь превратился в совершенно мертвый город: по улицам бродят асы, а большая часть домов сожжена или разграблена. Такое впечатление, что на город было вражеское нашествие. Но мой дом уцелел. — Это хорошо. А фабрика?

— Самая древняя часть стоит как стояла, но все бетонные здания рухнули и рассыпались в щебенку. И от прекрасного сада ди Корти ничего не осталось: все растения в округе, кроме дьяволоха, погибли. Отчего — непонятно! — А что с виллой Корти?

— Вилла Корти стоит на прежнем месте, и там как будто даже кто-то живет. Но мы проехали мимо. У меня, как ты понимаешь, не возникло желания навестить эколога Ромео ди Корти. — Ты сразу отыскал жернова?

— Да, с ними как раз все было в порядке, они лежали себе в уголке подвала и ждали нас. Но они оказались довольно тяжелыми, мы с ними несколько часов провозились, пока выволокли их из подвала и уложили в машину. У дяди Леша даже спину прихватило. Потом мы поехали в Бергамо, ведь нам надо было где-то переночевать. Моя квартира заросла пылью, но в общем осталась та кой же, как мы с тобой ее оставили. А теперь сюрприз для тебя: в кухне на столе я нашел вот это письмо от Миры, — и Леонардо протянул Сандре пакет из толстой бумаги в пластиковом мешке: сквозь прозрачный пластик видна была крупная надпись "Для Лии Лехтман от М."

— Мира! Подружка моя дорогая! — воскликнула Сандра, прижимая к груди пакет.

Сандра с Мирой вместе отбывали каторгу на острове смерти, там и подружились. Мира была умна и предприимчива и сумела не только сама выбраться со страшного острова, но и Сандру освободить — под именем Лии Лехтман. Конспираторша Мира и написала это имя на конверте, зная, что никто посторонний не догадается, кто скрывается под ним.

Сандра пошла на берег озера и там, в уединении, прочла письмо.

"Привет, моя дорогая подружка Лия Лехтман!

Ни через месяц, ни через год я вас не застала в Бергамо, из чего, естественно, заключила, что Бабушку вы разыскали. Об остальном нетрудно догадаться. Конечно, надежды мало, но так хочется верить, что когда-нибудь ты снова посетишь дом, где нам было так здорово вдвоем, а на столе тебя будет ждать сюрприз — мое письмо. На этот счастливый случай я тебе и пишу.

Новостей — грузовой мобиль с большим прицепом. Там, где мы собирались встретиться "в будущем году", все уже идет к концу, и конец этот будет страшен для всех. Знакомый старец говорит: "Самая большая тьма падет на нас перед самым рассветом". Наблюдая вблизи начало конца, даже трудно поверить, что этот конец есть начало будущего века, предвестие великой Радости. Господи, дай нам силы дожить и дождаться Тебя! Вот туда, в эпицентр грядущих событий, я сейчас и направляюсь. Помолись за меня, родная!

Новость для Бабушки. Скажи ей, что люди, купившие у нее усадьбу, давно оттуда удрали, перебрались поближе к "хозяину": сейчас почти все круги Семьи стянулись к Вавилонской Башне. Усадьба, конечно, разорена, но обитаема: один удивительный человек устроил в ней приют для детей-инвалидов. Он со своими друзьями кормит, одевает и защищает их. При этом сам он тоже инвалид и передвигается в коляске. Имя этого человека Ларе Кристенсен. Я пишу это в надежде, что вы с ним познакомитесь. Это рыцарь без страха и упрека и до абсурда несовременный человек. Вот тебе пример. Когда он узнал, что я знакома со старой хозяйкой усадьбы, он спросил, нет ли у меня возможности спросить у нее разрешения разобрать на дрова сарай и курятник? Этакие церемонии в нынешнее время, когда люди из-под спящих матрасы крадут! Скажи Бабушке, что я от ее имени разрешила ему делать в усадьбе все, что он считает нужным и полезным для своих подопечных. Простите меня, Бабушка!

Прости меня и ты, дорогой Л., потому что на твоей фабрике не осталось ни одной макаронины — я все выгрела и отвезла Ланселоту. Недосчитаешься ты и нескольких самых редких книг. Сознаюсь, я бы и больше похитила, но они такие тяжелые! Решила оставить до другого случая... Надеюсь, не надо объяснять, зачем мне нужны эти книги? Кстати, они уже начали плесневеть, и мне пришлось потратить целый день, чтобы перетащить их на чердак мельницы, где все-таки посуше.

Дорогие мои! Если у вас есть хоть какая-нибудь возможность помочь этому многодетному рыцарю-инвалиду прокормить и обогреть его ребятишек, а их, между прочим, три десятка, — устройте это ради Христа и ради меня, многогрешной и многозаботливой! Я помогала им сколько могла, но теперь мне пора двигать на юг, другие дела зовут.

Передай мой поклон Бабушке и Матушке, они обе — чудо, я люблю их нежно.

Скажи от меня Л., чтобы он берег тебя, и сама его береги, и храни вас всех Господь! Молись обо мне, дорогая! Твоя М."

Сандра задумалась, вспомнила остров Белый, каторгу, заключенных "пчел" и надзирателей "ос", конвейер, за которым они собирали персонки, их удивительную дружбу с Мирой... Да, для нее все эти ужасы остались в прошлом, она живет в Долине как у Христа запазушкой, а вот подруга продолжает вести свою фантастически сложную и очень опасную жизнь в мире Антихриста. Вот и письмо это она написала перед поездкой в Иерусалим — когда-то самое святое, а теперь самое страшное место на земле... Или все равно святое?

Интересно, что же это за рыцарь-инвалид Ларе Кристенсен, устроивший в Бабушкиной усадьбе приют для детишек? Каково-то им там без воды, без света, без отопления? Уже осень, и вряд ли

досок от сарая и курятника хватит, чтобы топить камины в доме всю зиму. Да и камины-то дедушка строил не столько для обогрева, сколько для уюта...

— Мам, погляди, как мы летаем! — услышала она над собой Сонечкин голосок. Она подняла голову и увидела, что дочка кружится над нею в стае молодых гусей, тренирующихся перед отлетом на юг, и те, похоже, признали летающую девочку за вожака.

— Я у них Акка Кнебекайзе, мам! Они меня слушаются, честное слово!

Сандра улыбнулась и вытерла глаза. Все ясно: это Бабушка рассказала детям старинную шведскую сказку про путешествие Нильса с дикими гусями. Когда-то она ее и Сандре читала вслух.

Сонечку летать научили чайки. Как-то родители гуляли с нею по берегу озера. Они подошли к стае чаек, дремавших на песке: чайки встревожились и одна за другой поднялись в воздух. Сонечка внимательно наблюдала за ними, а потом спросила: — Птички — полетели? — Да, милая, — ответил Леонардо. — Сонечка тоже хочет полететь. — Девочки не летают. — Они не умеют? — Не умеют. — А почему они не учатся у птичек? — Не догадываются, наверное. — Я поучусь, папа-мама, можно?

— Поучись, — сказала Сандра, — только не плачь, если у тебя не получится. — Я не буду плакать.

Они подошли к другой стае чаек, испугнули их, и Сонечка очень внимательно наблюдала за тем, как птицы сначала прыгают по песку для разбега, а потом взлетают. Она присела на корточки и попрыгала в этом положении, но, конечно, взлететь ей не удалось. Она огорченно и вопросительно поглядела на родителей: что она делает не так?

— Попробуй еще раз! — сказал Леонардо. Он уже придумал как ей помочь.

Когда Сонечка снова присела и попрыгала вперед, взмахивая руками, он подхватил ее под мышки, поднял на воздух и побежал с ней по берегу.

— Мама, я уже лечу! Я научилась! — кричала девочка в полном восторге.

Довольный Леонардо поставил ее на песок. Сонечка поглядела на него сияющими глазками и очень серьезно сказала:

— Спасибо, папа. Теперь Сонечка полетит сама, не надо больше помогать.

Родители переглянулись с улыбкой. Девочка разбежалась, подпрыгнула раз, другой и — полетела! Пролетела она всего метра три и шлепнулась в песок, но эти три метра — действительно летела.

— Я уже немножко научилась, да, папа мама? — весело спросила она, ожидая похвалы. Ошеломленные родители молчали.

После первого опыта Сонечка с каждым днем летала все лучше, а потом принялась учить полетам своих маленьких друзей.

Вскоре взлетели и другие дети, сначала малыши, родившиеся вслед за Сонечкой и уже от рождения обладающие этой способностью, а после дети постарше, которые пришли в Долину вместе со взрослыми. Леонардо даже построил на пляже у озера маленький трамплинчик, с

которого ребяташки могли взлетать, разбежавшись, и в случае неудачи падали в мягкий песок. Но летать научились только те дети, которым до прихода в Долину не было семи лет.

Отцы и матери летающих детей волновались и переживали: а вдруг дети, любившие кружиться над озером, упадут в него и утонут? А если они из любопытства залетят в ледники и там замерзнут? Только Матушка как будто даже не удивилась, когда испуганные родители признались ей, что их дети учатся летать.

— Эти дети — безгрешные, — сказала Матушка, — они живут в нашей Долинке, как маленькие ангелы — под покровом Владычицы Небесной, не ведая мирских страхов и житейской грязи. Ангелам же от века положено летать, вот они и летают. Принимайте это со смирением и благодарностью как еще одну Божью милость, явленную нам, недостойным.

— Сонечка! Отпусти своих друзей поплавать в озере, а сама спускайся ко мне, — позвала Сандра. — Пора домой.

Отпустив молодых гусей плавать и кормиться в озере, Сонечка сделала круг над мамой и опустилась перед ней на песок. Сандра обняла дочь, прижала к себе горячее, как у птички, тельце и слушала, как бьется ее маленькое сердце после сказочного полета с гусями. Она чувствовала, что ей не хочется никуда уезжать от Сонечки, и вообще не хочется покидать Долину. Но тридцать детей-инвалидов — без теплой одежды, без топлива, полуголодные, да еще в Бабушкиной усадьбе! Сандра вспомнила рассказы Бабушки о том, что ее дед при постройке дома предусмотрел на случай длительной осады дома какой-то тайный запасник: а вдруг он сохранился? Конечно, она поедет с Леонардо. Бабушка ее научит, как его отыскать.

Она сложила письмо, убрала его в конверт, взяла дочь за руку и они отправились домой.

Бабушка уже закончила занятия с детьми, матери увели их домой, и теперь она готовила ужин для семьи.

— Вот, Бабушка, прочти. Это письмо от Миры, мне его Леонардо привез из Бергамо.

Елизавета Николаевна взяла из рук внучки письмо, по привычке поискала очки, но потом вспомнила, что теперь у нее зрение даже лучше, чем было в молодости, и принялась читать.

— Да, интересная история, — задумчиво проговорила она, возвращая внучке письмо. — Значит, этот Ларе Кристенсен и дети-инвалиды живут в доме без света, без отопления, без воды и канализации... А ведь все это там есть и не работает только потому, что нет электроэнергии. Но ее можно включить: в доме есть мощный независимый источник энергии Тесла. Есть в доме и тайное подземное хранилище продуктов и одежды. — Ты думаешь, все это сохранилось?

— Безусловно. Твой дедушка если что делал, то делал основательно. Перед уходом сюда, прощаясь с домом, я проверила его тайное хранилище. Там есть даже катакомбная церковь — подземная часовенка, посвященная моей небесной покровительнице праведной Елизавете. — А еды там много? — Еды там на годы. — И одежда есть?

— Там хватит одежды на небольшую общину. Есть и запас детской одежды: твой дедушка мечтал, что у тебя будет много детей.

— Так надо ехать туда и все это передать Ларсу Кристенсену! Как ты считаешь, Бабушка?

— Так же, как и ты. Вот придет Леонардо с работы, и мы вместе с ним это обсудим.

Когда Леонардо прочел письмо Миры, он сказал, что готов ехать в Баварский лес хоть завтра. — А как же мельница?

— Пока для нее будут готовить камни и лес, я сто раз успею обернуться.

— Почему ты говоришь только о себе, Леонардо? Уж на этот раз я точно поеду с тобой.

— Бабушка, — возопил Леонардо, — что она говорит? Не пускайте ее, она опять потеряется!

— Нельзя не пустить, Леонардо. Только Сандра сумеет показать Ларсу Кристенсену все секреты дома. Тебе я просто не смогу их объяснить: ты не знаешь дом так, как знает его Саня, которая в нем выросла и помнит все закоулки. И только Сандра сумеет открыть двери в хранилище. Там установлены замки с секретом: надо знать пароль, и не один. — Так скажите их мне, Бабушка!

— Они такие простые, что я их и не помню! А Сандра на месте сообразит. Но вы оба, конечно, понимаете, что это не семейный вопрос — выезжать вам из Долины или нет. Ездить взад-вперед, пусть даже с самыми благими намерениями, — это большой риск для монастыря и общины. Словом, надобно обсудить все это с Матушкой, и как она решит — так и будет.

— Конечно, Бабушка! Но будет гораздо лучше, если ты сама поговоришь с Матушкой и все ей расскажешь о доме, — сказала Сандра, души не чаявшая в матушке Руфине, однако, трепетавшая перед нею.

После вечерней службы Елизавета Николаевна поговорила с игуменьей.

— Конечно, надо помочь этим детям и тем, кто смотрит за ними, — сказала Матушка. — Может быть, надо этих бедных деток просто перевезти из Баварского Леса в Долину, и пусть они тут живут вместе с нами. Когда-то, еще в России, при нашей обители был детский приют, и в нем воспитывались сотни детей. Вот мы бы и вернулись к прошлым традициям...

— С детьми, Матушка, проще. А вот к их воспитателям надо бы сначала приглядеться. Христиане ли они, уживутся ли с нами? А просто так взять и отобрать у них детей мы тоже не можем, — усомнилась Бабушка. — Но помочь их накормить, одеть и обогреть мы можем прямо сейчас, — и Бабушка рассказала игуменье о тайнике, устроенном в доме покойным мужем.

Услышав, что Леонардо и Сандра едут в Баварский Лес, в усадьбу, где в тайниках есть разные полезные вещи, дядя Леша отправился к игуменье.

— Матушка, — решительно заявил он с порога игуменской, — придется мне ехать с Леонардо и Сандрой.

— Вот как? Это почему же? — удивилась Матушка.

— А потому, что нам необходимо раздобыть парочку батареек Тесла. В монастырском мобишке и электроника полетела, в нем теперь наши дети играют. Остался только джип Леонардо, но когда-нибудь и его батарейка сядет, и останемся мы без колес, с одним Лебедем.

Лебедем звали коня, который когда-то прибился к обители. Он пришел вместе со всеми в Долину и теперь принадлежал детям.

— Ну, на Лебеде пахать и ездить тебе, Лешенька, дети не разрешат. А ты не можешь починить или как-нибудь перезарядить эти батарейки?

— Да что вы, Матушка! Антихрист потому и сумел схватить мир за горло, что держит в руках энергетическую тайну — энергию Тесла. На батарейках Тесла работают заводы и фабрики, ездят мобили и летают самолеты, но никто, кроме самого Антихриста, не знает, где находится основной приемник энергии и что это за энергия. Батарейки Тесла выдают гражданам по одной штуке на мобилу, а когда энергия в них исчерпана — обменивают на новые. Нам же, как вы понимаете, свои батарейки обменять негде. В общем, я готов за ними ехать.

— Ну нет, — сказала Матушка, — монастырь без тебя как без рук останется. Поедут только супруги Бенси. Я им скажу, чтобы они поискали эти самые батарейки, а ты занимайся мельницей.

— Понял. Благословите, Матушка, — недовольно пробурчал дядя Леша.

— Бог благословит, Лешенька, — ласково ответила Матушка.

Леонардо и Сандра начали готовиться к путешествию. Первым делом они попросили дядю Лешу осмотреть джип и подготовить его в дальнюю дорогу. Потом сестры монастыря загружали джип продуктами монастырского хозяйства: грузили в него ящики с бутылками жирного козьего молока, сыром, свежим хлебом, виноградным вином, овощами и фруктами, и даже корзинами яиц от прирученных серых гусынь. Женщины общины хотели собрать теплые вещи для детей, поскольку в Долине зимы не бывает, а внизу кончается август и вот-вот наступит осень, но Бабушка сказала, что одежды вполне достаточно в тайном хранилище Илиаса Саккоса.

Сандра собирала особый "лечебный" ящик: прополис, сухие травы, настойки и самодельные мази, бинты и вату.

— А где мой зеленый дорожный костюм? — вспомнила она вдруг.

— Спроси у Бабушки, — посоветовал Леонардо.

Бабушка всегда все помнила, и костюм нашелся. Это был шелковый костюм, имитировавший пластиковую униформу планетян, и был он сшит Бабушкой специально для путешествий. Но зеленый костюм стал теперь салатного цвета. Сандра догадалась, что шелк вовсе не выцвел. Когда монахини и мирские пришли в Долину, вскоре посветлели и сделались белыми даже черные рясы сестер и матерей, не говоря уже об одежде мирских: все красное превратилось в розовое, коричневое — в бежевое, синее — в голубое.

— Да не беспокойся ты об одежде, — сказал Леонардо, заметив, что Сандра сокрушенно разглядывает свой салатный костюм, — все люди, которых мы с дядей Лешей видели в пути, были одеты как попало. Такое впечатление, что униформу вообще упразднили.

— Вот и отлично, тогда не важно, что он не того цвета. Я все-таки поеду в этом костюме, у меня с ним связано столько воспоминаний!

— У меня — тоже, — проворчал Леонардо. Он все еще был недоволен, что Сандра покидает безопасную Долину.

Дядя Леша пришел к Бенси прощаться и принес им подарок — маленький складной столик и два таких же стула из кукурузных стеблей, которые в Долине по прочности не уступали бамбуковым.

— Вот вам почти ротанговая мебель, — объявил он. — Когда станете устраивать пикники по

дороге, будет на чем сидеть. А то усядетесь ненароком на корни дьяволоха, а он возьмет да и прорастет аккурат сквозь то, чем вы на него сядете.

— Хорошо бы раздобыть немного иголок и ниток, а еще вязальные спицы, — сказала Сандре ее старинная приятельница, казначея мать Евдокия. — Сестры приспособились вязать платки из козьего пуха на деревянных спицах, но на стальных мы мог ли бы связать больным детишкам пуховые свитера и рейтузы: козий пух лечит кости и суставы.

— Я обязательно поищу спицы в дедушкином тайнике, мать Евдокия, — пообещала Сандра.

К дому Бенси все тянулись и тянулись люди, жители Долины несли подарки для обитателей Бабушкиного приюта. Мать Анна, монастырская иконописица, принесла большую икону. На ней написана была преподобномученица Великая княгиня Елизавета Федоровна и ее житие.

— Иконы преподобномученицы Елизаветы Федоровны нет в хранилище вашего дедушки. Мощи есть, а иконы нет. Я еще тогда начала ее писать, в Баварском Лесу, и вот теперь закончила. Отвезите ее обратно, Матушка благословила.

Сандра поклонилась, приняла икону и приложилась к ней.

Монастырская садовница и огородница мать Лариса принесла пару резиновых сапог.

— У нас в Долине слякоти не бывает, а там, в миру, неведаем что творится. Свези им сапожки, авось кому-нибудь пригодятся.

— А чего это они такие тяжелые, мать Лариса?

— А там морковочка, в сапожках-то. Чего месту зря пропадать...

Глава 2

Поцеловав Сонечку не меньше сотни раз каждый и оставив ее на попечение Бабушки, выслушав молебен о путешествующих, который отслужил священник обители отец Александр, Леонардо и Сандра ранним осенним утром выехали из Долины.

Они проехали все три горных туннеля, отделявшие Долину от нижнего мира, и выехали на дорогу, спускавшуюся к затопленной долине Циллерталь.

— Что такое стало с лесами на горах? — удивилась Сандра. — Смотри, мио Леонардо, все деревья мертвые, на них ни листочка. Конечно, уже начинается осень, но под ними нет и облетевшей листвы!

— Что-то непонятное происходит с растительностью и здесь, и в Италии, — сказал Леонардо. — Все кусты и деревья стоят голые. В прошлую поездку нам с дядей Лешей приходилось вырубать деревца и кусты, вы росшие на дороге, и ты знаешь, что оказалось? На вид они сухие, на них нет ни листьев, ни почек, но внутри — живые.

— Какая-нибудь болезнь? — предположила Сандра. — Но заметь, она поразила только лиственные деревья, елки стоят зеленые как ни в чем не бывало.

Они скоро подъехали к тому месту, где стояло ограждение из срубленных и воткнутых в землю елок, маскировавшее въезд на потайную дорогу. Елки были еще зелеными — ограду в прошлый раз обновили дядя Леша и Леонардо, и поэтому сейчас они только сделали проезд

для джипа, а потом снова его закрыли, воткнув елки на прежнее место.

Наконец они выехали на одну из главных аквастрад бывшего Тироля. Они довольно долго ехали в полном молчании.

— О чем ты молчишь, кара Сандра? — спросил Леонардо.

— О том, мио Леонардо, что чем дальше мы отъезжаем от нашей Долины, тем тяжелее становится у меня на сердце. — Ты волнуешься за Сонечку?

— О нет! Я знаю, что в Долине и без нас жизнь будет идти своим чередом, а Сонечка находится под крылом у Бабушки. Ей хорошо: "Для внучек нет теплее места, как у бабушек". — Хорошо сказано, кара Сандра. — Это не я, это Феофан Затворник.

— И про все-то эти святые знали! Так что же с тобой?

— Знаешь, здесь внизу становится все труднее дышать.

— Ах, это! Впрочем, я мог бы и не спрашивать, ведь со мной было то же самое в прошлую поездку. Даже несгибаемый дядя Леша присмирел и съежился, когда мы с ним спустились из Долины.

— Вот именно, я вся как-то съеживаюсь изнутри. Признаюсь тебе, что мне страшно хочется повернуть обратно. Конечно, об этом не может быть и речи, но все равно на сердце тяжело...

— Кара Сандра, мы ведь едем по благословию Матушки! Что может с нами случиться?

— Может, и ничего. Но все равно такая тяжесть, такая тяжесть, мио Леонардо!

Он обнял Сандру одной рукой, и дышать ей сразу стало легче. Настолько легче, что минут через пять она сказала:

— Знаешь, мио Леонардо, я вспомнила забавный плакат, который в детстве видела на дорогах: "Водитель! Если ты одной рукой ведешь машину, а другой обнимаешь девушку, помни, что ты то и другое делаешь плохо!".

— Кара Сандра, как давно я не ощущал твоих колючек! М-м! Какое забытое блаженство!

— Я скажу Бабушке, что тебе не нравится ее кухня. — ?!

— Тебе для полного счастья явно не хватает перца.

— Да, ты права. Все итальянцы любят перец. Леонардо — итальянец. Из этого следует, что Леонардо любит Сандру.

Они снова замолчали. "Как странно, — думала Сандра, — мы в Долине тоже смеялись, веселились, шутили, но как-то по-другому: никто никого не подкалывал даже шутя. Но вот мы еще только на пути в нижний мир, а уже воскресла эта забытая привычка, и даже непонятно, как мы без этого так долго обходились? Неужели ирония — это средство выживания в трудных условиях, а чем ближе к Раю, тем потребность в ней меньше?".

Она поделилась своими мыслями с Леонардо.

— Да, — сказал он, — это так. Я думаю, в Раю любят так радостно, глубоко и безмятежно, что

для шуток просто не остается места.

— А еще, заметь, мы снова стали обращаться друг к другу по-старому: кара Сандра, мио Леонардо. — Да, и это вспомнилось. К добру ли? Сандра вздохнула и не ответила.

Они выехали на страду, ведущую к Нью-Мюнхену, и Сандра удивилась, что на ней совсем нет автомобилей.

— А мы с дядей Лешей до самой Италии не встретили ни одного мобиля, — сказал Леонардо. — Мы проезжали мимо людей, бредущих по дороге, но, увидев нас издали, они все прятались. Нам так и не удалось ни с кем поговорить. Но, может быть, дороги в последнее время изменились, и теперь все ездят по каким-нибудь новым модернизированным страдам? Для нас это даже лучше — не будет неожиданных встреч. — Упаси Бог, — вздохнула Сандра. Вскоре они добрались до поворота в новую столицу Баварии. Заезжать в Нью-Мюнхен они не стали. Дорога резко пошла вниз и вскоре спустилась к берегу Дунайского моря. Четырехполосное шоссе сменила двухполосная аквастрада. Теперь стало понятно, почему они не встретили ни одной машины на своем пути: аквастрада была в ужасающем состоянии; теперь это была не магистраль из мостов и эстакад, соединяющих острова, а настоящие "русские горки". Кое-где опоры аквастрады провалились и разъехались в стороны попарно, в таких местах дорога провисала, и ехать по ней было все равно что катить с горки на горку. Но когда одна из двух опор стояла прямо и удерживала на себе полотно аквастрады, а вторая, накренившись, отходила в сторону и тащила за собой свой край дроги вниз, к зеленой гнилой воде, тогда Леонардо приходилось заранее набирать скорость и проскакивать накренившийся участок аквастрады за счет инерции. Через два часа такой езды Леонардо взмок и взмолился:

— Все, больше не могу! Ты знаешь, здесь ехать еще тяжелее, чем было в Альпах по дороге в Бергамо. Я должен выйти из машины и отдохнуть немного: этот луна-парк меня измотал.

— Конечно, давай остановимся, но только, прошу тебя, на земле, а не над водой.

Леонардо остановил джип на первой же заброшенной стоянке. На краю бетонной площадки они увидели небольшое двухэтажное здание бывшей придорожной гостиницы. В окнах здания не было ни стекол, ни рам, только закопченные гарью проемы. Похоже, гостиница выгорела. Перед самым входом, на заросшей сорняками бывшей клумбе в гряде мусора копались вороны. Шум двигателя их спугнул, и они, раздраженно каркая, взлетели на крышу.

Леонардо направился к полуразрушенному гигиен-блоку, а Сандра осталась стоять напротив гостиницы. Вороны, видя ее неподвижность, осмелели и снова по одной начали слетать на газон. Скачками и нахальными шажками вразвалку вороны приблизились к гряде тряпья и начали что-то там раскапывать и клевать. Вдруг из темного оконного проема мимо Сандры пролетел длинный блестящий предмет вроде стрелы. Одна из ворон истошно закаркала, забилась, подпрыгнула и, завалившись набок, осталась лежать на земле, проткнутая насквозь блестящей стрелой-спицей, а другие с оголтелым карканьем снова переместились на крышу.

Сандра сделала несколько шагов к подбитой вороне, пытавшейся подняться, опираясь на здоровое крыло, и протянула к ней руку, желая помочь.

— Не трогай! Это моя добыча! А то сейчас и тебя подстрелю!

Она обернулась и поглядела на разбитое здание гостиницы, откуда шел голос. В темном оконном проеме второго этажа стоял мальчишка, держа наизготовку лук с новой блестящей стрелой.

— Зачем ты ранил несчастную птицу, негодник?

— Чтобы сожрать! Если я не буду стрелять ворон, они сами сожрут меня! Ты что, ослепла и не видишь, что они там клюют?

Сандра подошла ближе к газону и вгляделась в то, что поначалу показалось ей кучей тряпья. От кучи несло ужасным запахом мертвечины, а из серого тряпья кое-где торчали бело-розовые кости. Приглядевшись, она поняла, что перед ней лежит расклеванный птицами человеческий труп. Ее затошнило, и вмиг сытный бабушкин завтрак оказался на краю газона. К ней подбежал Леонардо.

— Сандра! Что с тобой? Что тут происходит?

Чумазый лучник скрылся в темноте, а через минуту появился уже в окне нижнего этажа.

— Эй, вы! Не трогайте мою ворону и убирайтесь отсюда! Это мое место!

— Вороны клюют чей-то труп, а он стреляет этих ворон и ест их! Он так сказал, — пояснила Сандра. — Грозился и меня подстрелить. У него лук со стальными стрелами, похожими на вязальные спицы.

Леонардо, не говоря ни слова, обнял ее и быстро повлек назад, к джипу. За его прикрытием он помог Сандре умыться из бутылки с водой, а потом усадил в кабину. После этого он взял большое красное яблоко и вышел к ресторану, держась подальше от газона.

— Эй ты, Робин Гуд! Хочешь получить вот это яблоко? — Яблоко? Оно настоящее, что ли?

— Настоящее, конечно. А еще у нас есть хлеб и молоко.

— Врешь! Молока и хлеба теперь не бывает. А ворону на яблоко я менять не стану, я ведь не дурак. Яблоко, оно, конечно, вкусное, но ворона-то сытнее!

— Как хочешь, вороний стрелок. Тогда сиди в своей крепости и не мешай нам завтракать. А свою дичь можешь забирать!

Леонардо взял переставшую трепыхаться птицу за крыло и зашвырнул ее в окно, откуда выглядывал мальчишка.

— То-то! А то б я вам показал! — крикнул мальчишка и исчез в глубине здания.

— Леонардо, мальчика надо выманить из этих развалин и забрать с собой, — решительно сказала Сандра.

— А я что делаю? — удивился Леонардо. — Мы с тобой сейчас изобразим "Завтрак на траве" и подманим его.

— Ты как хочешь, а я тут есть не смогу.

— Придется сделать вид, иначе нам этого Робин Гуда не выманить.

Он вынес из салона джипа раскладной столик и стулья, расставил их на краю бетонной площадки, подальше от газона, и живописно расположил на столе бутылку с молоком, хлеб, сыр и яблоки. Потом он прочел молитву, они с Сандрой перекрестились, сели и стали делать вид, что с большим аппетитом едят и пьют. Сандре кусок в горло не лез: во-первых, совсем

рядом на газоне лежало ЭТО, а во-вторых, за ними из темного проема наверняка во все глаза следил голодный мальчишка.

Он вскоре не выдержал и вышел на крыльцо, держа в одной руке самодельный лук, а в другой нечто отдаленно напоминающее жареного цыпленка.

— Эй вы! А мясо у вас есть? — крикнул он срывающимся от волнения голосом.

— К сожалению, мяса у нас нет, — ответил Леонардо. — А хотите мяса? — Это смотря какого!

— Вороньего, конечно! — он поднял обгорелую тушку и потряс ею.

— Нет, Воронины мы не едим, — равнодушно ответил Леонардо и отвернулся от мальчишки.

Тот сел на ступеньку крыльца и начал демонстративно грызть свою ворону. Сандра тихонько застонала и закрыла глаза.

Леонардо в ответ на действия мальчишки стал столь же демонстративно лить в свою кружку молоко: он высоко поднял бутылку, чтобы густая белая струя была на виду. Сандра даже на таком расстоянии услышала, как мальчишка сглотнул слюну. Сердце у нее разрывалось, но она знала, что Леонардо все делает правильно.

— Это у вас настоящее молоко? — не выдержал, наконец, мальчишка.

— Даже не знаю, как тебе сказать, — задумчиво ответил Леонардо. — Это козье молоко. На наш вкус оно даже лучше коровьего, но некоторые утверждают, что у него неприятный запах. — Дураки!

— Почему это мы дураки? — нахмурился Леонардо. — Да не вы! Те, которые утверждают...

— А!.. Мы что, парень, так и будем с тобой перекрикиваться? У тебя там найдетсяка кой-нибудь стул? — Осталось немного...

— Ну так тащи сюда стул, бери свою дичь и садись к нашему столу. Может, я и попрошу у тебя кусочек Воронины — никогда не пробовал такой дичи: любопытно, какова она на вкус?

Мальчишка положил лук и ворону на ступеньку и скрылся в доме.

— Леонардо, ты в самом деле отважишься есть ворону? — Жизнь покажет, кара Сандра. Появился мальчишка, таща обгорелую пластиковую табуретку. Он подхватил на ходу лук и ворону и заторопился к ним. Ворону он положил прямо на середину стола, а лук и стрелы продолжал держать в левой руке.

— Не побрезгуешь? — спросил Леонардо, ставя перед ним свою кружку и доливая в нее молоко. — У нас нет третьей кружки, видишь ли...

— Да чего там, ладно... — сказал гость, с шумом втягивая слюну.

Пока он, захлебываясь, пил молоко, Сандра отрезала кусок хлеба, положила на него несколько ломтиков сыра и пододвинула к нему. Он покосился на бутерброд из-за кружки, опустил лук и стрелы на бетон рядом со своей табуреткой и схватил хлеб второй рукой. Сандра отвернулась, стараясь не глядеть ни на парнишку, ни на ворону, ни на газон. А поскольку смотреть ей стало уже совсем некуда, она уставилась в глаза Леонардо. Он чуть-чуть улыбнулся и успокаивающе прикрыл глаза.

Когда мальчишка выпил молоко и доел бутерброд, Леонардо положил перед ним яблоко. Тот надкусил его и стал жевать, забыв об осторожности и блаженно зажмурился. Потом он опомнился, открыл испуганные глаза и поглядел на своих удивительных гостей. Сандра неспеша заворачивала в чистые полотняные салфетки хлеб и сыр, а Леонардо, закинув руки за голову, сидел, откинувшись на стуле, и покачивался, бездумно глядя на дальние вершины гор.

— Ну что, вы закончили? Нам пора ехать, — сказал он после затянувшейся паузы.

— Обожди, Леонардо, я вымою кружки, иначе молоко засохнет, и потом их не отмоешь.

— Ладно. Понравилось козье молоко, Робин Гуд? — спросил он мальчишку. — Конечно, понравилось!

— И мне нравится. А вот другие говорят — воняет.

— Сами они воняют! Чего это вы меня зовете Робин Гудом? — А ты знаешь, кто это такой?

— Вообще-то знаю, это один справедливый разбойник. Я играл в Робин Гуда, когда у меня был персоник. Я тогда жил с матерью и братом в Швейцарских Альпах. — А где же они теперь?

— Мать умерла с голоду, а брат... Это он лежит там, на газоне.

Кружки, которые Сандра как раз укладывала в корзину, выскользнули у нее из рук, упали на бетон и разбились.

— Какая же ты неосторожная, кара Сандра! Хорошо еще, что до Бабушкиного дома не далеко ехать: надеюсь, там мы найдем другие кружки, а то нам и пить в дороге будет не из чего.

— Что такое "Бабушкин дом"? — спросил Робин Гуд. — Ваше укрытие?

— Нет, мы живем в другом месте. А едем мы с женой в дом нашей бабушки, где сейчас устроен приют для детей.

— Чего вы все врете-то? Какая-то бабушка... приют для детей... Ничего этого давно не бывает! Выдумают тоже — бабушка!

— Ну, дружок, ты и в молоко не верил, а выпил как миленький, — усмехнулся Леонардо. — Теперь вот не веришь в бабушку. Скучный ты человек, Робин Гуд!

— Бабушек не бывает! — зло и упрямо повторил мальчишка.

— Разве у тебя самого никогда не было бабушки? — спросила Сандра.

— Бабушка у меня, конечно, была, я ведь не из пробирки выскочил. Бабушка — это мать моей матери или отца. Только я их никогда не видел. А мать — видел! У нас с Филиппом была настоящая мать, она нас любила и жила с нами вместе, не как другие.

Потом она умерла. От голода, когда саранча на Планету напала. А бабушки — это только в Реальности, у нормальных людей бабушек не бывает. — Почему же это?

— Потому что не доживают до того времени, чтобы увидеть, кто родится у их детей, их еще до этого эвтаназируют.

— А ведь Робин Гуд прав, Сандра. Кроме тебя, я не встречал никого, у кого была бы жива

бабушка. Но знаешь, парень, а ведь и Сандра права — у нее-то бабушка есть. Теперь она стала и моей бабушкой, с тех пор как мы с Сандрой поженились.

— Она что, старенькая и с морщинками? Добрая и рассказывает вам сказки?

— Она старенькая и добрая, но сказки она рассказывает не нам, а нашей дочери, своей правнучке.

— Ух ты! Ну вы даете! Так это выходит уже не бабушка, а прабабушка! — и мальчишка залился смехом. Похоже, от сытости он немного опьянел.

— Ну, друг Робин Гуд, это даже обидно, что ты все время подвергаешь сомнению наши слова. Знаешь, дружок, если ты нам не веришь, то можешь поехать с нами и убедиться, что у нас в самом деле есть настоящая бабушка, а у нашей дочери Сонечки есть прабабушка, — притворно осердясь, сказал Леонардо.

— Я бы поглядел на живую бабушку. Вы что, в самом деле хотите, чтобы я с вами куда-то поехал? — Почему нет? Если тебе хочется — поехали.

— Ну... На людоедов вы вроде не похожи. Мясо даже не очень едите. Да вы бы попробовали ворону-то! Она не старая!

— В другой раз, дружок. Сейчас мы уже сыты, это ведь у нас второй завтрак был.

— Чего-о? Это вы сколько же раз в день едите?

— Обычно три, но сегодня мы рано выехали из дома и поэтому один раз уже успели позавтракать.

— Вы едите три раза в день?! Ну вы даете, так я и поверил! Откуда столько еды наберется, чтобы по три раза в день есть? Три раза в неделю, наверное. — Я тебе и на этот раз правду говорю.

— Так вы из Семьи, что ли? — насторожился мальчишка.

— Бог с тобой, парень! Мы обыкновенные люди. Мы едем по делу в Баварский Лес, а потом поедем в Тироль.

— А если я поеду с вами, вы меня потом обратно сюда привезете? Сандра с Леонардо переглянулись.

— Знаешь, давай договоримся так. Если тебе не понравится ни в приюте, ни у нашей Бабушки, мы тебя привезем обратно.

— А в приюте этом тоже по три раза в день едят?

— Вот этого мы как раз и не знаем. Знаем только, что там живут три десятка детей и несколько взрослых, которые за ними смотрят. А вот есть ли у них еда и сколько ее — это нам неизвестно. Поэтому мы на всякий случай везем для них еду. У нас полная машина всяких разных продуктов.

— Свою еду вы везете каким-то чужим детям?! Вы что — сумасшедшие?

— Нет, Робин Гуд. Мы не сумасшедшие, мы — христиане. Ты знаешь, что это такое? —

Конечно. То же самое, что сумасшедшие.

— "Для эллинов безумие, для иудеев соблазн"... — задумчиво проговорил Леонардо. — Ну, решай, парень, едешь ты с нами или тут остаешься?

— А вы мне покажите сначала еду, которую вы чужим детям везете! Увижу — поверю и поеду!

— Вот это мужской разговор! Пойдем, покажу.

Подходя вслед за Леонардо к джипу, мальчик заметил: — Станный какой-то у вас мобиль...

— Это не мобиль. Это старинная машина, называется джип. Когда-то это была машина нашей Бабушки, а потом она подарила ее мне. Ну гляди, Робин Гуд!

Увидев корзины и ящики с овощами и фруктами в салоне джипа, мальчишка закачался. — И вы сами будете это есть по дороге? — Естественно. — И я с вами?

— Само собой, если ты составишь нам компанию. — А я... А я буду вам дичь стрелять!

— Наконец-то сообразил, Робин Гуд! Вот именно: мы можем оказаться в дороге очень полезными друг для друга. Как, Сандра, ты не возражаешь, если мы прокатим Робин Гуда до приюта, а потом свозим его в гости к нашей Бабушке? Знаешь, мне очень хочется доказать ему, что я не вру и что бывают и сей час на свете настоящие бабушки. С морщинками и сказками. А потом, если он захочет, мы привезем его обратно на это же место.

— Как скажешь, Леонардо. Мне все равно. Места он много не займет.

Бедный Робин Гуд переводил глаза с Леонардо на Сандру и обратно, лицо его подергивалось.

— Только вот что, парень, — сказал вдруг Леонардо, посуровев, — нехорошо бросать родного брата, пусть даже мертвого, на съеденье воронам. У меня в джипе есть лопата. Давай-ка мы выроем яму и похороним его прямо в этом газоне.

— Нет, дядя, так не пойдет! Филипп велел мне, как только он совсем умрет, вытащить его на газон, чтобы на него вороны слетались. Это он сделал лук и стрелял из них ворон. Только их мало было. Когда брату удавалось подстрелить двух ворон, мы одну съедали, а вторую оставляли другим воронам на приманку. Он большой был, наш Филипп, ему много надо было еды, а он от своей доли еще мне оставлял. Вот он и стал умирать от голода. Он мне сказал: "Я тебя и после смерти буду кормить, если ты меня оставишь лежать на земле: я буду мертвый лежать и подманивать для тебя ворон, а ты их стреляй и ешь. Это все, что я могу для тебя сделать, братец Кролик". Я ему обещал. Нельзя Филиппа зарывать!

— Чудак-человек! Его же вороны совсем расклюют, пока мы с тобой путешествуем.

— А вы ведь меня обратно привезете, как обещали, так? И что же я потом без еды останусь, а?

— Ну хорошо, давай тогда мы вот как поступим. У нас в машине есть крепкий брезентовый спальный мешок: мы им закроем тело твоего брата, чтобы в наше отсутствие вороны его зря не клевали, и обложим камнями. А потом, когда мы тебя назад привезем, ты его снова раскроешь. Идет?

— Идет. А мешок этот вы мне потом оставите? Вы вон какие богатые, чистые, вам не захочется спать в мешке, который пропахнет моим братом.

— А ты сможешь в нем спать, в таком мешке? — Ведь это мой брат...

Сандра помогла Леонардо собрать стол и стулья, а потом сказала:

— Робин Гуд, может, ты сядешь впереди? Я очень устала и хочу сзади поспать.

— Конечно, сяду! Только меня зовут вовсе не Робин Гуд, а Карл Мор.

— Леонардо Бенси, — сказал Леонардо, протягивая ему руку для старинного мужского пожатия. — А эта бледная тетя — моя жена Сандра Бенси. Садись на переднее сиденье, Карл, а Филиппа я сам укрою от ворон.

Когда они выехали со стоянки, Леонардо с мальчишкой сидели впереди, а Сандра легла сзади в салоне на оставшемся спальнике и потихоньку немного поплакала. Потом она успокоилась и стала прислушиваться к их разговору.

— Я так давно ни на чем не ездил, — говорил юный Карл Мор. — У нас с братом был велосипед. Мы на нем ездили, пока он не разбился, когда мы от экологов в горах удирали и упали с обрыва. Филипп взял спицы от велосипедных колес, заточил концы, и получились стрелы для лука, а лук он сам смастерил. Он вдруг заплакал. — Ты чего, братец Кролик? Он завсхлипывал еще сильнее.

— Не надо меня так звать, Леонардо! Это Филипп меня так звал, когда я был совсем маленький. Ну и потом, иногда... А плачу я потому, что мы еще с Филиппом никогда не расставались.

— Извини, друг, я больше не буду. Я пони маю тебя: у каждого мужчины есть свое слабое место, свои незажившие раны, которые нельзя трогать. — И у вас они есть? — Есть и у меня. — Расскажите?

— Могу рассказать. Моя невеста когда-то потерялась, я долго ее искал и горевал. По том нашел и тут же, через час, потерял снова: ее у меня украли экологи. Это было так обидно, что я до сих пор не могу вспомнить без слез. — Она нашлась потом?

— Нашлась. С тех пор я стараюсь ее ни на шаг от себя не отпускать. — А, понял! Это она спит там сзади? — Ну да. Это моя жена Сандра. — А где вы познакомились с вашей женой?

— На макаронной фабрике. Она приехала покупать макароны, а я там уже ждал ее всю свою жизнь. — Ах, вот как... Сандра слушала и улыбалась.

Глава 3

Бабушкин остров соединялся с цепью других островов узким каменным мостом. Еще издали Сандра и Леонардо увидели кирпичные столбы у начала моста, но висевших тут прежде красивых чугунных ворот уже не было. Берег острова порос дьяволохом. Дальше его пока не пускал густой ельник, но в этой схватке ели были обречены, и на опушке леса молодые елочки уже засыхали в объятьях растительного вампира.

Они проехали через еловый лес и выехали на голый серый пустырь, который еще совсем недавно был зеленым лугом. Через пустырь дорога вела к усадьбе на холме. Высокая чугунная ограда, окружавшая усадьбу, уцелела, и ворота были заперты. Сад вокруг дома был вырублен, торчали только пни и голые кусты. Окна обеих этажей были закрыты, и стекла в них были все целы, но ни в одном из окон не было занавесок, а стекла потускнели от грязи. Сандра горестно

смотрела на это запустение.

Они вышли из джипа, велел Карлу оставаться пока в кабине. Леонардо несколько раз надавил кнопку звонка, но ворота не дрогнули, а в доме ничего не изменилось.

— Ты забыл: у них нет электричества, а значит, и звонок не работает. Пстой, Леонардо, тут было одно хитроумное приспособление, может быть, оно еще действует.

Сандра внимательно оглядела створки ворот, украшенные поверх прутьев коваными венками. "Дерни за веревочку — дверь и откроется!" — вспомнила она. За каким же венком скрывалась "веревочка"? Кажется, за пятым. Она просунула руку внутрь пятого железного венка и нащупала спрятанный внутри шнур. Ей пришлось дернуть за него несколько раз, прежде чем раздался щелчок внутри замка и ворота приотворились.

— Вернись в кабину, Сандра. Я сам от крою ворота. Что-то мне неспокойно.

Сандра забралась в джип. Леонардо отворил ворота, сел за руль и они проехали к дому.

— Не будем сразу выходить, а постоим и подождем, не выглянет ли кто на шум мотора, — сказал он, настроженно оглядывая пустые окна.

Он оказался прав. Приотворилось окно гостиной на первом этаже, и оттуда высунулся длинный ствол винтовки, над которым поблескивало стеклышко оптического прицела. Следом из окна второго этажа показалось двуствольное охотничье ружье.

— Эй, вы там, в машине! — в окне гостиной показалось бородатое лицо. — Поворачивайте и уезжайте с нашего острова! Это место занято! Даем вам одну минуту на раздумье, а потом стреляем.

— Сандра и Карл, пригните головы на всякий случай, — сказал Леонардо, а сам опустил стекло и крикнул, не высываясь в окно

— Послушайте, вы ведь Ларе Кристенсен? Не так ли? — Предположим.

— Мы приехали именно к вам и с добрыми намерениями.

— Не думайте, что сумеете провести меня, узнав мое имя! Учтите, что еды у нас все равно нет, а пустые дома вы найдете через три острова, в городке. Уезжайте отсюда!

— Зачем же так грубо? — спокойно проговорил Леонардо. — Вы говорите, нет еды? А вот у нас есть: мы привезли продукты для ваших детей. Некоторое время стояла тишина.

— Сколько вас в машине? — спросил человек из окна.

— Трое. Я, моя жена и мальчик-сирота, которого мы нашли на дороге.

— Пусть мальчик первым выйдет из машины. Доктор, не стреляйте! — Карл, ты не боишься?

— Нет. Эти, которые в доме, сами всех боятся. Вы что, разве не видите?

Карл выбрался из машины, сделал несколько шагов к дому и остановился.

— Мальчик может войти в дом, а вы пока оставайтесь в машине.

— Я понял, — сказал Леонардо. — Карл, если ты не боишься, то иди к этим людям и расскажи им, с чем мы приехали.

— Я иду. Вы только не уезжайте без меня, ладно?

— Будь спокоен, без тебя мы ни за что не уедем.

Долгое время в доме было все тихо, потом на крыльцо вышел Карл и крикнул:

— Все в порядке! Можете заходить в дом — я за вас поручился!

Дверь дома осталась открытой. Карл ждал их на крыльце, а за ним в проеме двери появился Ларе Кристенсен в инвалидной коляске.

— Спасибо, Карл! — крикнул Леонардо. — Сандра, возьми корзинку и положи в нее только молоко, хлеб и яблоки. Идем? — Да, я готова.

Леонардо первым вышел из джипа. Обойдя его, он открыл дверцу с ее стороны и взял у нее корзину с продуктами.

— Иди за мной.

Он поднял корзину и крикнул человеку с ружьем:

— У нас здесь хлеб, молоко и яблоки, оружия нет!

Ларе Кристенсен ничего не ответил и молча ждал. Вид у него был все еще настороженный, а одет он был в старый коричневый Бабушкин халат. Сандра сразу узнала его: этот халат Бабушка накидывала поверх одежды, когда работала в курятнике, там он всегда и висел на вешалке за дверь. А он, бедняга, значит нашел его и носит. Почему-то именно старый Бабушкин халат окончательно расположил Сандру к грозному инвалиду с винтовкой, она улыбнулась ему и сказала:

— Здравствуйте, Ларе Кристенсен. Знаете, а в этом доме прошло мое детство, — и она широко улыбнулась Ларсу.

Он не ответил на ее улыбку, но отъехал в сторону, пропуская их в дом. — Входите с миром.

Они вошли. Карл сразу же подошел к Леонардо и взял его за руку. Сандра огляделась: Бабушкин холл нельзя было узнать, со стен были содраны деревянные панели, а с пола — паркет. Взглянув на камин, она сразу поняла, куда ушло дерево: на кучке пепла лежало несколько обгоревших паркетных плашек.

Увидев, что стало с лестницей на второй этаж, Сандра поначалу огорчилась, а потом сообразила, для чего это было сделано, и успокоилась. Поверх ступеней и без того довольно пологой лестницы был настелен трап из неструганых досок, перекрывший половину ступеней вдоль перил и нижним концом спускавшийся на середину холла. "Конечно, без этого пандуса Лансу Кристенсену невозможно было бы пользоваться вторым этажом", — решила она.

Заглянув через широкий арочный проем в бывшую Бабушкину гостиную, она увидела, что там стоят буквой Г два стола — один очень длинный и очень низкий, второй — нормальной высоты и величины. Вдоль одной стороны длинного стола были поставлены в ряд три садовые скамейки.

— Вы заперли свою машину? — спросил Ларе Кристенсен Леонардо. — Да. — А ворота? — Ворота — не догадались.

— Ладно, я пошлю кого-нибудь. Вы сказали, что привезли для нас еду?

— Да. Продукты и кой-какие медикаменты. Нас просила об этом наша подруга Мира Ясмани.

— Мира Иерусалимская? Что же вы сразу не сказали?

— Времени не было. Вот, пожалуйста, — Леонардо протянул ему корзину.

— Настоящий хлеб! Молоко! И яблоки... Эй, люди, выходите все! Эти гости пришли с миром и хлебом! Они друзья нашей Мира Иерусалимской!

Из гостиной вышло несколько человек, с виду настоящих асов. Впереди шел полный старик с белыми бакенбардами, одетый в рваную куртку, подпоясанную веревкой, за ним шли священник в порыжевшей черной рясе и с крестом на груди, девочка-подросток и три женщины разного возраста — молодая, средних лет и пожилая.

Ларе Кристенсен повесил винтовку на спинку своего кресла и представил вошедших:

— Знакомьтесь: доктор Вергеланн, норвежец. Марта — наша хозяйка, она из соседней деревни. Леди Патриция из Ирландии, а молодая особа — ее дочь Эйлин. Священник отец Иаков, датчанин. А это моя невеста Дженни Макферсон, она из Шотландии, — он погладил руку подошедшей к нему рыжеволосой девушки. — Самые главные обитатели нашего дома сейчас заняты наверху, у них идет урок истории музыки. Занимаются с ними Хольгер-музыкант, брат отца Иакова, ему помогает Мария Вальехо, испанка. С ними вы познакомитесь позже. Позвольте и самому представиться: вы уже знаете от Мира, что меня зовут Ларе Кристенсен, но друзья зовут меня Лансом. Кроме меня, все в этой маленькой общине — христиане. Надеюсь, вас это не смущает? — Немного смущает, — ответила Сандра. — Вы что-то имеете против христиан?

— Нет, мы сами христиане. Но странно, что глава христианской общины сам не христианин.

— На это есть особые причины. А теперь вы расскажите о себе.

— Меня зовут Леонардо Бенси, а это моя жена Сандра Бенси. Мы живем довольно далеко отсюда, в Альпах, в маленькой христианской общине. О вас мы узнали из письма нашей подруги Мира.

— Из письма? Но никакой почты уже давно не существует!

— А кто сказал, что письмо принес почтальон? Мира оставила его для нас в одном условленном месте. — Вы знаете, где она сейчас и что с ней?

— Мы думали узнать об этом у вас. Мира написала, что спешит в Иерусалим. Может быть, она сейчас там.

— Мира нам очень помогла в самое тяжелое для нас время. Она доставала для нас продукты и медикаменты. Но как мы ни экономили, они уже подошли к концу. Значит, это Мира вас к нам послала... Но кто же вы такие? Мальчик выглядит как обычный планетянин, а вот вы... Не похожи вы на планетян, и у вас есть хлеб, молоко и яблоки. Ничего этого в Европе уже давно нет: всех коров съели, хлеб никто не выпекает, а яблок в этом году не будет совсем — все

пожрала саранча. — Он обратился к пожилой женщине: — Будьте так добры, Марта, снесите корзину с едой на кухню и разделите на всех. Да не забудьте нашего арестанта! Дженни, помоги, пожалуйста, Марте.

Леонардо заявил, что ему нужна помощь, чтобы принести из машины остальные продукты.

— Я помогу! — вызвался Карл. Сандра заметила, что он совсем побледнел и осунулся.

— Тебе лучше немного отдохнуть, Карл, тебя совсем сморила дорога. Может мальчик где-нибудь здесь прилечь?

— Эйлин, проводи наверх нашего нового воспитанника и уложи его в спальне для мальчиков.

— Идемте со мной, мальчик, — сказала Карлу Эйлин, высокая девочка со светлыми длинными волосами.

— Эй! Вы без меня не уедете? — спросил Карл Леонардо, уже поднимаясь по лестнице.

— Нет, нет, отдохни, пока мы разгружаемся.

— Я помогу этим людям, Ланселот, — сказал молчавший до этого священник и подошел ближе.

— Благословите, батюшка! — Сандра пошла ему навстречу, сложив руки и склонив голову под благословение. Вслед за нею подошел Леонардо. Отец Иаков благословил их, и все люди в холле облегченно вздохнули.

— Не забудь, отец Иаков, сразу же закрыть ворота, — сказал Ланселот, провожая Леонардо и священника до дверей. Он остановил коляску на крыльце и взял на изготовку свою винтовку, когда они вышли из дома. Сандра подошла к нему.

— Скажите, Ларе Кристенсен, а это действительно так необходимо — все время держать моего мужа под прицелом?

— Да что вы! — улыбнулся Ланселот. — Я держу под прицелом ворота, а не вашего мужа.

— Неужели вы все время готовы к нападениям?

— Конечно. Вы это поймете, когда я познакомлю вас с нашим арестантом. Он доставил нам массу неприятностей именно по тому, что мы однажды забыли запереть ворота, когда наши женщины ушли в лес за хворостом. Я ранил его в перестрелке. Кстати, вы сказали, что у вас с собой есть лекарства? Этот бандит нуждается в медицинской помощи.

— Да, мы привезли небольшую аптечку. Между прочим, Ларе Кристенсен, вы об этом не подозревали, конечно, но ворота и ограду можно держать под током.

— У нас нет электричества. Вся эта часть Европы отключена от мировой энергетической сети, кроме некоторых военных объектов. У нас были батарейки Тесла, но все они давно разрядились. А новых теперь не купишь даже за золото.

— В этом доме есть и батарейки в тайнике, и собственный приемник космической энергии.

— Разве приемник энергии Тесла в Иерусалиме не единственный?

— Нет. Их было несколько, но потом, чтобы исключить саму возможность конкуренции в

борьбе за власть, Антихрист оставил один в своих руках, а остальные уничтожил. Все, кроме, может быть, одного. И этот приемник находится в этом доме: так сказала Бабушка, и я постараюсь его найти.

— Следует понимать, что мы можем иметь свет в этом доме?

— Вот именно. А воду вы откуда берете, Ларе Кристенсен?

— Носим из пруда ведрами. Кстати, вы можете меня звать Ланселотом, как все.

— Хорошо. Знаете, Ланс, если мы отыщем источник энергии, вы сможете пользоваться водопроводом, и у вас будут работать отопление и канализация.

— Это было бы чудесно! Больше всего жаль тратить воду на мытье и туалет, но мы стараемся поддерживать чистоту. После голода и грабителей самая большая опасность — эпидемии, а на нашем попечении находятся дети с очень хрупким здоровьем. Доктор говорит, что у них ослаблен иммунитет... О, сколько же они всего несут!

В дом вошли священник и Леонардо, неся каждый по ящику с продуктами.

— Это еще не все, Ланселот! — радостно сказал отец Иаков. — Там остались еще ящики овощей и фруктов, представляешь? И корзины с яйцами! А вот этот пакет — ты понюхай, Ланселот, как он пахнет! Знаешь, что в нем? Копченая рыба!

Отец Иаков задыхался и покачивался на ходу, и было совершенно очевидно, что у него от слабости кружится голова. Сандра поспешила взять у него ящик и понесла его на кухню вслед за Леонардо.

Бабушкина кухня осталась почти без изменений. У стены стоял старый знакомый Сандры — огромный резной буфет из светлого дуба, а рядом с ним почти такой же большой холодильник с облицовкой из дубовых панелей. Рядом с ними в стене видны были дверцы лифта, в котором в прежние времена поднимались из подвала на кухню продукты. Электрическая плита стояла в своем углу, но ею явно не пользовались, как, впрочем, и супермодерным едальником с большущей шкалой, установленным уже после Бабушки. Естественно, электронный доставщик еды не работал. Еду в этой кухне теперь готовили на допотопной самодельной плите из кирпичей, от которой в окно выходила железная труба, подвешенная к потолку на проволочных петлях. Она и сейчас топилась, и на ней закипал большой чайник.

Сандра и Леонардо выложили продукты на стол. Ошеломленная Марта только всплескивала руками, приговаривая:

— Господи Боже мой! Настоящий сыр! Копченый лосось! А какие фрукты — сливы, персики, виноград... Проклятая саранча обглодала всю землю — где же это все вызрело?

— Есть еще такие места на земле! — весело сказал Леонардо.

Они оставили счастливую женщину разбирать продукты и вернулись в холл.

— Нам нужно спуститься в подвал, — сказала Сандра. — Ланселот, у вас есть фонарь или свечи?

— Увы, ничего этого у нас нет. Мы пользуемся самодельными лампами, в которых горит керосин. Мы обнаружили в сарае несколько бочек с бензином и бочку керосина, но его мало, и

мы экономим.

— Бензин сохранился до сих пор?! — поразилась Сандра. — Когда-то джип, на котором мы к вам приехали, ходил на бензине. Я этого не помню, но Бабушка мне рассказывала.

— А у нас и сейчас есть машина, которая ходит на бензине: это автобус, на котором мы с детьми сюда добрались. Только теперь он уже не заводится. Вы не знаете, нельзя ли использовать бензин для освещения?

— Если мы найдем дедушкин энергоприемник, у вас будет вдоволь света и без бензина. А пока давайте сюда вашу керосиновую лампу!

Отец Иаков принес самодельную лампу, сооруженную из стеклянной бутылки без дна, прикрепленной к пустой консервной банке. Внутри лампы горел слабый огонек.

— Лучшего освещения, к сожалению, мы вам предложить не можем, — сказал Ланселот. — Я поехал бы с вами, но спуститься в коляске по лестнице я не могу. Будьте осторожны — в подвале арестованный, он опасен. — Я пойду с ними, — сказал отец Иаков. Они втроем, Сандра, Леонардо и священник, спустились в подвал, прошли прачечную, склад для продуктов с пустыми полками, котельную, на двери которой почему-то висел большой амбарный замок, и уперлись в глухую стену.

— Дальше идти некуда, — сказал Леонардо. — Это стена — часть фундамента.

— А мы уже пришли. Пожалуйста, поставь лампу на пол, я должна осмотреть трубы.

Понизу стены проходило несколько труб — отопление, водопровод, канализация. Сандра взялась за третью трубу сверху.

— Вот эта! Теперь вы вдвоем возьмитесь за ее концы, уходящие в стены, и тяните изо всех сил на себя.

— Э, Сандра! А это часом не водопроводная труба? — опасливо спросил Леонардо. — Мы можем ее повредить, и тогда подвал зальет водой.

— Это вообще не труба, это, если хочешь, дверная ручка. Так Бабушка сказала. Да тяните же, не сомневайтесь!

Леонардо и отец Иаков взялись за концы трубы и по команде Сандры одновременно потянули ее на себя. Труба подалась и выдвинулась из стены на кронштейнах. Сандра взялась обеими руками за середину трубы и подтолкнула ее вверх. Раздался щелчок, затем ровное нарастающее гуденье, и труба поехала вверх прямо вместе со средней частью стены. Это открылся проход в тайный подвал Илиаса Саккоса, и оттуда хлынул яркий электрический свет. Перед ними открылось небольшое помещение с тремя дверьми: одна большая, двухстворчатая, посередине и две поменьше по бокам.

— Потрясающе! — сказал Леонардо. — Аи да дедушка! Мы можем пройти туда?

— Конечно, прошу вас! — пригласила Сандра, не меньше их ошеломленная, но державшаяся с таким видом, будто именно это го она и ждала.

— Нет-нет, только после тебя — ты здесь как-никак хозяйка!

Сандра перешагнула через оставшуюся неподвижной нижнюю часть стены с трубами и прошла вперед. Сбоку от каждой двери на высоте человеческого роста располагалось небольшое застекленное окошко, а под ним — кнопка. Сандра протянула руку и нажала кнопку возле правой двери. Оконце осветилось изнутри, и на стекле возникла надпись по-гречески: "Назовите громко и четко имя строителя дома".

Сандра шепотом перевела надпись для Леонардо и отца Иакова, а уже после громко произнесла ответ: — Илья!

"Ответ неправильный" — и окошко погасло.

— Странно, — сказала Сандра, но тут же спохватилась. — Ах, да! Ну конечно! Это Бабушка звала дедушку на русский манер Ильей.

Она снова нажала кнопку и в ответ на требование назвать имя, громко ответила: — Илиас!

"Ответ правильный. Назовите имя его внучки". — Кассандра. "Ответ правильный. Входите".

Дверь мягко ушла в стену, открыв проход в небольшое тесное помещение, где ничего не было, кроме закрытого стального шкафа, утопленного в одной стене и щита с десятком опущенных рубильников на другой. Под каждым рубильником была надпись: "подвал", "1-й этаж", "2-й этаж", "чердак", "наружное освещение", "сарай", "дорога", "мост". Потом шли рубильники, включавшие отопление дома и сарая. Затем шла электрозащита по периметру ограды, наружная электрозащита дома; дверные щиты, оконные щиты. Еще были водопровод, подогрев воды и внутренний телефон. Все надписи были на планетном. Рубильников было много, но благодаря надписям система энергоснабжения дома была абсолютно ясной.

— Можно уже включить освещение дома и водопровод, — предложила Сандра.

— Ни в коем случае! — воскликнул Леонардо. — Отец Иаков, я думаю, что нужно

сначала обойти дом и проверить, везде ли закручены краны, в порядке ли выключатели и розетки. Дом так давно стоит без электричества и без воды, что все это могло выйти из строя. Кроме того, ребяташки могли шалить с кранами и выключателями: мы имеем редкий шанс получить пожар одновременно с наводнением. Нам это надо?

— Ну чем не дядя Леша! — воскликнула Сандра. — Ты прав, надо устроить обход дома и предупредить детей: они могут перепугаться, если свет загорится внезапно.

— И ты права, кара Сандра. Единственное, что я включил бы незамедлительно, так это электрозащиту ограды. — Так включай!

— Нет, Сандра, сделай это сама — ты здесь наследница и хозяйка. — Все мое — твое. Давай вместе!

Она взялась за рубильник, а Леонардо положил сверху свою руку. Но она помедлила.

— Батюшка! Давайте и вы с нами, поскольку теперь вы тоже хозяин этого дома!

Отец Иаков усмехнулся, но руку свою поверх Леонардовой все-таки положил.

— Ну, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь!

Они подняли рубильник. В подвале ничего не произошло, если не считать, что рядом с

надписью загорелся красный кружочек.

— Бабушкин дом оживает! — сказала Сандра.

— Как вы думаете, а не слишком много энергии будет уходить, если все время держать ограду под током? — спросил отец Иаков.

— Не волнуйтесь, батюшка! — сказал Леонардо. — На ограду сейчас энергии идет очень мало, почти столько же, сколько на молчащий дверной звонок. Я знаю эту систему, когда-то на вилле у моего хозяина была такая же. Только если кто-то коснется ограды или железной решетки ворот, напряжение резко повысится и... В общем, не хотел бы я быть на месте того злоумышленника.

— А нельзя сделать так, чтобы удар был не смертельным, а только оглушающим? — спросил отец Иаков.

— Для этого надо найти схему этой защиты и поразмыслить над ней.

— Придется поискать, мы ведь не хотим никого убивать, — сказал священник. — Может быть, она в этом шкафу?

Он подошел к стальному шкафу в стене и осторожно потянул на себя круглую черную ручку. Шкаф открылся, но за ним ничего не было — только еще одна стальная панель с крупной серебряной эмблемой: три молнии и надпись "ТЕСЛА".

— Ты знаешь, что это? — спросила мужа прерывающимся голосом Сандра. — Это дедушкин приемник космической энергии! Второй в мире!

— Неужели это он — накопитель энергии Тесла? — воскликнул отец Иаков. — Боже, как просто он выглядит!

— Но что там, за этим щитом, этого никто в мире не знает, — задумчиво проговорил Леонардо.

— Фантастика! Какие же надо было иметь деньги, чтобы заполучить такую установку в частное пользование, и какую мудрость, что бы утаить ее от Антихриста! — У дедушки было и то и другое.

— Это вы Месса называете Антихристом? — спросил их отец Иаков. — Да, — ответила Сандра.

— Слава Богу! Я тоже. Ланс — единственный в этом доме, кто еще верит, что Антихрист это Мессия. Но вы не волнуйтесь, Ланс никому не мешает иметь свое мнение.

— А я и не думаю волноваться, и уже успела мимоходом сказать Лансу что считаю главу мирового правительства Антихристом. — Он на это что-нибудь вам ответил?

— Нет, мы в это время совсем о другом говорили. — Удивительно терпимый человек!

— Не особенно, поскольку вскользь успел обозвать меня фанатичкой.

— О нет, вы не правы, он очень терпим! Я ведь всех наших детей окрестил, и Ланс ничуть не возражал.

— А почему он сам продолжает верить Лжемессии, как вы думаете?

— Да потому, что он очень честный человек. Он мечтает добраться вместе со всей нашей ребятней до острова Иерусалим, что бы Антихрист исцелил и поставил их на ноги. Он просто не сможет просить его об исцелении, если перестанет верить в него как в Мессию.

— Ах вот оно что! — сказала задумчиво Сандра. — Теперь многое стало понятно.

— Помоги ему Господь, — тихо сказал Леонардо.

— А что такое, в сущности, эта энергия Тесла? — спросил отец Иаков, похоже лишь для того, чтобы перевести разговор на другое.

— Могу рассказать, — ответил Леонардо. — Очень давно югославский ученый, кстати, сын православного священника, Никола Тесла открыл способ добывания энергии из космоса, и это означало полную технологическую революцию. Широкое применение его открытия сделало бы ненужными добычу нефти, угля и электроэнергии. Это привело бы к благоденствию всего человечества, экологическому самоочищению планеты сохранению природных богатств. Однако

энергетические компании всего мира объединились, защищая свою власть и доходы, и вскоре Николас Тесла, переехав в Соединенные Штаты, погиб при загадочных обстоятельствах. Но вдруг, сразу после Катастрофы, выяснилось, что тайна открытия Тесла находится в руках одного человека, который, видимо, тоже был причастен к смерти великого ученого.

— Это, конечно, был Антихрист? — спросил отец Иаков.

— Да, он. И Лжемессия стал править миром. Считается, что единственный энергоприемник Тесла находится в Иерусалиме, от него заряжаются все батарейки Тесла.

— Но вы же знаете, что батареек Тесла простым планетянам теперь больше не продают, — сказал батюшка. — Да и те, у кого они сохранились в достаточном количестве, мало что могут с ними сделать, поскольку вся электроника планеты в одну ночь приказала долго жить. Похоже, что именно из-за выхода из строя электроники батарейки больше не заряжаются в Иерусалиме.

— Электроника вышла из строя? — удивился Леонардо. — Как это могло случиться?

— Антихрист хотел начать войну с русскими и отправил ракеты на Россию. Русские взорвали все эти ракеты в космосе сразу после запуска, и в результате этого взрыва вся электроника Планеты погибла в несколько минут. Умерли компьютеры, встали заводы, фабрики, мобили, рухнули самолеты и потеряли управление суда в море. Армия Антихриста и его экологи передвигаются теперь на допотопных машинах, потребляющих бензин, но запасы его крайне ограничены, поскольку богатейшие нефтяные скважины мира затоплены при Катастрофе. Там, где сохранились лошади и ослы, люди ездят на них, да еще на велосипедах и самокатах. Знаете, что это такое? — Знаю, я ведь бывшая реалистка. — Так вот, у некоторых планетян, особенно в деревнях, сохранились велосипеды: они ездили на них на короткие расстояния, чтобы экономить батарейки Тесла. Наверняка у Антихриста имеется большой запас батареек, но надо думать, только у него да у членов Семьи.

— Отец Иаков! Идите наверх, обед уже подан! — донесся издали голос Марты.

— Придется отложить дальнейшие открытия, — сказал отец Иаков. — Наверху ждут не дождутся нормальной еды. Без меня они не начнут — я должен благословить трапезу, но и без вас за стол не сядут тем более! Пойдемте, друзья мои.

Они вышли, а вход в тайный подвал оставили открытым.

Глава 4

В холле они увидели Ланса. В руках вместо винтовки глава общины на этот раз держал медную сковороду и молоток. Увидев их, он объявил:

— Сейчас будем обедать. Правда, мы сегодня уже обедали, но раз появилась такая вкусная еда, то, как говорили хоббиты, лишний раз пообедать не вредно.

Ланселот несколько раз ударил по медной сковороде молотком. Раздался громкий и довольно мелодичный звон.

Со второго этажа послышались странные звуки: какой-то шорох, неровные шаги, ритмичные постуки и тихие голоса. На площадке появился доктор Вергеланн, а за ним процессия детей-инвалидов. Одни дети шли самостоятельно, опираясь на костыли, другие спускались по деревянному настилу в детских инвалидных колясках, а самых маленьких несли на руках леди Патриция, Дженни, Эйлин и стройная черноволосая девушка, которую супруги Бенси еще не видели. Замыкал процессию молодой человек в черных очках, судя по его движениям, слепой. Дети были все как один худенькие и болезненные на вид. Коляски медленно, одна за другой скатились по пологому пандусу.

— Это наши питомцы, — сказал Ланселот. — А это — Мария, она профессиональная медицинская сестра и вместе с доктором ухаживает за детьми. А вот и наш Хольгер музыкант, брат отца Иакова. Дети! Эти добрые люди Сандра и Леонардо приехали к нам в гости с подарками, а с какими подарками, это вы сейчас поймете сами. Садитесь за стол!

Детям на костылях помогли усесться на садовые скамейки, усадили на них и тех, кого принесли на руках. С другой стороны к столу подкатили и поставили в ряд инвалидные коляски. — Помолимся, — сказал отец Иаков. Кто мог, встал, и отец Иаков прочитал молитву, сначала обычную, которую читали и в Долине — "Очи всех на тя, Господи, уповают", а затем дополнил ее такими словами:

— Благодарим тебя, Господь, что ты в лице твоих посланников Леонардо и Сандры оказал нам помощь в трудные времена и явил Свое милосердие. Нам дорога Твоя помощь, но еще дороже сознание, что Ты не оставляешь в беде Своих детей. Благослови нашу трапезу и раздели ее с нами благодатным Твоим присутствием. — Аминь, — сказали все и перекрестились. Сандра заметила, что не перекрестился один только Ланс, но и он слушал молитву, уважительно наклоня голову. Когда все приступили к еде, Леонардо тихо шепнул жене:

— Не понимаю, как это Ланс может со вмещать уважение к вере в Христа и веру в Антихриста? Сложный человек!

— Ему трудно прийти к вере не потому, что он сложный, а потому, что он цельный, — тоже шепотом возразила ему Дженни. — Ты веруешь с детства и не знаешь, как это трудно — прийти к Богу.

Сандра и Леонардо украдкой наблюдали, как ели дети: они наслаждались каждым кусочком хлеба с сыром, каждым глотком молока, но при этом ели благоговейно и даже торжественно. Карл, уже успевший выспаться, тоже ел теперь аккуратно и степенно. Сандра заметила, что он успел почти дочиستا отмыть свои закопченные руки. Леди Патриция и Мария за стол не садились: они ходили вокруг низенького стола и приглядывали за детьми.

Когда закончили трапезу и отец Иаков прочитал благодарственную молитву, Ланселот объявил, что после обеда взрослым обитателям дома предстоит проверить все водопроводные краны, выключатели и электрические розетки. Он предупредил всех, что отныне ограда дома будет находиться под напряжением.

— Леди Патриция и Хольгер, вы могли бы увести пока детей на веранду и посидеть с ними там? Боюсь, что в доме сейчас начнется суета. — Конечно, Ланс, — сказал Хольгер.

— Ты поиграешь нам, Хольгер? — спросила девочка на костылях.

— Если вы будете петь, то я, конечно, буду играть. Пусть наши гости послушают, как вы замечательно поете. — Мы споем для них! — обрадовались дети. Леди Патриция стала что-то нашептывать детям, низко наклоняясь к каждому из них. Дети встали из-за стола и гуськом, на костылях и в колясках, отправились за ней на веранду, а проходя и проезжая мимо Сандры и Леонардо, они вежливо благодарили их за вкусный обед.

— Откуда у вас появились все эти дети? — спросил у Ланселота Леонардо.

— Мы нашли их на дороге в Пиренеях. Теперь это наши дети.

К нему подошла Марта с подносом, на котором стоял стакан молока и лежал бутерброд: — Ланс, отнести арестанту его долю?

— Да, конечно. Но лучше пусть к нему сходит доктор.

Доктор Вергеланн обратился к Сандре и Леонардо:

— Пока Ланс с другими проверяют краны и розетки, хотите взглянуть на нашего арестанта? — Хотим, — сказала Сандра.

— Захватите с собой вашу аптечку: вы можете мне сделать ему перевязку, он ранен. Вам также придется нести лампу. А вы, Леонардо, возьмите ружье Ланселота, потому что я понесу поднос с едой. Будьте оба предельно осторожны — наш узник весьма опасен и раздражителен.

Арестант содержался под замком в котельной. Войдя туда вслед за мужчинами, Сандра подняла лампу над головой. Узник лежал на раскладной койке. Сначала Леонардо и Сандре показалось, что он свободен, но когда он приподнялся на локте, они увидели, что одна его рука прикована наручником к трубе.

— Добрый день, Драган. Я принес вам еду, — сказал доктор. — А после еды, если вы позволите, я сделаю вам перевязку. — Не позволяю. Я уже перевязанный.

— У нас теперь есть медикаменты, и я смогу как следует обработать вашу рану.

— Без примочек. Это есть моя рана. А где еда? Я мыслю, опять суп из травы с грибами...

— Нет. Сегодня вас ждет нечто посущественней. Молоко и сыр с хлебом!

— Вот как? — пленник оглядел Сандру и усмехнулся. — А это, я мыслю, есть мой десерт? Такое румяное яблочко! "Зря это он, ох зря..." — подумала Сандра.

Леонардо внезапно что-то заинтересовало в устройстве оптического прицела винтовки, при этом он как бы случайно направил дуло прямо в грудь весельчака.

— Но-но! Кончай в меня целиться, ты, который есть придурок!

Леонардо поднял голову и рассеянно поглядел на встревоженного бандита, не опуская ствола и тихонько двигая затвором.

— Это вы мне? Напрасно беспокоитесь: я никогда заранее не целюсь, я стреляю на вскидку. Вы еще что-то хотели добавить по адресу моей жены?

— Нема проблема! Я больше ничего про нее не говорю и совсем не гляжу на нее, — ухмыльнулся арестант.

— Вот и хорошо. Значит, мы друг друга поняли, — сказал Леонардо, опуская винтовку. Арестант потянулся к подносу.

— Хлеб и сыр! Я давно мыслил, что в доме припрятано что-то, кроме травы и грибов.

— Вы прекрасно знаете, Драган, что большинство людей сейчас могут только мечтать о супе из чистой травы и свежих грибов.

— И без соли! — фыркнул арестант, жуя бутерброд. — Где вы прятали эти вредности?

— Вредности? Что вы, Драган, это свежайшие хлеб и сыр! Ах да, по вашему "вредности" значит "ценности".

— Я так и говорю. М-м, как вкусно! Дайте-ка еще кусок хлеба, можно без сыра.

— Нет. Все в доме получили на обед по стакану молока и куску хлеба с сыром, и никто не просил добавки.

— Я есть больной, а больные имеют право на хорошую еду.

— Больны в этом доме только дети. А вы не больны, друг мой, Драган, вы ранены, и мы с вами оба хорошо знаем, при каких обстоятельствах.

— Сегодня есть плохой день, сегодня никто не понимает шуток.

— Доктор, я думаю, вам будет удобнее осматривать пациента при электрическом свете, — сказал Леонардо. — Светильник здесь есть, и я надеюсь, лампочка в нем цела.

— Здесь будет свет? — удивился узник. — Это что, светопреставление уже кончилось? А вы двое кто? Экологисты? Вы что, приехали арестовывать меня?

— Нет, это не арест и мы не экологисты. Мы приехали к живущим в этом доме детям, — сказала Сандра.

— И привезли эту еду? Как же они не пристрелили вас еще в воротах? Они тут все такие недоверчивые, а больше всех их главарь-инвалид.

— Который при вашей встрече успел выстрелить первым, — заметил Леонардо. — Чем-то, значит, вы ему еще в воротах не понравились.

— Нет, первым стрелять наш Ланс не стал бы ни в коем случае. Первым выстрелил Драган и промахнулся. И вот только тогда Ланс выстрелил в ответ.

— А что это за имя — Драган? Вы откуда, из какой части Европы, Драган? — спросила Дженни. — Мы — не земляки, мы извечные враги.

— Прямо уж таки извечные! С чего бы это вдруг такая основательная вражда в наши переменчивые времена? — спросил с легкой усмешкой Леонардо. — С того, что я есть серб! — Ну и что?

— Истории Европы двадцатого века вы, конечно, не знаете. Откуда вам знать, как ваши отцы бомбили косовские святыни! Но вы хотя бы знаете, почему Антихрист напал на Россию и получил по мозгам — потерял всю свою электронику? — Догадываемся. — Вы догадываетесь, а я знаю точно. Он хотел воевать Россию, но целился он в православие. Но вам это понять не дано. Уходите, я уже поел!

Драган отвернулся к стене, свободной рукой натянув на голову грязное одеяло, и сделал вид, что спит.

— Теперь с ними бесполезно разговаривать, уж я его знаю, — тихо сказал доктор. — Пойдемте отсюда. Мы сделаем ему перевязку позже, когда будет свет.

Они покинули узника, оставив аптечку в подвале, и поднялись наверх. По дороге Леонардо сказал доктору:

— А ваш арестант, между прочим, тоже назвал Лжемессию Антихристом. — В самом деле? А я не обратил внимания.

В доме шла веселая и деловая суета: обитатели перекрикивались, сообщая друг другу о состоянии светильников и водопроводных кранов в разных помещениях дома. Где-то стучали, где-то двигали мебель, и весь этот бодрый шум шел на фоне детского хорового пения, доносившегося с веранды.

— Всем хорош электрический свет, — сказала Дженни, стоя на лестнице-стремянке и проверяя очередную лампу, — но есть у него один недостаток: его издали видно. А маскировка на окнах, о которой вы говорите, включается в подвале?

Сандра изо всей силы хлопнула себя по лбу.

— Комар? — участливо спросила Дженни. — Это к нам сюда с озера комары налетают.

— Хуже, Дженни: это не комар, а моя собственная глупость. Я забыла спросить Бабушку, как можно закрывать ставни прямо из комнат, не спускаясь каждый раз в подвал. Марта, державшая стремянку, заметила:

— В Германии в прежние времена почти у всех на окнах были ставни. Мы их закрывали всегда изнутри. Подойдешь к окну и закроешь.

— Понятно, — кивнул Леонардо, — какая-то механика должна быть спрятана в самих окнах. Давайте все искать!

Все дружно принялись исследовать окна в поисках кнопки или рычага, управляющих ставнями. Ничего не нашли.

Тогда Леонардо повернулся к жене и сказал:

— Сандра, ты бы сбегала вниз. Ты опусти и подними ставни с помощью рубильника, а мы все будем в это время внимательно глядеть на окна: может, эта таинственная механика сама себя обнаружит.

Сандра послушно спустилась к распределительному щиту и несколько раз подняла и опустила рубильник. Уже поднимаясь по лестнице, она услышала веселые возбужденные голоса и поняла, что секрет окон разгадан. Так и оказалось. — Ну, вы нашли? — Конечно! Это Карл нашел!

— Ну-ка, Карл, — обратился к мальчику Ланселот, — расскажи Сандре, как ты заметил секретный механизм.

— Все смотрели на щиты, как они поднимаются и опускаются, а на подоконники никто не глядел. А вот я — смотрел! И я увидел, что они двигаются! Теперь я знаю секрет: чтобы опустить щит, надо потянуть подоконник на себя, а чтобы поднять — задвинуть его внутрь окна.

— Ну-ка, Карл, попробуй! — сказал Леонардо.

Карл подошел к окну и ухватился обеими руками за подоконник. Потом смущенно оглянулся и сказал: — Я чего-то боюсь...

— Давай, Карл, двигай во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — проговорил отец Иаков, крестя Карла и окно. — Аминь!

Все замерли. Карл надавил на край подоконника, и тот начал под его руками медленно уходить в глубину окна, а стальной щит между рамами так же медленно подниматься. Щелчок — и щита как не бывало. Нижний край щита оказался белым и совсем не был заметен вверху между рамами.

Все захлопали в ладоши, радостно переговариваясь.

— Ну вот, и эта проблема решена, — сказал доктор. — Молодец, Карл!

— Между прочим, — сказал Леонардо, стоявший у другого окна, — когда подоконник выдвинут, а ставень опущен, щель, откуда выдвинулся подоконник, начинает работать как вентилятор: попробуйте!

— А не будет дуть зимой? — с тревогой произнесла Марта, поводя рукой возле подоконника.

— Уверен, что эти щели связаны с отоплением дома, — сказал Леонардо. — Наверняка они не только очищают воздух, но и согревают его.

— Это мой дедушка придумал! — не удержалась Сандра. — А кто был ваш дедушка? — Его звали Илиас Саккос.

— Кассандра! — закричал Ланселот, двигая к ней коляску.

— Сандра, это ты! — завопила Дженни и кинулась, опережая Ланселота, к Сандре.

— Ну конечно, я — это я. Разве мы с Леонардо вам не представились? — удивилась Сандра, отступая на шаг. Но Дженни ее настигла и схватила за руки, продолжая твердить:

— Сандра! Ты — Сандра! Можно я тебя обниму, дорогая?

— Можно, если тебе хочется. Я не признаю правила "двух вытянутых рук". Но с чего вдруг такой восторг, Дженни?

Тут к ним подъехал Ланселот и подергал Дженни за подол платья.

— Друг король, потеснись! Дай и мне обнять нашу Сандру, дорогую нашу пропажу! И они обняли ее с двух сторон.

— Да скажи же ты ей, Ланс! — всхлипнула Дженни.

— Ты — Кассандра Саккос, — громко и торжественно произнес Ланселот, указывая на Сандру пальцем.

— Ну да, я Кассандра Саккос. Точнее, теперь я Кассандра Бенси, поскольку нахожусь замужем вон за тем человеком, — сказала Сандра, указывая на Леонардо. — Но почему это вызывает у вас двоих такой восторг?

— Ты Кассандра Саккос, а я — сэр Ланселот Озерный, а Дженни не кто иной, как сам король Артур, властелин Камелота, создатель Реальности "Старый замок" — вот почему!

Сандра ахнула и кинулась в свою очередь с не меньшим восторгом обнимать ее и Ланселота. Все трое при этом пустились хохотать и выкрикивать нечто совершенно несуразное:

— Бешеный медведь! Пленительница драконов! Воспитанник фей! Прочие стояли поодаль, ничего не понимая. Наконец тройца кое-как успокоилась.

— Господи, как же давно все это было, — сказала Сандра. — Я в последнее время почти никогда не вспоминала Камелот, Реальность и наши романтические забавы. Но знаете, я ужасно рада, что хотя бы двое из прежних друзей оказались настоящими людьми в реальности, то есть я хочу сказать, в жизни! Ну да — в реальности! Совсем я запуталась... Ты догадываешься, Леонардо, кто такие Дженни и Ланс?

— Конечно. Нам так и не удалось посетить с тобой Старый замок, и я рад, что все-таки встретился с мудрым королем Артуром и доблестным сэром Ланселотом Озерным. Да еще при таких обстоятельствах! Так, значит, вашим королем на самом деле была вот эта милая рыжая девушка?

— Златовласая, — поправила его Дженни, — в Логрисе все рыжие девушки исключительно златовласы.

— Сандра, мы с Артуром должны просить у тебя прощенья, — вдруг серьезно сказал Ланселот. — Это еще за что? — удивилась Сандра.

— Ты разве забыла? Когда-то ты попросила у нас денег на дорогу к твоей больной бабушке, а мы тебе отказали. Так вот, Сандра, знай: и я, и король Артур тогда были почти так же бедны, как сейчас, у нас едва хватало денег на оплату Реальности. Но мы были еще и суетными, и потому постеснялись тебе в этом признаться.

— Ах, перестаньте, друзья! Мы же вообще ничего тогда друг о друге не знали, между нами стояла Реальность со всеми ее правилами и предрассудками!

— Это правда, — сказала Дженни, обнимая Ланселота за плечи. — Если бы Ланселот не сбежал из Реальности, а я не бросилась за ним вдогонку, мы бы не нашли друг друга. Какими мы были

тогда дураками, просто удивительно! Сочиняли про себя легенды вместо того, что бы просто познакомиться и рассказать о себе правду. Как могли бы мы дружить еще в те годы! Вот ты, например, Сандра, даже и не знаешь, что отец Ланселота погиб вместе с твоим дедом на Афоне: он служил тогда на норвежском спасательном судне. — Они были знакомы?

— Возможно. Но теперь мы этого уже не узнаем.

— А как нелегко мне было убедить короля Артура хотя бы перейти к общению через персоник! — сказал Ланселот.

— Да уж... Скажи, Сандра, а почему твой дедушка превратил свой дом в неприступную крепость? Он что, предвидел сегодняшние события?

— Он вообще был прозорлив. Когда началось объединение западного мира под видом борьбы с международным терроризмом, он понял, что вместо глобального объединения получится раскол человечества и дело кончится третьей мировой войной. А этот дом он построил в самом начале Катастрофы, чтобы наша семья смогла пережить грядущие тяжелые времена.

— Сандра, а в доме есть еще какие-нибудь полезные секреты? — спросил Карл. Глаза его так и горели любопытством.

— Если хочешь, мы можем спуститься в подвал и проверить: там еще остались две двери, которые мы пока не открывали. Если, конечно, сэр Ланселот нам разрешит. — Ты здесь хозяйка, Сандра.

— Ах, нет! Я ваша гостья, и мы с Леонардо должны будем завтра же ехать обратно. — Разве вы не останетесь жить здесь с нами?

— Об этом не может быть речи, Ланс, ведь у нас дома остались Бабушка и наша дочь София.

— Как жаль... А у них есть еда? Может быть, то, что вы нам отдали, предназначалось для них?

— О, не беспокойся! Наша Бабушка и ее правнучка абсолютно ни в чем не нуждаются.

— Неужели есть еще такие места на земле? — вздохнула Марта. — А ведь я, Сандра, помню вашу бабушку. Я вместе с другими женщинами из деревни приходила помогать ей в саду и в огороде. Госпожа Елизавета разрешала нам собирать хворост, грибы ягоды в ее лесу. А потом она вдруг исчезла, в доме поселились какие-то высокомерные люди, члены Семьи должно быть. У ворот при въезде на мост всегда стояли охранники и никого не пропускали ни в усадьбу, ни в лес. После нашествия саранчи и молниеносной победы русских в космосе они внезапно куда-то исчезли. Я опять начала ходить в лес и однажды увидела, что дом снова ожил. Это появился Ланселот со своими друзьями и ребятами. Я принесла им немного овощей, хотела поменять на соль, но оказалось, что у них для обмена ничего нет. Новые соседи мне понравились, и я стала сюда приходить.

— И каждый раз приносить что-нибудь для наших детей, — вставил доктор.

— Пока было что носить. Вы тоже корми ли меня, когда у вас была еда. Ладно, пойду-ка я на кухню и проверю, как работает электрическая плита. Какой я сегодня приготовлю ужин!

— Не увлекайтесь, Марта! — предостерег доктор. — Очень опасно сразу перекармливать детей белковой пищей. Вам не нужна помощь? Я мог бы, например, чистить овощи.

— Обойдемся женскими руками, — заявила Марта. — От мужчин на кухне больше беспорядка, чем пользы. А хорошая здоровая пища повредить никакому ребенку не может, — и с этими словами Марта удалилась на кухню.

— Вот так! — развел руками доктор. — С Мартой я не спорю даже по медицинским вопросам. Пойду-ка я к нашему арестанту и расскажу ему новости: мы тут радуемся, а он там лежит, бедняга, совсем один.

— Мне тоже хотелось бы взглянуть на хитрые тайники Илиаса Саккоса. — сказал Ланселот. — Ты, Кассандра, говорила, что в доме есть лифт. Может быть, теперь он уже работает, и я тоже могу спуститься в подвал? И кстати, а где же этот лифт? Мы ничего подобного в доме не обнаружили.

— Лифт в кухне. Он служил только для подъема продуктов из подвала. Лифт совсем простенький, фактически это большой шкаф на тросах. Но твоя коляска в нем поместится. Поехали в кухню, Ланселот!

Оказалось, что Марта уже успела приспособить кабину лифта под дровяной чулан и забила ее обломками досок, хворостом, собранным в саду и плашками паркета. Пришлось сначала разгружать лифт, перекладывая дрова в угол кухни. Марта предложила их и вовсе сразу вынести в дровяной сарай: теперь дрова на кухне ей не нужны.

— Паркет сложите отдельно, — распорядился Ланселот. — Будем чинить испорченные полы.

Когда лифт освободили от дров, коляска Ланселота свободно поместилась в нем, и его вместе с Дженни спустили в подвал. Сандра, Леонардо, Карл и доктор Вергеланн спустились вниз по лестнице. По дороге доктор оставил их и свернул в котельную — навестить арестанта.

Пароль у широких двойных дверей оказался еще сложнее, чем первый. Сначала появился тот же самый вопрос, что и в первый раз: "Назовите громко и четко имя строителя дома". — Илиас, — сказала Сандра.

— "Ответ правильный. Назовите имя его внучки". — Кассандра.

— "Ответ правильный. Как он сам звал свою внучку?". — Сандра... — "Ответ неправильный". — А! Сандрильона! — "Ответ неправильный". Сандра растерялась. Выручил Леонардо:

— Ты сказала: "А! Сандрильона". Повтори снова, но без этого "А". Тогда Сандра четко и ясно произнесла: — Сандрильона! — "Ответ правильный. Входите". Щелчок. Двери разошлись посередине и ушли в стены. Впереди зажегся свет, и они увидели настоящий древний супермаркет. Перед ними было помещение с низким потолком, опирающимся на массивные бетонные колонны, заставленное металлическими стеллажами, на которых лежали и стояли штабеля консервных банок, всевозможные коробки, пакеты, бутылки...

— Вот это да! Ничего себе запасы! — задохнулся от восторга Карл. — Твой дед, Сандра, был миллионером? — Миллиардером, — уточнила Сандра. — Тогда понятно... И это все — еда?

— Сама не знаю, Карлуша. А чего мы стоим? Давайте войдем и поглядим.

Они пошли вдоль стеллажей "супермаркета", поражаясь и восхищаясь: даже на первый взгляд было очевидно, что дедушка Сандры готовил запасы на долгие годы.

— Ну что будем делать, дорогие? — спросила Сандра, когда они закончили обход и вернулись к

выходу.

— Ничего, — сказал Ланселот. — Мы ничего сейчас не будем здесь трогать и закроем дверь. А потом, Сандра, ты скажешь нам все пароли, мы их запишем и будем сюда входить только по необходимости. Наши женщины решат, что нужно взять отсюда для детей, что для кухни и что для дома. Вы спасли нас, Сандра и Леонардо! Пойдемте обрадуем остальных.

— Погоди, Ланселот! Вон там я вижу плитки шоколада. Карл, ты ел когда-нибудь шоколад? — Только в Реальности, да и то очень давно. — Ну так возьми себе плитку. — Нет, я не могу. — Почему?

— Вы чего, не понимаете, что ли? Тут, может, на тыщу человек еды хватит. Тут всего так много, что можно жить и жить. Если честно жить. А если каждый начнет отсюда тащить еду для себя одного, то из этого непременно выйдет какая-нибудь пакость. Я такое начинать не хочу! — он сглотнул слюну и решительно отвернулся от соблазна.

— Молодец, парень! — сказал Ланселот с искренним одобрением. — У меня в твои годы не было ни такой воли, ни таких крепких моральных устоев.

— Годы были не те, — назидательно сказал Карл. — Мой брат Филипп говорил, что в тяжелые времена негодяи живут лучше порядочных людей, но во времена **ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛЫЕ** порядочные люди выживают легче негодяев.

— Теперь понятно, в кого ты такой, — сказал Ланселот. Карл потупился и отвернулся, хотя слова Ланселота ему понравились.

Закрыв за собой дверь "супермаркета", все двинулись к третьей двери. Нажав кнопку, Сандра принялась разгадывать третий пароль. Сначала был тот же вопрос об имени, а потом — вопрос совсем уж неожиданный:

"Кто небесный покровитель строителя дома?" — Пророк Илья.

"Ответ правильный. Назовите имя небесной покровительницы его жены". — Святая Елизавета.

"Назовите имя сына ее небесной покровительницы". — Иоанн Креститель. "Ответ правильный. Входите".

— Подумать только, Сандра, какой мудрый у тебя был дедушка! — восхитился Ланселот. — Он выбрал такие коды, что даже тот, кто мог бы узнать историю семьи и все ваши имена, все равно не сумел бы ответить правильно не будучи христианином! Я бы ни за что не сумел. — Да, дедушка у меня был мудрый. Дверь перед ними открылась, и они вошли в большую комнату с низкими сводами,

опирающимися на стоявшие посередине и вдоль стен массивные кирпичные колонны. Возле двери на стене были укреплены три огромных кронштейна, и на них висели три колокола разной величины. Сандра легонько тронула веревку — и колокол тотчас тихо отозвался. Торцевая стена впереди сияла темным золотом и иконами.

"Иконостас. Это настоящая катакомбная церковь", — подумала Сандра.

Между колоннами стояли книжные шкафы со стеклянными дверцами. "Так вот где было главное Бабушкино книгохранилище!" — догадалась Сандра, проходя вдоль шкафов и оглядывая стоящие за стеклом сотни и сотни книг.

Примерно на середине комнаты кончились ряды шкафов, уставленных книгами, и дальше на стенах плотными рядами висели уже только иконы, а под стенами стояли узкие деревянные сундуки-лавки. Перед иконостасом была неширокая солея со ступеньками.

— Вот такие катакомбные церкви, наверное, были и у нас в древнем Риме, — задумчиво сказал Леонардо.

Ланселот и Карл оглядывались вокруг с почтительным изумлением.

— Это Свято-Елизаветинская церковь, — сказала Сандра. — Как это мы не догадались позвать с нами отца Иакова? Карл, беги скорее наверх, приведи сюда батюшку. Карл кивнул и побежал за священником.

— Леонардо, а когда тут жили Матушка с сестрами, они сюда спускались на службы?

— Нет, я здесь никогда не был. А иконостас этот стоял тогда в гостиной, там и была церковь.

— Какие изумительные иконы, Леонардо! Ох, некоторым, наверное, по тысяче лет!

— Еще бы твой дед новодельные иконы покупал!

Пришел отец Иаков в сопровождении Карла. Он взошел на солею, сделал три земных поклона, постоял перед царскими воротами, помолился, приложился к иконам, а потом вошел боковыми воротами в алтарь. Его не было очень долго. Наконец он вышел, и глаза у него были заплаканные.

— Дорогие мои, у нас теперь будет настоящий храм! — только и смог он вымолвить, и потом не говорил уже больше ни слова, переходя от одной иконы к другой, молясь, кладя поклоны и прикладываясь к ним.

— Батюшка! А тут еще сундуки, взгляните-ка! — позвала отца Иакова Сандра. Он отрешенно поглядел на нее и, судя по всему, не понимая, чего она от него хочет. А Сандра продолжала:

— И на каждом сундуке карточка с надписью: тут вот написано "Облачения церковные".

— Смотрите! Я нашел еще продукты! — вдруг воскликнул Карл. — В этом сундуке рис!

— Ну-ка? — любопытно спросил Ланселот, подъезжая к нему. — Тут написано "Ризы", а не рис, Карл. Знаете что, мои дорогие? А давайте-ка оставим хозяина церкви одного, ему сейчас не до нас. Отец Иаков, когда будешь уходить, дверь просто захлопни. По том Сандра покажет, как входить сюда и научит говорить пароль.

Все еще бессловесный отец Иаков кивнул и пошел за ними к дверям.

Они поднялись наверх и рассказали всем о своих открытиях. Обитатели дома были потрясены рассказом о подземном "супермаркете" и о катакомбной церкви. Все захотели сейчас же пойти в настоящий храм и помолиться. С трудом Сандра убедила их не мешать пока отцу Иакову и подождать, пока он сам созовет всех на службу колокольным звоном.

— Тогда давайте все пойдем в супермаркет! — предложила Эйлин.

— О нет, дорогие мои, — сказал доктор, — от этой экскурсии нам сейчас придется отказаться. У нас у всех, кроме наших гостей, разумеется, есть одно весьма неотложное дело: мы должны и сами вымыться как следует, и всех наших детишек перемыть. Это надо сделать срочно, дорогие

мои! Мы с Мартой проверили, как работает водопровод, и могу вас обрадовать — обе ваннные комнаты в полном порядке. Вода уже греется. Сначала мы выкупаем детей, а потом, если еще останутся силы, помоемся сами. Жаль, что у нас нет ни мыла, ни полотенец, но уж как-нибудь обойдемся...

— Не надо "как-нибудь", доктор! — сказал Карл. — Надо просто сходить в "супермаркет" и взять то и другое.

— Полотенца и мыло — это замечательно, — сказала Сандра. — Но не будете же вы детей одевать после ванны в ту же самую одежду? Ее вообще надо собрать и вынести из дома.

— Вы хотите сказать, что в одежде наших детей могут быть паразиты? — нахмурил белые брови доктор Вергеланн.

— Да что вы, доктор! — смутилась Сандра. Одежда ваших детей в идеальном порядке, и это, честное слово, просто поразительно. Но она такая ветхая, одни штопки-заплатки! Внизу есть детские пижамы и ночные рубашки и наверняка найдутся купальные халаты и полотенца. Я могу сходить туда, но надо, чтобы пошел кто-нибудь из вас: я ведь не знаю сколько чего потребуется. А дневную одежду можно будет выбрать завтра.

Там очень много хорошей одежды, доктор, хватит на всех детей и надолго.

— Это чудесно! — обрадовался доктор. — А подобрать одежду для детей мы попросим леди Патрицию, она лучше всех нас сообразит, сколько и чего нужно.

— Сандра, а мне тоже можно попросить что-нибудь из одежды? — шепотом спросил Карл. — Ты видишь, что на мне... — Ну конечно, Карлуша!

Пришла леди Патриция, и Сандра повела ее в "супермаркет". Там они нашли две тележки и обе их с верхом нагрузили постельным бельем, полотенцами, халатами, ночными рубашками и пижамами, а еще всем необходимым для предстоящей грандиозной бани. Не забыли прихватить расчески, ножницы и бритвенные принадлежности для мужчин — вдруг кому-то из них надоело носить бороду? Для Карла Сандра взяла белье, спортивный костюм, домашние тапочки и обувь для улицы, а еще свитер и непромокаемую куртку. Увидев свою новую экипировку, он сказал:

— Вот бы мой брат Филипп обрадовался, если бы увидел все это! Знаешь, Сандра, он сам стирал и зашивал мою одежду и все время, — ну просто каждый день! — заставлял меня мыться. Это уж потом, без него я так опустил.

Сандра погладила Карла по плечу. Мелькнула мысль: а что стало бы с мальчиком, если бы они с Леонардо поехали не по той дороге? А что стало бы с бедными детьми-инвалидами, если бы не по той дороге поехал Ланселот Озерный с друзьями? Но когда она вспомнила, что почти все человечество "поехало не по той дороге", она решительно отмахнулась от размышлений и отправилась в детские спальни перестилать постели.

Несколько часов спустя все дети и взрослые, отмытые и приодетые, собрались в холле, превращенном в большую парикмахерскую: взрослые стригли детей и друг друга. Те, кого уже привели в порядок, блаженствовали у топящегося камина в гостиной.

— Надо бы как-то помыть и нашего арестанта, но, кажется, сегодня у меня уже на это нет сил, — сказал доктор Вергеланн.

— Хотите, мы с женой это сделаем? — предложил Леонардо. — Похоже, что с нами он артачиться не станет.

— Я буду вам очень благодарен, но после мытья ему совершенно необходимо сделать перевязку.

— Доктор, я учусь на медицинских курсах. Мы с Леонардо его хоть немного обмоем, а когда дойдет очередь до перевязки, я поднимусь за вами. Вы осмотрите и обработаете рану, а я потом сама наложу повязку. Идет?

— Ну, конечно! И еще я вот о чем подумал: а нет ли в этой усадьбе помещения, куда можно было бы перевести нашего узника? Нужна комната, которая запиралась бы снаружи. Я уже заметил, что в дверях дома нет замков.

— Нам не нужны были замки. В доме жили свои, а в комнатах для гостей были только легкие защелки на дверях.

— Они остались. Но для Драгана это не годится, он слишком силен.

— А может, запереть его в старом бабушкином курятнике? Он снаружи закрывался на засов. У него крепкие стены, а окна расположены высоко под потолком — от лис.

— Курятник занят: в нем живет ослик Патти нашей Дженни. — Ослик?

— Самый настоящий серый ослик. Он у нее вроде собаки. — А чем же она его кормит?

— С этим нет никаких проблем. Мы его выпускаем на волю, правда под охраной Ланса с оружием, и он сам находит себе еду — молодые побеги дьяволоха.

— Да, я уже заметила, что остров начал зарастать дьяволохом. Бабушка вела с ним упорную борьбу, специально каждую весну нанимала людей из деревни.

— Передайте ей, что теперь это с большим успехом делает ослик Патти, причем совершенно бесплатно. Его стараниями молодые побеги дьяволоха по всему острову истребляются под корень. Сандра задумалась.

— А может быть, вы совсем освободите Драгана, доктор, и отпустите его? Зачем вам лишние проблемы? — Это пусть решает Ланс.

Сандра и Леонардо спустились в подвал. Перед этим они заглянули в "супермаркет" и подобрали там рубашку, белье, носки и спортивные брюки самого большого размера — как они уже заметили, Драган был богатырского сложения. Сандра несла одежду, мыло и несколько полотенец, а Леонардо — чайник с горячей водой и таз. Они отперли замок на двери котельной, вошли и включили свет. В котельной было жарко и пахло нагретой пылью, трубы с гуденьем гнали наверх горячую воду.

— Что такое в этом доме? Пожар? — спросил Драган, приподнимаясь на постели.

— Это включили отопление и нагреватель для воды, — объяснила Сандра.

— Я уже решил, что начался пожар и мне надлежит бесславно сгореть под замком. — Вы что, в самом деле думаете, что если бы случился пожар, вас бы отсюда не вывели? — спросил Леонардо.

— Здешний владыка Ланселот попал со мной в переплет: выпустить разбойника на волю боится, а убить безоружного пленника совесть не велит. У Ланселота вашего имеется совесть в некотором количестве. Вот пожар бы его и выручил... А вы с чем пожаловали?

— Хотим устроить для вас сауну: уж очень здесь подходящая температура, — сказал Леонардо. — Не возражаете, если мы вас слегка помоем? А то дух от вас больно... разбойничий.

— Нема проблема. Мойте, если вам хочется, — пожал плечами Драган.

— Леонардо, помоги мне снять с Драгана рубашку.

— Мадам не есть брезглива? У меня эти... вошки.

— Я очень брезглива. Поэтому и хочу эту рубашку с вас поскорее содрать. Помогите же мне, Леонардо!

Леонардо поставил на пол чайник с водой и таз, вынул из кармана нож и раскрыл его.

— Ага, без ножа боитесь ко мне подойти! Ваша жена смелее вас.

Леонардо, не отвечая ему, подошел и начал разрезать рукав на прикованной руке Драгана.

— Ты что делаешь? У меня нет другой рубахи! 447

— Не беспокойтесь, мы захватили для вас чистую одежду. — Откуда вы ее взяли? — Места знать надо.

— Странные вещи стали иметь место в этом доме...

Когда Леонардо расстегнул пуговицы рубахи и раскрыл грудь арестанта, Сандра увидела на нем цепочку с крестом. Цепочка была серебряная, потемневшая от грязи, а крестик — золотой и явно православный.

— Драган, так вы с крестом на шее пришли сюда грабить детей-калек?

— Не ваше дело! Вы хотели снять с меня последнюю рубаху, вот и снимайте, а крест мой не трогайте ни руками, ни словом. Я — православный!

— Здесь, в этом доме, насколько я знаю, все православные. — Ланселот — православный? — Все, кроме Ланселота.

— Ну вот вы сразу и попались. Я знал, что это не есть правда.

Сандра вытянула из-за ворота свитера цепочку с крестиком.

— Взгляните, Драган! Меня крестили в Греции, а бабушка у меня русская и воспитывала меня по-русски. — И вы по-русски говорить можете? — Могу.

— Скажите что-нибудь. Сандра рассмеялась и сказала по-русски:

— Драган, вы большой разбойник и немного дурак.

— Не так. Я есть маленький разбойник и очень большой дурак. Как давно я не слышал славянской речи! А ваш муж тоже православный? — Тоже. — А ну, брат, покажи свой крест!

Леонардо послушно исполнил его просьбу. Вид у Драгана был ошеломленный и, кажется, немного счастливый.

— И все в этом доме есть христиане? И доктор? — И доктор, и все остальные, и дети.

— Почему же этот глупый доктор мне ничего не сказал?

— Ему не пришло в голову, что грабитель может оказаться христианином.

— Верно... Ну так простите меня за грубость мою!

— Бог простит, Драган. И давайте все-таки вашу рубашку вместе со вшами, пока они не расползлись по всему дому.

— Какой я обрадованный, сестра, брат! Берите с меня рубашку, берите что хотите!

— Вот спасибо-то! — засмеялся Леонардо, стаскивая с Драгана остатки его ужасной рубахи.

Грудь Драгана была перевязана потемневшей от крови и грязи широкой повязкой. Когда Леонардо разрезал ее и осторожно снял, они увидели на боку длинный струп, в котором копошились вши, а вокруг розовую заживающую кожу.

Сандра позвала доктора. Он сказал, что рана в прекрасном состоянии и достаточно будет смахнуть вшей и наложить повязку с антисептической мазью.

— Доктор, а вы знаете, что Драган христианин? — Неужели правда, Драган?

— Сие есть истинная и полная правда, — торжественно сказал узник и размашисто перекрестился. — Почему же вы не сказали?

— Вы, помнится, тоже не сказали мне: "Заходи в дом и будь нам братом, странник". — Да, это верно. Но почему же вы...

— Да не видел, не видел я ваших детей! И что Ланселот в коляске инвалидной сидит, мне тоже не было видно — он же через окно со мной разговаривал! А потом вы меня сюда отволокли и приковали к трубе. После этого я с вами объясняться стану? Я есть гордый человек. Ну, пленник и пленник — надо терпеть.

Драган поглядывал на доктора с улыбкой, а доктор был очень смущен. Закончив обработку раны, он облегченно выпрямился и спросил. — Сандра, вы дальше справитесь без меня? — Конечно.

— Тогда я пойду наверх к детям. Я должен проверить, как они перенесли ванну. Заодно сообщу новость Ланселоту и батюшке.

Сандра обмыла сначала весь бок Драгана горячей водой, а уже потом наложила повязку с антисептической мазью. После они вместе с Леонардо старательно, насколько это было возможно, обтерли тело Драгана губкой, вытерли полотенцем и помогли ему надеть чистую одежду. Свернув в узел тряпки и мокрую вату, Сандра держала их, отставив руку в сторону, оберегаясь от вшей и зловония.

— Бросьте все это в ведро, которое стоит у меня под кроватью. Леди Патриция придет убираться и вынесет. — Леди Патриция ухаживает за вами?

— Да. Она имеет комплекс вины перед человечеством. Передо мной особо.

— А вам за что персональная честь? — Сандра взяла оставшуюся вату и стала ею подтирать пол вокруг раскладушки Драгана.

— Я - серб, а ее отец когда-то бомбил Сербию. За мужа она молится и кается, потому как он выпустил первые ракеты на Россию. А еще она несет вину за своего брата: это он проектировал непотопляемые "Титаники", которые все очень благополучно потопли и лежат теперь на дне.

Слушая его, Сандра продолжала наводить порядок; окровавленные тряпки и грязную одежду она бросила в ведро, стоявшее под кроватью Драгана, и поскорее накрыла его крышкой. Услышав последние слова, она выпрямилась. — "Титаники" — потонули?!

— А вы что, не знали? Как только произошел взрыв антихристовых ракет в космосе, все хваленые "Титаники" пошли на дно так же скоро, как их знаменитый предшественник. Леди Патриция и Эйлин спаслись в шлюпке. Их долго носило по Бискайскому заливу, пока Ланселот не подобрал их. Не удивительно, что у леди немножко беспорядок в голове. Но она есть очень вредная женщина, — добавил он по-русски.

— Да чем же она вредная? — так же по-русски спросила Сандра.

— Душой и сердцем. Прекрасная женщина.

Сандра закончила уборку и снова перешла на планетный:

— Вот и все, Драган. Еще бы остричь вас не мешало. — А это еще зачем? — Вши.

— Они мне не мешают, пусть остаются для компании. Пока. Я, знаете, есть очень усталый. Спаси вас Господь, сестра и брат. Ух, хорошо! Все тело дышит. Если бы еще тут было чем дышать...

Сандра и Леонардо вышли из котельной и снова заперли дверь на всякий замок.

— Тяжело, должно быть, лежать без движения в такой жаре и духоте, — вздохнув, сказала Сандра.

— Я тоже думаю, что котельная не лучшее место для больного человека, — согласился Леонардо. — Но нам с тобой легко проявлять великодушие, ведь мы гости, а Ланселоту и доктору надо заботиться о безопасности для всех. Давай не будем вмешиваться, тем более что теперь доктор знает, кто такой Драган. Все как-нибудь образуется. — Дай Бог!

К вечеру все взрослые и дети собрались в столовой, остриженные, чистые и очень усталые. Марта успела наварить большую кастрюлю овсяной каши из привезенной Сандрой и Леонардо крупы, и все ели ее, запивая козьим молоком. Дети клевали носами над тарелками. Потом был чай с медом и сухими бисквитами из "дедушкиного супермаркета". После ужина детей подняли наверх, и вечерние молитвы, которые им читала Эйлин, они слушали уже в постелях. А взрослые спустились вниз, в церковь святой Елизаветы и отслужили благодарственный молебен, помянув строителя и благоукрасителя подземного храма Илию.

Супругам отвели для ночлега бывшую детскую Сандры, где на полу лежал широкий матрас и стояло кресло. Они долго лежали без сна и обсуждали события этого дня.

— Леонардо, ты не догадался кого-нибудь расспросить о том, что происходит сейчас в мире?

Какая-то мгновенная победа России в молниеносной войне, внезапная смерть всей планетной электроники, нашествие саранчи, гибель "Титаников" — у меня в голове все перепуталось, и я никак не могу сложить общей картины.

— Я тоже. Да и некогда было. События сегодняшнего дня прямо наступали одно другому на пятки. Спи, милая, завтра все разъяснится.

Глава 5

— Что это, mio Леонардо? — сонно удивилась Сандра, когда утром муж подошел к ней с подносом в руках.

— Это всего-навсего хрустальная мечта каждой женщины — завтрак в постель! — И за что же мне такое счастье?

— Можешь считать, что тебе повезло незаслуженно. Я объявил хозяевам, что ты простудилась в дороге и не сможешь сегодня встать с постели.

— Так. Интересная новость. А зачем тебе нужно делать из меня симулянтку, Леонардо?

— Затем, что наш Карл с рассвета сидел у входных дверей и ждал, когда мы встанем и отвезем его обратно к брату. Видно, переволновался вчера, а может, и переел, плохо спал ночь, и в результате — тоска и депрессия. Вези, говорит, меня к Филиппу и все тут! Когда же выяснилось, что ты простудилась в дороге и ехать мы сегодня не можем, он смирился и, кажется, немного успокоился. Ладно, ты тут наслаждайся красивой жизнью, а я пошел вниз — завтракать со всеми.

— Иди. Только потом принеси мне снизу несколько книг, хорошо? Иначе я и вправду заболею от безделья. — Обязательно принесу.

Дети всегда завтракали наверху. Это было удобно, потому что ежедневно, сразу после завтрака, их осматривал доктор, а потом начинались утренние школьные занятия. За пустым детским столом сидел один Карл.

Тоска у Карла не прошла даже во время сытного завтрака. Он чувствовал себя чужим в этом огромном и переполненном людьми доме. Людей-то было много, но только он был никому здесь не нужен и не интересен. А где-то там, на краю заброшенной аквастреды лежит Филипп, и тоже один. Бросил он брата, бросил Филиппа, который его и после смерти не оставлял, кормил! Может, кто мимо ехал, соблазнился новеньким спальником и уволок его, а останки брата воронам вытряхнул... Занятый своими невеселыми мыслями, Карл почти не слушал, как Ланселот распределял между взрослыми работу на день, но изредка поднимал глаза от тарелки и взглядывал на него. Ланселот ему очень нравился: инвалид, а сразу видно, крутой парень и тут у них за главного.

— Сегодня довольно теплый день, — говорил Ланселот, — ограда усадьбы теперь под током и в саду безопасно. Как вы считаете, доктор, не вывести ли нам детей на прогулку? Бедняги уже так давно сидят взаперти.

— Это было бы замечательно, Ланселот! Мария, как ты считаешь, это будет очень хлопотно?

— Да, я думаю, доктор, это будет трудно, особенно в первый раз. Но дети так нуждаются в свежем воздухе и свете! Может быть, мы сделаем это все вместе? Карл, — вдруг обратился Ланселот к мальчику, — у меня к тебе большая просьба.

Карл слегка поперхнулся чаем и устался на Ланселота.

— Ты не мог бы помочь вывести наших детей на прогулку и присмотреть за ними? Все остальные мужчины нужны мне сегодня в доме — на нас навалилось очень много работы.

— Конечно, я помогу, нет проблем! — сразу ответил Карл.

После завтрака все пошли наверх. Мария и леди Патриция уже успели одеть детей в новую одежду из "супермаркета". Доктор прошелся между матрасов, на которых лежали дети, с каждым поздоровался, спросил о здоровье, кое-кого осмотрел и, убедившись, что все дети благополучно перенесли вчерашнее купанье, никто не простудился, разрешил прогулку. Детям помогли съехать вниз по пандусу, маленьких вынесли в сад на руках.

— Я думаю, ребятишкам будет полезно немного побыть у озера, — сказал доктор, — пусть они подышат ионами.

Детей доставили к озеру. Туда же принесли несколько старых одеял и расстелили их на траве. Устроив детей, взрослые, кроме Марии и Хольгера, ушли в дом. Остались и Карл с Эйлин.

Хольгер захватил с собой гитару. Он вынул ее из чехла и стал наигрывать музыку в стиле фламенко.

— Потанцуй, Мария! — начали просить дети.

— Пожалуйста, Мария, станцуй для нас, — сказал и Хольгер.

Мария поднялась, стала на выложенную каменными плитками дорожку и начала танцевать под музыку Хольгера старинный андалусский танец. Вместо кастаньет она щелкала пальцами, а дети подхлопывали в ладоши. Большинство из них совсем не могло ходить, но танец Марии, как ни странно, доставлял им радость, а не печаль.

— Я танцую для тебя, Хольгер! — крикнула Мария.

— Я слышу, Мария, — ответил Хольгер и заиграл еще веселее. — Я слышу, как щелкают кастаньеты твоих пальцев, слышу, как шуршат камешки у тебя под ногами, слышу ветерок твоей широкой, алой с черным, шелковой юбки. Ты прекрасно танцуешь, Мария!

Мария плясала до изнеможения, а потом, смеясь, упала на одеяло рядом с Хольгером, подобрав подол залатанной юбки, явно сшитой из какой-то бурой выцветшей занавески: больше других занятая вчера детьми, она еще не успела подобрать себе одежду в "супермаркете". К ней под села Эйлин и спросила:

— Мария, можно мы с Карлом приведем сюда Патти? Дети смогут с ним поиграть.

— Надо было бы спросить Дженни, но, я думаю, она не рассердится, ведь ослику скучно в курятнике, ему тоже нужны свежий воздух и дневной свет. Приведите его сюда, — сказала девушка.

— Пошли, Карл! — и Эйлин повела его через оголенный сад к хозяйственным пост ройкам во дворе усадьбы.

— Патти — это что, настоящий живой осел? — спросил Карл. — И вы его до сих пор не съели?

— Не вздумай сказать такое при Дженни! Наша Дженни с ним дружит с детства, она его

маленьким осленочком выкормила из соски. Это ослик-пилигрим, мы с ним плавали на катамаране по океану. — Ух, ты! Расскажешь?

— Конечно! Только не сейчас, а когда у нас с тобой будет свободное время. Ты еще не представляешь, сколько забот и хлопот с нашими детьми! — Они у вас такие тихие, смиренные...

— Они еще не забыли, что им пришлось пережить, пока мы их не встретили. Знал бы ты, Карл, какие они тогда были... Их не мыли, не кормили, им воды почти не давали! Мария одна о них заботилась и выбивалась из сил, но если бы не она, никто из детей вообще не выжил бы. Они были в руках негодяев, у которых Ланселот выкупил их за золото тамплиеров. Отец Иаков говорит, что наши дети — мученики. Теперь, когда вы приехали и открыли все эти чудеса в доме, я думаю, они скоро повеселеют и поздоровеют. У них теперь есть хорошая еда и одежда, в доме будет тепло и светло, дети смогут гулять в саду, а не сидеть взаперти с утра до ночи. И все это благодаря вам! Спасибо тебе, Карл!

— Да я-то тут при чем? Меня самого Леонардо и Сандра подобрали на дороге. — Расскажешь? — Когда у нас будет время. — Ты теперь здесь будешь жить, с нами? Карл ничего не ответил девочке, потому что он еще и сам не знал ответа.

Они приблизились к аккуратным каменным постройкам между домом и садом.

— Здесь раньше был курятник, а теперь в нем живет Патти.

На двери прочной дубовой двери висел замок. Эйлин пошарила под порогом, достала ключ и отперла замок.

Аккуратно переступая тонкими серыми ножками, из темноты курятника вышел на свет маленький толстенький ослик с витым серебряным ремешком на шее.

— Здравствуй, Патти, — сказала Эйлин и почесала макушку ослика между длинных ушей. — Мы с Карлом приглашаем тебя на прогулку. Пойдешь с нами?

Эйлин повернулась, и ослик послушно пошел за ней и Карлом.

— Какой молодчина, он же все понимает! — восхитился Карл. — Он что, совсем не упрямый?

— Он очень послушный, пока с ним обращаются уважительно, не задевают его достоинства. А еще он не любит, когда трогают его украшение, вот этот серебряный ошейник. Ему его подарила Мира. — Мира Иерусалимская? — Ты ее знаешь? — Нет, но я про нее слышал.

— Она наша спасительница. Мира приехала сюда, в усадьбу, чтобы разузнать что-нибудь о своих друзьях, которые жили в этом доме раньше — о Бабушке, Сандре и Леонардо. Она нам очень помогла: узнав, что у нас почти совсем не осталось еды, она сразу же привезла откуда-то несколько ящиков макарон, и благодаря им мы выжили. Потом она еще несколько раз к нам приезжала и привозила продукты. Она и подарила Патти свой серебряный пояс. Правда, он ему очень идет? — Правда. У него в нем сказочный вид.

— Очень точное замечание, Карл. А сейчас ты увидишь, как обрадуются ослику дети! С тех пор, как мы поселились в этом доме, они почти не виделись, а когда мы добирались сюда из Испании, они с Патти очень дружили. Пожалуй, это была тогда их единственная радость.

Они не успели подойти к детям, как их приветствовали радостные крики:

— Патти! Смотрите, сюда идет Патти! Иди к нам, Патинька!

Умница ослик обошел всех детей, никого не пропустив, перед каждым он склонил голову и дал себя приласкать, а после отправился на берег озера в поисках молодых побегов дьяволоха и редкой молодой травки, которая, несмотря на осень, кое-где уже снова пробивалась из земли после нашествия саранчи.

Хольгер начал разучивать с детьми какую-то новую песенку, Мария и Эйлин без конца крутились вокруг ребятишек, и Карлу стало скучно. Он сбросил свои новые сапоги и решил походить босиком по воде.

— Здесь рыбы! — закричал он вдруг. — Их много и они прямо ко мне плывут!

Эйлин подбежала к нему и встала рядом, любуясь рыбами.

— Ну да, это карпы. Они всегда подплывают совсем близко, когда мы подходим к берегу, они совсем не боятся людей. Карл бросился к дому.

— Где Леонардо? — нетерпеливо спросил он у проходившей через холл Марты.

— Внизу, наверное, в подвале. Они там с отцом Иаковом и Ланселотом продолжают возиться с электричеством.

Карл нашел их у распределительного щита. Они с Ланселотом рассматривали какую-то схему, отпечатанную на большом листе плотной бумаги.

— Леонардо, ты можешь сейчас пойти со мной к машине? — спросил Карл.

— Зачем? Ты хочешь ехать назад немедленно? Но мы же не можем уехать, бросив тут больную Сандру.

— Да нет! Просто мне нужен мой лук и стрелы. — Вороны?

— Гораздо лучше — рыбы! В озере полно рыб, и я хочу настрелять их на обед тете Марте.

— Из лука? — заинтересованно спросил Ланселот. — Любопытно. Знаешь, я старый рыбак и ловил рыбу сетями, на блесну, на удочку — по-всякому ловил. Но вот из лука стрелять никогда не приходилось.

— Так у меня же нет удочки! Конечно, на удочку ловить было бы лучше. — А ты умеешь? — Умею. Мы с братом ловили.

— В таком случае будет тебе удочка. Отец Иаков, будь добр, проводи нашего рыбака в "супермаркет". Я видел там готовые удочки в дальнем левом углу, где стоит маленький трактор и разный садовый инструмент — сразу за ними.

— А вы что, сами не пытались ловить карпов в озере? — спросил Леонардо, когда священник с мальчиком ушли.

— Почему не пытались? Пару раз отец Иаков с доктором закидывали сеть, мы ведь привезли рыболовную снасть из Норвегии. Но это было хлопотно и опасно, ведь тогда наша ограда не была под током: пока они забрасывали сеть, я должен был охранять их с ружьем на берегу, а в это время дом охранять оставалась одна Дженни.

Получив удочку и в придачу маленькую лопатку для копания червей, Карл пошел в кухню.

— Тетя Марта, вы хотите получить на обед свежую рыбу? Я отправляюсь на рыбалку.

— Ты хочешь ловить рыбу с берега острова? Нет, такой рыбы я не хочу, сынок. Во-первых, рыба в Дунайском море несъедобная, а во-вторых, тебе никто не разрешит одному выходить за ворота. Это опасно, Карл.

— Да нет, тетя Марта! Я собираюсь ловить рыбу в вашем озере, из которого вы берете воду для питья.

— Ах вот как? Ну, в озере рыба, конечно, хорошая.

— Я поймаю вам самого большого карпа, тетя Марта! Но мне нужна посуда для червей. У вас нет какой-нибудь ненужной банки?

— Еще вчера не было, а сегодня — пожалуйста, сколько угодно! И еще вот что. Давай не будем неблагодарными. Ты поймаешь несколько рыб на обед, если повезет, конечно, но взамен ты отдашь рыбам остатки утренней каши. Карпов положено прикармливать.

Марта дала мальчику пустую банку из-под сгущенного молока, предварительно наполнив ее кашей, и он, довольный и озабоченный, побежал подкармливать карпов, копать червей и ловить рыбу.

— Ну вот мальчик и при деле, — удовлетворенно сказала Марта, вернувшись к своим кастрюлям.

Все утро Сандра читала лежа в постели. Она скучала, хотя книга, которую ей принес Леонардо из подвальной библиотеки, показалась ей интересной и полезной: "Христианское воспитание детей". Она подумала, что попросит у Ланселота хотя бы десяток-другой книг для Долины.

К обеду Сандре "стало значительно лучше", и она спустилась в столовую. На обед была торжественно подана уха из наловленной Карлом рыбы. Обед всем понравился, но до чего же был доволен сам рыбак!

— Наш Карл спросил меня, сколько карпов мне понадобится на обед, — рассказывала Марта, — и когда я сказала, что пяти рыб вполне хватит, он мне ровно столько и принес. Просто удивительный у нас рыбак появился, всем рыбакам рыбак!

После обеда Карл подошел к Леонардо, отвел его в уголок и повел серьезный разговор.

— Послушай, Леонардо, совет нужен. Я просто не знаю, как быть. Ты слышал, тетя Марта говорит, что рыба нужна свежая и постоянно, она детям для их костей очень полезна. И сам Ланселот просит меня остаться в Бабушкином Приюте, у него здесь не хватает мужских рук. Эйлин и доктор Вергеланн тоже хотят, чтобы я остался: доктор собирается нас с Эйлин учить по настоящим книжкам.

— Так. Ну а ты сам что обо всем этом думаешь, Карл?

— Я знаю, что Филипп хотел бы, чтобы я жил в этом Бабушкином Приюте, потому что тут есть школа: он здорово переживал, что мне теперь негде учиться. Но если я останусь тут, что будет там с Филиппом?

— Да, это проблема. Вот если бы могли съездить туда, на стоянку и похоронить его как следует, все было бы в порядке, не так ли?

— Конечно.

— Знаешь, что я думаю? Мы можем это сделать, пока моей жене нездоровится. Я попробую уговорить Сандру, чтобы она нас с тобой отпустила съездить похоронить Филиппа.

Конечно, Сандру легко "удалось уговорить". Леонардо с Карлом сходили в лес и срубили две березки. Потом они вместе смастерили крест для Филиппа. В "супермаркете" нашлась подходящая дощечка, и Карл собственноручно написал на ней фломастером: "Здесь лежит мой брат Филипп Мор. Он был самый лучший брат на свете".

На другой день рано утром они поехали хоронить Филиппа. Леонардо взял в дорогу ружье Ланселота. С ними поехал и отец Иаков. Могилу для Филиппа Мора вырыли в той самой клумбе, на которой он лежал приманкой для ворон. Гроба не было, его похоронили в том же спальном мешке, которым его накрыл Леонардо, когда увозил Карла. Филиппа отпели. Отец Иаков взял из машины ружье.

— Не думал, что мне еще когда-нибудь придется стрелять, — сказал он сам себе, и три раза выстрелил в воздух.

Выстрелы прогнали последних ворон, упрямо сидевших на крыше гостиницы. Карл плакал, уткнувшись в грудь Леонардо, а тот тихонько похлопывал его по плечу.

Когда они вернулись в усадьбу и Карл вышел из джипа, с крыльца к нему сбежала Эйлин.

— Карл! Доктор Вергеланн уже составил для нас программу занятий: среди книг он нашел программу старинной гимназии. Мы с тобой будем заниматься по очень серьезной программе, как учились в прошлом веке! Ты представляешь, как нам повезло? Пойдем к доктору!

— Мой брат Филипп всегда говорил, что везенье счастья не приносит, — ворчал Карл, пока они поднимались на второй этаж, где находился кабинет доктора. — Я хочу работать, а не учиться.

— А я хочу серьезно учиться. Моя мама говорит, что настоящая леди должна иметь достойное образование.

— Хочешь учиться, Карл Мор? — спросил доктор Вергеланн, когда они явились в его кабинет.

— Да не особенно, — честно признался мальчик.

— А ты хочешь пройти со мной курс гимназии, Эйлин? — Конечно. Я буду очень стараться, сэр. — Вот видишь, Карл!

— Девчонки всегда хотят показать, какие они умные. Но мы еще посмотрим, кто из нас будет лучше учиться!

Пока Леонардо с Карлом, Дженни и отцом Иаковом ездили хоронить Филиппа Мора, Сандра с Мартой и леди Патрицией в очередной раз "ходили за покупками в супермаркет": им эти походы доставляли огромное удовольствие.

Леди Патриция везла проволочную тележку на колесиках, куда они складывали приглянувшиеся товары. Гора продуктов и одежды в тележке росла по мере продвижения в

глубь проходов между стеллажами. Но Марта скоро опомнилась:

— Леди, вспомни, что сказал Ланселот! Давай-ка все назад выкладывать! Оставим в тележке только то, что нужно на сегодня и на завтра. Ты бы, леди, лучше приглядела для себя и для дочери хорошую новую одежду. Нет, я ничего плохого сказать не хочу, вы обе одеты всегда чистенько и аккуратненько, вот только ты уже замучилась ставить заплатки на заплатки.

Леди Патриция молча кивнула и ушла в глубь "супермаркета". Тяжко вздыхая, Марта принялась выкладывать товар из тележки, стараясь по возможности все класть на прежние места.

Сандра взяла другую тележку и тоже ходила между стеллажами. Она прошлась вдоль полок, приглядывая вещи, которые намеревалась попросить для жителей Долины. Оставив полки с инструментами и угол, где стояли станки и машины, на усмотрение Леонардо, она оглядывалась в поисках нужного для обители и общины. Странно, но жителям Долины почти ничего не было нужно! Мясо в Долине никто не употреблял, рыбные консервы смешно было тащить туда, где в изобилии ловилась свежая рыба. Она решила взять несколько рулонов простой белой ткани и кой-какую посуду, поискать спицы для вязанья. Вдруг она увидела небольшую рыболовную сеть, и очень обрадовалась: когда-то дядя Леша подарил ей удочку, первую удочку в ее жизни, а теперь она подарит ему сеть! То-то он обрадуется! Очень довольная, она положила сеть в тележку и покатила ее дальше по проходу.

Сандра отыскивала нитки, иголки, вязальные спицы, потом нашла уголок, где лежали на полках письменные принадлежности; а книги и учебники они возьмут внизу в библиотеке — сколько смогут увезти, Ланселот уже дал разрешение.

— А где же наша леди? — спросила вдруг Марта.

Они нашли леди Патрицию сидящей на полу возле небольшой стойки с семенами огородных растений и цветов. Рядом со стойкой стояла ее большая корзина, уже наполненная детской одеждой и бельем, а сама она раскладывала вокруг себя разноцветные пакетики семян, будто играла в какую-то игру, и при этом что-то тихонько пела.

— Кажется, наша леди совсем умом тронулась, — шепнула Сандре Марта. — А ну зови сюда скорее Эйлин.

Сандра бросилась вверх и скоро разыскала Эйлин. Та, встревоженная, спустилась в "супермаркет". Она спряталась за стеллажом, прислушалась к тому, что поет ее мать, и вместо того чтобы встревожиться, обрадовалась. Она отступила к выходу, уводя за собой Сандру и Марту.

— Ничего страшного! — сказала она. — Но все равно спасибо, что вы меня позвали. Мама всегда вот так сидела на полу, разбирая семена для посадки в нашем саду, и пела эту детскую песенку, которую она сейчас поет: Был у Христа Младенца сад И много роз взрастил он в нем... Девочка глубоко вздохнула:

— Вы знаете, тетя Марта и Сандра, больше всего на свете, после меня и отца, мама любила свой сад, огород и оранжерею. Даже когда мы жили на "Титанике", у нее был крошечный зимний садик. А сейчас, мне кажется, она мечтает поработать в саду, на настоящей земле. Может быть, это ее окончательно исцелит.

— Помоги Господь! — сказала Марта. — Я думаю, у нас обязательно будет сад и огород. Еще бы только не все семена потеряли всхожесть.

— Не волнуйтесь об этом, Марта, — сказала Сандра, — к весне я вам привезу семян, собранных в этом году.

— Так вы еще приедете к нам? — спросила Эйлин. — Если даст Бог!

— Вот и славно, — сказала Марта. — Приезжайте на Рождество. Мы постараемся к этому времени привести в порядок дом вашей бабушки. Эйлин улыбнулась и сказала:

— Дети, как узнали, что в этом доме жила ваша бабушка, Сандра, и что это она прислала вас с подарками, теперь зовут этот дом Бабушкиным Приютом. Вы не возражаете?

— Конечно, нет! Мы сами с Леонардо его так теперь зовем. И Бабушка обрадуется, — сказала Сандра. — Но мы непременно должны будем починить все, что успели испортить, — сказала Эйлин, — а то мы жили здесь как термиты, все погрызли и сожгли.

— Ну что ты, Эйлин, разве можно об этом жалеть? Зато вы обогрели и спасли ваших детей.

— Да, прошлая зима у нас была очень трудная, — вздохнула Эйлин. — Страшно вспомнить, как мы мерзли... Они подошли к Марте.

— Марта, как вы думаете, я не очень много всего набрала? — спросила Сандра, с сомнением оглядывая кучу отобранных вещей.

— Да что вы, Сандра! А мы с тобой, Эйлин, уже сделали нашу "скромную закупку" и отправимся на кухню готовить ужин. Тоже очень скромный. — Почему "скромный", Марта?

— Не хватало, чтобы вся наша большая семья животами маялась при таком-то изобилии! А после ужина нам с тобой еще надо будет взять постельное белье и разнести по комнатам.

— Господи, у нас теперь у всех будут свои отдельные комнаты! Какое счастье! — сказала Эйлин.

— Я думаю, это счастье будет недолгим, детка, — засмеялась Марта. — Почему вы так думаете, Марта?

— Да потому что хорошо знаю Ланса и доктора. Как только в доме все будет устроено, доктор отправится по дорогам собирать беспризорных детей. Он давно об этом мечтает. А Ланс... Ох, девочки, я боюсь, что он все-таки захочет плыть в Иерусалим, чтобы просить Месса об исцелении!

— Не дай Бог! — сказала Сандра, и все трое перекрестились.

Вечером для супругов Бенси устроили прощальный ужин, после которого все сидели у камина и разговаривали. В камине жарко горели кухонные запасы Марты, ставшие ей ненужными с включением электрической плиты и духовки.

Леонардо тихо беседовал с доктором Вергеланном.

— Доктор! Дженни вчера рассказала мне, что вы хотели поведать Лжемессии правду о положении в здравоохранении. Вы, надеюсь, отказались от этого паломничества?

— Я - да. Даже наш юный Хольгер больше не хочет просить Антихриста о возвращении зрения. Он считает, что Господь дал ему прозреть духовно, а это дороже. Но Ланс все еще держится за идею получить исцеление от Антихриста. Хуже того, он хочет просить его об исцелении детей.

— А вы что-нибудь делаете, чтобы воспрпятствовать этому? — Мы молимся.

— Понимаю. Вы пробовали его разубедить, и теперь осталось только уповать на Бога. — Вот именно так мы и делаем.

— А можно, теперь я попробую его отговорить?

— Мы будем благодарны даже за попытку. Сандра подошла к Лансу и положила руку ему на плечо.

— Можно с тобой поговорить, сэра Ланселот? — Ну конечно, Сандра!

— Ланселот, ты вправду веришь, что можешь получить исцеление в Иерусалиме?

— Да, я в этом уверен. Я много раз видел своими глазами по персонику, как Мессия исцелял сотни больных и увечных за один сеанс. Если бы я не верил в это, зачем бы я пускался в столь долгое и трудное странствие? Мне было совсем неплохо на моем острове в Тронхейме-фьорде.

— Понятно. Но ты хотя бы не бери с собой детей, если все-таки поплывешь в Иерусалим.

— Конечно, я их не возьму. Мы поплывем с Дженни.

— Втроем, — поправила его Дженни. — Мы возьмем с собой Патти.

— Угу. Я должен тебя поблагодарить, Сандра, за то, что теперь могу продолжить свое паломничество. — Меня?!

— Да. Я ведь не мог и мечтать продол жить путь в Иерусалим, пока не появились вы с Леонардо и не открыли нам сокровища Бабушкиного Приюта. Теперь у меня есть батарейки Тесла, и я смогу доплыть до Иерусалима. А когда Мессия меня исцелит, я попрошу его прислать сюда судно или вертолет за детьми. Как только в доме все будет налажено, так мы с Дженни и двинемся. К ним подошел Леонардо, стоял и слушал.

— Не желаю тебе доброго пути, Ланс, поскольку не верю, что этот путь — добрый, — сказал он. — Но в любом случае я желаю тебе счастливого плавания.

— Вы без меня будете приезжать в Бабушкин Приют?

— Разве об этом надо спрашивать? И знаешь, это было очень здорово — встретиться с легендарным сэром Ланселотом Озерным!

— Невзирая на то, что я держал вас под прицелом своей винтовки? — засмеялся Ланселот.

— И об этом я буду вспоминать с удовольствием: рыцарь сэра Ланселот Озерный с винтовкой наперевес. Сандра поднялась и сказала мужу:

— Леонардо! Я думаю, что нам пора отправляться спать, чтобы завтра с утра выехать.

— А мы надеялись услышать сегодня вашу собственную историю, — разочаровано сказал Ланселот.

— Ох, Ланс! Это невозможно, — сказала Сандра. — Если бы это была только наша история, мы бы ее уже давно рассказали. В ней много как печального, так и веселого и даже смешного, правда, Леонардо? Ты знаешь, что мы с Леонардо внуки Бабушки и друзья Миры

Иерусалимской. Но больше мы ничего не можем о себе рассказать. Прости нас! — Я понимаю, чужие секреты, — сказал Ланселот, провожая их до лестницы.

— Погоди, у нас есть один вопрос, и ты нам его прости, — сказал Леонардо. — Что будет с Драганом?

— Ну этим благоразумным разбойником уже занялся отец Иаков, думаю, с ним все будет в порядке. Так вы приедете к нам еще, Сандра, Леонардо?

— Приедем, конечно, — сказала Сандра. — Но вот когда — это решит наше начальство. — Строгое у вас начальство?

— Очень! Девяносто кило сплошной любви и строгости!

— Судя по вашим улыбкам, вы эту строгость просто обожаете. — Так оно и есть, Ланселот.

Вечером, уже лежа в постели, Леонардо сказал Сандре:

— Знаешь, Ланселот дал мне целую коробку батареек Тесла. Ну а ты нашла что-нибудь интересное внизу?

— Да. Учебники и письменные принадлежности для наших детей. — Отлично. А еще что? — Рыболовную сеть для дяди Леши. — Вот он будет рад!

— Надеюсь. Для монастыря я взяла железные спицы и рулон белой хлопчатобумажной ткани. Для Сонечки я взяла куклу — пусть это будет подарок от прадедушки Ильи. — Умница!

— Хотела взять немного шоколада для детей, но вспомнила, как наш Карлуша отказался от шоколадки и не решилась.

— А что же Бабушка — без подарка останется?

— Ага! Ты не придумал, а я нашла подарок, от которого она будет в восторге. Хочешь взглянуть? Он у меня здесь. — Ну-ка!

Сандра достала из-под подушки и показала ему небольшую коробку в яркой упаковке.

— Кофе. Настоящий бразильский кофе в зернах и к нему механическая кофейная мельница из бабушкиной кухни. Мельницу меня уговорила взять Марта.

— Жить с тобой становится все труднее и труднее, Сандра. — Это почему же?

— Ты делаешь то же, что я, но всегда по чему-то чуточку лучше, а это, знаешь ли, обидно.

Леонардо достал из своей сумки и показал жене банку растворимого кофе, впрочем, тоже бразильского.

На другой день на рассвете супруги Бенси загрузили джип, простились со всеми и покинули Бабушкин Приют.

Глава 6

Примерно с месяц после возвращения Сандры и Леонардо Матушка молчала, но все что-то обдумывала, хмуря тонкие бровки, и в конце концов однажды заявила в дом Бенси "на

огонек" и за чаем объявила:

— Вот что, дорогие мои. Будем детей вашего рыцаря Ланселота сюда перевозить, пускай с нами живут. Тут у нас, под покровом Матушки Богородицы, можно сказать, рай земной, а им там солнышка не хватает, как и всем людям на обезбоженной земле!

Сандра, не говоря ни слова, кинулась обнимать игуменью.

— Сандра, не задуши Матушку! — предостерегла ее Бабушка.

Леонардо подумал немного а потом сказал:

— Конечно, это было бы замечательно — перевезти в Долину всех детей, и нашего Карла, конечно, тоже. Но есть две проблемы.

— Какие проблемы? — нахмурила Матушка тонкие бровки.

— Первая — Ланселот. Он ведь мечтает о том, чтобы его и детей исцелил Антихрист.

— Крещеных детей! — возмутилась матушка. — Как это можно православных детей подвергать исцелению Антихриста? Глупости, не верю я в его исцеления. У нас в Долине Господь Сам облегчит их страдания. А на вашего упрямого друга Ланселота у нас найдется мать Евдокия. Она умеет убеждать, не правда ли, Санечка?

— Что правда, то правда, Матушка! Я думаю, что она с ним справится. — В чем же другая проблема, Леонардо? — Везти детей не на чем.

— Вы же рассказывали, что Ланселот привез их в Бабушкин Приют на автобусе? Разве не так?

— Автобус кое-как дополз до Бабушкиного острова и там сломался окончательно. Такая вот беда, матушка!

— Ну эту беду дядя Леша развеет своими золотыми ручками.

— Ручками... — усмехнулся Леонардо, вспомнив "ручки" дяди Лешы — темные, в каменных мозолях, со вздутыми от многолетней работы на холоде суставами и обломанными ногтями с несмываемыми черными каемками.

— Заканчивайте поскорее мельницу, — продолжала Матушка, — и на Рождество поедете с Богом в Бабушкин Приют.

— Я тоже поеду, Матушка? — спросила Сандра.

— А это зачем? — удивилась Матушка. — Чего тебе дома не сидится, путешественница?

— Ну как же! Леонардо будет помогать дяде Леше исправлять автобус, а я буду помогать матери Евдокии вправлять мозги Ланселоту, он же мой старинный друг, Матушка!

— Резонно, — согласилась игуменья. — Ты не возражаешь, Лиза? — обратилась она к Бабушке. — Пускай едут вместе!

— Благословите, Матушка! — Сандра уже горела от радости и нетерпения. — Бог благословит, непоседа.

Обитатели Долины были уверены, что благословения Матушки и смекалки дяди Леша достаточно, чтобы переезд детей состоялся. Мужчины-общинники принялись мастерить кровати для детей-инвалидов и косить сено для набивки матрацев, а женщины начали собирать по домам белье, одеяла и подушки. Напрасно Сандра уверяла их, что если детей удастся вывезти, то все необходимое для них можно будет взять в хранилище Бабушкиного Приюта, никто и слушать об этом не хотел:

— Наше белье и одеяла с подушками здоровее, — отвечали монахини. — Там, может быть, сплошная синтетика, а она в Долине все равно расползется.

Напрасно Сандра уверяла их, что в хранилище Бабушкиного Приюта почти все вещи из натуральных материалов, что ее дедушка терпеть не мог синтетики и даже считал, что православному человеку ее стоит избегать, они продолжали собирать "пожертвования".

Мать Лариса подвела под их действия научную базу:

— Деткам с больной спиной полезно спать на матрацах, туго набитых соломой. Может, такие матрацы в Бабушкином Приюте и найдутся, но можешь ты, Саня, гарантировать, что солома для них росла в таком же благодатном месте, как наше? Этого Сандра гарантировать не могла. — Вот видишь! А у нас и солома — лечит. Ее поддержала мать Наталья, бывший библиотекарь обители, а до монашества — биолог.

— Мать Лариса права, Сандра. Возьмем, к примеру, пух и перья для подушек. Откуда их в миру брали? Их щипали с убитых птиц! Я и в миру на таких жутких подушках спать не могла. А в Долине мы перо и пух для наших подушек набрали по гнездовьям, после того как птенцы выросли и разлетелись.

Когда подходил к концу Рождественский пост, Сандра, Леонардо, мать Евдокия и дядя Леша стали собираться в дорогу, а монахини довязывали теплые свитера и кофточки из козьего пуха, платки и шапки, чтобы дети не мерзли по дороге в Долину.

Готовили и грузили праздничные гостинцы: укладывали в ящики банки с вареньем и соленьями, перекладывали соломой яблоки и груши, дыни, хурму, мандарины и апельсины. Мать Ольга собственноручно приготовила два больших круга козьего сыра. С особой бережностью были уложены в ящики с опилками несколько десятков гусиных яиц, а дядя Леша, конечно, накопил сигов и форелей. Дядю Лешу Матушка благословила особо:

— Голубчик ты наш, на тебя вся надежда! Верю и уповаю, что ты починишь этот их злосчастный автобус. Сандру она обняла и шепнула ей:

— Ты скажи всем взрослым, Санечка, что мы всех рады принять к себе, но я ваши с Леонардо рассказы очень внимательно слушала, и вот сердце мне подсказывает, что кое-кто из них захочет остаться в Бабушкином Приюте. Так ты скажи им, что мы и впредь Бабушкин Приют без помощи не оставим. А еще вот что: выбери среди тех, кто останется, самого надежного человека и передай ему вот это мое письмо. Скажи, пусть носит его с собой и не открывает раньше срока. В этом конвертике карта и указания, как добраться до нас. Конечно, главное для нас — деток спасти. Но и за отца Иакова у меня душа болит.

— А почему вы решили, Матушка, что отец Иаков не захочет сразу поехать в Долину со своими детьми? Они же все его крестники!

— А вот такое у меня предчувствие. Впрочем, будущее покажет.

Сандра пожала плечами и спрятала письмо в карман.

Когда она выходила от Матушки, ее перехватила мать Наталья.

— Санечка, — сказала она застенчиво, — я вот о чем хотела вас попросить...

— Дорогая моя мать Наталья, догадываюсь, о чем вы хлопочете — о книгах из дедушкиной библиотеки. Мы привезем русские книги, но только если будет место!

— Хотя бы книги для детей... Ну и Пушкина, конечно!

Накануне отъезда Леонардо явился после разговора с дядей Лешей и застал Сандру задумчиво сидящей у окна.

— О чем грустишь, красавица? — спросил Леонардо с порога.

— Мне грустно, что Рождество Сонечка встретит не с нами, — сказала Сандра. — Вернее, мы без нее. — Хочешь остаться дома?

— Естественно, нет. Я должна ехать. Послушай, а мы не сможем на обратном пути заехать в Бергамо? Мы могли бы забрать твои книги... — Ты скажи еще — макаронны! — Макарон там не осталось.

— Боюсь, что там и письма для тебя не оставлено.

— Ты прав, письма там может и не быть. Но я сама написала Мире письмо и хочу оставить его в Бергамо.

— Давай отложим этот вопрос и посмотрим, как будут идти дела. — И тут же Леонардо перевел разговор. — Ты бы видела, Сандра, с каким рвением собирается в дорогу дядя Леша! Он разобрал мобилку на мелкие части: вдруг, мол, они пригодятся при починке автобуса.

— Думаешь, он все-таки сумеет починить автобус? Я, конечно, в технике не разбираюсь, но на мой непросвещенный взгляд, в нем теперь можно только кур держать. Катастрофа на колесах, а не автобус!

— Это на твой взгляд. А на взгляд русского народного умельца дяди Леша это никакая не катастрофа, а всего лишь интересная задачка для смекалистого мужика.

Утром следующего дня, увидев возле церкви мать Евдокию, стоящую с полотняным мешочком в руках, Сандра бросилась к ней и обняла:

— Мать Евдокия! Мы с вами опять отправляемся в путешествие, как когда-то! Вы рады?

— Рада. Молитесь только, чтобы на этот раз обошлось без приключений. Вы не забыли еще ваши приключения с макаронами? Помните, чем они закончились?

— Помню, конечно: в конце этих приключений я нашла Бога, Бабушку и Леонардо. Неужели вы считаете, мать Евдокия, что мое путешествие с макаронами плохо кончилось? Да что вы, макаронны теперь мое любимое блюдо!

— Ну, положим, к макаронам вас приучил Леонардо, а не ваши приключения. Так что лучше бы без них...

Дядю Лешу провожали жена Лара и дочь, Сандра-маленькая, названная при крещении в честь Сандры Кассандрой.

— Папа, ты вернешься к елке? — спросила Сандра-маленькая.

— К елке не выйдет, дочка. Рождество я буду праздновать с детьми в Бабушкином Приюте. Там много детей, маленьких мальчиков и девочек, а взрослых мало. Я помогу им елку поставить, починю автобус, а потом вернусь к тебе. — И подарок привезешь? — Какой же ты хочешь подарок, Саня?

— Ты говоришь, там много мальчиков и девочек? — Да.

— Вот ты и привези мне какого-нибудь мальчика, хоть самого малюсенького! Так хочется братика!

— Обязательно привезу кого-нибудь персонально для тебя! Если мама не возражает.

— Не возражаю. Можно вообще всех детей разобрать по домам.

— Если Матушка позволит. Мне кажется, она хочет устроить для них приют, чтобы они жили при обители.

— А то они не Матушкины будут, если станут жить в семьях! Мы тут все Матушкины, — пожалала полными плечами Лара.

Выехали утром, но, конечно, после литургии, напутственного молебна и плотного завтрака. В горах мело, и джип с трудом пробирался по занесенной снегом дороге сквозь мертвый рыжий лес. Когда спустились ниже, ветер поутих, но картина вокруг стала еще безотраднее.

— Это конец света, спаси нас всех Господь! Да, это уже конец! — шептала потрясенная мать Евдокия, глядя в окно джипа на занесенные снегом поля и руины заброшенных городков и деревень. Ее лицо побледнело и осунулось уже через несколько часов езды по провисшим и обледенелым аквастрадам.

— Мать Евдокия, даже ранней осенью после Долины здесь было тяжело дышать, а что уж теперь говорить, — попытался ее утешить Леонардо, — это нехватка кислорода. Но мать Евдокия покачала головой:

— Дело не в моем самочувствии, хотя мне и вправду трудно дышать, а сердце так и барабанит изнутри по ребрам. Пугает то, что за несколько часов езды мы не встретили ни мобиля, ни человека и не увидели ни одного целого дома. Когда мы уходили в горы, такого не было!

Дядя Леша сидел рядом с нею на заднем сиденье и молчал, насупившись.

— Что молчишь, дядя Леша? — спросил его Леонардо.

— Если бы мы с тобой, Леня, вдвоем ехали, я бы высказался, а так — при монахине и при твоей жене — я уж лучше промолчу.

Давно ли мы с тобой ездили в твой Бергамо за жерновами? И тогда уже кругом разруха была несусветная, будто Мамай прошел, но теперь, знаешь, друг, впечатление такое, будто прошла ядерная война.

— Не Мамай прошел, а Антихрист, — не громко сказала мать Евдокия.

— Как ты думаешь, Леонардо, что в самом деле творится с этим миром? Он ведь расползается прямо на глазах, — сказала Сандра. — Жалеешь, что поехала?

— Да ты что, Леонардо? А кто будет Ланселота уговаривать отпустить с нами детей? Меня-то он знает давно.

— Угу, знает. В основном — по Реальности. "Жила принцесса в замке, а с ней старик король, ей захотелось замуж — король сказал: "Изволь!".

— Леонардо! Если у нас не получится уговорить Ланселота отпустить детей в Долину, я себе голову откушу!

Леонардо уставился на Сандру, выпучив глаза и открыв рот. — Что с тобой? — спросила она. — Пытаюсь представить себе эту сцену. — Какую сцену?

— Умопомрачительную — откусывание собственной головы. Ты что, обманываешь меня со дня нашей свадьбы? У тебя вставные челюсти?

— При чем тут челюсти?

— А как же иначе ты будешь откусывать сама у себя голову?

— Кусачками, друг Леня, просто хорошими большими кусачками, — заступился за Сандру дядя Леша. — Р-раз — и нет нашей буйной головушки.

— А, понял! — кивнул Леонардо. — Я видел подходящие кусачки в хранилище Бабушкиного Приюта.

— Да ну вас обоих, вы спелись! — наконец рассмеялась Сандра — против этой парочки ей было не устоять. А рассмеявшись, она тут же успокоилась.

Но Леонардо и сам видел, что за три месяца, прошедшие со времени их прошлой поездки в Бабушкин Приют, в мире произошли разительные перемены. Леса на горных склонах стояли голые, как будто не было в этом году ни весны, ни лета, и даже с елей и сосен осыпались мертвые рыжие иголки. Воздух был сухим и жестким и почти не насыщал легкие.

— Да, Сандра права: ткань, из которой был соткан наш мир, похоже, полностью износилась, — задумчиво сказала мать Евдокия, ни к кому не обращаясь.

— Вот поворот на Нью-Мюнхен. Давайте подъедем поближе и поглядим, что с ним стало, — предложила Сандра.

— А это не опасно? — спросила мать Евдокия.

— Видите, дороги пустые. Думаю, мы и в городе никого не встретим, — ответил Леонардо. — Давайте заедем, поглядим, что там.

Они проехали Нью-Мюнхен насквозь, не встретив на его улицах ни души. По городу гуляли пыльные смерчи, гоняя с угла на угол жалкий сор. Дома с пустыми глазницами окон до самых крыш заросли вьюнком-быстряком, теперь промерзшим и мертвым; ветер раскачивал черно-зеленые плети вьюнка-мутанта.

В середине города они увидели громадную сухую впадину, заваленную пластиковым и железным мусором, — дно бывшего горного озера. Людей они так и не встретили: если кто-то и

оставался еще в городе, он притаился и не вышел на звук проезжавшей машины.

— А климат, похоже, опять изменился, — заметила мать Евдокия. — Когда мы уходили в горы, в этих местах было сыро и тепло, действовал парниковый эффект, а теперь здесь царит сухой ледящий холод. Но солнца все равно не видать, небо по-прежнему подернуто дымкой. Интересно, сколько сейчас градусов ниже нуля, если даже в машине так холодно?

— Не знаю, — сказал Леонардо, — у нас нет градусника.

— Как хорошо, что в Бабушкином Приюте теперь действует паровое отопление, — заметила Сандра. — Я уверена, что у них в доме тепло.

Но Сандра ошиблась. Первое, что они увидели, когда подъехали в сумерках к Бабушкиному Приюту, был дым, столбами поднимавшийся из обеих труб в холодное небо.

Ворота они нашли закрытыми, а все ставни на окнах были опущены. Они остановились перед воротами и посигналили.

— Ты только погляди, что тут творится! — удивленно сказала Сандра.

Вся площадь вокруг дома была усеяна черно-серыми тушками мертвых и замерзших ворон. — Неужели это наш Карл так развлекается?

— Ну что ты, быть того не может, — ответил Леонардо и снова посигналил.

Через минуту на крыльцо вышел незнакомый супругам Бенси человек, грузный, высокий и до самых глаз заросший черной бородой. В руках у него была винтовка. Он помахал путникам и снова скрылся в доме. — Интересно, кто это? — спросил Леонардо.

— Кто-то новый, — ответила Сандра. — Надеюсь, не какой-нибудь захватчик.

Бородач снова появился на крыльце и крикнул:

— Сандра, Леонардо! Въезжайте, сестра и брат! Ворота открыты и ток отключен!

— Это Драган, — теперь Сандра узнала его по голосу. — Смотри-ка, Леонардо, ему доверили оружие! — Вижу. Тем и должно было кончиться. Леонардо вышел из машины, открыл ворота, завел джип во двор усадьбы, снова запер ворота и первым пошел к дому. — Привет, Драган! Как дела?

— Привет. Дела пока не очень плохие. Вот только дом становится очень тесный. Знаете, сколько теперь обитателей в Бабушкином Приюте? Больше двух сотен. — Откуда же они взялись?

— Кто-то сам до нас добрался, других мы нашли и привели сюда. Люди замерзают прямо на дорогах. Раз в два-три дня мы выходим на аквастрады, обходим окрестности, и почти всегда кого-нибудь находим.

— А что же правительство, местные власти? Неужели нет какой-нибудь организованной помощи тем, кто замерзает на дорогах? — Помощи нет, — коротко ответил Драган.

— Понятно... Знакомься, Драган. Это дядя Леша, монастырский смотритель, а это — мать Евдокия.

— Я мыслю, она есть монахиня? — Драган уставился на мать Евдокию. — Монахиня.

— Из православного монастыря?

— Конечно, православного, — ответила с улыбкой мать Евдокия.

— Слава Богу! Значит, творится еще монашеская молитва за весь наш грешный и погибающий мир! — воскликнул Драган и широко перекрестился, перекинув для этого винтовку в левую руку.

— По великой Божьей милости творится, — подтвердила монахиня.

— Проходите в дом все сразу, — сказал Драган, отворяя дверь, — а то холода напустим и детей простудим.

Они прошли в холл, в котором было значительно теплее, чем на улице, но все-таки довольно прохладно. Сандра сразу же подошла к окну и попробовала рукой радиатор — и чуть не обожглась: отопление работало на полную мощь. "Такие морозы даже мой дедушка не мог предвидеть", — подумала она.

Зато в бывшей Бабушкиной гостиной было тепло, почти жарко, как показалось вошедшим путешественникам. Вокруг топящегося камина в несколько рядов стояли кровати, раскладушки и кресла, на которых сидели и лежали больные дети. Некоторые кресла и раскладушки занимали люди с измученными лицами, по виду старики и старушки, но все тепло и чисто одетые. Тут же находились Карл, леди Патриция и Эйлин.

Отец Иаков читал "Жития", а все внимательно его слушали. Леди Патриция с дочерью сидели напротив друг друга, а между ними стояли деревянные пьалы с натянутой на них голубой шелковой тканью: посередине шел длинный серебряный узор. Карл зачищал наждачной бумагой какую-то дощечку, по виду паркетную плашку.

— Смотрите все, кто к нам приехал! — воскликнул Драган, входя в гостиную. Общий крик радости был ему ответом.

Карл бросился со всех ног и повис на шее Леонардо.

— Здравствуй, братец Кролик! — сказал тот, подхватывая и целуя мальчика. И Карл на этот раз не рассердился, что Леонардо его так назвал.

— Я знал, что вы приедете! — сказал он дрожащим голосом, и стало ясно, что какие-то сомнения у него на этот счет все-таки были.

— Дохлые вороны вокруг дома — это не твоя работа, Робин Гуд ты наш дорогой? — спросила Сандра, целуя мальчика.

— Моя. Мы неделю из дома не могли выйти, пока стая не убралась отсюда. — Вы сидели взаперти из-за стаи ворон?

— Вы бы видели эту стаю! Когда она налетела на наш остров, небо потемнело!

— Это было настоящее нападение, — подтвердил доктор. — Стая из тысяч ворон,

голодных, свирепых и бесстрашных. Они бросались на окна, лезли в печные трубы — в общем вели себя как безумные. Хорошо, что стекла в окнах пуленепробиваемые. Мы опять жгли все

подряд, чтобы огонь не дал им пробраться в дом по дымоходам.

— А некоторые все-таки врываются в дом через дымоходы. Они горели заживо, но все равно бросались на людей!

— Боже мой, какой это, должно быть, был ужас! — воскликнула Сандра.

— Ничего, мы справились, — успокоил ее Карл. — Адохлых ворон потом, конечно, уберем. Сейчас времени на это нет, дрова надо добывать. Эй, Эйлин! Ну что, ты проспорила? Я говорил, что они приедут на Рождество, а ты боялась, что в такой мороз они к нам не доберутся. Кто из нас был прав?

— Ты, слава Богу, — ответила девочка, обнимая Сандру. — Мы вас так ждали!

— Здравствуй, милая. Здравствуйте, леди Патриция. А что это за вышивание у вас?

— Епитрахиль для отца Иакова. Мы нашли внизу книгу о вышивании церковных облачений "по карте" и теперь осваиваем это старинное рукоделие. — А где Марта и Хольгер?

— На кухне, — сказала Эйлин. — Марта с новыми женщинами готовит обед, а хитрый Хольгер играет им на гитаре, греется у плиты и время от времени снимает пробу.

— Сегодня на кухне дежурит Мария, — пояснила леди Патриция.

Когда все знакомые перецеловались, а незнакомые перезнакомились, Сандра сбегала на кухню поцеловать Марту, Марию и Хольгера и пообещала им дополнение к обеду.

Потом гости уселись у камина и слушали новости. Ланселот с Дженни все-таки уплыли в Иерусалим, и вестей от них, конечно, никаких нет. Ланселот предлагал Хольгеру и детям ехать с ним, но все они решительно отказались просить исцеления у Антихриста. Зато Хольгер и Мария теперь муж и жена, они обвенчались перед Рождественским постом.

— Передайте хозяйке Бабушкиного Приюта, что, несмотря на морозы, паркет мы бережем, — сказал отец Иаков. — Во время налета ворон немного сожгли, но тронули только ту часть пола, которую перед этим починили, старые дубовые плашки не брали, берегли.

— А сейчас где берете топливо? — спросил дядя Леша.

— Пока в лесу. За целый день работы мы успеваем напилить и наколоть дров на три дня топки, но большой запас сделать никак не удастся: при сильном ветре работать в лесу просто невозможно. Уже месяц как ртутный столбик стоит на сорока градусах почти недвижно. Кроме того, у нас мало работников. Доктор не может заниматься заготовкой дров: без него дети пропадут, поэтому мы ему не позволяем заниматься тяжелым трудом и выходить из дома в сильный мороз. У него теперь прибавилось пациентов. Тех, кто просто умирал с голоду на дорогах, довольно скоро удастся откормить, но среди новых жильцов много больных. Достается нашему доктору, и мы его бережем. В общем, работаем в лесу, пилим деревья и рубим дрова мы с Драганом, а Карл, Хольгер и женщины помогают их носить в дом. К сожалению, у нас нет ни тележки, ни санок. В общем, с топливом беда. А если лес еще больше завалит снегом, тогда мы вынуждены будем начать пилить деревья в саду и разбирать сарай. Курятник, простите, Сандра, мы уже разобрали, ведь Патти уплыл в Иерусалим вместе с Дженни...

— Дорогой батюшка, если вы не перестанете извиняться, я на вас обижусь, — сказала Сандра. — Бабушка дала вам свое благословение на все, вы же это знаете преотлично.

— Мы помним об этом, и наши дети каждый день поминают ее и вас с Леонардо в своих молитвах, — сказал отец Иаков.

Тем временем мать Евдокия отвела в сторонку доктора Вергеланна. — Скажите, доктор, ваши дети постятся?

— Конечно, постятся, мать Евдокия. Но в меру, само собой: если кто простужен, а простужаются они часто, Марта разводит молочный порошок и поит их горячим молоком. А почему вы спросили?

— Мы привезли козье молоко, и я подумала — не дать ли его детям? Как вы считаете, доктор?

— Милая моя монахиня, в этом пока нет нужды. Если бы вы знали, как питались наши дети до того, как Сандра открыла для нас тайное хранилище своего деда, вы бы это поняли. За эти три месяца все наши ребятишки набрали вес, подросли, а главное поздоровели. Я думаю, молоко надо отдать нашей поварихе Марте: она сообразит, как его приберечь до Рождества.

— К Рождеству мы привезли гусей, яйца и сыр.

— Вот пусть все это вместе с молоком и полежит еще неделю: пост перед праздником делает праздник только радостнее, а нашим детям полезно радоваться. Вы, на верное, слышали, сколько им, беднягам, досталось!

— Да, Сандра и Леонардо все нам рассказали.

— Нам — это кому?

— Монахиням Свято-Богородицкого монастыря, который скрывается в горах от Антихриста. Разве вы не знаете? — удивилась мать Евдокия.

— Нет. Мы знаем только, что у супругов Бенси где-то есть дочь Сонечка и добрая Бабушка, владелица этой усадьбы. Рассказа ли они, что у них есть друг, великий мастер на все руки дядя Леша, и вот теперь мы его увидели. А про монастырь в горах мы ничего знать не знали.

— Понятно. Это Сандра и Леонардо переусердствовали с конспирацией. Мы уж не будем их за это ругать, правда, доктор? — Правда, мать Евдокия.

— А деток ваших, чтобы не нарушать святого поста, мы с вашего разрешения порадуем сегодня свежими фруктами.

— Это я полностью одобряю! Наши дети, конечно, получают витамины и сладости, но свежих фруктов давно не видели.

Дядя Леша между тем уединился с отцом Иаковом и вел допрос с пристрастием:

— Бензопилы у вас есть? А пилорама найдется? — А это что такое — бензорамма?

— С вами все ясно, батюшка. Завтра сам пойду в ваше хранилище и разберусь, почему это вы в таком прорыве с лесозаготовками.

— Мужчин у нас мало...

— Я когда-то был один мужик на весь женский монастырь и ничего, справлялся!

— Так то вы, Алексей! Сандра про вас рассказывала удивительные истории. А мы обыкновенные современные мужчины, мы до Антихриста только кнопки нажимать умели.

— Вот то-то и оно... Ну а что с автобусом, на котором вы детей сюда привезли?

— Понятия не имею... Да вы, дорогой Алексей, завтра сами можете его осмотреть, он в саду за домом стоит! — попытался успокоить дядю Лешу отец Иаков.

— Как "в саду"? Вы что, не догадались загнать его под крышу, когда ударили морозы? Ну, ребята, вы даете!

— Не до того нам было, Алексей, ведь холода наступили внезапно. Да, признаться, мы этот автобус как бы списали со счета: с тех пор как он на одном "Господи, помилуй" дотащил нас до усадьбы, нам ни разу не удалось его завести.

— Ясно. Завтра погляжу, что там такое с ним. Ходит он на батарейках или на бензине?

— На бензине. И его у нас большой запас, не волнуйтесь.

— А я и не волнуюсь — я думаю. Впрочем, думай не думай, а полный техосмотр делать придется.

Отец Иаков слушал дядю Лешу и кивал уважительно.

Немного отдохнув с дороги и обменявшись новостями, Леонардо и Сандра предложили перенести продукты из джипа в дом, чтобы они не померзли: им уже сказали, что по ночам мороз усиливается.

— Ох, как холодно, Леонардо! — сказала Сандра, когда они вдвоем несли ящик с яблоками. — Даже мой дедушка не смог всего предусмотреть: кто бы мог подумать, что в этих краях когда-нибудь будут такие морозы!

— Да, от гнева Божьего не укрыться никакими человеческими усилиями. А вот наши то монахини ничего не копили, не запасали, убежищ не строили, а у них все есть.

— Долину хранит Пресвятая Богородица. Как хорошо, что наша мудрая Матушка решила перевозить детей в Долину! Вот только сумеет ли дядя Леша починить автобус?

— Дядя Леша не сумеет?! Да быть такого не может!

Вечером после службы и ужина все снова уселись у камина, в который для жара были положены два метровых чурбана. Сидели, разбившись на группки.

— Я уже мыслил, что монастырей во всем мире не осталось, — говорил Драган матери Евдокии. — Так хочется побывать на настоящей монастырской службе, это ведь такая радость!

— За чем же дело стало? Приезжайте, мы гостям рады. А вы что, Драган, бывали на монастырских службах?

— О да, я бывал! Сербия, если вы знаете, о чем я говорю, долго Антихристу не поддавалась, хотела идти тем же путем, что и Россия. Это уже после Катастрофы вражьи силы захватили ее и насильно присоединили к мировому сообществу. А до того было у нас все — и крепкая вера православная, и церкви, и монастыри. Сестра моей матери была игуменья в женской обители. Мальчиком я любил ездить к ней и все службы монастырские выстаивал, как суслик. А еще я

любил сидеть в игуменской у моей тетушки и слушать ее рассказы о старине. Между прочим, она мне и о русских монахинях рассказывала.

— В самом деле? — удивилась мать Евдокия. — Она что, в России бывала?

— Нет, не так. Это они жили у нас в Сербии. После сатанинской революции в России русские монахини бежали к нам, в Сербию. Она с ними не просто имела встречи: она свою монашескую жизнь начала в русском монастыре в Сербии...

— Что вы такое говорите, Драган? Ваша тетушка-сербка жила в русской обители?

— Ну да, а что в этом есть удивительное? Не одна она... Понимаете, мать Евдокия, наше сербское женское монашество к двадцатому веку иссякло, женские монастыри закрылись. Когда в Сербию по приглашению нашего короля Александра пришли русские монахи ни, бежавшие от коммунистов, наши церковные власти отдали им опустевший монастырь. Сербские девушки и женщины начали поступать в русскую обитель, принимали в ней постриг, учились, а потом уходили по благословению игуменьи и основывали сербские монашеские общины. Вот моя тетушка и была одной из таких сербских настоятельниц русской православной школы!

— Ох, Драган, — волнуясь, сказала мать Евдокия, — как же тесен, оказывается, наш православный мир! Ваша тетушка вам что-нибудь рассказывала о том русском монастыре?

— Она много рассказывала, но я был маленький и с годами многое позабыл. Но я хорошо запомнил, что монастырь был по священ Божией Матери, и сестры вынесли с собой из России чудотворную икону Богоматери. У тетушки была ее копия, она ее очень почитала. Она говорила, что икону эту века назад нашли в лесу пастухи.

— Икона, высеченная на круглом красном камне и найденная на старом грушевом дереве...

— Так. Вы о ней знаете?

— Я молюсь перед нею всю мою монашескую жизнь. Это наша чудотворная икона, Драган. Это наша обитель ушла из России в Сербию после революции, это у нас воспитывались будущие сербские игуменьи.

Драган довольно долго молчал, а потом вдруг наклонился и поцеловал монахине руку. Она одернула ее почти сердито. — Да вы что, Драган!

— Мать Евдокия, мать Евдокия... — пробормотал Драган, поднимая голову и смахивая слезы с бороды. — Да, мы, сербы — большая сила, когда мы вот так, вместе с русскими! Теперь я спокойно отпускаю с вами детей. А потом, если можно, сам приеду к вам поклониться чудотворной иконе Божией Матери, перед которой сестра моей матери приняла постриг.

— Приезжайте, Драган, мы будем вам рады, — сказала мать Евдокия, ласково глядя на бывшего разбойника.

— Послушай, Сандра, — сказал перед сном Леонардо. — Пока дядя Леша чинит автобус, а детей готовят к поездке, мы с тобой могли бы съездить в Бергамо, раз тебе этого так хочется. Ты оставишь письмо для Миры, и мы заберем кой-какие книги, оставшиеся после набегов Миры. Представляешь, как наша мать Наталья будет счастлива, если мы их ей привезем?

Сандра молча поцеловала мужа, закрыла глаза и тут же мысленно принялась сочинять письмо

Мире: завтра утром она возьмет из хранилища бумагу и карандаш и напишет его в дороге.

Глава 7

Дорогой они ночевали в машине, время от времени просыпаясь, чтобы включить отопление. Остановившись на ночлег трижды, и Сандра вдруг задумалась:

— Как это получается, Леонардо? Даже когда я ехала в Бергамо в первый раз, я ночевала в дороге только две ночи. А теперь мы не успеваем устать от дороги, как уже темнеет и нужно остановиться на ночлег.

— Ты тоже поняла, что время внизу бежит быстрее, чем в Долине?

— Да. В этом, в общем-то, нет ничего удивительного — зимние дни короче, а там у нас зимы не бывает.

— Дело не в этом. Я еще в прошлый раз заметил, что мои часы все время отставали от тех, что были у доктора. Мне даже неудобно стало постоянно к нему обращаться. Вернулся в Долину, смотрю, мои часы опять перестали отставать, ну я и забыл об этом. А в этот раз я стал следить за часами: представь себе, от заката до заката проходит всего восемь часов. На земле установились восьмичасовые сутки!

— Так вот почему я не высыпаюсь в Бабушкином Приюте! — Ну да, поэтому.

— В Писании сказано, что ради праведников антихристовы дни сократятся. Значит, имелось в виду вовсе не количество дней скорби, а сами дни? — Выходит, так.

К вечеру третьего дня они одолели ледяной бесснежный перевал и спустились с Альп на побережье Средиземного океана. Здесь тоже царила зима, но мороз был гораздо слабее, чем в Баварском Лесу, всего градусов под двадцать.

— Едем сразу в Бергамо или сначала заедем на фабрику за книгами? — спросил Леонардо, когда они подъехали к указателю с надписью "Вилла Корти".

— Уже темнеет, а на фабрике нет света, мы не сможем выбрать книги. Поедем сначала к тебе домой.

— Домой, — невесело усмехнулся Леонардо. — Наш дом теперь в Долине, на полпути к Небесам. Ты знаешь, я боюсь, что в моей квартире нельзя будет остановиться на ночлег.

— Вы же совсем недавно ночевали там с дядей Лешей?

— Тогда было теплее. В моей квартире нет отопления, и боюсь, теперь она превратилась в ледяной склеп. Мы посмотрим, нет ли письма от Миры, оставим для нее твое послание и сразу же уйдем. И знаешь, лучше нам вообще не ночевать в Бергамо, а сразу поворачивать назад: будем вести машину и спать по очереди.

— Не лучше ли в таком случае заехать на фабрику прямо сейчас? — Да, пожалуй.

Они свернули на дорогу, по краям которой стояли мертвые рыжие деревья, некогда вечнозеленые пинии и кипарисы.

— Бедные "бабушкины зонтики"! — вздохнула Сандра. — Почему зонтики?

— Когда-то Бабушка говорила, что на виллу Корти ведет дорога, обсаженная деревьями, похожими на ее зонтик: пинии — на раскрытый, а кипарисы — на сложенный. А теперь и те и другие стоят мертвые...

— Даже не верится, что в Долине сейчас всюду цветут фруктовые деревья.

— А земля покрыта весенними цветами, и над ними порхают птицы, бабочки и дети.

— Потерпи немного, мы уже скоро вернемся домой. — Да, скоро... Если даст Бог!

Они проехали вдоль ограды, потом свернули в раскрытые ворота, сплошь покрытые высохшими плетями вьюнка-быстрыка. По растрескавшейся дороге проехали мимо мертвых деревьев сада и сквозь руины макаронного гиганта спустились к пересохшему ручью и старой макаронной фабрике. Леонардо нашел припрятанный ключ и отпер висячий замок. Внутри Сандра сразу же увидела макаронный агрегат и подошла к нему. Он был покрыт толстым слоем пыли.

— Вот здесь я тебя впервые увидела, мило Леонардо, за этим самым пультом.

— Да. Я сидел, тянул макароны, гулял в Реальности и ждал тебя, кара Сандра. Идем сразу на склад, не будем терять время на воспоминания. Хорошо, что я догадался взять фонарик.

Макарон на складе не было, но книги они увидели сразу. Только они уже не были уложены в макаронные коробки и обернуты пластиком, как раньше, когда Леонардо приезжал с дядей Лешей за жерновами, а валялись по всему складу; многие книги были без переплетов, всюду белели варварски выдранные страницы.

— Боже мой! Да тут грабители побывали! — в ужасе воскликнул Леонардо

— Нет, Бенси, ты ошибся. Кроме меня, здесь никого не было.

Оба обернулись на голос. Расставив ноги и скрестив руки на груди, в дверях стоял Ромео ди Корти-младший. Сандра подобрала с пола какую-то книгу, отвернулась и стала ее листать.

— Зачем же ты устроил тут этот погром, Ромео? — с удивлением спросил Леонардо.

— Ромео ди Корти, с твоего позволения. Ты хочешь услышать мои объяснения? Я готов их дать. Но это потребует времени. Может, для начала поздороваемся? — Ну здравствуй, ди Корти.

— Здравствуй, Бенси. Может, представишь меня твоей соучастнице? — Что значит "соучастнице"?

— Соучастнице в преступлении против частной собственности. Вы вторглись в частное владение без разрешения хозяина.

— Извини, ди Корти, но хозяин этой фабрики и сада я. Ты прекрасно знаешь, что твой отец завещал их мне.

— Вот об этом я и хотел бы с тобой потолковать, дорогой Леонардо. Бери свою подругу и поехали на виллу — там поговорим, — не дожидаясь ответа, ди Корти развернулся и вышел за дверь. — Поезжай один, — сказала Сандра. — Ты боишься, он тебя узнает? — А ты думаешь — нет?

— По-моему, ты так изменилась, что узнать тебя просто невозможно.

— Я не хочу рисковать. Скажи ему, что я останусь тут разбирать книги. Леонардо вышел за дверь.

Ди Корти появился из-за угла, ведя за руль странную приземистую машину на двух толстых колесах, закрытых щитами. "Мотоцикл? — предположил Леонардо. — Да вроде нет, но что-то похожее. Сандра наверняка знает". — Едем на виллу, — бросил ди Корти.

— Ну что ж, поехали, — сказал Леонардо и направился к джипу. — А твоя подруга? — Это моя жена.

— О, синьора Бенси? Поздравляю. Бери ее с собой и поезжай следом за мной на виллу. Разговор будет долгий, она замерзнет тут, дожидаясь тебя. — А чего ты, собственно, хочешь, Корти?

— Ди Корти.

— Что тебе от меня надо, ди Корти? Ты хочешь сад и фабрику? Забирай.

— Так ты готов признать, что мой отец был не в своем уме, когда изменил свое завещание в твою пользу? — Этого я не говорил и не думал.

— Но ты же только что заявил, что готов отказаться от фабрики и сада!

— Готов, готов, не волнуйся. Я не готов считать моего друга Ромео ди Корти-старшего сумасшедшим.

— Друга! — фыркнул ди Корти. — Так ты дашь мне письменный отказ от прав наследования?

— Да, пожалуйста! Я, знаешь ли, не нуждаюсь в недвижимости.

— В таком случае приглашаю вас обоих на скромный ужин, за которым мы заодно утрясем все формальности. Сегодня, Бенси, как раз годовщина смерти моего отца и твоего хозяина. Не осталось в живых никого, кто мог бы помянуть его вместе со мной.

— Хорошо. Мы согласны, — сказал Леонардо. — Я так и думал. Поезжайте за мной!

Ди Корти оседлал свою приземистую машину, завел мотор, неуклюже развернулся и поехал по дороге к саду, грохоча и подпрыгивая. — Что это у него за машина, Сандра?

— Скутер. Почему ты решил принять его приглашение?

— Он ужасно выглядит, Сандра. Лицо какое-то испитое, желтое, глаза красные, а в глазах тоска. Я просто не узнаю в нем прежнего победителя жизни Ромео ди Корти.

— И поэтому ты решил в утешение подарить ему сад и фабрику?

— А пусть берет, мне не жалко! Зато его почему-то ужасно жаль. Не забывай, Сандра, мы знаем друг друга с детства, вся жизнь прошла рядом, хоть и по-разному прошла.

— Да, он очень изменился, и с первого взгляда не понять, к худшему или к лучшему. Пьет, наверное. С детства не выношу пьяниц!

— Но отдать ему права на наследство и поговорить с ним о нашем ди Корти мы ведь можем? — Ты уже согласился. Едем, Леонардо. Они сели в джип и отправились на виллу Корти.

Подъезжая, они увидели, что вилла теперь обнесена высоким сетчатым забором на высоких столбах с загнутыми внутрь верхушками и несколькими рядами колючей проволоки поверху. В окнах виллы не было света, но терраса была ярко освещена и на ней их поджидал хозяин.

Сандра и Леонардо поднялись по широким ступеням на залитую ярким светом террасу. Свет давал какой-то странный фонарь — большая голая лампа, насаженная на зеленый железный цилиндр. Мимоходом Сандра обратила внимание на затоптанный и покрытый мусором мраморный пол, на грязные майоликовые горшки с засохшими растениями; край одного горшка был отбит, и черепок валялся тут же на полу.

Они вошли в холл, некогда сверкавший роскошью и поразивший ее шелковыми белыми ламбрекенами. Два клона вскочили с мраморной скамьи у двери, когда они вошли, и опустились на место, когда ди Корти небрежно махнул им рукой. Ламбрекены на окнах еще висели, но белыми они не были уже очень давно.

По лестнице они поднялись на второй этаж, прошли темным коридором, освещенным единственной свечой в большом канделябре, потом ди Корти распахнул перед ними дверь.

Небольшая гостиная, в которую они вошли, освещалась свечами в подсвечнике на каминной полке и горящими в камине дровами. Перед камином стоял низкий круглый стол, на нем — три темные бутылки и несколько бокалов. Вокруг стола стояло несколько пыльных парчовых кресел.

— Ну вот мы и встретились, Леонардо, и как странно, что именно сегодня, в годовщину смерти отца. Садитесь оба к столу. Супруги сели.

— Для начала я хочу предложить вам по бокалу вина.

Не дождавшись ответа, ди Корти взял бутылку и разлил темное красное вино по трем бокалам.

— Бордо, вино из французских виноградников, давно ушедших под воду. Это последние три бутылки из запасов моего отца.

Выпьем за упокой души старого чудака Ромео ди Корти-старшего, макаронщика, библиофила, тонкого антиквара и столь же тонкого ценителя женской красоты!

Леонардо молча взял бокал. Сандра, подумав, протянула руку и взяла второй. Леонардо опустил голову и замер. Сандра поняла, что он молится, и тоже прочла молитву за упокой души раба Божьего Ромео — Романа, наверное?

— Выпьем, — сказал ди Корти и выпил свой бокал залпом. — Так не пьют красное вино, но я научился этому у русских. — У русских? — удивился Леонардо. — Да. Я побывал в России.

— Ты был в России? Как ты туда попал, Корти?

— На парашюте. Выполнял задание Мессии.

— Расскажите нам о России, пожалуйста, — попросила Сандра.

— О! Наконец-то я услышал ваш голос, синьора Бенси! И он почему-то кажется мне знакомым, как и ваше лицо. Мы встречались? Сандра промолчала, делая глоток вина.

— Вы ведь из Бергамо? О, славные девушки Бергамо, прелестные "бергамоточки"! Кажется, в

былые годы я не пропустил ни одной. Я сам установил для себя средневековое "право первой ночи" и старался изо всех сил, чтобы бергамские красотки выходили замуж только через мои руки.

— Я не из Бергамо, синьор Корти, — спокойно сказала Сандра, ставя бокал на стол.

Леонардо потягивал вино маленькими глотками и молчал.

— Судя по твоей реакции, Леонардо, вернее по ее отсутствию, жена твоя в самом деле не из Бергамо, но и она очень хороша собой.

— Перестань трепаться, Ромео. Лучше расскажи нам о России, — сказал Леонардо. — Давно ты там был? — За месяц до войны. — И что ты там видел?

— Ничего похожего на то, о чем говорилось в наших новостях. Страна мало цивилизованная, пестрая, во многих отношениях страшно отсталая, но очень, очень богатая и сильная. — В чем ты увидел ее отсталость?

— Порядка нет. Теснота ужасная. На улицах столицы — я был в Санкт-Петербурге — полно народу, и все постоянно общаются между собой, ездят все вместе в общественном транспорте, буквально прикасаясь боками. Слишком много детей. Кстати, там до сих пор живут семьями. Я наблюдал семьи с тремя и даже пятью детьми, но слышал, что бывает и больше. И жуткое количество стариков, противно ходить по улицам! Эвтаназии у них нет и, похоже, никогда не будет. Кругом церкви, а в них полно народу, колокола звонят постоянно. И горожане, и сельские жители носят что попало и едят кому что вздумается. Нормальных синтезированных продуктов практически нет. Приходится волей-неволей потреблять натуральные продукты, а это приводит к девальвации привилегий: можно сказать, что народ России вынужденно питается так, как у нас имеют право питаться лишь члены Семьи. Что еще?.. Никакого представления о гигиене, и в этом смысле живут они как дикари: дети и влюбленные ходят взявшись за руки, а взрослые при встречах целуются и пожимают друг другу руки, как в Реальности!

— А Реальность у них есть? — спросила Сандра.

— Нет. У них есть театры, кино и телевидение, музеи, картинные галереи... Но, по-моему, они большую часть свободного времени проводят в семье и в церкви, а Реальность им заменяют книги. Книгами у русских завален каждый дом, в их жилища просто страшно заходить, книги читают даже несовершеннолетние дети! — Они очень страдают без персоников?

— Отнюдь! Они привыкли к своему варварству да и вообще довольны жизнью.

— Абсолютно все довольны?

— Нет, почему же. Есть люди, мечтающие о вступлении России в мировое сообщество, они зовут себя "прогрессистами". Я был с такими в контакте. Они годами ждали помощи от Мессии и тайно мечтали об освободительном вторжении. И Мессия готовил та кое вторжение в Россию, но оно сорвалось, как вы знаете: наши ракеты едва успели подняться в воздух, как были взорваны русскими прямо над Европой.

— Как же им это удалось, при таком-то варварстве?

— Не знаю. Я для того и был заброшен в Россию, чтобы узнать о возможности ответного удара. Не я один, нас было довольно большой отряд. Но нам ничего не удалось выяснить, разведка

оказалась безрезультатной. Если не считать того, что мы научились пить и есть по-русски. — А что, русские много пьют?

— В массе — нет, ведь они постятся больше половины года. По-настоящему пить умеют только прогрессисты. Эти пьют с горя: они хотели бы жить, как планетяне, а не имея этой возможности, топят горе в бесконечных и бесплодных разговорах под водку.

— Так выходит, большинство русских вовсе не завидует планетянам?

— Напротив, я бы сказал, что эти психопаты нам искренне сочувствуют.

— Почему ты называешь их психопатами, Ромео?

— Да они же все не в своем уме! Ну вот вам пример. В России, с ее отсталой наукой, клонов, конечно, нет, они о них знают только из своей прессы. И эти психи, можете себе представить, сочувствуют клонам! Хотите, я вас позабавлю печальной русской песенкой о клонах?

Ди Корти отошел в угол комнаты и достал из шкафа небольшой черный пластиковый ящичек с кнопками и несколько небольших плоских коробочек с яркими этикетками.

— Это старинный музыкальный аппарат, работает на допотопных электрических батарейках. Я его привез из России вместе с музыкальными дисками. Сейчас вы услышите русскую песню о клоне. В ней говорится о том, как несчастный клон замерзает русской зимой.

— Может быть, это песня о замерзающем ямщике? — спросила Сандра.

— О, нет! Песню о замерзающем в степи ямщике я слышал в России много раз. Хорошая песня, хотя и сентиментальная. Нет, это песня о клоне, который замерзает, стоя на посту.

Он поставил аппарат на стол, нажал кнопку, и мужской голос громко и с большим чувством запел по-русски: Клён ты мой опавший, клён заледенелый, Что стоишь, качаясь, под метелью белой...

Сандра опустила голову, пряча смех, но потом справилась с собой и стала просто слушать. Когда песня кончилась, ди Корти убрал аппарат, вернулся к столу и предложил выпить еще по бокалу, а потом перейти к делам.

— Так чего ты от меня хочешь, Ромео? — спросил Леонардо, отпивая из бокала. — Ты хочешь получить развалившуюся макаронную фабрику и мертвый сад? Бери. Они мне совсем не нужны.

— И ты готов подписать отказ от наследства? — Да, пожалуйста!

— Я ждал встречи с тобой, поняв, что ты время от времени посещаешь старую фабрику, и уже приготовил бумагу об отказе. Подпишешь прямо сейчас или отложим до утра? Я предлагаю вам ночлег: в такой мороз опасно передвигаться по ночам.

— Коли уж ты так любезен, мы переночуем у тебя, а в путь двинемся утром. Может быть, ты разрешишь нам завтра взять кое-что из книг на фабрике?

— О чем разговор? Завтра же забирайте хоть все. А твой отказ от наследства давай все-таки оформим прямо сейчас. — Давай его сюда, я подпишу.

Ди Корти вышел, и Сандра сразу же спросила:

— Ты уверен, что это не опасно — остаться тут до утра?

— Мне кажется, нет. Корти уже почти не стоит на ногах. Еще одна бутылка — и он готов.

— Надеюсь, ты не собираешься ее с ним распивать?

— О нет! Я подпишу бумагу и мы пойдем спать.

В гостиную вернулся ди Корти, неся в руке лист бумаги и автоматическую ручку. — Вот. Читай и подписывай. Леонардо взял документ и внимательно его прочел и сразу же подписал.

— Как, однако, просто. Гм... Знаешь, Бенси, я не ожидал, что ты так легко согласишься, — сказал ди Корти, складывая бумагу и пряча ее во внутренний карман своего форменного костюма. — Ну вот, полдела сделано. А теперь, дорогой мой Бенси, я, движимый чувством искренней неблагодарности, скажу тебе, почему я хотел получить от тебя этот изуродованный клочок земли и разрушенную фабрику. Я видел долгосрочные планы Мессии по переустройству Планеты и карту намеченных в Средиземноокеании преобразований. Бергамо будет затоплен, а на месте моей виллы, сада и фабрики намечено построить крупный порт. Ты представляешь, как взлетит в цене земля и сколько ты сейчас потерял, Бенси?

— Ты сказал, что планы долгосрочные, не так ли? Долго же тебе придется жить, Корти, чтобы увидеть, много ли я сегодня потерял на самом деле.

— А ты что, не веришь в реальность планов Мессии?

— Уже поздно для серьезных разговоров, — сказал Леонардо, поднимаясь. — Поговорим завтра, хорошо? Покажи, где мы проведем эту ночь. — А выпить со мной вы больше не хотите? — Мы очень устали сегодня, извини.

— Ну что ж... В таком случае спасибо за компанию и пойдете. Бенси, возьми подсвечник: в комнате для гостей нет электричества, как впрочем, и на всей вилле.

Ди Корти вывел их из гостиной и повел по коридору.

— Вы будете сегодня ночевать в нашей лучшей комнате для гостей, в так называемой "синей комнате". Когда-то в ней ночевали только дамы Ромео ди Корти-старшего, была у него такая прихоть.

Они вошли в комнату, где стены, мебель и занавеси на окнах были синего цвета. Сандра опустила глаза: ей уже приходилось бывать в этой комнате в прошлом.

— Ага, мои клончики успели растопить для вас камин.

В комнате было прохладно, но от горящего камина шло тепло.

— Белья на постели нет, поскольку стирать его некому, но зато есть одеяла и подушки. Устраивайтесь! И ничего не опасайтесь, спите спокойно — на окнах крепкие решетки.

Сандра сразу же вспомнила, что прежде никаких решеток в этой комнате не было.

Леонардо поставил подсвечник на каминную доску и обернулся к ди Корти, уже стоявшему в дверях.

— Спасибо, Ромео. Спокойной ночи! И больше сегодня не пей, побереги вино.

Ди Корти улыбнулся и сказал, вынимая ключ и вставляя его в дверь с наружной стороны:

— Я обязательно выпью еще, Бенси. Мне есть за что выпить. Сегодня я сделал все, чтобы вернуть себе две вещи: свою собственность и расположение Мессии. Он простит мне провал операции в России, когда я сдам ему русскую шпионку: еще никому никогда не удавалось поймать русского шпиона на территории Планеты! Постарайтесь сегодня выспаться, прекрасная экологистка Юлия, чтобы завтра, когда вас придут арестовывать высшие чины нашей контрразведки, у вас был товарный вид!

Ди Корти резко закрыл за собой дверь, и они услышали, как ключ дважды повернулся в замке. Потом они услышали, как он шагает нетвердой походкой по коридору, напевая: "Клон ты мой упавший, клон заледенелый...". Сандра схватила мужа за руку.

— Бегом! Ди Корти знает о потайном ходе в этой комнате и наверняка собирается устроить нам засаду в бывшей библиотеке отца. Он любит театральные эффекты. Но он пьян, и мы еще можем его опередить.

Леонардо схватил с камина подсвечник с горящей свечой. Они вбежали в ванную комнату. Сандра бросилась к шкафу, в котором висели купальные халаты, откинула их в сторону и толкнула дверь в задней стене шкафа. Она шагнула в шкаф и придержала халаты, пропуская вперед Леонардо. Мятущийся на сквозняке огонек свечи осветил в узком пространстве перед ними ведущую вверх лестницу. Они бегом поднялись по ней, отворили еще одну дверь и оказались в кабинете Ромео ди Корти-старшего, темном, пустом и холодном. Пробегая мимо стоявшего посередине стола к двери, ведущей в коридор, Сандра увидела на столе пачку ярких цветных плакатов, а на них... Она не стала ничего объяснять Леонардо, а просто схватила на бегу всю пачку. Они выскочили в темный коридор и помчались в его конец. Когда они закрывали за собой дверь, ведущую на лестницу для прислуги, в конце коридора на потолке затрепетало пятно света.

Леонардо знал эту часть дома лучше Сандры, он всегда ходил к своему хозяину и патрону черным ходом. Они почти скатились вниз по лестнице до самого подвала, где размещалась кухня, а из нее через дверь, имевшую запор только изнутри, выбрались на хозяйственный двор. Обежав дом, они выскочили к парковочной площадке, сели в джип, и Леонардо сразу дал газ. До новых ворот было всего метров десять и возле них стояли клоны с автоматами. Но Леонардо поехал не к воротам, а в сторону находящегося за домом сада. Объехав дом, он по прямой помчался через сад, мимо мертвых деревьев и пустого бассейна, и набрал скорость как раз к тому моменту, когда перед ними оказалась сетчатая ограда. Хорошо, что на вилле нет электричества, подумал Леонардо, с ходу проламываясь сквозь железную сетку.

Через несколько минут они уже мчались по дороге мимо "бабушкиных зонтиков".

— Что ты там прихватила в комнате старика, Сандра? — Свои портреты. — Да ну?

— Помнишь, я рассказывала тебе о плакате, который распространяла полиция после того, как я в первый раз удрала от ди Корти-младшего?

— Из серии "Разыскиваются враги Мессии"? Тот, что вы с Мирой увидели на острове Белом? Помню, конечно.

— Видно, у Корти с того времени остались эти плакаты, и он приготовил их в комнате старика, где собирался устроить нам засаду. Наверное, хотел поглумиться. — И ты все плакаты унесла с собой? — Конечно! А что?

— Зря. Надо было взять половину. Теперь-то он уже догадался, что мы его опередили. — Леонардо, я дура!

— Не смей называть душой мою жену! Не бойся, Сандра, мы успеем удрать. — Хорошо бы... — На своем драндулетике он нас не догонит.

— Надо думать. Если только у него нет другого транспорта.

Начало светать. Через некоторое время Сандра спросила:

— А что же, в Бергамо мы теперь не попадем?

— Нет смысла. Корти знает мой дом и обшарит его в первую очередь. Хорошо, что мы не поехали туда сразу и не оставили там письмо для Миры. — Боже мой, вот был бы ужас!

— Не думай о том, что не случилось. Покажи-ка мне лучше твой портрет. — Ни за что на свете! Ну ладно, смотри.

— Гм. Ты очень выросла с тех пор и похорошела, кара Сандра! — Я выброшу эти плакаты в окно, можно?

— Не надо открывать окно — машину выстудишь. — Ладно, успею выкинуть.

И тут они услышали позади нарастающий гул.

— Кто-то нагоняет нас, — сказала Сандра. — Надеюсь, не Ромео на скутере.

— Нет, это не скутер, — сказал Леонардо, глядя в зеркало заднего обзора. — Это какой-то мощный мобиль, скорее всего военный.

Нагоняя джип, красный военный мобиль принялся яростно сигналить. Леонардо увеличил скорость.

— Осторожно, мио Леонардо, справа у нас высокий обрыв!

— Спокойно, Сандра. У Ромео — тот же обрыв с той же самой стороны, так что он рискует не меньше.

Оглядываясь, Сандра уже видела бледное пятно за ветровым стеклом мобиля. Ди Корти в машине был один. Он явно примерялся обойти джип, но дорога была слишком узка для таких маневров. Неужели впереди она станет шире, думала Сандра, и что тогда? Ди Корти перегорит им дорогу своим бронированным мобилем?

— Не волнуйся, — сказал Леонардо. — Ничего он нам не сделает, даже если сумеет нас остановить: все-таки нас двое против одного.

Он только не сказал жене, что ди Корти наверняка вооружен и к тому же изрядно пьян.

Дорога еще больше сузилась, и теперь ди Корти поневоле вынужден был держаться позади мобиля. — Как ты думаешь, чего он хочет?

— Это же очевидно, Сандра! Я уже говорил тебе, что ты зря забрала со стола все плакаты. Он так долго хранил портреты неизвестной "прекрасной экологистки Юлии", а ты их у него похитила. Вот он за тобой и гонится, бедный Ромео.

— Ты еще можешь шутить... Да пусть он ими подавится!

Сандра открыла окно и швырнула всю пачку полицейских плакатов прямо в ветровое стекло мобилы ди Корти.

— Боже мой! Ох, что он делает, сумасшедший! — Что он делает?

— Плакаты облепили ему ветровое стекло, а он, вместо того, чтобы остановиться, высунул руку в окно и пытается их сорвать на ходу. Его мобилка виляет из стороны в сторону. Ой, он задел за ограждение! И все равно не хочет тормозить, псих окаянный... Боже, спаси его! А-а-а-х! Стой, Леонардо! Господи, я же не хотела его убивать!

— Где он, Сандра? — резко затормозив, спросил Леонардо.

— Скорее, скорее бежим! Он проломил ограждение и слетел с обрыва!

Сандра первой выскочила из машины и подбежала к обрыву. Красный мобилка как раз перестал кувыркаться по откосу и остановился внизу, на камнях сухого русла реки, вверх колесами. Колеса еще крутились. Сандра стояла, в ужасе прижав руки к груди. И вдруг она медленно осела на дорогу. Леонардо подбежал к ней. — Что с тобой, Сандра?

Сандра что-то промычала, показывая в сторону обрыва. Леонардо бросился к ограждению и увидел Ромео ди Корти, уже выбравшегося из мобилы и горестно стоящего над ним со смятым портретом Сандры в руке.

— Успокойся, Сандра! Жив, жив твой поклонник!

— Слава тебе, Господи, слава тебе! — крестилась как заведенная Сандра. Леонардо по мог ей подняться и подвел к искореженному ограждению.

— Эй, Ромео! — крикнул Леонардо. — Прощай и не поминай лихом!

Ромео ди Корти-младший погрозил ему кулаком с зажатым в нем портретом "прекрасной экологистки Юлии".

Они забрались в джип и тронулись с места. Долгое время ехали молча.

— Мда-а, — произнес наконец Леонардо. — Я еще во время твоих приездов в Бергамо за макаронами подозревал, что Ромео ди Корти к тебе равнодушен, но по-настоящему ревновать тебя к нему я начал только сейчас. — Здравствуйте, приехали! Это почему же?

— Да-да, дорогая, теперь уж он никогда тебя не забудет. — В таком случае, и тебя тоже.

— О, нет! Ведь это твое лицо будет сниться ему каждую ночь, а не мое. Ну, по крайней мере, раз в неделю приснится точно. — Ну а это ты с чего взял?

— Ему будет видаться в кошмарах, как он кувыркается в мобиле, взирая на твой портрет, прилипший к стеклу. Бум! Трах! Тара-рах! А перед выкатившимися от ужаса глазами — лицо прекрасной Юлии. Нет, ты только представь себе эту картинку!

Сандра представила. Хихикнула разок, другой, а потом безудержно расхохоталась и очень долго не могла остановиться.

Глава 8

В Бабушкином Приюте, несмотря на сорокаградусный мороз, наступили жаркие дни. Дядя Леша не только автобусом занимался, но еще и руководил дровяными заготовками. Первым делом он соорудил какие-никакие сани, чтобы было на чем вывозить заготовленные дрова из леса. Правда, в сани приходилось впрягаться взрослым жителям Приюта, но другого гужевого транспорта не было. Как только Сандра и Леонардо вернулись из Бергамо, им тоже пришлось в прямом смысле запрячься в работу.

В один из вечеров мать Евдокия стояла на заднем крыльце дома, закутавшись в серый пуховый платок, и смотрела в сторону леса. Оттуда к дому двигались груженные с верхом сани, влекомые по глубокому снегу насельниками и гостями Бабушкиного Приюта. К передку саней дядя Леша прикрепил длинную оглоблю, а от нее отходили толстые веревки с широкими парусиновыми петлями: эти петли-перевязи мужчины и женщины надели на плечи и тянули сани по трое с каждой стороны оглобли.

— Бедные вы наши бурлаки! — воскликнула мать Евдокия, когда они подтянули сани к дому и стали выпрягаться из своей сбруи. — Мороз-то какой стоит!

— В самом деле мороз? А нам вот жарко! — сказал дядя Леша, сняв шапку и утирая пот со лба.

— Ты прости, Алексей, что я в твою епархию лезу, но не стоит ли поискать в окрестностях брошенный грузовой мобиль и с его помощью возить дрова из леса?

— Ты думаешь, мать Евдокия? — встрепенулся дядя Леша, но его пыл охладил отец Иаков,

— Остынь, Алексей! Не могу понять, по чему и зачем, — сказал он, снимая и аккуратно н сматывая веревки, которыми были увязаны дрова на санях, — но вся техника, которую мы встречали на дорогах, была разбита и искорежена.

— Люди ломали машины от отчаянья, — объяснил Драган, набирая дрова, чтобы сразу нести их на веранду, где у стены дома уже поднималась длинная аккуратная поленница. — Когда теряешь почти все, чем дорожил в жизни, возникает искушение уничтожить и то немногое, что еще осталось. Я прошел через это, я чуть-чуть самого себя не потерял.

— Глядеть спокойно не могу на бедных "бурлаков" наших, — вздохнула мать Евдокия. — Что есть "бурлаки"? — спросил Драган.

— Бурлаки в старину на Руси тянули по рекам суда с помощью длинной веревки — бечевы, — пояснила мать Евдокия.

— Может, Лебеда привезти на подмогу? Пусть в Бабушкином Приюте будет "лошадка, везущая хворосту воз".

— А что есть "лебедь"? — спросил Драган. — Я мнил, что лебедь есть птица.

— Нет, — пояснил дядя Леша, — это конь по имени Лебедь, в Долине у нас живет. По национальности француз, но воспитан при монастыре, так что не волнуйся, ревнитель православия.

— А!.. — сказал Драган и понес в дом огромную охапку дров

— Не пойдет, дядя Леша, — сказала мать Евдокия, спустившись с крыльца и тоже набирая

охапку дров. — Лебеда дети Долины ни за что не отпустят. Ты лучше потом смастеришь тележку, чтобы он мог наших новых детей по Долине катать.

— Хорошая мысль, мать Евдокия. Запиши, а то забудешь.

Они один за другим прошли с дровами на веранду и начали складывать их у стены в поленницу.

— Дядя Леша, я, кажется, знаю, как можно наладить доставку дров из леса без бурлачества, — сказала мать Евдокия, укладывая поленья. — Сказывай, умница.

— Наш монастырский мобиль — ты теперь сможешь его починить?

— Вестимо. Теперь у меня есть инструменты и детали. Починю, двигатель-то у него цел.

— Ну вот. Когда мы приедем в Бабушкин Приют за очередной партией людей, мы пригоним сюда наш монастырский мобиль. Потянет он сани по снегу?

— Потянет, куда денется! Я знаю, как приспособить его колеса для езды по глубокому снегу.

— Это будет великолепно! — заметил отец Иаков, аккуратно укладывая дрова. — Если у нас будет мобиль, который сможет проходить по глубокому снегу, мы сможем использовать его не только для вывоза дров из леса.

— Понял! — сказал дядя Леша. — Скажем так: днем, пока ваши лесорубы валят деревья и готовят дрова, два человека, один за рулем, другой с оружием, могут обшаривать окрестности в поисках погибающих людей. А к вечеру они возвращаются и вывозят дрова из леса.

Когда с дровами было покончено, "бурлаки" пошли в дом отогреться у камина.

— Мать Евдокия, из вашего разговора с Алексеем я понял, что вы собираетесь не только детей, но и других людей отсюда перевозить в Долину? — спросил отец Иаков.

— Конечно. Я думаю, Матушка благословит в следующий заезд забрать у вас всех стариков и больных. Только просьба к вам большая, батюшка! — Слушаю, мать Евдокия.

— Подготовьте этих людей к жизни в Долине. До сих пор с нами спасались лишь те, кто сознательно отверг Антихриста.

— Да, я понимаю. Какой-то отбор должен быть. Но в значительной степени он и так происходит. — Каким образом?

— Самым естественным. Скорбь и любовь, действуя по отдельности, зачастую озлобляют людей или делают их себялюбцами. Но когда скорбь вдруг встречается с любовью — это очищает. Почти ни у кого из тех, кого мы подобрали на дорогах, уже нет четкой печати Антихриста, их страдания и наше сострадание к ним почти стерли ее.

— Вот именно — почти! — заметил Драган. — У шести наших гостей еще сохранилась печать. Упрямец человек! Но с этих я глаз не спускаю.

— Драган у нас теперь ответственный за безопасность вместо Ланселота, — пояснил отец Иаков

— У меня же опыт, я сам был скорбным негодяем. Пускай в вашу Долину, мать Евдокия,

отправляются не те, кто мечтает круглый год есть фрукты и пить молоко, а те, кто хочет круглый год ходить на церковную службу. Такой критерий!

— А молоко и фрукты мы будем возить сюда и для тех, кто останется.

— Немногие у нас останутся, — сказал отец Иаков.

— Не грусти, отец Иаков, ты себе новых наберешь! — сказал дядя Леша, ободряюще похлопав священника по плечу.

— Что же такое эта ваша Долина? — спросил отец Иаков. — Почему, как вы рассказываете, в ней и тепло, и светло, и природа человеку совсем не враждебна?

— Некоторые наши монахини считают, что наша Долина — одно из мест, где Господь уже творит новую преображенную Землю. Но это только предположение: придет время — узнаем все точно.

— Как бы я хотел ее увидеть, вашу Долину!

— А кто же вам мешает поехать вместе с детьми? Они к вам привыкли, любят вас. — У вас в Долине есть священники?

— Конечно. — А здесь я один.

— Что ж, отец Иаков, с вами все ясно. Оставайтесь с Богом на месте, на которое вас Господь поставил, и Он вас не оставит. Ну и мы тоже.

Запас дров был сделан, автобус починен и утеплен, и вот наступило время прощанья. Леди Патриция и Эйлин успели до отъезда закончить епитрахиль для отца Иакова, и он надел обновку, когда служил молебен о путешествующих.

С новыми насельниками в Бабушкином Приюте остались только Драган, отец Иаков, Марта и Карл.

— У меня здесь моя кухня и мои могилы, — объяснила Марта свое желание остаться.

— Я должен помогать Драгану охранять Приют, — заявил Карл Мор, — от злых людей и ворон.

— А обо мне ты подумал? — спросил Леонардо. — У меня нет младшего брата и сына тоже нет, и я, признаться, очень рассчитывал на тебя: думал, вот ты со мной поедешь в Долину, будешь жить в нашей семье.

Карл сначала просиял, потом нахмурился, а после сказал:

— Ты ведь можешь считать, что у тебя есть брат, который служит в Бабушкином Приюте. Я к тебе приеду, когда тут будет полный порядок. А ты приезжай почаще.

— Это ты здорово придумал, Карл! Я так всем теперь и буду говорить, что у меня нашелся младший брат, который делает важное дело в Бабушкином Приюте. — А ваша Бабушка против не будет?

— Да ты что! Она страшно любит таких вот отчаянных и смелых парней.

— Ладно... Еще вот что, Леонардо: ты можешь, если хочешь, звать меня Братец Кролик.

— А я мысленно так тебя и звал, ждал только разрешения.

Карл подошел к нему и ткнулся головой в плечо.

— Смотрите, сестры, смотрите! Они возвращаются и везут детей! — закричала сестра Дарья, завидев на плотине автобус, а перед ним зеленый джип Леонардо. Монахини в это время как раз выходили из церкви после вечерней службы. Солнце, уже коснувшееся горных вершин, заливало плотину и едущие по ней машины мягким предзакатным светом, и в окнах автобуса были видны детские лица, прильнувшие к стеклам.

— Вот и прибыли к нам долгожданные наши детки! — воскликнула Матушка. — Ну что ж ты, сестра Дарья? Позвони, позвони гостям, я ведь вижу, что тебе хочется.

Сестра Дарья подхватила подол и помчалась к звоннице, стоявшей на помосте возле церкви. Веселый перезвон полетел по Долине.

Когда джип, а за ним автобус спустились с плотины, к ним подошли почти все монахини и общинники. Обе двери автобуса распахнулись, и опустились пологие механические пандусы. Первым из автобуса вышел доктор Вергеланн, за ним Мария с Хольгером и леди Патриция с Эйлин. Из джипа вылезли мать Евдокия, дядя Леша и Сандра с Леонардо, и все они начали вывозить из автобуса коляски с детьми, до самых глаз укутанными в теплые платки и одеяла. Первой детей встречала Матушка. Она каждого ребенка обнимала, трижды целовала и приветствовала всех одними и теми же словами: — Добро пожаловать домой!

После этого дети переходили в руки монахинь и общинников. Первым делом с них сняли теплые одежды — в Долине стояла теплая весенняя погода, а потом их повезли, повели и понесли на руках в монастырскую церковь.

— А где же Ланс и Евгения? — спросила Матушка.

— Они отправились в Иерусалим, — ответил игуменье доктор Вергеланн, — мы не смогли их отговорить.

— А я-то надеялась, что он станет Ланс-и-Лотом и уйдет из царства Антихриста вместе со всей своей семьей подобно праведному Лоту, — вздохнула Матушка. — А где отец Иаков и благоразумный разбойник Драган? И почему это вы не привезли сироту Карла Мора?

— Все они остались в Бабушкином Приюте, — сказал доктор. — Там еще много людей, которым нужны уход, помощь и защита. А мы с Марией и Хольгером должны были сопровождать детей.

— Там, Матушка, теперь настоящий Ноев ковчег, — сказал дядя Леша, подходя к Матушке под благословение. — Обмороженные, оголодавшие, увечные, больные — и все как один беспомощные. Теперь вот детские места освободились, так что Ланселотова команда, надо думать, отправится по дорогам собирать погибающих. Надо бы им помочь, Матушка, и я вот думаю...

— Обязательно поможем, — перебила его Матушка, — но ты погоди пока с новыми идеями, Лешенька. Сейчас мы отслужим благодарственный молебен Царице Небесной за то, что Она доставила деток к нам в сохранности, а потом покормим их и устроим на отдых. О завтрашних заботах будем думать завтра.

После молебна отец Александр сказал короткую проповедь.

— Знаете ли вы, дорогие братья и сестры, кто с Божьей помощью спас Россию? Спасли ее православные дети. Страшные и смутные времена наступили там в конце прошлого тысячелетия. Пала безбожная власть, но сатана хитер, и огромный бес коммунизма рассыпался на легионы мелких бесов. Только-только на Руси начало укрепляться и распространяться Православие, как все адские силы поднялись, собрались и пошли в атаку на русские души: бандитизм, наркомания, сатанизм, растление, пропаганда жизни ради удовольствий, неоязычество, бездуховность — все это обрушилось на страну, и многим тогда показалось, что Россия обречена идти по западному пути. Она бы и пошла и тоже оказалась под властью Антихриста, если бы не дети. Поколение растленных поначалу расцвело пышным смрадным цветом, а потом понемногу начало иссыхать естественным образом. Секрет прост: наркоманы, бандиты, блудники, блудницы и прочие грешники были великими себялюбцами, и они не хотели иметь детей; а православные женщины тихо и скромно вели дело спасения Святой Руси, рожая и воспитывая столько детей, сколько им посылал Господь. Христиане подбирали брошенных пьяницами и распутниками детей, спасая их тоже. Православно воспитанные дети выросли и превратились в огромную силу, против которой оказалась бессильна зловещая и хитрая политика растления народа. Темное поколение развеялось, теснимое растущим поколением юных праведников, ибо век грешников короток. Дети выросли, и молодая Россия стряхнула с себя остатки смутных времен. Православные дети — богатство и сила Святой Руси!

Сегодня мы в Долине принимаем дорогих гостей. С ними возросли наша сила и наше духовное богатство, потому что мы принимаем в нашей Богохранимой Долине не просто хороших и добрых православных детей, а маленьких мучеников за Христа. Вот эти маленькие христиане все как один отказались просить исцеления от Антихриста и предпочли остаться в болезнях и скорбях, но со Христом. Почитайте их подвиг, берегите их, любите их. Только не забалуйте! Аминь.

Леди Патриция не пошла со всеми в трапезную. Она еще из окна автобуса увидев, что вся Долина цветет, как сад, разволновалась и после молебна и проповеди отца Александра, когда монахини повели гостей кормить, потихоньку отделилась от всех и пошла по дорожке к монастырскому саду.

Она шла, плача от радости и нежно трогая цветущие растения. Вдруг она увидела надломленную ветром яблоневую ветку. Она вынула из кармана платок, подобрала с земли сухой прутик и заключила пострадавшую ветку в лубок.

— Все теперь будет хорошо, ты поправишься, — сказала она веточке.

Леди Патриция не заметила, что на нее из-за широкого лапчатого фигового куста внимательно смотрит монастырская садовница и огородница мать Лариса. Понаблюдав и поразмыслив, мать Лариса решительно двинулась к ней. — Благослови, сестра! Тебя как зовут, милая? — Леди Патриция.

— Ко мне в послушание пойдешь, сестра Ледия? Я тут садовница и огородница. — Вы полагаете, что это возможно?

— Сейчас же пойду и возьму благословение у Матушки, пока тебя никто не перехватил. А ты тут стой и никуда не уходи!

Она нашла Матушку в трапезной, и Матушка благословила ее взять помощницу, если та согласна.

— Теперича я буду старшая садовница и старшая огородница, — удовлетворенно сказала мать Лариса.

— Ну-ну. Не возгордись только, — остерегла ее Матушка.

Леди Патриция послушно ожидала мать Ларису возле фигового куста.

— Матушка благословила, — объявила та. — Пошли, сестра Ледия, покажу тебе наш огород. Ох, много у нас с тобой работы!

Последующие дни надолго запомнились старым и новым обитателям Долины радостными чудесами, которые так и сыпались на них с Небес.

Началось все с Хольгера. Им с Марией предоставили половину домика в общинной деревне. На другой день после приезда они утром отправились на литургию и после нее, стоя рядышком на коленях, долго молились перед чудотворной иконой Богоматери. Завтрак в трапезной они пропустили и вместо того пошли посидеть у озера.

— Что-то у меня неважно сегодня с глазами, — сказал Хольгер.

— А что с ними такое? — встревожилась Мария.

— Какая-то непонятная резь. Глаза просто горят.

— Хольгер, так ты же глядишь прямо на солнце — так можно получить ожог роговицы. Отвернись сейчас же!

Хольгер повернулся на голос Марии и вдруг спросил шепотом: — Мария, у тебя белый платок на голове?

— Да, белый...

— А под ним я вижу твои глаза, и они черные, как маслины. Мария, я вижу!

Мария сначала заплакала, обняв мужа, а потом сняла с головы платок, сделала из него повязку и завязала Хольгеру глаза.

— Ты должен привыкать к свету постепенно, — строго сказала она и тихонько повела его домой. Но дорогой Хольгер, как ни следила за ним Мария, то и дело сдвигал повязку, подглядывал и бормотал:

— Дорожка... Одуванчик... А вот белый камень у дороги... А на тебе голубая юбка, Мария!

Исцеление детей начали летающие девочки, подружки Сонечка и Санечка. Когда дети из Бабушкиного Приюта освоились, они начали понемногу разъезжать в своих колясках по дороге между монастырем и деревней, выезжать в сад и на берег озера. Подружки наблюдали за ними, а потом, пошептавшись, подошли к одной из девочек.

— Мы хотим тебя спросить. Ты что, со всем не можешь ходить? — Совсем не могу. — А ты пробовала?

— Когда-то пробовала. У меня ничего не получилось. — Хочешь, мы тебе что-то покажем?

— Покажите.

— Раз, два, три! — Сонечка с Санечкой взялись за руки, разбежались и взлетели.

— Ой, вы умеете летать? Кто вас научил? — спросила девочка, когда они опустились на землю рядом с ее коляской.

— Мы учились у птиц. Ты можешь двигать ногами?

— Могу. Только мои ноги меня не держат, я для них слишком тяжелая.

— А хочешь, мы сделаем так, что ты будешь совсем легкая? Мы возьмем тебя за руки с двух сторон и полетим, очень медленно полетим, а ты попробуешь идти своими ногами. Ты станешь совсем легонькая, если мы будем держать тебя на весу.

Они поднялись в воздух, а потом с двух сторон подлетели к девочке, взяли ее за руки и осторожно подняли ее с коляски — девочка была худенькая и совсем не тяжелая. Они держали ее под руки, а она переступала ногами по земле — как умела.

— Получается... У меня немного получается ходить, — шептала она.

— Вот видишь, это совсем просто, — сказала Санечка. — А теперь мы отведем тебя назад в коляску, ты отдохнешь, а потом мы еще раз попробуем.

За неделю таких тренировок девочкины ноги окрепли, и она научилась ходить самостоятельно. Об этом рассказали доктору Вергеланну. Он убедился, что исцеление и в самом деле произошло, и теперь все летающие дети учили ходить детей-инвалидов под его наблюдением. Еще через две недели инвалидов в Долине не осталось.

А потом все дети из Бабушкиного Приюта научились летать, даже те, кому было вдвое больше семи лет. И опять удивлялись все, кроме Матушки:

— Это им дано за их скорби, с кротостью и смирением переносимые. Всем этим деткам предстоит еще большая радость на Небесах. Судя по всему, Господь готовит их в ангелы, — сказала Матушка доктору Вергеланну.

— Души у них всегда были ангельские, — заметил доктор. — Выходит, дорогая Матушка, я больше не нужен в Долине, так что благословите меня вернуться к моим обязанностям в Бабушкином Приюте.

— Ну что ж, — сказала Матушка, — Сандра с Леонардо и дядя Леша уже готовят новую экспедицию: вот с ними и поедете.

Глава 9

К острову Иерусалим Дженни и Лансеот подошли ночью. Это было не трудно, потому что Вавилонская Башня, резиденция Мессии, издали была похожа на исполинский черный маяк, по спирали обвитый голубой полосой, ночью светившейся ярко-рубиновыми точками огней. На верхушке Башни горели три огненные шестерки. Подойдя ближе, они увидели, что и весь остров Иерусалим полыхает разноцветными огнями, а море вокруг него освещается мощными прожекторами. Остров был окружен причалами, всюду сновали большие и малые суда, грохотали моторы, лязгали грузовые краны, завывали сирены. А позже, уже после полуночи, начался еще и фейерверк: Башня выплевывала во все стороны разноцветные фонтаны и букеты огней, и сопровождалось все это свистом, воем, хлопками и взрывами в воздухе.

— Надо бы найти местечко потише, что бы спокойно причалить, — сказал Ланселот.

— Вон там островок, возле которого нет ни какой толчеи, — показала Дженни. — Видишь? — Не вижу. Где?

— Да вон же, смотри на восток от Башни! Он отделен от большого острова проливом. Он еще так хорошо освещен, как будто бы сам светится. Неужели ты не видишь, Ланселот? Да ты погляди в бинокль!

— Ну-ка... Нет, я в бинокль не вижу там никакого острова. Наверное, я слишком долго глядел на огни Иерусалима, и у меня теперь в глазах все искрит и плывет.

— Давай я сама подойду к островку и поищу, где там можно причалить, — предложила Дженни, и Ланселот уступил ей место за штурвалом.

Дженни завела катамаран в пролив и подошла к островку. При свете взрывающихся в вышине цветных ракет-шутих она увидела небольшой причал, к которому и пристали. На берег решили ночью не сходить.

— В городе, наверное, какой-то праздник, — предположил Ланселот.

— Землю Европы сковал холод, люди голо дают, замерзают на улицах разрушенных городов, а у них — праздник! — удивилась Дженни.

Ланселот взял бинокль и принялся разглядывать город и Башню.

— Ты знаешь, Дженни, а ведь Башня Мессии опоясана красными крестами.

— Этого не может быть. Башня — и кресты? Дай мне взглянуть!

Дженни взяла у Ланселота бинокль и поглядела.

— Ты прав, Ланселот, эта огненная спираль состоит из крестов. Что бы это значило? Какая-то символика или просто красные лампочки на крестообразных фонарях?

— Я думаю, это значит, что вы все заблуждались: Мессия вовсе не враг христианства — иначе он никогда не украсил бы свою резиденцию крестами.

— Они такого кровавого цвета, что на них страшно смотреть!

— Уже и на кресты ей страшно смотреть! Тебе, Дженни, не нравится все, что исходит от Мессии.

— Так оно и есть, — вздохнула Дженни. — Мне так грустно, Ланселот!

— Это печаль от усталости. Тебе не мешало бы поспать. Рано утром мы пойдем в город. — Как скажешь, Ланселот...

Но оба они не смогли уснуть в эту ночь: с берега до самого утра доносились барабаны, визгливая ритмичная музыки, залпы и завывания фейерверков. Они так и просидели до самого рассвета, укрывшись одним одеялом, глядя на огни ночного города и изредка переговариваясь. Зато на островке, к которому они причалили, всю ночь стояла полная тишина.

На рассвете они увидели, что весь островок занимает довольно высокая гора, и вся она

покрыта садами, среди которых кое-где виднеются белые стены и зеленые крыши, а вверх от причала идет неширокая каменистая дорога. Людей на острове они не видели, вокруг по-прежнему стояла тишина.

— Ланселот, давай пустим Патти немного попасться, — предложила Дженни.

— Пожалуй. Да и тебе, наверное, охота походить по твердой земле, Дженни?

— Да, очень. Столько дней в море! Мы пойдем с Патти и поищем чего-нибудь зелененького ему на завтрак.

— Я поеду с вами, мало ли что... Подозрительный какой-то остров, уж очень на нем тихо.

Дженни опустила сходни и помогла Ланселоту выкатить коляску на старый деревянный причал. Патти быстро нашел себе по-травушку — кусты чертополоха возле стены, идущей вдоль улицы. Дорога наверх была вымощена выщербленными известковыми плитами. Дженни осталась с осликом, а Ланселот тихонько поехал дальше по пустой улице. Он поднялся немного вверх по дороге и вскоре увидел в стене незапертые железные ворота. Он подъехал и заглянул в приоткрытые створки: за ними был тенистый сад, спускающийся к воротам широкими террасами. Вьющаяся пологая дорожка из белых плит перебежала с террасы на террасу, а на самой верхней стоял золотисто-белый храм с золотыми куполами-луковицами и крестами. Ланселот въехал в ворота и покатил вверх по дорожке. На ней он никого не встретил, но ему показалось, что чуть дальше под деревьями прямо на земле спят люди. Он поднялся на следующую террасу и увидел маленький красный огонек перед иконой Божией Матери в деревянном киоте, установленном на столбике из белых камней. А дальше он увидел светлую скалу, увитую плющом, в ней вход в темную пещеру за железной решетчатой дверью. Ланселот подъехал к двери и заглянул в нее. Внутри пещерка была неглубокой, размером с большую комнату. Прямо напротив двери на каменной стене висели иконы, под ними висели горящие лампы, а на каменном полу стояли черные кованые подсвечники. Ланселот тронул дверцу — она была не заперта. Он заехал внутрь. В пещерной часовне было прохладно и пахло ладаном. Самая большая из икон изображала Иисуса Христа в Гефсиманском саду. "Моление о чаше", — вспомнил Ланселот и подъехал ближе. Он долго вглядывался в скорбный лик Христа.

— Опять Ты, — сказал он Христу. — Куда я ни пойду, везде меня встречаешь Ты. Что это значит, а? Христос на иконе молчал.

— Если бы я умел молиться Тебе, — про должал Ланселот, — я бы попросил Тебя помочь моей Дженни. Ее христианское имя Евгения, впрочем, Ты ведь это Сам должен знать. Она в Тебя верит. Но и меня она очень любит. Она такая маленькая, глупая и верная девочка, а Ты такой всемогущий, и всесильный, и Ты, конечно, не станешь ревновать ее ко мне и наказывать за эту простенькую человеческую верность! Если Ты меня слышишь, исполни мою просьбу — побереги нашу Дженни. Для себя я у Тебя ничего не прошу: то, что мне нужно, мне даст Мессия... Я уже не очень верю ему, Тебе я могу в этом признаться. Но я должен ему довериться и пройти свой путь до конца, чтобы исцелиться. А Ты, как там у вас говорится, спаси и помилуй рабу твою Евгению. Ну вот, я сказал Тебе все, что хотел. Аминь.

Ланселот кончил молиться, еще немного посидел, глядя на икону "Моление о чаше", а потом покинул пещерную часовню, аккуратно закрыв за собой дверцу. Он спустился вниз по дорожке и выехал из таинственного сада через распахнутые ворота.

Он вернулся туда, где оставил Дженни с Патти. Ослик все еще хрустел чертополохом.

— Совсем рядом такой шумный город, — сказала Дженни, — а тут так спокойно, так тихо.

— Да, тут хорошо, — согласился Ланселот. — Между прочим, там наверху храм с золотыми куполами и православными крестами, а ниже в саду много людей, они спят прямо на земле под деревьями. Мне на коляске было туда не проехать, да и я все равно не решился бы никого разбудить. — О пещерной часовне и о своей молитве Ланселот не стал говорить Дженни, только добавил: — Мне кажется, в случае чего ты можешь найти тут своих единоверцев. — В случае чего, Ланселот?

— Ну, в случае чего-нибудь неожиданного. Я боюсь за тебя, Дженни.

— А я за тебя. Может, вернемся? Разве так уж плохо нам было в Бабушкином Приюте, Ланс? Дети тебя любят... Мы могли бы пожениться.

— Дженни, прошу тебя, не начинай все сначала! У меня есть реальный шанс встать на ноги, неужели я теперь от него откажусь, в трех шагах от цели? — Ох, Ланселот... — Пойдем к "Мерлину", Дженни.

Они спустились к катамарану, завели на него Патти и отчалили от чудесного острова.

Возле непрерывной цепи иерусалимских причалов им пришлось изрядно покрутиться, лавируя между других мелких судов, весельных, парусных и моторных, пока они, наконец, нашли платный причал для паломников и пришвартовались. На причале дежурил пожилой еврей, собиравший плату за стоянку продуктами и золотом. Расплатились с ним двумя банками рыбных консервов — по одной за неделю. Сторож клятвенно заверил, что не пустит на палубу катамарана посторонних. Он же подтвердил: да, Мессия по-прежнему творит исцеления.

— Если тебе повезет, парень, ты можешь не только исцелиться, но и заработать на этом хорошие деньги! — сказал он Ланселоту. — Я бы на тебя, во всяком случае, поставил. А идти к Башне отсюда надо через старый город. Пройдете мимо источника — в нем, кстати, вода очень чистая, можете ею запастись, потому что вода в городе стоит дорого, и она плохая. Потом поднимитесь к городской стене, войдете через Львиные ворота, пройдете через весь старый Иерусалим и через Яффские ворота выйдете в новый город. А там любой покажет вам короткий путь к Башне. Да вы и так не заблудитесь, ее отовсюду видно.

На торговых улицах старого Иерусалима сновали, суетились, толпились горожане в пестрой, но почти одинаково бедной одежде. Группами по двое, по трое сквозь толпу проходили экологисты, перед ними молча расступались.

Дженни шла рядом с коляской Ланселота, одной рукой держась за его руку, а другой ведя в поводу Патти.

Торговцы умоляюще и назойливо зазывали прохожих в свои лавчонки, возле которых на столах были разложены вяленые финики, бобы, травы, сушеная и копченая саранча, рыба подозрительных пород, явно выловленная в отравленных водах Средиземного океана. Ланс удивился: он знал, что в пищу людям годится только рыба из северных морей: рыба с генетическими изменениями из внутренних морей и Средиземного океана, конечно, давала некоторое ощущение сытости, но организмом усваивалась плохо и нередко вызывала отравления и болезни.

Попадались на улицах и мясные лавки, у дверей которых на прилавках лежали мелкие ободранные тушки.

— А что это у вас за мясо? — любопытствовал Ланселот, проезжая мимо прилавка мясника. — Дичь, — коротко ответил тот. — Какая дичь?

— Обыкновенная. Вороны, крысы, суслики, ящерицы... Берите, все свежее, с ночной охоты.

Продавалась поношенная одежда, плетеная обувь, тростниковые циновки и разнообразный домашний скраб. Попадались и вовсе несурзные вещи — обручи для Реальности, персонки, старинные компьютеры, запасные части для мобильных. Покупатели были под стать торговцам и их товару: с темными лицами и голодными глазами, в ветхой одежде, они бродили между лавочек, изредка останавливаясь и торгуясь. Между прохожими шныряли мальчишки, предлагая из-под полы батарейки Тесла, в которых, по их заверениям, якобы еще оставалась энергия, и просто выпрашивая подачки.

Толпа шумела на разные голоса, а громче всех кричали продавцы воды. Питьевая вода пользовалась неизменным и постоянным спросом, ее продавали стаканами и кружками, зачерпывая или наливая из бидонов, чайников, из пластиковых канистр и бутылок. Большинство торговцев водой носило воду на себе, но некоторые расхаживали по рынку с осликами, нагруженными пластиковыми контейнерами с кранами. Патти на таких осликов косился с любопытством.

— Если нам придется тут задержаться, — сказала Дженни, — мы тоже можем торговать водой. У нас на катамаране достаточно пустых канистр.

— А воду будем брать в источнике, — рассеянно сказал Ланселот, лавируя между прохожими. Но он, кажется, почти не слушал Дженни.

Дженни попал камешек в туфлю, и она на минуту остановилась, чтобы нагнуться и вытряхнуть его и чуть отстала от коляски Ланселота.

— Если ты идешь слушать пророков, сестра, то тебе сюда — направо, — услышала она над собой тихий голос. Она подняла голову и увидела женщину в длинном покрывале, глядевшую на нее искоса, слегка отведя от лица темную ткань. — Каких проповедников? — спросила она.

— Илию и Эноха, конечно, — ответила женщина. — Если хочешь, можешь идти со мной.

Дженни поглядела направо и увидела, что некоторые прохожие покидают толпу и уходят в узкий, похожий на щель, проход между двух глухих стен.

— Нет, я иду к Башне, — ответила Дженни. — Далекое это?

— А мне показалось, что ты христианка, — не ответив на вопрос, сказала женщина, надвинула на лицо покрывало и быстро скрылась в воротах.

Дженни решила запомнить это место: ей хотелось бы встретиться с иерусалимскими христианами и послушать проповедников, но, конечно, не сейчас. Она ускорила шаг и поспешила нагнать Ланселота.

Они прошли весь старый город насквозь и подошли к высокой древней стене с большими воротами. У ворот стояла охрана, но никого не задерживала: в обе стороны беспрепятственно проходило множество народа.

Прошли и они, и сразу же оказались в новой части города, резко отличавшейся от старого и архитектурой, и людьми на улицах. Старый город был построен из особого светлого иерусалимского камня, делавшего Вечный город солнечным в любую погоду, а в новой части Иерусалима дома были такие же, как в кварталах поздней застройки любого города — бетон, стекло, металл. Ни разрушенных, ни заброшенных домов они не здесь не увидели, а люди были

довольно хорошо одеты. Дженни с удивлением отметила, что в толпе попадает много нарядных, изобретательно причесанных женщин с ярко покрашенными лицами. Первое, чему удивились Ланселот и Дженни, были мобили, то и дело проезжавшие мимо них по улицам; некоторые были шикарными, с прозрачными купольными крышами и множеством блестящих деталей. Когда один из них остановился неподалеку от них и из него вышел водитель, Ланселот заметил рулевое колесо перед приборной доской: мобиль был перестроен, чтобы ходить без электроники. Но в основном по улицам сновали "современные" виды транспорта — грузовые и пассажирские тележки, запряженные ослами, велосипеды с колясками-прицепами, рикши и даже носилки-портшезы, носимые клонами. Но больше всего было пешеходов, и казалось, что все жители города двигались в одну сторону — к подножию Башни, и когда Ланселот и Дженни подошли к ней, они поняли, что так оно и есть.

Вавилонская Башня стояла на просторной площади, полностью запруженной народом. Основание ее издали казалось темно-красным, но вблизи они разглядели, что оно такое же аспидно-черное, как и вся Башня, и лишь окружено колоннадой тесно поставленных красных прямоугольных колонн. Проходы между колоннами были перегорожены высокими оградами из железных прутьев с охраняемыми воротами. Люди толпились у ворот и проходили в них небольшими группами, что-то предьявляя при входе охранникам. Дженни и Ланселот остановились.

— Неужели там проверяют коды? — удивился Ланселот. — Я думал, что после того, как погибла электроника Планеты, коды потеряли всякий смысл.

— Ланс, — сказала Дженни, — а ведь от моего кода даже следа не осталось. Что будем делать?

— Покажи-ка руку! В самом деле, будто и не было никогда... Нет, ты только взгляни, мой тоже совсем побледнел, еле виден! За пределами Иерусалима никто давно не пользуется персональными кодами, а здесь их а я он спрашивают? Ты постой здесь, Дженни, поеду узнаю, в чем дело. Через минуту вернулся.

— Дженни, люди предьявляют охранникам вовсе не коды, а билеты на исцеление. — А где можно взять такие билеты?

— Сейчас нигде, на очередное исцеление билеты уже давно распроданы, но я могу пройти и без билета: тех, кто хочет получить исцеление, пропускают и так. — Я не отпущу тебя одного, Ланс!

— Подожди, Дженни. Скажи, ты сможешь найти отсюда дорогу на причал, где мы оставили "Мерлина"?

— Думаю, что да. Надо войти в старый город через Яффские ворота, выйти через Львиные, спуститься вниз и взять немного влево.

— А ты сможешь найти тот островок, где мы пасли Патти? — Конечно.

— Возьми катамаран и отправляйтесь туда с Патти. Ждите меня там. Я поеду к Мессии один.

— Ланс, что ты говоришь? Я тебя не оставлю!

— Другого выхода нет, Дженни. Ты только доберись до острова, а там, я уверен, ты будешь в безопасности. Ты станешь смеяться, но я там молился за тебя твоему Христу.

— Я не стану смеяться, — сказала Дженни, и глаза ее наполнились слезами. — Но, Ланс,

прошу тебя, давай вернемся!

Ланселот молчал и, кажется, уже не слушал Дженни: он увидел, как экологисты пропустили в ворота человека в инвалидной коляске.

Мимо них прошли два офицера экологиста. Один пристально посмотрел на Ланселота и спросил:

— Ты на исцеление? Участник? Скажи, парень, на какой подъем ты рассчитываешь? Я бы на тебя поставил. Даю полпланеты за информацию.

— Я не знаю, о чем вы говорите, офицер. Извините, — резко бросил ему Ланселот и повернулся к девушке. — Хватит, Дженни. Сейчас не время для дискуссий, на нас уже поглядывают. Не хватало, чтобы нас арестовали перед самым концом пути: не забывай, что печать Мессии на мне почти не заметна. Ступай, Дженни! Поцелуй меня и уходи.

— Стой, Ланселот! Я иду с тобой, и будь что будет, — крикнула Дженни и решительно схватилась за спинку коляски.

И тут Патти вдруг вырвал у нее из рук повод и с криком помчался прочь от ворот.

— Патти! Непослушный! Вернись сейчас же! — закричала Дженни.

— Не бросай его одного, Дженни! — сказал Ланселот, видя, что она не знает, что ей делать — бежать за осликом или оставаться с ним. — Я не пропаду, а его могут украсть и пустить на мясо. Ты же не хочешь, чтобы Патти съели? — Патти, вернись!

— Беги за ним! Со мной все будет в порядке, не волнуйся, дорогая моя!

— Я потом разыщу тебя, Ланселот! — крикнула Дженни и помчалась сквозь толпу за осликом.

Глава 10

Ланселот еще немного постоял, глядя вслед Дженни, бегущей против движения по запруженной народом улице, потом потерял ее из виду и только тогда направился к воротам.

— На исцеление? — спросил экологист в воротах. — Да. — Однако ты здоровенный парень. Откуда? — Из Скандинавии.

— Оно и видно. Говорят, у вас там еще хлеб растет. А как зовут? — Ларе Кристенсен.

— Ты, верно, хочешь полного исцеления, Ларе Кристенсен?

— Конечно!

Наконец-то хоть один человек сказал ему что-то вразумительное. Но тут же все опять запуталось.

— Я на тебя поставлю, Ларе Кристенсен, — сказал охранник и похлопал его по плечу. — Ты до какого финиша идешь?

Ланселот ничего не понял, но решил ответить так, чтобы не рассердить экологиста. — Я еще не решил.

— Жаль. Поставлю на тебя, когда объявят твой финиш. Смотри, не подведи! — Постараюсь. — Удачи тебе, Ларе Кристенсен!

Все еще оглядываясь в ту сторону, где скрылись Дженни с Патти, Ланселот проехал в ворота.

За оградой и красными колоннами вся территория оказалась еще теснее запружена народом: коляску толкали со всех сторон, его просто несло в потоке людей, и Ланселот боялся, что ее вот-вот опрокинут. Каким-то образом он оказался у одного из широких входов на первый ярус Башни, где толпа крутилась водоворотами, кричали придавленные в тесноте и давке, повсюду звучали резкие команды экологов.

— Давай твой билет! — потребовал у него экологист, стоявший в проходе между колонн, и протянул руку.

— Какой билет? — одернул его напарник. — Ты что, не видишь? Это же участник! Проезжай и кати сразу направо — там тебя встретят.

Ланселот поехал направо, куда вместе с ним охранники направили еще несколько человек. Двое из них шли на костылях. Тут их встретил человек в зеленой форме с красной повязкой на рукаве: на повязке был нарисованы белые скрещенные костыли, а ниже шла надпись — "ГОНКИ".

— Сюда, паломники, ко мне! — скомандовал распорядитель. Ланселот и его попутчики подошли к нему.

— Никто не передумал? — спросил распорядитель, оглядывая небольшую группу больных и увечных. — Еще не поздно. Вы можете отказаться от исцеления и уйти отсюда. Если толпа вас пропустит, конечно. Люди не любят, когда их лишают любимого развлечения. Кандидаты на исцеление молчали.

— Молодцы, ребята, — одобрил распорядитель. — Ну, спортсмены, двигайте за мной!

Ланселот уже стал прозревать истину, хотя она была ему неприятна: неужели люди собираются на исцеление, как на зрелище? Он вспомнил, что когда в новостях показывали исцеления больных Мессией, они всегда проходили при большом скоплении народа, чаще всего на стадионах. А может, он излишне подозрителен, и все эти люди полны не только любопытства, тоже, впрочем, извинительного, но и сочувствия? Может, они просто хотят разделить со страждущими ожидание и восторг чуда — отсюда и толпа, и ее энтузиазм.

Распорядитель провел всех прибывших на исцеление сквозь дальние ворота, за которыми оказался обширный холл уже внутри Башни. Этот холл шел вокруг всего первого яруса и был перегороден на отсеки стеклянными стенами, так что можно было заглянуть далеко в обе стороны: и все же кривизна стен Башни была совершенно незаметна, и длинный стеклянный коридор казался прямым.

Паломников завели в огромный грузовой лифт и спустили вниз на несколько этажей. Там они вышли в серый коридор, освещенный голубоватыми светильниками, а оттуда распорядитель провел их в большой зал с низким потолком и металлическими скамьями вдоль стен. На скамьях по периметру зала и в середине его на своих колясках сидела добрая сотня паломников — инвалиды, увечные, слепые, больные. Между ними ходили люди в зеленой форме с эмблемой гонок на рукаве, что-то у них спрашивали и заносили ответы на большие разграфленные листы. За ними семенили клоны.

К Ланселоту тоже подошел распорядитель, бодрый и дружелюбный на вид. Он спросил его имя, записал и объявил, что Ланселот выступает под номером 33 033.

— Смотри-ка, друг, у тебя счастливый номер, — сказал он Ланселоту. — А может, это тебе подсказка — остановись на тридцать третьем ярусе.

— Для чего эти номера? — спросил его Ланселот.

— Чтобы не путаться в именах: вас ведь ровно сто человек. Мы будем называть вас не по именам, а по номерам, так что привыкай сразу. На старт вы тоже выйдете пятерками, составленным из порядковых номеров. Только на финише победителей называют по именам. Буду рад услышать, что Ларе Кристенсен победил! Я на тебя что-нибудь поставлю, не возражаешь?

Ланселот пожал плечами. Он хотел спросить у симпатичного распорядителя при чем тут все эти "старты-финиши", но тот уже отошел от него, а к Ланселоту подошел клон и степлером прикрепил ему на грудь и на спину квадратные куски ткани с последними цифрами его номера — 33.

— Спасибо, — сказал Ланселот, но клон ничего не ответил, даже не взглянул на него и из перешел к соседу. Ланселот как-то упустил виду, что это не клончик с острова Жизор, готовящийся стать человеком, а просто обычный клон не мыслящий.

Сосед Ланселота сидел, засунув руки глубоко в рукава куртки, и не шевельнулся, пока клон прикреплял номера на его одежду.

— Ну вот, мы в одной пятерке идем, — сказал ему сосед, когда клон отошел, и Ланселот увидел, что клон прикрепил тому номер 34. — А самое главное, что идем в седьмой пятерке: чем раньше старт — тем ближе финиш. Желаю победы и тебе и себе, парень!

— Я вообще-то прибыл сюда не спортом заниматься, а получить исцеление от Мессии, и я не понимаю...

— А я тебе о чем толкую? — перебил его человек с номером 34. — Ты и получишь исцеление, если поднимешься с хорошим результатом. — Это что — соревнования? — А ты что, не в курсе? — Нет. Разве Мессия исцеляет не даром?

— Совсем не даром. Да он и никогда даром не исцелял.

— Ну да. Но я уже давно переслал через банк сто планет на счет ММ, на строительство Храма, еще в прошлом году.

— Сто планет через банк! Ты что, с луны свалился? Теперь в ходу только золотые планеты, а Храм уже построен. Теперь Мессия требует, чтобы каждый инвалид или больной делом доказал, что он действительно хочет исцелиться!

— Как это — делом? Послушай, друг, расскажи ты мне толком, как проходит исцеление?

— Да, пожалуйста! Ты видел, что вокруг всей Башни по спирали идет дорога? — Видел.

— Раньше по ней в два ряда ходили мобили, развозили людей и грузы по ярусам. После войны с русскими мобилей осталось совсем мало, и поначалу винтовую дорогу почти со всем забросили, а после Мессия придумал, как использовать ее для удовольствия людей: по ней

жаждущие исцеления поднимаются своим ходом наверх. Все паломники заранее должны заявить, до какого яруса они надеются подняться. Между прочим, каждый ярус состоит из трех этажей. После тридцать третьего яруса начинаются исцеления победителей. Победивший на любом финише получает полное исцеление, пришедший вторым исцеляется наполовину, а третий получает значительное облегчение. И только на сотом ярусе получают полное исцеление все трое победителей. На этот счет есть таблица, и тебе ее скоро вручат. Я вижу, у тебя коляска на батарейках? — Конечно.

— Интересно, где их люди берут? Тебе, парень, повезло: ты можешь свою батарейку обменять на золото прямо тут.

Мимо проходил маленький седой горбун, участник с номером 77. Он остановился — его заинтересовали слова о батарейке.

— Кто тут продает батарейку? — негромко и живо спросил он.

— Никто. Мне батарейка самому нужна, чтобы ездить в своей коляске.

— Ты проходи, тут ничего не продают и не подают! — грубо бросил ему Тридцать четвертый.

Горбун отошел, но остановился так, чтобы слышать их разговор. Ланселот это заметил, но Тридцать четвертому не сказал. — Так что там с коляской? — спросил он.

— Тебя все равно заставят пересесть в коляску, которая передвигается с помощью рук.

— Мою тоже можно передвигать с помощью рук — видишь, вот специальные ободья. А почему нельзя ехать на батарейках?

— Мессия хочет дать всем инвалидам равные возможности. Да и зрителям неинтересно, если ты просто прокатишь мимо них до самого верха на электричестве. Поэтому — только простые коляски, костыли и палки. Сядешь в коляску, начнешь крутить колеса руками — и крути так до самого финиша!

— Но это же невозможно! Башня стоярусная — это триста этажей, как можно одолеть ее на костылях или в коляске?

— Так ведь в этом и есть смысл гонок — не могут, а лезут! Чтобы кто-то добрался до верха в коляске или на костылях, такого я не видал и не слышал, врать не буду. Но на своих двоих до сотого яруса добираются. Простой раз, например, их было трое: парень, обгоревший при пожаре, девушка с проказой и здоровенный одноглазый негр, зрители его Циклопом прозвали. У него и уцелевший глаз почти не видел.

— А много бывает исцеленных на каждых гонках?

— Призовых ярусов семь, вот и считай: на каждом финише трое получают исцеление — всего двадцать один победитель, пятая часть участников. Счастливики получают исцеление сразу после финиша. Но учти, что некоторые не успевают даже порадоваться своему исцелению — умирают сразу, как только спускаются с Башни. Сердце не выдерживает или легкие.

— А что бывает с теми, кто дошел до своего финиша, но не в первой тройке?

— Уходят домой такими же, как пришли, если не хуже — гонки здорово выматывают. Словом, я к тому, что надо правильно оценить свои силы, тогда можно и здоровье получить, и

подразбогатеть немного. Вместе с исцелением Мессия от себя дарит приз золотые планеты по числу ярусов, деленному на десять. Кроме того можно поставить на победителя. Так что советую тебе, парень, батареечку свою все-таки сдать, а полученное за нее золото поставить... ну хоть на самого себя. Ты до какого яруса рассчитываешь подняться?

— До сотого, естественно, — пожал плеча ми Ланселот. — Мне нужно полное исцеление, и я не хочу рисковать. Ну и десять планет золотом мне не помешают, у меня семья большая.

— Да ты рехнулся! Учти, что чем выше, тем круче дорога вокруг Башни! Ты совсем не ходишь? — Совсем не хожу. — А коляской своей хорошо управляешься?

— Я на ней почти каждый день в море вы ходил. — Она у тебя плавучая, что ли?

— Да нет, конечно! Я въезжал в коляске на свой катамаран, вставал к штурвалу, закидывал сети и крабовые ловушки, собирал улов. — И все это — один? — Один.

— Силен! Ну так объяви, к примеру, пятидесятый ярус: победишь — получишь пять золотых и здоровые ноги, придешь вторым или третьим — встанешь хотя бы на костыли. А я вот буду рад получить хотя бы одну руку, — тут он выпростал руки из рукавов, и Ланселот увидел, что у него нет кистей. — Я безрукий, но зато ноги у меня крепкие, так что я рассчитываю добраться до семидесятого яруса. Ну теперь тебе ясно, во что ты ввязался? — Ясно. Тут в разговор вмешался горбун.

— Нет, не все тебе ясно, парень! — сказал он сердито, даже злобно. — Ты не понял главного — почему участвуя в гонках на исцеление, мы так здорово рискуем. — Почему же?

— Ты видел Башню ночью, когда горят огни? — Да. — А красные кресты видел? — Видел. — И как ты думаешь, что это такое? — Фонари?

— Угу. Это фонари, дающие яркий голубой свет, а к фонарям подвешены кресты, обвитые гирляндами красных лампочек. А на крестах знаешь что? — Не знаю.

— А на крестах висят распятые участники гонок — те, которые сошли с дистанции, не дойдя до объявленного финиша.

Ланселот пожал плечами и хотел сказать маленькому горбуну, что ему не по вкусу черный юмор, но в этот момент в зале прозвучал гонг. На возвышение поднялся распорядитель, поднял руку, и в зале стало тихо.

— Паломники! — громко сказал он. — Сейчас вас отведут на отдых, а кто хочет, может принять душ. Настоящий, водяной, между прочим. Потом вас накормят, а после обеда проводят на балкон, с которого вы сможете видеть гонки исцеления. У кого есть золото, может делать ставки на тех, кто выходит на старт сегодня.

Появились служители в белых, не слишком чистых халатах с эмблемой гонок на нагрудных карманах — на этот раз костыли и надписи были черными. Они отвели их в другой большой зал, разделенный невысокой деревянной перегородкой на две половины — мужскую и женскую. На обеих половинах стояли в ряд железные койки с прикрепленными к ним невысокими железными шкафчиками. На койках лежали надувные матрацы и одеяла. Получив в свое распоряжение койку, Ланселот сразу же поехал в душ — очень удобный, широкий, с поручнем на стене. Каждому паломнику служители выдали по куску мыла и губку. Ланселот с удовольствием вымылся, а после лег в постель, накрылся легким стеганым одеялом, набитым синтетическим пухом. Он собирался обдумать все услышанное и увиденное в Башне, но стоило

ему закрыть глаза, как он сразу же уснул.

— Эй, Тридцать Третий! Ты что, обедать не собираешься? Нас позвали в ресторан, сбор через пять минут в коридоре.

Ланселот открыл глаза. Мимо него шли, хромали, ковыляли паломники. Он поднялся, перебрал тело в еще не просохшую после душа коляску и двинулся вслед за другими.

Ресторан был на том же этаже и представлял собой столь же непритязательное помещение, как и спальня. Столиков было больше, чем паломников, и поэтому все садились за стол по одному, редко по два. Ланселот решил, что вот удобный случай познакомиться со своей пятеркой. Он почти сразу увидел номер 31 — высокую и необыкновенно худую, кожа да кости, девушку с обритым черепом и запавшими синими глазами.

— Можно мне сесть за ваш столик? — спросил он, подъехав к ней. — Нет, — резко ответила девушка.

— У меня тридцать третий номер, мы с вами в одной пятерке, — пояснил Ланселот, — надо бы познакомиться.

— Надо бы вам от меня отъехать, а то я позову распорядителя, — тем же раздраженным тоном ответила девушка. Ланселот извинился и отъехал.

Номером тридцать вторым тоже оказалась женщина — невысокая, раздутая как подушка особа неопределенного возраста с толстыми лиловыми губами и маленькими заплывшими глазками. Сидела она на двух стульях, положив на стол перед собой большие распухшие руки с крохотными пальчиками.

— Извините, — обратился к ней Ланселот, — вы не возражаете, если я сяду за ваш столик?

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, — торопливо проговорила та сиплым, как бы придушенным голосом. — Я ужасно рада, что добралась до Иерусалима, но мне все равно страшно и одиноко. Вам тоже?

— Нет, мне не страшно. Я просто хочу познакомиться с теми, с кем выйду на старт в одной пятерке. Мы должны заранее обсудить, как мы будем помогать друг другу в пути.

— Помогать? Вы думаете, что мы станем помогать друг другу?

— Конечно! Иначе нам не добраться до своих ярусов. Вы до какого хотите подняться?

— Я уже решила, что объявлю только тридцать третий ярус, больше мне не пройти. — Думаете, сумеете прийти первой?

— Нет, куда мне... Мне бы второй или третьей. — А что это вам даст?

— У меня водянка неизвестного происхождения. Если Мессия уберет из моего тела хотя бы половину жидкости, я смогу нормально ходить и спать лежа. Сейчас я только сидеть и стоять могу,

хожу совсем плохо. А если ложусь, начинает отказывать сердце. Я решила умереть, но дойти до тридцать третьего яруса.

— Умирать не надо, — сказал Ланселот и осторожно погладил раздутую руку женщины. — Как

вас зовут? — Номер тридцать два.

— Это я вижу на вашей бирке. Но имя-то у вас есть? — Конечно. Меня зовут Инга. — Вы северянка? — Немка.

— А я норвежец и зовут меня Ларе Кристенсен, или просто Ланс.

— Очень приятно, Ланс. А вот и еду для нас везут. Боже, какой запах!

В обеденный зал вошли служители, катя перед собой тележки со стопками пластиковых мисок и большими открытыми баками, из которых поднимался дразнящий пар. — Мясо, мясо дают! — заволновались в зале.

— Откармливают перед стартом. Не возражаете? — к их столику подошел безрукий Тридцать четвертый. — Я смотрю, все сидят по одному, а вы — вдвоем, да еще и разговариваете друг с дружкой, вот и решил составить компанию. О, да вы, мадам, тоже из нашей пятерки?

Инга испуганно кивнула. Ланселот протянул руку и выдвинул для него стул.

— Садись, друг.

— Спасибо. Меня зовут Жерар. Инга с Ланселотом тоже представились. Служитель с тележкой удивленно оглядел их столик: — Вы что, так и будете втроем сидеть? — А разве нельзя? — спросил Ланселот.

— Почему нельзя? Правила этого не запрещают, а нам легче обслуживать. Сидите втроем, если вы не брезгливы и вам нравится теснота и давка за столом.

Инга смутилась и ее огромное лицо пошло пятнами.

— Не обращайтесь внимания, Инга, — шепнул Ланселот. — Это он не про вас, а вообще: люди редко хотят быть вместе, а столики тут не рассчитаны на "правило двух вытянутых рук".

Служитель разложил по тарелкам настоящее мясное рагу и удалился со своей тележкой.

— Парень, ты мне поможешь? — спросил безрукий, высовывая культи из рукавов.

— Охотно. Покормить тебя? — спросил Ланселот.

— Да ты что! Нет, просто достань у меня из кармана браслет и надень мне его на Руку-Браслет оказался толстым резиновым кольцом.

— Натяни повыше, а то ложка не удержится! Спасибо, теперь хорошо. Дальше я сам справлюсь. Обычно я браслет и не снимаю, но после душа некому было мне его надеть.

Прижав зубцы вилки к столу культей, Тридцать четвертый подсунул ее черенок под кольцо, после чего принялся ловко расправляться со своим рагу.

Инга ела очень неуклюже, то и дело роняя кусочки мяса обратно в тарелку: обе ее руки повиновались ей гораздо хуже, чем одна рука с браслетом соседу. На их троицу поглядывали из-за других столиков одинокие едоки, и было непонятно, осуждают они их или завидуют им.

Когда они уже заканчивали еду и по столикам разнесли пластиковые бокалы с энергеном, в зале появились распорядители в зеленом и разложили по столикам картонные прямоугольники

— игровые карточки. Каждая карточка содержала список из ста номеров с указанием, до какого яруса намерен добраться участник гонок. Перед каждым положили по две карточки.

— Вы должны обвести тот номер, на который делаете ставку, — пояснил Ланселоту Жерар. — Потом отдаете золото распорядителю, и он пишет сумму на карточках, ставит печать и одну карточку возвращает тебе. Заметь, что финишные ярусы обозначены цветами радуги — от фиолетового до красного. Игрокам выдадут куртки соответствующих цветов, так что сразу будет видно, кто до какого старта намерен добраться. Играть можно на все финишные ярусы. Низший выигрыш получают те, кто ставил на тридцать третий ярус, но и это не мало: если твой игрок приходит первым из пятерки, ты получаешь один к десяти, а если он показывает рекордное время, то и один к двадцати.

— А что получает тот, кто поставит на сотый ярус?

— О, там уже другие правила! Если твой паломник приходит первым, ты и все, кто на него ставил, срывают банк. Бывает, что выигрыш составляет до тысячи золотых планет.

— А если паломник заявил пятидесятый ярус, а до тридцать третьего дошел первым? Он получает какую-нибудь награду?

— Он не получает ничего, кроме восторга своих болельщиков и ненависти тех, кто ставил на других: он ведь отнимает выигрыш у того, кто мог прийти первым до своего финиша. Но на него самого сразу же повышаются ставки. Кстати, их можно делать до девяносто девятого яруса.

— А что делают зрители, когда паломники мимо них уже пройдут?

— Покупают билеты на следующие ярусы, если у них есть деньги, а если нет — уходят домой. — И долго эти гонки продолжаются?

— Примерно неделю. Все зависит от состояния паломников. Если есть крепкие парни, то до верха они идут около пяти дней. Мне шепнул один паломник из нашей сотни, что в этом заходе, который уже начался, сильны пятнадцатый, сорок четвертый и семьдесят второй номера: он слышал разговор служителей, которые видели их на старте. Но не стоит спешить делать ставки до того, пока мы их сами не увидим на дороге. Просто приглядишься к ним, а ставки сделаешь позже. Даже за четверть часа до финиша можно сделать ставку и выиграть. Тут важно оказаться поблизости от финиша, когда расклад уже ясен — тогда и вправду можно выиграть. А ты вообще-то будешь делать ставки? — Я — нет, — сказал Ланселот. — Тогда зачем я тебе все это рассказываю?

— Ну, знаешь ли, меня это все в какой-то мере касается, так что спасибо тебе за информацию.

Разглядывая карточку, неуклюжая Инга задела Ланселотову банку с энергеном, и тот выплеснулся на стол.

— Ох, простите! — воскликнула она, достала из кармана большой платок и принялась было вытирать стол.

— Стой! — остановил ее Жерар. — Ты с ума сошла — пачкать платок из натуральной ткани! Оставь, служители вытрут.

— У меня есть еще платки, — сказала Инга, робко и виновато на него глядя. — Сколько?

— Шесть... В моей семье было принято пользоваться платками. У меня была когда-то семья...

— Разбаловали тебя, — проворчал Жерар. — Ты, девушка, побереги свои платки: на трассу выйдешь — там тебе душа не будет, платки пригодятся когда вспотеешь как следует.

— Если бы я умела потеть, — вздохнула девушка.

Когда они уже заканчивали еду, мимо них прошел подросток с номером 35. Его лицо и руки были покрыты красными струпьями и белыми лишаями наподобие рыбьей чешуи.

— Эй, парень! — окликнул его Ланселот. — Ты ведь из нашей пятерки? Подойди ко мне, когда будешь свободен.

Парнишка взглянул на него из-под лишенных ресниц красных век, ничего не ответил и отвернулся.

После обеда паломников вывели в коридор и на четырех огромных грузовых лифтах подняли на один из балконов тридцать третьего яруса.

Балконы шли по спирали, повторяя движение круговой дороги и были отделены один от другого перегородками. Отличались они тем, что на одних зрители стояли тесной толпой, а на других были в несколько рядов расставлены скамейки. Были также балконы для привилегированной публики. Перегнувшись через перила, можно было видеть на дальнем балконе, расположенном прямо над фиолетовой лентой первого финиша и полукругом нависающим над трассой, нарядных женщин в больших шляпах, привольно стоящих и разгуливающих вдоль его ограды. На балконах по соседству с паломниками теснились горожане-простолюдины.

Ланселоту повезло встать в левом углу между железной оградой балкона и сетчатой стеной-перегородкой. В самый угол встала Инга, и он коляской ограждал ее от давления толпы. Безрукий Жерар устроился справа от него; локтями согнутых рук он зацепился и крепко держался за верхнюю перекладину ограды, чтобы не быть оттиснутым назад.

Долгое время дорога под ними была пустой, по ней только прошли небольшой группкой распорядители, оглядев трассу, по которой должны были пройти участники. Потом вышли служители в серых халатах и клоны. Служители недовольно оглядывали балконы, клоны подбирали в совки и уносили мусор, непрерывно с этих балконов летевший: пустые пластиковые банки из-под напитков, пакетики из-под сушеных соленых сухопутных креветок, любимого лакомства иерусалимской толпы. Кое-как очистив трассу, служители с клонами скрылись в дверях под балконами.

Вдруг снизу донесся разом взорвавшийся рев толпы, затем перешедший в ровный гул — начались гонки.

Долгие часы на трассе под балконом паломников — будущих игроков ничего не происходило, только слышался шум нижних ярусов, изредка прерываемый взрывами криков. Шум толпы усиливался, вот он уже докатился до балконов тридцать второго яруса, скрывавшихся за изгибом стены Башни.

И вот на дороге появился первый паломник. Он не шел, он бежал к фиолетовой ленте финиша, а на нем была фиолетовая куртка точно такого же цвета с номером 11 на груди. На соседних балконах закричали, засвистели, заулюлюкали болельщики.

— Давай, одиннадцатый, давай! Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!

На балконе паломников стояла сосредоточенная тишина, никто не сводил глаз с бегущего игрока, за исключением, конечно, двух слепых, стоявших позади всех и старавшихся по слуху понять, что происходит на дороге.

Одиннадцатый номер легко и уверенно бежал к победе: вот он пробежал под балконом паломников, вот уже ему осталось метров триста до финиша, а следующий за ним паломник еще так и не появился на дороге. И тут в воздухе перед бегущим сверкнула длинная молния, и он, будто врезавшись в невидимую стенку, рухнул на асфальт дороги, перекатился по нему и замер.

Балконы взревели! В упавшего полетели открытые банки с энергеном всех цветов, некоторые попали в него, и через минуту его одежда была покрыта пятнами густой разноцветной жидкости.

— Дерьмо! Подымайся! Беги, сволочь! — вопили с соседнего балкона.

Упавший как будто очнулся, но продолжал лежать. Он повернул голову, оглядел вопящие балконы, потом поднял руку и сделал в их сторону неприличный жест. Балконы ответили восторженным воплем. Одиннадцатый огляделся, поднял банку из-под энергена, потряс ее и выпил остатки жидкости. Потом он потер себе уши, помотал головой, ощупал ноги... И вдруг легко вскочил на ноги и, оглянувшись, побежал вперед — к финишу. Правда, уже не так легко, теперь он заметно прихрамывал — и все-таки он бежал!

И вот он сорвал грудью финишную ленту, пробежал еще с десятков метров и рухнул на руки подбежавших служителей. Тотчас зазвучали фанфары, и раздался громкий, хорошо поставленный мужской голос, объявивший, что победителем на фиолетовом финише стал игрок Габриэль Финн, выступавший под номером одиннадцать.

— Молодец парень! — со вздохом облегчения сказал Жерар.

Внезапно поднявшиеся крики на соседнем балконе почти заглушили его слова, и вдруг оттуда вылетел какой-то крупный предмет и упал на дорогу. Ланселот вытянул шею, но не смог увидеть, что это там лежит почти под их балконом. Зато это увидел Жерар и тут же пояснил:

— С соседнего балкона, откуда бросили проволоку в ноги одиннадцатому номеру, теперь сбросили человека. Веселые у нас соседи!

— Наверное, его сбросили за то, что он сбил паломника, — предположил Ланселот.

— Сомневаюсь. Скорее его сбросили за то, что он его плохо сбил. На гонках орудует целая мафия, которая берет заказы на устранение соперников. Им и служители помогают — за плату, естественно. А еще люди мафии бросают допинги тем, на кого делают ставку.

— Допинги? А куда же смотрят распорядители?

— Трудно уследить за такой толпой. Люди ухитряются пронести палки, стальные струны, ножи, стрелы, хотя все это под запретом. С допингом еще проще: его бросают в банках с энергеном. А еще под видом допинга или витаминизированного питья, который кидают участникам их болельщики или мафиози, соперники подкидывают ему отраву или быстро действующее снотворное.

— Неужели власти не могут навести порядок на гонках?

— А зачем его наводить? Как раз все это придает остроту гонкам и делает их любимым зрелищем горожан. — Откуда ты все это знаешь, Жерар?

— Примерно с год я ходил почти на все гонки, пока у меня не кончилось золото. Кроме того, для зрителей и участников издается специальная газетка — "БЕГИ" или "Бегунок", как ее зовут в народе. Полное название — "Бюллетень ежедневный. Гонки исцеления". Там сообщается о ходе гонок, печатаются интервью с победителями, размер полученных выигрышей. Я читал каждый день эту газетку, играл, делал ставки, выигрывал-проигрывал, и в конце концов потерял все свои деньги, но зато собрал массу полезной информации. Тогда я и решил, что мне пора выходить на старт.

— Вот как... Ты неплохо подготовился, Жерар. — Готовься и ты, Ланс.

Появился второй бегун в фиолетовой куртке с номером 23. В него тоже полетели банки и проклятья, но он предусмотрительно бежал по наружному краю дороги, подальше от балконов, и ни один из зрителей его не достал. Он благополучно миновал финишную черту, и его тоже увели распорядители. Третьим победителем оказалась однорукая девушка. Бежала она, отчаянно размахивая здоровой рукой и оттого ее все время заносило чуть в сторону, и это очень потешало зрителей. Но и она благополучно пересекла финишную черту.

Спустя минут пятнадцать паломники пробежали целой группой, человек пятнадцать-двадцать. Все они были в фиолетовых куртках. И потом очень долго никого не было.

— А где же остальные? — спросил Ланселот.

— Остальным незачем бежать, они берегут силы. Следующий старт, синий, находится на половине высоты Башни, на пятидесятом ярусе, бегом туда не доберешься, и синие паломники пока идут шагом. А про остальные цвета и говорить нечего, им еще идти и идти, а чем выше — тем труднее, поэтому сейчас они не торопятся.

И правда, прошло не менее часа, прежде чем показались зеленые, оранжевые, голубые, желтые и красные паломники. За теми, кто шел своими ногами, потянулись инвалидные и опорные коляски, а далеко позади всех шли инвалиды на костылях.

— Взгляни-ка, Жерар, вон на тех синих — один сидит в коляске, а другой ее подталкивает.

— У человека в коляске нет ни рук, ни ног, а тот что ее толкает — слепой. Они помогают друг другу. Такой, понимаешь ли, симбиоз. — И это разрешено правилами?

— С того момента, как паломники вышли на дорогу, они могут делать все что угодно. Бывает, что помогают друг другу, но чаще вредят, а бывает, что даже убивают соперников на подходе к старту, по большей части на верхних ярусах, когда все уже измотаны морально и физически. Тут-то самая забава для зрителей и начинается, и цена за билеты вырастает в сотни раз. И публика, надо сказать, чем выше, тем хуже, а на самый верх и вовсе одна сволочь всплывает, — закончил он вполголоса, оглянулся и добавил уже громко: — Вот потому я рассчитываю только на синий старт.

Когда участники гонок прошли, явились распорядители и увели паломников с балкона.

— Ну что, теперь тебе все ясно? — спросил Жерар Ланселота, когда они вошли в спальный зал. — Кое-что ясно. — Ты надумал делать ставки?

— Пока нет. Я обдумываю кое-что другое, Жерар. За ужином сядем опять за один столик —

поговорить надо. — Идет.

За ужином они сидели за столиком впятером: Ланселот, Жерар, Инга, больная раком крови девушка по имени Ванда и мальчик с кожной болезнью, отказавшийся назвать свое имя.

— Можете звать меня просто Тридцать пятый, — сказал он.

Из-за коляски Ланселота и толщины Инги сидеть впятером за одним столиком было невозможно, и они сдвинули два стола. Служители поглядели на них неодобрительно, но возражать не стали.

Ланселот изложил свой план. Инга и Жерар согласились сразу: Инга потому, что с первой минуты безоглядно доверилась Ланселоту, а вот Жерар, похоже, моментально понял суть плана Ланселота и все его выгоды. Ванда и мальчик сказали, что подумают, но было видно, что предложение Ланселота их не только удивило.

Глава 11

Прошла неделя и наступил день старта. На винтовую дорогу их вывели еще на одном из подземных ярусов Башни. Выпускали паломников пятерками с интервалом в час. Все было предусмотрено и рассчитано: за такое время участники успевали растянуться по дороге, и пока зрителям было на что смотреть, следующую пятерку не выпускали.

Паломники уже слышали разговоры между служителями и другими участниками из их сотни о том, что немало зрителей поставили свое золото на троих из их пятерки, большей частью на Жерара, но также на Ланселота и даже на мальчика. На Ванду с Ингой не поставил никто.

— Тем лучше, — заметил Жерар. — А вы, девушки, не огорчайтесь, вам популярность ни к чему, вы у нас темные лошадки: чем меньше на вас ставят, тем больше будет ваш выигрыш.

— Будет ли он, выигрыш? — спросила сумрачно Ванда.

— А как же! Ты посмотри, какие парни на тебя ставят! Ванда в недоумении оглянулась.

— Не туда смотришь, я говорю про себя и Ланселота.

Ванда слабо улыбнулась бескровными губами.

В отличие от Ванды болельщики-служители достоинства Ланселота и Жерара заметили сразу и обсуждали их, не смущаясь присутствием обсуждаемых.

— Поглядите, какие мускулы у этого парня на руках и плечах! На верхних ярусах он сможет отдыхать не на холодном бетоне, а в своей коляске, — говорили ставившие на Ланселота.

— Если наш не догадается перевернуть его коляску, пока он спит, — усмехались поставившие на Жерара. — И далеко он тогда уйдет без коляски?

Кроме самой Инги, на нее так никто и не поставил. Люди рассуждали вполне здраво: до первого финиша некоторые паломники бегом бежали, а ей где уж! Ланселот, отдавший служителям батарейку Тесла из коляски, получил за нее пять планет золотом и отдал их Инге. Ей же вручил свой последний золотой Жерар. Инга заполнила карточки игрока за полчаса до начала гонок, в зале, где перед стартом собрали игроков. Она протянула их распорядителю, тот взглянул, громко заржал и тут же сообщил о причине смеха коллегам. Поднялся общий

хохот.

Увидев слезы на глазах Инги, Ланселот приобнял ее и шепнул:

— Инга, успокойся! Это здорово, что все будут в курсе твоей ставки: ты получишь все деньги сполна — слишком много свидетелей, чтобы тебя решились обмануть при расплате: Жерар говорит, что такое случается. Ты только не забудь, что ты должна сделать, когда получишь кучу денег.

— Зря вы на меня рассчитываете, — вздохнула Инга, — у меня все равно ничего не получится, я только подведу вас. Мне вообще не везет и никогда не везло, и я знаю, что мне живой с этой башни не спуститься.

— Еще какой живой будешь, когда спустишься с нее здоровой и с карманами, набитыми золотом! — сказал Жерар. — А рассчитываем мы, детка, не на тебя одну, а на всю нашу пятерку.

— Ты, главное, деньги береги, как получишь выигрыш, по сторонам не зевай, а хватай сразу велотакси и кати подальше от Башни, — сказал девушке Тридцать пятый. — Но смотри, если ты нас бросишь и удерешь со всеми деньгами...

— Не смей так говорить, парень! — одернул его Ланселот. — Если мы не будем доверять друг другу, нам не выиграть эту игру.

— Странные вы люди, — вздохнула Ванда. — Ни за что бы с вами не связалась при других обстоятельствах. — Это ты просто не успела к нам приглядеться, красавица, и не заметила нашего скрытого обаяния, — пошутил Жерар. — Но у тебя еще будет время — когда мы с Ланселотом и Тридцатьпятым будем проходить последние ярусы. Вот уж там мы будем на высоте!

— Тридцатьпятник! — улыбнулся Ланселот. — Неплохо звучит.

— Вот так и будем тебя звать, раз ты не хочешь говорить свое имя, — сказала мальчику Ванда. — Много чести тебе будет знать мое имя!

— Уж такое у тебя громкое имя! — усмехнулась Ванда.

В ответ мальчишка показал Ванде шелудивый красный кулак.

— Не надо ссориться, — тихо попросила Инга.

— Седьмая пятерка — на старт! — объявили по местному радио.

Они вышли на середину трассы: Инга в фиолетовой куртке, Ванда в синей, Тридцатьпятник в желтой, Жерар в оранжевой и Ланселот — в красной. Увидев сразу трех участников, претендующих на высокие финиши да еще идущих в одной пятерке, зрители одобрительно взревели. Распорядитель повел пятерку к стартовой черте.

Встав у белой черты, они ждали сигнала. Как только раздался короткий и резкий хлопок стартового пистолета, зрители на балконе над стартом замерли в полном недоумении, стараясь понять, что там такое происходит внизу?

А происходило вот что. Сначала инвалид достал из-под себя какие-то ремни и тряпки и

передал их участнику в оранжевой куртке. Тот расправил их, и оказалось, что это длинный ремень, составленный из трех брючных ремней; один конец его был прикреплен к низу коляски, а другой расходился на три петли, сплетенные из пестрых тряпок. Игрок в оранжевом стал перед коляской, просунул в одну петлю руку без кисти и согнул ее в локте, а две другие петли взяли в руки мальчишка и худая девушка, вставшие у него по бокам. По балконам прошел ропот: зрители наконец поняли, что трое из пятерки впряглись в коляску четвертого. Но когда к коляске подошла толстуха и нагло уселась на колени инвалиду, по балконам прокатился рев возмущения и восторга: такого здесь еще не видали!

Коляска тронулась. Ланселот изо всех сил крутил колеса руками, обмотанными тряпками, чтобы избежать слишком сильного трения: на упряжь и на тряпки для его рук пошла запасная пара нижнего белья Инги, у других запасной одежды не было совсем. Она и платками своими поделилась, всем дала по одному.

Коляску тащили в основном Жерар, Ванда и Тридцатьпятник. Тройке поначалу было нелегко, но потом, когда они взяли разгон, бежать стало легче: нижние ярусы Башни были не слишком крутыми, и они мчались почти со скоростью велорикши.

И вот впереди показалась спина человека, ковылявшего на костылях, последнего из предыдущей пятерки. Услышав шум бегущих, он оглянулся, с удивлением поглядел на странную повозку, проводил ее глазами и поковылял дальше.

— Один, — сказала Инга. Пока что ее частью общего дела было считать тех, кого они обогнали.

Как ни странно, минуя ярусы, тройка не теряла скорости, хотя дорога становилась круче: напротив, они вошли в ритм и бежали теперь ровно, только Жерар делал шаги длиннее и реже, чем Ванда и Тридцатьпятник. Они обогнали еще несколько паломников.

— Четыре... Шесть... Семь и восемь, — считала Инга. — Ланселот, их еще так много впереди! Мы не сумеем обойти всех! — Считай, милая, считай! Все идет хорошо! Ланселот старался не глядеть в лица тех, кого они оставляли позади на вымощенной бетонными плитами дороге. Не он устроил эти гонки. Он и его пятерка такие же жертвы чужой игры, как и те, кого они обгоняли.

Они обгоняли одного за другим тех, кто бежал, шел и тем более брел по трассе впереди них. Правда, большинство из них были в куртках разных цветов и пока не особенно торопились, берегли силы. И вот уже впереди осталось шестеро игроков, и, судя по всему, это были те, кто шел быстрым шагом или бежал, торопясь к первому фиолетовому финишу — настоящие соперники Инги. И тут вдруг начала уставать Ванда. Она спотыкалась и покачивалась на ходу. — Жерар, Ванда устает! — крикнул Ланселот.

— Я ничего... Я еще могу... — задыхаясь крикнула Ванда, но Ланселот скомандовал остановиться. Жерар взял у нее из стиснутых рук петлю и поправил упряжку так, что бы нагрузка распределялась поровну между ним и Тридцатьпятником.

— Ванда, иди спокойно и постарайся отдохнуть на ходу, — сказал Жерар девушке, — мы вернемся за тобой.

Ванда осталась стоять на дороге, прижимая обе руки к судорожно вздымавшейся плоской груди.

— Желаю вам удачи, — с трудом проговорила она. — Бегите дальше! И не вздумайте за мной возвращаться...

— Это ты не вздумай останавливаться, — сердито сказал Жерар. — Чем дальше ты сумеешь пройти вперед, тем меньше мы потеряем времени, когда вернемся за тобой. А мы — вернемся. Ты поняла меня? Смотри, не подведи нас!

— Да, я поняла, — ответила Ванда. — Я буду идти сколько хватит сил.

На двенадцатом ярусе они обогнали всего одного паломника, шедшего мерным спортивным шагом. Впереди оставались еще пятеро.

Вдруг Инга завозилась на его коленях, завздохала, а потом обернулась к нему и жалобно сказала:

— Ланселот! Я больше не могу! Надо остановиться... — Что случилось, Инга? Что с тобой!

— Скажи Жерару и Тридцатьпятику, что бы остановились. Я терпела, терпела сколь ко могла...

— Ты можешь сказать толком, что случилось?

— Я очень хочу писать! — наконец выговорила она и громко заплакала.

— Господи, девочка! Так за чем дело встало? Эй, Жерар! Придется остановиться — нашей Инге приспичило в туалет! Только не останавливайтесь сразу, чтобы не сорвать дыхание!

Жерар и Тридцатьпятик замедлили шаг, затем остановились. На балконах притихли, с интересом глядя на них.

— Встань, Инга, зайди за коляску и спокойно делай свое дело. Чем больше воды из тебя выйдет, тем легче нам будет тебя везти, так что давай, действуй основательно и не спеши, — инструктировал Ингу Жерар. — А мы, Тридцатьпятик, давай заслоним ее от этих идиотов.

Сначала зрители не понимали, что происходит на дороге. Они только улюлюкали в адрес Инги, когда она встала с колен Ланселота и показалась во всей своей красе. Но когда она присела за коляской, и вниз по дороге потек ручеек, восторгу зрителей не было предела!

Наконец Инга облегчилась. Дрожащая и смущенная, она снова подошла к коляске под истерический хохот трибун.

— Ланселот, может быть, я теперь не много пройду своими ногами? — предложила она.

— Нет, солнышко, мы не можем так задерживаться. Как, ребята, вы готовы двигаться дальше?

— Мы-то можем, а вот как твои руки, Ланс?

— А что мои руки? У меня руки в порядке, — Ланселот в доказательство поднял руки, обмотанные тряпками. — А вам, кстати, облегчиться не надо? — Из нас все на бегу выпотело.

— Ну смотрите... Ты как, Тридцатьпятик, есть еще силенки?

— Один бы я столько сегодня не прошел, — честно ответил мальчишка. — В компании лучше. Я рад что пошел с вами. А еще больше буду рад, если мы этим живоглотам, — кивнул он в сторону беснующихся балконов, — нос натянем. Двигаем, Жерар?

Жерар с Тридцатьпятиком взяли за петли, Инга уселась на колени Ланселоту.

— Тебе не очень тяжело, Ланселот? — спросила она, робко заглядывая ему в глаза.

— Дурочка! Ты же сидишь у меня на коленях, а их я совсем не чувствую.

— Это хорошо, — сказала она и зажала рот своей ладошкой-подушечкой. — Ой, я не подумав сказала!

— Хватит любезничать, поехали! — прикрикнул на них Тридцатьпятник.

Жерар сделал первый шаг, Тридцатьпятник приноровился к нему, Ланселот крутанул колеса.

Тринадцатый... Четырнадцатый... Пятнадцатый... Когда они достигли шестнадцатого яруса, Ланселот сказал девушке:

— Инга, скоро тебе придется идти своими ногами. Может, ты вздремнешь немного? — А как же счет?

— Впереди у нас пятеро, теперь мы со счета не собьемся. Мы хорошо идем! — ответил Ланселот. Но сам он подумал, что пять фиолетовых соперников впереди — это все-таки очень много. Скоро ночь и неизвестно, что их ждет, и Ванда где-то далеко позади, за ней еще придется возвращаться...

Инга послушно положила голову ему на плечо и тут же уснула.

Балконы всякий раз встречали их коляску ревом. Но не только криками выражали свое возмущение те, кто ставил на других паломников фиолетового финиша — до других цветов пока не дошел черед. В них летели банки из-под напитков с балконов простых горожан, огрызки фруктов с балконов для чистой публики. Хотя до первого финиша было еще очень далеко, страсти постепенно разгорались, и вот уже первый камень угодил в плечо Ланселота: хорошо еще, что не в голову Инги, лежавшую как раз на этом плече!

Летели в них и тяжелые запечатанные банки с энергеном.

— Не вздумайте их ловить! — бросил на ходу Жерар. — В них может быть снотворное или еще какая-нибудь отравка!

Если бы не скорость продвижения, им бы не избежать прямых попаданий, и они теперь придерживались левого, наружного края дороги.

Стало темнеть, зажглись фонари. "Еще один слух оказался выдумкой, — подумал Ланселот, глядя на фонари в форме крестов. На них загорелись длинные лампы, бросавшие на дорогу яркий голубой свет, и гирлянды красных лампочек. — И никаких распятых на фонарях нет, как и следовало ожидать!".

Заработали громкоговорители и по радио был объявлен шестичасовой отдых для всех участников и такой же перерыв для зрителей. Служители и клоны сразу же вышли на трассу и приступили к уборке, зрители стали покидать балконы. Ланселот разбудил Ингу.

— А мы можем двигаться во время отдыха? — спросил он ближайшего служителя.

— Можете хоть танцевать, — ответил тот. — Но ты смотри, не надорвись, Тридцать Третий, — я на тебя поставил!

— Спасибо. Поставь вот на нее — уже завтра получишь выигрыш.

— А ты что, до самого старта собираешься везти на себе эту вонючую тушу? Тогда я сейчас же на нее поставлю! Вот спасибо!

Ну да, от бедной Инги теперь дурно пахло, и, услышав слова служителя, она всхлипнула. Ланселот тут же пожалел, что дал ему добрый совет. Он чуть было не сказал, что бросит Ингу на дороге, но ему не захотелось пугать бедную девушку даже в шутку.

— Не обращай внимания, Инга. Лучше разомнись немного, подвигайся.

Ланселот ссадил ее с колен и посоветовал сначала походить, чтобы наладить кровообращение. — Я вперед пойду, чтобы вам легче было! Инга расставила руки для равновесия и, как ни странно, довольно бойко затопала вперед на своих тумбообразных ногах. Жерар смотал упряжь и сунул ее в сетку под сиденьем коляски.

— Ну что, пошли догонять Ингу? — сказал он Тридцатьпятику. — Ланс! Мы с Ингой пройдем еще ярус, там я оставлю их с Тридцатьпятиком, а сам побегу вниз. Так? — Так, — кивнул Ланселот.

Жерар и Тридцатьпятик нагнали Ингу, подхватили ее под руки и с шутками-прибаутками повлекли вперед. Убедившись, что с ними все в порядке, Ланселот развернул коляску и помчался с семнадцатого яруса вниз.

Балконы почти опустели, на них остались лишь те зрители, кто боялся упустить удобное место возле перил и решил ночевать прямо на Башне. Видя мчавшуюся вниз по дороге коляску, они свистели ей вслед и кричали:

— Трус! Слабак! — и, конечно, кидали вслед Ланселоту пустые банки, которые с грохотом катились за ним.

Он мчался вниз, заботясь лишь о том, чтобы не пропустить Ванду и не наехать на спящих паломников, расположившихся на отдых по всей трассе. Он нашел ее на двенадцатом ярусе. Ванда лежала на спине, закинув бледное лицо.

— Ванда! Просыпайся, я за тобой приехал!

Ванда открыла глаза и поглядела на него удивленно. — Ты что, в самом деле вернулся за мной?

— А ты как думала? Давай, поднимайся и садись ко мне на колени.

— Я не могу, Ланселот, я устала и хочу спать. Да мне все равно до финиша не добраться, ты же знаешь. Но все равно спасибо, что вы не забыли обо мне.

— С чего это ты решила сдаваться? Садись ко мне на колени и спи. Пока мы доберемся до наших, ты как раз успеешь отдохнуть. — Я не хочу тебя задерживать...

— Ты меня задерживаешь пустыми разговорами. Садись, Ванда! Дорога каждая минута!

Она вздохнула, покачала головой и, подойдя к коляске, осторожно уселась к нему на колени.

— Какое же ты перышко в сравнении с Ингой! — сказал Ланселот. — А где она?

— Ее под руки тащат наверх два молодых кавалера. — Ох, какие же вы люди!

— Это ты, девушка, верно заметила: мы — люди. Устраивайся поудобнее, положи мне голову

на плечо и немедленно засыпай.

Ванда обняла Ланселота за шею, уткнулась ему в плечо и затихла.

Балконы для простой публики опустели, оставшиеся на них немногие зрители улеглись на скамейках — там где скамейки были, прямо на полу там, где их не было. Зато зеркальные тонированные окна Башни сияли огнями, там продолжали веселиться. Гремела музыка. В полночь со всех ярусов начали пускать ракеты и шутихи.

Ланселот крутил колеса уже немеющими от боли руками. Страшно хотелось размотать тряпки и поглядеть, что там с ними, но он боялся, что после этого будет трудно заставить их снова работать.

На четырнадцатом ярусе впереди показалась бегущая навстречу фигура.

— А вниз-то бежать легче, — заметил Жерар, подбегая к коляске. — Как ты, Ланселот?

— Ничего. Лучше, чем можно было ожидать. Тридцатьпятик идет дальше с Ингой?

— Ползут потихоньку. Выносливый парнишка! Да и Ванда молодец, что сумела до сюда дотянуть. Как она?

— Устала, спит.

Ланселот не стал ему говорить, что нашел девушку двумя ярусами ниже.

— Все, я выключаюсь, — сказал он, переложил Ванду на другое плечо и уснул. Жерар решил, что одному легче будет не тащить коляску за собой, а толкать. Он встал позади нее, уперся в спинку предплечьями и начал толкать коляску, потихоньку набирая скорость. Скорость, конечно, была не очень, но главную задачу он выполнял — они двигались без перерыва. К рассвету Жерар уже еле шел, засыпая на ходу.

Небо вокруг Башни посветлело. Начали заполняться публикой балконы. На трассу вышли служители. Они будили спящих и вручали каждому небольшой мешок из плотного пластика и свернутый вчетверо желтый листок газеты "БЕГИ".

— Прочтешь свою газетку — не выбрасывай, это твоя туалетная бумага на весь день, — объясняли они паломникам. — В мешке — завтрак. Съешь, выпей, а потом сделай свои дела в мешок, плотно завяжи его и оставь на дороге. На дорогу не гадить, только в мешок! Нарушителей будем снимать с дистанции!

Жерар взял у них три мешка и разбудил Ванду и Ланселота. Они решили использовать два газетных листка, а третий оставить, чтобы каждый мог спокойно прочесть во время своего отдыха — сейчас читать им было некогда. Многие участники гонок быстро расправившись с завтраком и прочими делами, уже продолжали путь вверх. Зрители с интересом наблюдали за утренним туалетом паломников, подбадривая их незамысловатыми шутками.

Ланселот быстро просмотрел газету. В "Бегунке" ничего важного как будто не было, кроме сообщения о том, какие паломники лидировали ко вчерашнему вечеру. Прочли они и две строчки о себе: "Как ни странно, неплохо идут паломники первой пятерки четвертого десятка, объединившиеся в группу, которую наши остроумные зрители прозвали "Веселым катафалком". Многие зрители ставят на мужчин пятерки свое золото. Ваш корреспондент предупреждает: будьте осторожны, господа, катафалк — он и есть катафалк!".

Ланселот и Ванда снова уснули. На семнадцатом ярусе Жерара встретил бегущий вниз Тридцатьпятник.

— Давай сменю! У Инги открылось второе дыхание — топают и топают вперед, как слониха на водопой. Она меня вам на помощь послала, — сказал он, подбегая к коляске. — Буди их!

Ванда проснулась и встала на ноги. Ланселот открыл глаза и потянулся. Тронув одной рукой другую, он застонал.

— Надо сказать Инге, чтобы принесла перчатки. Напомни мне, — сказал он Жерару. — Ну давай, садись — теперь твоя очередь. — Не раздавлю тебя? — Это после Инги то? — И то верно.

Жерар уселся на колени Ланселоту, свесив ноги по одну сторону коляски. Ланселот расстегнул поясной ремень и пропустил его через ремень Жерара:

— Это чтобы ты не свалился во сне — я ведь буду руками колеса крутить, мне тебя придерживать нечем. Поехали, Тридцатьпятник! А ты, Ванда, иди вперед. Тебе идти своим ходом до тех пор, пока Жерар не выспится. Потом я возьму вас вместе с Тридцатьпятником на руки, и вы будете отдыхать, пока мы не нагоним Ингу.

— Ну нет, — сказала Ванда, — я буду тащить коляску.

Ланселот не стал спорить, достал из-под сиденья упряжь и отдал ее Тридцатьпятнику а сам положил руки на ободья. Сначала его распухшие кисти никак не хотели действовать, но потом новая боль пересилила старую, и коляска покатила. Приноровив шаг друг к другу, Ванда и Тридцатьпятник тянули ее, понемногу набирая скорость. Жерар крепко спал и храпел прямо в правое ухо Ланселоту. В конце концов тот не выдержал, на минуту оставил колеса, достал из кармана носовой платок и кончик его запихал в ухо — стало легче. Ингу они нагнали на двадцать первом ярусе. Основная масса паломников оставалась теперь далеко позади.

— Интересно, сколько сейчас идет впереди нас? — спросил Тридцатьпятник.

— Уже только четверо, — сразу же ответила Инга: она, умница, все время продолжала наблюдать за дорогой и заметила фиолетового игрока, спящего на дороге под балконом.

— Спать хочешь, Инга? — спросил Ланселот. — Уже нет, перетерпела. — Сядешь в коляску? Буди Жерара?

— Нет, пускай он еще поспит. Если можно, я буду просто идти рядом, держась за ручку. У меня еще есть силы.

— Какая же ты молодчина, Инга! Кто бы мог подумать, что в тебе столько упорства и мужества?

— Мне идти теперь легче, из меня много воды вышло с потом... и так... — сказав это, Инга смутилась.

— Не стесняйся, мы теперь свои люди. Можно сказать, родственники, — улыбнулась ей Ванда. — Писай больше, лапушка, облегчайся! Лансу станет легче везти тебя перед самым финишем.

— А на финиш я пойду своими ногами, правда, Ланс?

— Да, чтобы не разъярить зрителей перед твоей победой и чтоб не было придирок со стороны распорядителей.

Двадцать третий ярус... Двадцать пятый... Двадцать седьмой... На двадцать седьмом обошли упавшего участника в фиолетовой куртке. Обошли молча и пошли дальше. Впереди трое. Двадцать восьмой... Тридцатый... Обошли еще одного, в синей куртке: он стоял, ухватившись за фонарный столб, и захлебывался кашлем, его номер на груди был залит необыкновенно яркой алой кровью. Отойдя от него подальше, Ланселот объявил остановку.

— Небольшой отдых, друзья мои, мы можем его себе позволить. Впереди только двое. Если обойдем их, то можно будет на половине тридцать второго яруса устроить еще один короткий отдых перед самым последним рывком. А там уже будет твой выход, Инга!

Они стояли и отдыхали. Зрители заходились в криках, понукая их и требуя продолжения гонки, но друзья уже научились не обращать на них внимания. Они отдыхали до тех пор, пока далеко позади не показался тот самый паломник, что кашлял у фонарного столба. Только тогда Ланселот разбудил Жерара.

— Вставай, друг, пора, — сказал Ланселот. — Инга, садись на старое место!

Инга уселась к нему на колени. Ланселоту показалось, что она и вправду стала намного легче, но мочой и потом от нее несло так, что на мгновение он задохнулся. Он отвернул лицо в сторону, осторожно перевел дыхание и погладил ее по слипшимся мокрым волосам.

Жерар разобрал петли, и тройка снова впряглась в коляску.

— Начинаем спокойно, а потом уже раз гоняемся, — скомандовал Жерар. — Пошли, ребята.

Ланселот уже знал, что тяжелее всего тащить коляску первые десятки метров после остановки, поэтому, как только они тронулись, он изо всех сил принялся крутить колеса.

Жерар снова шел посередине, а Ванда и Тридцатипятик по бокам. Жерар и тянул сильнее всех. Они начали разгоняться. Коляска пошла так, будто дорога и не поднималась вверх. Ланселоту стало легче, теперь он только подталкивал ободья, почти не прилагая усилий. Зрители на балконах ревели, когда они проносились мимо. И вот они увидели двух мужчин в фиолетовых куртках, бежавших к финишу один за другим.

— Вперед, мои дорогие, вперед! — закричал Ланселот. "Только бы выдержали ремни и петли, только бы ничего не случилось с коляской" — думал он, изо всех сил стараясь успевать толкать бешено крутившиеся ободья. И они обошли их одного за другим под рев и проклятья балконов. Теперь они шли впереди!

И вот показался финиш. Это были переносные решетки, загородившие дорогу от балкона до наружной ограды, а посередине был оставлен проход всего в несколько метров, поперек него была натянута широкая фиолетовая лента с белой надписью — "ФИНИШ". Вдоль решеток стояли распорядители, а сразу за финишной лентой над трассой нависал широкий, опирающийся на белые столбы балкон — явно пристроенный к стене Башни специально для гонок. Балкон был украшен зеленью и фиолетовыми лентами, а на нем, поодиночке и группами, стояли нарядные дамы, офицеры-экологи и просто офицеры, штатские мужчины в черных костюмах и крахмальных рубашках. Таких зрителей они еще не видели на трибунах.

— Ой, там члены Семьи! — взволнованно сказала Инга, поднимая лицо к Ланселоту. — А впереди стоит... Честное слово, Ланселот, это сам Мессия!

— Не волнуйся, Инга, а то собьешь дыхание. Теперь тебе уже нечего волноваться, все идет отлично. Сейчас мы сделаем остановку, и последние метров сто ты пройдешь сама, а еще лучше — пробежишь. — Ребята, переходите на шаг! Так... Теперь — стоп! Инга, поднимайся!

Он поставил коляску на тормоз и похлопал Ингу по мягкому плечу. Инга, осторожно спустилась и стала перебирать ногами на месте. — Готова? — Готова...

— Вперед! — Жерар размахнулся и звонко шлепнул Ингу по необъятному заду. Балконы завизжали от восторга, когда толстуха, растопырив руки и неуклюже топая ногами, понеслась к финишу.

Бледная до синевы Ванда подошла, чтобы опереться на коляску, и тут же упала на руки Ланселота. Он усадил ее на колени, приговаривая:

— Отдыхай теперь, голубка, следующий финиш — твой.

— Ты думаешь? — сказала Ванда, положила голову ему на грудь и затихла.

— Давай, Инга, давай! — кричали Жерар, Ланселот и Тридцатьпятник. — Жми! Вперед, Инга!

Но Ингу теперь уже никто не мог обойти; еще несколько секунд, и она сорвала грудью фиолетовую ленту финиша!

Взревели зрители на балконах, вслед за ними загремели фанфары, и торжественный мужской голос из репродукторов объявил, что победил на фиолетовом финише номер тридцать два, и его обладательница Инга Петрих прямо сейчас, на глазах у зрителей получит полное исцеление от Мессии.

— Слава Мессу! Мессу слава! — ревели балконы.

— Мы это сделали, ребята, — сказал Ланселот, закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. И тут же почувствовал, как коляска под ним дернулась: это Жерар снял ее с тормоза и покатил к финишу. Тридцатьпятник подбежал к нему и тоже ухватился за спинку коляски.

— Ребята, идите вперед, — сказал Ланселот. — Я сам перейду финиш.

— А что мы будем делать за финишем? — спросил Тридцатьпятник.

— А мы пойдем дальше, — ответил ему Жерар. — Не забывай, парень, что это всего лишь один из семи финишей. Гонки продолжаются. Ланс, ты в порядке?

— Да, я в порядке. Двигайте, ребята, а я за вами.

Они прошли финишные ворота: Жерар впереди, за ним Тридцатьпятник, а потом фиолетовую черту проехал и Ланселот. Они только успели заметить, как Ингу два распорядителя под руки торжественно возводили по лестнице с фиолетовой ковровой дорожкой на белый балкон. Там, среди важных и нарядных людей с бокалами в руках, стоял Мессия, протягивая Ванде руки.

Играла победная музыка, что-то говорил мужской голос из репродукторов, но паломники бежали вперед, уже больше не оглядываясь на ходу и не пытаясь увидеть Ингу в толпе на белом балконе.

Глава 12

До синего финиша Ванды им надо было пройти еще семнадцать ярусов, а их уже начали наступать. Фиолетовые паломники все куда-то исчезли. Желтый и зеленый шли сразу за ними, но опасен был и синий, идущий за зеленым, хотя он был в плохом состоянии: кашлял на бегу, и теперь уже весь его костюм спереди был залит и забрызган кровью. Но Ванда была еще хуже! Она так и не пришла в себя после финиша Инги и продолжала лежать без сознания у Ланселота на груди. Хуже того — она вдруг стала совсем горячей и начала метаться во сне, бормоча что-то невразумительное. Ланселот не мог ее придержать руками, ему надо было крутить колеса. Он снял куртку, стащил с себя рубашку, скрутил ее жгутом и привязал концы жгута — рукава рубашки, к ручкам коляски: теперь Ванда по крайней мере не вывалится.

— Ланс, взгляни на фонарь! — крикнул вдруг Жерар. — А ты не верил!..

Ланселот поглядел на ближайший фонарь и увидел на нем большое, в человеческий рост, как ему показалось, вырезанное из темного дерева распятие. Когда они поравнялись с ним, он понял, что видит не культовое изображение, а высохший на солнце труп. От ветра на распятом шевелились лохмотья фиолетовой куртки.

— Значит, и это оказалось правдой, — пробормотал самому себе Ланселот.

Теперь они шли рядом, Ланселот в коляске посередине и Жерар с Тридцатьпятыком по бокам. Он запретил им толкать его, видя, что оба полностью выложились на финише Инги. Шли часы, сменялись ярусы, но Ванде лучше не становилось. А на краю дороги среди обычных фонарей все чаще появлялись фонари-распятия. Стемнело. Зажглись лампы фонарей и вспыхнули красные лампочки, обвивавшие распятия.

Этой ночью им пришлось остановиться, когда объявили перерыв на отдых. Но в середине ночи Ланселот разбудил Жерара с Тридцатьпятыком и сказал, что им надо двигаться дальше, если они не хотят потерять преимущество. Но потом они остановились еще раз, когда появились уборщики-клоны и служители с пакетами еды и пачками "Бегунков". Первым делом паломники кинулись просматривать газетку. На первой странице было напечатано сообщение о победе Инги и крупнейшем за всю историю гонок выигрыше на фиолетовом финише. Инга была единственная, поставившая на себя, она и забрала все ставки. Там же сообщалось, что других победителей на фиолетовом финише не было, поскольку вслед за Ингой его прошли участники других цветов. Прочитав это сообщение, Ланселот здорово расстроился.

— Что ж ты меня не предупредил, Жерар, что мы таким образом отняли шанс на исцеление у двух человек!

— А какое это имеет значение? — пожал плечами Жерар. — В этом мире каждый за себя. Не считая нашей пятерки, конечно.

На рассвете, как только балконы стали заполняться публикой, их ждала радость — появилась Инга. Это случилось на сорок втором ярусе. Сначала они услышали ее крик:

— Ланс! Жерар! Тридцатьпятык! Посмотрите на меня!

Обведя глазами балконы, они увидели девушку и с трудом ее узнали: она стояла прямо на решетке балкона, держась одной рукой за разделительную перегородку, а другой махала им большим красным платком. — Это я! Смотрите на меня!

Может быть, не такой уж и красавицей стала Инга, но она была безусловно здоровой молодой

женщиной, а лицо ее оказалось вовсе не круглым, а изящно продолговатым. И конечно, оно так и сияло счастьем.

— Ловите! — крикнула она и бросила одну за другой три банки с энергеном, стараясь попасть в коляску Ланселота. Руки ее были длинными, тонкими и ловкими. Две банки подхватил Ланселот, а одна упала рядом с коляской и покатила вниз, но ее подхватил Жерар и тоже передал Ланселоту.

— Открывай скорее, — сказал Тридцатьпятник, — интересно, что она нам бросила? Я думаю, что это какой-нибудь натуральный энерген. Давай, я пока тебя повезу, а ты вскрывай банки. Жерар, помоги мне толкать коляску!

— Подожди, малыш, сначала главное. Инга, Инга! Ванде совсем плохо! Сделай что-нибудь для нее! Лекарство принеси!

— Я постараюсь! — донесся до них сзади ответный крик Инги. — Я скоро приду!

— А что она может принести? — мрачно сказал Жерар. — От рака нет лекарства, кроме исцеления Месса.

Ланселот увидел, что все банки из-под энергена вскрыты и потом заделаны скотчем. Он содрал скотч и крышку с первой банки. Банка была битком набита мелко наломанным шоколадом. Все сейчас же взяли по кусочку, а остальное Ланселот положил в сетку под сиденьем, снова заклеив крышку. Во второй банке оказался крепко заваренный кофе — ценность невероятная: арабский кофе продавался теперь едва ли не по весу золота. Они по очереди отхлебнули понемногу. Ланселот попытался влить хотя бы глоток кофе в рот Ванды, но только расплескал драгоценную жидкость. Тогда Ланселот передал банку Тридцатьпятыку:

— Попробуй нести и не разлить. Это наш единственный допинг. О нет, не единственный! — В третьей банке оказалось густое красное вино. — Вот так, ребята, теперь мы выдержим. Но как же быстро обернулась Инга!

— Еще бы ей не обернуться — с такими-то деньжищами, — сказал Тридцатьпятник. — Наверняка с утра взяла велотакси, а может, и мобиль: таксисты знают, где и что можно достать за деньги. Интересно, придет она к нам еще или забудет о нас и пустится в красивую жизнь?

— А ты бы на ее месте как поступил? — спросил его Жерар.

— Я - мужчина, с меня другой спрос, — ответил Тридцатыштик. — Как там Ванда, Ланс? — Все так же. — Она не умрет? — Кто может знать...

— До ее финиша еще больше семи ярусов. Ланселот, попробуй дать ей вина!

Но и вино пролилось мимо запекшихся губ Ванды.

На сорок третьем ярусе они увидели позади себя синее пятно, а за ним, немного позади — желтое. Их догоняли.

— Рванем вперед? — предложил Тридцатьпятник. — Мы сейчас вроде как подкрепились.

— А зачем? — спросил Ланселот. — Ванде не становится лучше, а без нее нет никакого смысла первыми подходить к синему финишу.

— Знаешь, Ланс, может быть Тридцатьпятник прав, и нам стоит создать для себя резерв времени, эти синий с желтым нам на пятки наступают. Давайте-ка выпьем еще по глоточку вина, а потом мы с тобой, Тридцатьпятник, и в самом деле рванем.

Ланселот достал банку с вином, они отпили по большому глотку и моментально почувствовали прилив сил. Тридцатьпятник с Жераром запряглись и понеслись вперед. Очень скоро синий и желтый пропали из виду.

Они прошли еще три яруса, когда вдруг услышали знакомое: — Ланс! Жерар! Тридцатьпятник!

Это снова была Инга, и опять в коляску Ланселота одна за другой полетели три банки с яркой надписью "Энерген А". Это был дорогой энерген, приготавливаемый из натуральных продуктов, и потому банки были не одноразовые, а имели винтовые крышки. Убедившись, что Ланселот поймал все банки, Инга помахала ему рукой и скрылась.

К одной из банок скотчем была приклеена пластиковая ложка. Когда Ланселот отцепил ложку и открыл банку, он чуть не потерял сознание от запаха: в банке оказался душистый мясной фарш, а сверху лежала завернутая в пластик коротенькая записка: "Ребята, я буду приносить еду трижды в день. Не смейте экономить! Ставку на Ванду я сделала, поставила половину выигрыша. Больше на нее никто не ставил! Что еще надо? Люблю вас всех, навеки ваша И."

— Нет, ребята, придется сделать остановку, — сказал Ланселот, нюхая фарш, — такое есть на ходу просто неприлично!

Они остановились, и Ланселот передал банку и ложку Тридцатьпятнику. Тот отправил в рот первую ложку и застонал от наслаждения: — Как давно я этого не ел!

— Давно? — удивился Ланселот. Сам он до открытия хранилища в Бабушкином Приюте и не помнил, что на свете бывают мясные консервы.

Вторая банка была с густым апельсиновым соком, а третья оказалась аптекой: сверху в ней лежала вата, под нею два эластичных бинта и два тюбика. На одном из них было написано: "Для Тридцатьпятника".

— Я знаю, что это такое, — сказал Тридцатьпятник. — Это очень дорогое лекарство для моего псориаза. Лечить не лечит — псориаз неизлечим, но дает облегчение, снимает зуд. У меня от пота кожа на бляшках до костей сгорела. Инга — чудо!

На втором тюбике была надпись: "Ланселот, это для твоих рук!". И еще в банке было две картонные упаковки лекарств: на одной было написано "Антибиотик для Ванды. Попробуйте дать сначала две таблетки, а потом по одной через час". На второй упаковке тоже была надпись: "Это на самый крайний случай. Мне сказали, что эти капсулы могут умирающего вернуть к жизни на пять минут. Но только на пять минут! Капсулу надо положить под язык".

Ланселот сразу же открыл Ванде рот, положил на ее сухой белый язык две таблетки антибиотика, потом сделал большой глоток апельсинового сока и прижался губами к губам Ванды. Жерар и Тридцатьпятник с ужасом на него глядели, но боялись что-либо сказать. С балконов на них во все глаза смотрели зрители, стараясь понять, что же это такое происходит на их глазах, и, ничего не поняв, на всякий случай кричали скабрёзности в адрес "колченогого распутника". Ланселот медленно вливал сок в рот девушки, отчаянно боясь, чтобы она не захлебнулась. Некоторое время она не реагировала, но потом сделала глотательное движение. Ланселот проглотил оставшийся во рту сок и снова пальцами открыл девушке рот, чтобы убедиться, что она проглотила таблетки. После этого он отер со лба пот.

— Ну ты герой, Ланс! А можно делать это иначе, — сказал Тридцатьпятник и тоже вытер пот со лба. — Это как же? — спросил Ланселот.

— Очень просто: раз она может глотать, нужно следующие таблетки просто растворить в ложке сока и дать ей. У нас ведь теперь есть ложка! — Верно, малыш, так мы и сделаем!

— Правда, такого эффекта уже не будет! — Тридцатьпятник кивнул на ближний балкон, откуда летели требования "повторить номер". — Давайте двигать отсюда, ребята!

Они прошли еще пол яруса. За ними пока никого не было.

— Теперь мы должны остановиться и заняться твоими руками, Ланс, — сказал Жерар. — Бетон теплый, давай ненадолго положим Ванду на дорогу.

Хоть и почти невесомой была Ванда, но Ланселот с облегчением вздохнул, когда Жерар снял девушку с его промокшей от ее пота груди. Он потянулся, помахал руками, поводит плечами, а потом принялся разматывать самодельные бинты со своих горящих ладоней. Концы повязок присохли к ладоням.

— Размочи их вином, Ланс! — посоветовал Жерар.

— С ума сошел — вино тратить на мои болячки!

— Давай-давай! Нам твои руки нужнее вина, приятель!

Жерар достал из сетки нужную банку и снял с нее пластиковую крышку.

— Давай, подставляй твои лапы, а то на дорогу вылью!

Ланселот пожал плечами, но протянул Жерару руки. Тот обильно полил вином заскорузлые тряпки. Через несколько минут Ланселот уже смог снять их. Через обе ладони шли длинные кровоточащие ссадины. Он смазал их мазью из тюбика, и боль тут же стала утихать. Немного подержав руки на воздухе, он попросил Жерара и Тридцатьпятника сделать ему повязки из ваты и бинтов. Когда его руки были обмотаны до кончиков пальцев и стали похожи на руки Инги до исцеления, Ванду снова уложили ему на колени, а из снятых самодельных бинтов устроили для нее "ремень безопасности", и Ланселот снова надел свою рубашку.

— А вы знаете, жар у нее, кажется, немного спадает, — заметил он. — Хорошо бы! — Двинули?

— Поехали. А ты вот что, Ланс: посиди-ка ты немного спокойно, дай рукам хоть не много отдохнуть и подлечиться.

Ланселот кивнул: он и сам чувствовал, что сейчас его рукам нужен пусть не долгий, но отдых. Коляска снова покатила по дороге.

На сорок восьмом ярусе жар у Ванды явственно спал, она начала ворочаться и стонать во сне, но просыпаться никак не желала. Таблетки антибиотика она теперь глотала вместе с апельсиновым соком, и они, похоже, действовали, очищая ее больную кровь. Но надежды на то, что она очнется перед синим финишем без помощи присланных Ингой капсул, у паломников не было. Как, впрочем, и на то, что эти якобы чудодейственные капсулы подействуют на раковую больную в последней стадии.

Жерар и Тридцатьпятник шли ровно, не уставая, и сам Ланселот чувствовал, что в его крови так

и бушуют калории. Еще бы — мясо, настоящее мясо, шоколад, вино, кофе! Да еще все это вместе.

Ланселот, видя, что друзья везут коляску без особого напряжения, пока берег руки. Они перестали болеть, гореть и пульсировать, зато принялись нещадно зудеть — видимо, начали заживать. Ужасно хотелось снять повязки и почесать ладони, но он лишь слегка похлопывал ими, унимая зуд.

В начале сорок девятого яруса они остановились в последний раз, чтобы подкрепиться перед синим финишем и решить, когда давать капсулы Ванде. Ланселот предложил дать одну примерно за пять минут до финиша, а вторую перед самым финишем.

— А если их нельзя давать одну за другой? Организм Ванды может не выдержать, — встревожился Жерар.

— Ты прав, Жерар. Мы дадим ей одну капсулу за минуту до финиша, и если Ванда придет в себя, вторую капсулу отдадим ей: пусть она сама ее примет, если ей станет хуже. — Так мы и сделаем, — сказал Жерар.

— А что если Мессия только на первом финише исцеляет сразу, а остальных победителей оставляет на потом? — вдруг встревожился Тридцатьпятник. — Ванда долго не протянет, а мертвых и Месс не воскрешает.

— Знаешь, друг Тридцатьпятник, я не вижу, что мы можем сделать для Ванды, кроме того, чтобы обеспечить ей полную и убедительную победу на финише, — сказал Жерар несколько раздраженно.

— Первый, кто проходит финиш, получает полное исцеление — это все, что нам надо сейчас помнить, — поддержал его Ланселот. — Пошли, ребята!

— Ланс, тебе пока нет смысла беречь свои руки, мы и так идем с большим опережением. Ты лучше за Вандой следи как следует и держи капсулу наготове, как только мы увидим финиш, — сказал Жерар. — Ты капсулу-то своими руками удержишь?

— Да уж как-нибудь постараюсь не выронить! — Смотри!

Зрители встречали их ревом, который тотчас смолк, как только они проезжали мимо. Но вдруг уже где-то на середине сорок девятого яруса, Ланселот обратил внимание на взрывы криков, которые стали теперь стали раздаваться и позади них. — Нас кто-то догоняет! — крикнул он. Ланселот перегнулся через ручку коляски, стараясь увидеть, что там происходит позади них на трассе. Вскоре на дороге появился бегун в синей куртке, приветствуемый криками с балконов. Сначала Ланселоту показалось, что человек идет на лыжах. В руках у него были две тонкие палки, которые он выбрасывал вперед, а потом отталкивался ими. Голову он держал как-то странно неподвижно, а на глазах у него были черные очки. С ужасом Ланселот понял, что настигающий их бегун слеп. Палки не только помогали ему бежать: он и опирался на них, и щупал ими дорогу перед собой. У Ланселота защемило сердце: он помнил, что второй и третий участники гонок тоже получают исцеление — один наполовину, другой на треть. Он в который раз подумал о том, что, кроме Инги, других победителей на фиолетовом финише не было потому, что они прошли финиш сразу вслед за ней и тем отняли возможность победы у других "фиолетовых". Да будь она проклята, эта жестокая игра!

— Жерар! Тридцатьпятник! Нам придется поднажать, ребята!

Ланселот притянул Ванду ближе к своей груди, чтобы она не выпала из коляски, когда он начнет работать рукам, и она, будто поняв, что от нее требуется, во сне обхватила его рукой за шею. Он приготовился, отвел забинтованные ладони назад, а потом подтолкнул ими крутящиеся ободья. Ладони ошпарило болью, но уже через несколько минут он к ней притерпелся. Жерар и Тридцатьпятник тоже поднажали, и коляска вихрем понеслась к синим воротам и яркой синей ленте с белыми буквами — "ФИНИШ". Слепой с лыжными палками сразу же безнадежно отстал.

Где-то за полкилометра до ворот Ланселот перестал крутить колеса и осторожно кончиками пальцев извлек из кармана заветную капсулу. Только бы не выронить! Он открыл Ванде рот и затолкал капсулу под язык, после чего снова принялся крутить колеса. Через минуту он почувствовал, как Ванда содрогнулась у него на груди и громко застонала. Только бы не умерла, подумал он. Потом она вдруг подняла голову и поглядела ему в лицо абсолютно ясными глазами.

— Ланс? А почему это ты опять меня везешь? Я вполне могу идти своими ногами.

— У-фф! — от избытка чувств Ланселот поцеловал Ванду между глаз. — Жерар, готовьтесь к последней остановке перед финишем — Ванда очнулась! — Почему "очнулась"?

— Потому, что ты очень крепко спала. А сейчас ты встанешь с коляски и побежишь своими ножками к финишу. Смотри, вон он!

— Это что? Финиш? Я, значит, спала без задних ног, а вы меня все везли и везли?

— Ванда, оставь все эти глупости и сосредоточься. Жерар, тормози!

Жерар и Тридцатьпятник стали, Ланселот поставил коляску на тормоз.

— Ванда, — сказал Жерар, подходя к девушке и беря ее за руку, — ты сейчас побежишь через финиш. Если тебе вдруг станет плохо, закружится голова и ты станешь терять сознание — положи под язык вот эту капсулу. Она тебя сделает здоровой на пять минут — но только на пять минут! Запомнила?

— Запомнила, — кивнула Ванда и протянула руку. — Если все получится, я найду Ингу и вместе с ней буду...

— Потом, это все потом! — Ланселот зама хал на нее своими лапами.

— Беги, Ванда! Вперед, к финишу! — Жерар повернул ее лицом к синим воротам и подтолкнул в спину. И Ванда побежала. — Пошли за ней!

— Стойте, ребята! — сказал Ланселот. — Давайте дадим шанс слепому, который идет за нами.

— Какой шанс, какому еще слепому? Ты что, рехнулся, Ланс? Ты подумал о том, что если мы его сейчас пропустим вперед, он может обогнать нашу Ванду перед самым финишем, и тогда мы уже ничего не сможем исправить? У Ванды — рак! Допустим, Месс уберет у нее половину раковых клеток, а что это даст? Облегчение на полгода? Пошли, Тридцатьпятник! Ланселот отпустил тормоз.

Они бежали и одновременно напряженно следили за Вандой, шедшей к финишу ровным легким шагом. Когда синяя лента оказалась шагах в двадцати перед нею, девушка вдруг пошатнулась и остановилась. Остановились и друзья, напряженно за нею наблюдая. Она

подняла руку и поднесла ее ко рту, постояла еще с минуту неподвижно, не обращая внимания на рев балконов, а потом снова легко побежала вперед, пересекла финиш и пробежала еще несколько шагов, волоча за собой синюю ленту. Фанфары и голос в громкоговорителе:

— Первым синий финиш прошел номер тридцать один. Это Ванда Ковальски, и сейчас она получит полное исцеление! Слава Мессии!

— Слава Мессу! — дружным эхом отозвались балконы.

Жерар и Тридцатьпятник двинулись к финишу. Ланселот чуть приотстал от друзей и оглянулся. Слепой увеличил скорость и бежал теперь изо всех сил, отталкиваясь от бетонных плит двумя палками сразу. Зато шедший почти сразу за ним второй паломник в синей куртке остановился, безнадежно взмахнул руками, схватился за грудь, закашлялся и опустил на дорогу. Ланселот наклонился, дернул сетку под коляской — банки из нее высыпались и покатались вниз по дороге.

— Жерар, Тридцатьпятник, стойте! Я потерял наши банки! — крикнул Ланселот.

Жерар на бегу оглянулся и, увидев приключившуюся беду, побежал назад — подбирать банки. За ним развернулся и бросился ловить катящиеся вниз цилиндрики Тридцатьпятник. Поставив коляску на тормоз, Ланселот смотрел, как слепой паломник прошел финиш и бежал дальше, все так же отчаянно размахивая своими палками, но к нему подбежали служители и остановили его. Мимо Ланселота, кашляя на ходу красными ошметками, проковылял второй паломник в синем. Он тоже прошел финиш и свалился сразу за ним.

Побросав банки в сетку, Жерар и Тридцатьпятник ухватились за спинку Ланселотовой коляски и помчали ее к финишу. Никем уже не замечаемые, они прошли его и пошли дальше, не оглядываясь на то, что происходило на синем финише.

— Только не говори мне, что ты это сделал нарочно, Ланс! Только вот этого ты мне не говори! — прорычал Жерар.

— Успокойся, не скажу, — ответил ему Ланселот.

Глава 13

Женщина, закутанная с головой в серое покрывало, вела в поводу ослика, нагруженного четырьмя пластиковыми контейнерами. Один из контейнеров был с краном, и она наливала из него воду в металлическую кружку. Плату за нее — финики, лепешки, саранчу и бобы она собирала в полотняную сумку, висевшую рядом с контейнерами. Когда вода кончилась в контейнере с краном, она перелила в него воду из другого. Свой товар она не расхваливала, а когда кто-то подходил к ней, молча наполняла кружку и протягивала ее покупателю, а потом забирала плату и пустую кружку и так же молча продолжала путь сквозь толпу. Ослик был чистенький, с круглыми боками, а его шею украшал серебряный плетеный ремешок.

— Мама, смотри какой хорошенький ослик! Мама, я пить хочу, давай купим у него воды!

Рыжий кудрявый мальчишка упорно тянул к ослику полную женщину в соломенной шляпе с огромными полями.

— Антон, сколько раз я тебе говорила, что воду на улице покупать нельзя! Все пьют из одной кружки, и ты можешь подхватить заразу. Потерпи, придем в лавочку, там и напьешься.

— Но я хочу сейчас!

— По-моему, сейчас ты хочешь замолчать, Антон! А ну постой-ка...

Женщина вдруг подошла к ослику и протянула руку к серебряному ошейнику. Ослик отвел голову и подозрительно покосился на нее большими темными глазами.

— Патти, неужели это ты? — спросила женщина.

Вместо ответа ослик вдруг схватил у нее с головы соломенную шляпу и сбросил ее на мостовую. Женщина ахнула, мальчик вскрикнул, а продавщица воды обернулась на них. Ослик же наступил на шляпу копытом, оторвал от нее изрядный кусок и принялся с аппетитом жевать. Светлые волосы женщины рассыпались по плечам и спине. — Мира! — воскликнула хозяйка ослика. — Боже мой, Дженни! Какими судьбами?

— Ты же сама, прощаясь, всегда твердила: "В будущем году в Иерусалиме". Ну вот это и случилось! — Давно ты здесь?

— Уже больше недели, как мы приплыли сюда с Лансом.

— И ты продаешь воду на улице? А где же Ланс? — У Лжемессии. Ждет исцеления.

— Как жаль, однако. Я все-таки надеялась... А ну пошли отсюда!

— Куда? — Сначала ко мне в лавочку.

— У тебя здесь лавочка? Ты занялась торговлей? — Бизнесом. Православным.

— Мира, а Патти половину твоей шляпы съел! — сказала Дженни, отнимая у Патти остатки шляпы. — Что делать?

— Отнять и после обеда скормить ему вторую половину на десерт. Это была моя самая любимая шляпа!

— Ты, мам, так говоришь про каждую свою шляпку.

— Естественно, иначе зачем бы я их носила? Кстати, Антон, ты думаешь, мою шляпу слопал обыкновенный осел? Это осел-мореплаватель, осел-пилигрим! Он, между прочим, очень умный и послушный, в отличие от некоторых известных мне мальчишек.

— Умный — это да, а вот послушный не всегда, — возразила Дженни. — Это из-за него я разлучилась с Лансом.

— Ты мне потом обо всем расскажешь: на этих улицах полно не только экологистов, но и шпионов.

Они свернули с широкой улицы в узкий проход между домами, потом нырнули в какой-то тупичок, и здесь Мира подвела их к маленькой двери в глухой стене. Рядом с дверью на стене привинчена была небольшая дощечка с надписью "Обмен". — Мы пришли. Это моя лавочка. — А чего обмен, Мира?

— Не все ли равно чего? Это ведь только прикрытие.

Мира достала связку ключей отперла один за другим три замка. За железной дверью оказалась

еще одна, вернее, даже не дверь, а решетка из толстых прутьев. Мира ее отперла, пропустила всех, включая Патти, внутрь, а потом заперла обе двери. После этого она зажгла карманный фонарик, и при его свете Дженни увидела просторное полутемное помещение, загроможденное старыми вещами.

— Ступайте за мной и держитесь середины, чтобы ни за что не зацепиться, — скомандовала она.

По пути Дженни замечала то складки парчи, коротко сверкнувшей в проплывающем свете, то колесо велосипеда или выпуклый блестящий бок крупного керамического горшка. Они прошли мимо стойки, увешанной цепями и бусами, и тут Дженни едва не упала, споткнувшись о богато украшенное серебром конское седло.

Мира отворила еще одну дверь, за которой оказался узкий дворик, точнее, просто проход между глухими стенами близко стоящих домов. Здесь было достаточно света, и вдоль стен стояли большие глиняные горшки с розами. В конце этого дворика виднелась еще одна дверь.

— Патти пока оставим тут с Антоном, пускай знакомятся, — сказала Мира. — Я твое о Патти очень люблю, но, боюсь, ослиный навоз в моем бюро не понравится клиентам, пусть уж лучше объедает и удобряет мои розы.

Она открыла дверь и за нею сразу же сам собой вспыхнул яркий электрический свет. Дженни вошла вслед за Мирой и осмотрелась. Вдоль одной стены в ряд стояло несколько огромных бронированных сейфов, а две другие были сплошь завешаны картинами. Стол и два кресла стояли посередине.

— Вот здесь проходит моя основная служба, — сказала Мира, усаживаясь за пустой и блистающий полировкой письменный стол, жестом предлагая Дженни сесть во второе кресло. — Здесь я принимаю самых серьезных моих клиентов. — И они проходят через твою лавочку?

— Лавочка для сделок помельче. Здесь есть другой выход — на соседнюю улицу. Ты его видишь? — Нет.

— Вот и хорошо. Приглядишься вон к той картине в центре, на которой нарисован нищий, сидящий под дверью. Это Лазарь перед дверью богача. Обрати внимание на дверную ручку. Что-нибудь замечаешь? — Нет. — Подойди, дотронься до нее. Дженни подошла и дотронулась до на стоящей бронзовой ручки.

— Вот такой поп-арт! — засмеялась Мира. — В древности художники добивались сходства изображения с натурой, а здесь художник по моему заказу сделал наоборот — натуральный предмет замаскировал под живопись.

— Ты хочешь сказать, что дверь тоже настоящая?

— Угу. С этой стороны. А с улицы она выглядит совсем иначе. Будем уходить — увидишь. А теперь — рассказывай! — Что рассказывать? — Все. С самого начала.

— Ну начинать надо с того, что в Бабушкин Приют приехали Сандра и Леонардо...

— Боже мой, так, значит, они нашли мое письмо в Бергамо?

— Нашли. И почти сразу отправились к нам на выручку. — И выручили? — Еще как!

Дженни рассказала Мире о том, как явились к ним, "как с неба упали!", супруги Бенси, как включили в доме электричество, водопровод и отопление, как проникли они в хранилище Илиаса Саккоса. А закончила рассказом про их с Ланселотом паломничество в Иерусалим.

— Ну вот, теперь мне все ясно. Как помочь Лансу, я не представляю, а вот тебя надо устроить, и немедленно. Как ты считаешь, катамаран "Мерлин" находится в на дежном месте? — Да. Мы заплатили за стоянку вперед. — Тамплиерским золотом?

— Нет, консервами из хранилища Илиаса Саккоса. Золота у нас давно нет, а теперь и продукты кончились. Нас с Патти выручает вода из источника.

— Ничего, теперь жить ты будешь у нас, на христианском острове и христианском довольствии. Прокормим как-нибудь и тебя, и Патти. — Патти может есть дьяволах...

— Я помню. Но на нашем острове дьяволаха, слава Богу, нет, так что обойдется простыми колючками. Ты, конечно, тоже голодна? Но тут у меня ничего нет, кроме пива и сушеных рыбок к нему. Хочешь?

— Прости, нет. У меня, кажется, скоро начнется аллергия на рыбу.

— Понимаю. Ну что ж, придется тебе немного потерпеть. Мне нужно принять одного клиента, он подойдет ровно в полдень и долго не задержится. Я его обслужу, и мы сразу же отправимся домой.

Мира встала, подошла к одному из сейфов и достала из него потертый кожаный мешок. Потом из другого сейфа она извлекла старинный серебряный прибор — шесть крошечных стаканчиков, кувшинчик с узким горлышком и небольшой поднос.

— Это для коньяка? — спросила Дженни. — У нас дома был примерно такой. — Нет, это для кофе. Для арабского кофе. Поднос и кофейный прибор Мира аккуратно завернула в бумагу и сложила в пластиковую сумку. Потом она подошла к "двери богача", держа часы в руке. Ровно в двенадцать она взялась за ручку двери и отворила ее. За дверью стоял человек в длинной белой одежде и покрывалом на голове, прижатым к ней двойным толстым черным шнуром. Он молча вошел в Мирину контору, взял у нее звякнувший серебром мешок, сумку и так же молча удалился.

— Ну вот, дело сделано, — удовлетворенно произнесла Мира. — Но он же тебе ничего не заплатил!

— Он расплатится потом. И не деньгами. У нас натуральный обмен: за деньги сегодня ночью один христианин выйдет на свободу из самой Башни, а за кофейный сервизик он будет переправлен из Иерусалима в Грецию.

— Боже, как же ты рискуешь, Мира! Проворачивать такие дела прямо, можно сказать, в тени Вавилонской Башни! — Ничего, я привыкла. Собираемся! Мира позвала Антона с Патти, потом выглянула за "дверь богача", убедилась, что в переулке никого нет, и они все вышли за дверь. Когда Дженни оглянулась, она никакой двери в стене не увидела.

Они шли через старый город. В южной стороне сверкали золотые статуи на крыше восстановленного Храма.

— А что творится в Иерусалимском Храме, Мира?

— Мерзость в нем творится, вот что. Сидит на троне обмотанный листовым золотом истукан, перед которым день и ночь жгут на огромных открытых печах жертвенные подношения: животных и даже трупы. — Должно быть, жуткое зрелище?

— Противное. Но лучше отложим этот раз говор. Перейдем Кедрон, окажемся в безопасности там и поговорим.

— Кедрон? Название как будто знакомое. Я могла читать о нем в Библии?

— Да. Это пролив, который образовался из потока Кедрон и отделил святую Масличную гору от острова Иерусалим.

Пройдя сквозь древние ворота, они прошли мимо арабского кладбища, спустились еще ниже и пошли по берегу Кедрона. Сразу за проливом в небо широким столбом поднимался золотистый туман.

— Ты ничего за проливом не видишь, Дженни?

— Почему не вижу? Вижу золотистый туман, а в нем гористый остров с деревьями и домами, вижу золотые церковные купола.

— В самом деле? У тебя чистое христианское зрение, Дженни. Даже я вижу только туман, хотя я и живу как раз на этом самом острове. — А что это за волшебный остров такой?

— Одно из святых мест, не доступных Антихристу. В самом городе это в первую очередь храм Воскресенья Господня, а вот тот луч света, который ты видишь сразу за Кедронам — это усыпальница Божией Матери. Ну и наша Елеонская гора, откуда, по преданию, вознесся Иисус Христос и куда Он должен вернуться.

— Боже, как бы мне хотелось жить в таком месте!

— Тетя Дженни, — громко и весело сказал Антон, державший теперь Патти в по воду, — а вы живите теперь с нами на острове Елеоне! — Антон, — строго сказала Мира, — разве можно кричать об этом на всю улицу? Больше ты со мной в город не пойдешь.

— Пожалуйста! У нас на горе гораздо интереснее.

— Зачем же ты так просился пойти со мной в город?

— Смешная ты, мама. Ты что, не понимаешь? Чтобы тебя охранять! — Ах вот как! Ну спасибо тебе, дорогой сын.

— Мира, а как же мы попадем на ваш остров? Можно было бы переплыть на "Мерлине", но он у меня стоит совсем в другой стороне.

— Никаких проблем! — завопил Антон. — Мы сейчас пойдём по воде, как мамина Кассандра!

— Нет, больше ты меня охранять не будешь, это уж точно, Антон. — Все, молчу, мама, молчу! — Мира, Антон говорит о Сандре?

— Ну да! — поторопился ответить Антон. — Мамина подруга Сандра ходила по воде сначала на мобиле, а потом на лошади. Она мне рассказывала.

— Да угомонись же ты, Антон! С тобой сегодня никакого сладу. Это он так на нового человека

реагирует. Но Антон и вправду говорит про Сандру, про ее приключения с макаронами. Он страшно любит про это слушать.

— Ты знаешь, Мира, а ведь мы с Сандрой знакомы еще по Реальности. — Встречались в Камелоте?

— Да. Замок короля Артура — это было так давно! Она что, и об этом тебе успела рассказать?

— Дженни, мы с Сандрой вместе отбывали каторгу на острове Белом, и у нас была масса времени, чтобы рассказывать друг другу о нашей жизни до ареста во всех подробностях. О, Господи, я только сейчас поняла! Так твой Ланселот — это сэра Ланселот Озерный?

— Да. А я знаешь, кем была в той Реальности? — Какой-нибудь принцессой, конечно.

— Бери повыше! Принцессой была Сандра, а я была самим королем Артуром.

— Класс! — завопил Антон. — Вы мне про это расскажете, тетя Дженни?

— Ты замолчишь, наконец, потомок? Ты нам совсем не даешь поговорить. Дженни тебе потом все расскажет.

— Со взрослыми всегда так... — проворчал Антон. — Все на потом. Это вы самые настоящие "потомки". Я уж лучше с Патти буду общаться. — И правильно сделаешь!

Они подошли к берегу. В одном месте туман приближался к самому Кедрону и лежал на поверхности залива большим золотым облаком.

— Нам сюда, — сказала Мира и первой вошла прямо в туман.

По воде им идти не пришлось, это Антон несколько преувеличил: прямо на воде лежал неширокий деревянный мост, и по нему они благополучно перешли к подножию Елеонской горы и вышли из тумана. Мира объяснила, что для нехристиан мост этот невидим.

Перейдя мост, Дженни убедилась, что остров Елеон — это тот самый гористый островок, к которому они с Ланселотом подходили в свою первую иерусалимскую ночь, и сказала об этом Мире.

— Ты его сразу увидела как остров, а не как светящийся столб?

— Да. А Ланселот увидеть его не смог, пока мы не причалили.

— И он вместе с тобой ступил на берег Елеона? — Конечно.

— А вот это странно: он же неверующий, или?..

Остров зеленел густыми садами, покрывавшими склоны горы, а на самой ее вершине стояла высокая квадратная колокольня.

— Наверху — Елеонский монастырь, — сказала Мира, — а вон там, где церковь с куполами, — Гефсиманский.

— И все это недосыгаемо для Антихриста? — Абсолютно! — Как это может быть?

— Очень просто — чудом Божиим. Мы с Антоном живем на середине горы в христианской

еврейской общине, а тебя мы поселим у монахинь либо в Гефсимании, либо на Елеоне.

— Мам, мы уже дома, теперь я могу делать что хочу? — спросил Антон.

— Хотела бы я знать, чего ты хочешь, — вздохнула Мира.

— Я хочу взять Патти и отвести его к ребятам. Мы накормим его, я знаю, где тут растет хорошая трава. — Если Дженни разрешит. — Тетя Дженни, можно?

— Можно. Ступай с Антоном, Патти, и никуда от него не убегай!

Патти тряхнул головой и резво засеменил рядом с мальчиком. — Ты голодна? — спросила Мира.

— Нет. Но я бы где-нибудь присела, ноги у меня гудят: все эти дни я только и делаю, что брожу по городу в надежде встретить Ланса или узнать что-нибудь о нем. Я для того и придумала продавать воду.

— Это было разумное решение: на продавцов воды особого внимания никто не обращает, а если бы ты просто бродила по городу, тебя бы могли задержать для проверки. Пошли, сядем вон там, у ручья.

Они уселись на берегу ручья в тени старых развесистых олив.

— Какие огромные деревья! — удивилась Дженни.

— Это масличные деревья, оливы. Некоторым из них больше двух тысяч лет.

— Господи! Неужели под одной из этих олив мог сидеть Спаситель с учениками?

— Конечно. Он любил приходить сюда с учениками.

Дженни благоговейно дотронулась до узловатого коричневого ствола обхвата в четыре. — Невероятно! Это было так давно...

— Знаешь, Дженни, в Иерусалиме нет та кого понятия "давно", здесь все происходит сейчас и всегда. Это нашему мелкому разуму кажется, что Христос был здесь две тысячи лет назад, но вот ты побудешь здесь немного и поймешь, что Он и сейчас ходит по этим камням, сидит под этими деревьями, скорбит в Гефсиманском саду. — Кажется, я это уже чувствую.

Они посидели молча, глядя на купола храма святой Марии Магдалины среди темной зелени кедров и кипарисов.

— Какое счастье, что я тебя встретила, Мира! — Дженни вытянула уставшие ноги и совсем сняла с головы покрывало. — В первый день мне пришлось туго. Когда Патти с истошным ревом убежал от ворот Башни, я просто бросилась разыскивать его по городу и только потом вспомнила: пророк ведь предупреждал меня, что Антихристу не дано обманывать животных! Я чувствую, что Ланс попал в беду, которую Патти уже тогда предчувствовал и попытался предупредить нас. Что же мне теперь делать, Мира? — Какой пророк тебя предупреждал?

— Пророк Айно с острова Жизор, который нас послал в Пиренеи спасти детей.

— Мы называем его Энох. Ты знаешь, что он сейчас в Иерусалиме?

— Правда? И с ним можно будет встретиться?

— Да, само собой. Пророки Илия и Энох вышли на открытую проповедь. Каждый день они появляются у храма Воскресенья Господня и говорят с людьми. — И Антихрист терпит это?

— А что он может сделать с такими слугами Божьими? Может быть, он и хочет их убить, но пока не решается: уж он-то знает, кто они такие на самом деле. А ты, значит, встречалась с Энохом на Жизоре... — Да. Там он крестил меня.

— Сандра тоже встречалась с ним на острове Жизор и, как и ты, называла его Айно. Только тогда на острове была пересылка.

— Про пересыльную тюрьму на острове мне рассказывала Дина, помощница Айно.

— Сандра и про Дину рассказывала. Тебе не кажется, что наш православный мир похож на огромный гобелен, в который вплетены все наши судьбы? Они так причудливо переплетаются между собой, что только взглянув издали, понимаешь, что рисунок так и был задуман, что все наши "случайные" встречи давно расписаны сверху. Ты отдохнула, Дженни? — Да. — Тогда пойдем наверх, к монахиням. — А они меня примут?

— Пока что они не отказали ни одному человеку, который сумел добраться до Елеонской горы. Это ведь их миссия — давать приют последним христианам.

Но не успела Дженни подняться, как Мира дернула ее за юбку. — Тс-с! Смотри, что творится!

По пыльной дороге в их сторону двигалась торжественная процессия: Патти, важно вышагивал по дороге, а на его спине ехали сразу четверо: три девочки сидели в ряд, держась друг за дружку, и первая держала перед собой маленького голопоплого мальчишку, ухватившегося ручонками за пояс

на шее Патти. На голове ослика красовался венок из жасмина, а серебряный пояс был спереди украшен большой алой розой.

— Мама! Тетя Дженни! Мы уже покормили Патти, и теперь он нас благодарит — катает по очереди.

— Так это он сам вам предложил, чтобы вы на нем целой компанией катались?

— Ну, мама, какая же ты скучная! Конечно, Патти не говорил этого, но он дал нам понять, что не против, — пожал плечами Антон. Дженни засмеялась:

— Ты знаешь, а он, похоже, говорит правду. Я давно не видела Патти таким умиротворенным: ты погляди-ка, он даже уши развесил от удовольствия.

Она подошла, погладила Патти и спросила девочку, державшую малыша. — Это твой братик?

— Нет, это просто Зеппо. Он сирота, его монахини подобрали. — Ах вот оно что... Бедный малыш.

— А вы теперь здесь будете жить с вашим Патти?

— С нами, да, мама? — подскочил Антон.

— Дженни будет жить либо в Гефсимании, либо в Елеонской обители.

Моментально поднялся переполох, дети разделились на гефсиманских и елеонских и принялись спорить, где должны жить Дженни с Патти.

— Идите к нам, в Елеонский монастырь! С нашей колокольни всю землю видно, — сказала одна из девочек. — И вообще у нас лучше!

— У вас не лучше, а хуже, — возразил ей мальчик из Гефсимании. — От вас даже Спаситель улетел!

— А у вас в Гефсимании Он плакал! — срезала его девочка.

— Так, начинаются религиозные распри при конце света. Не спорьте, дети! — остановила их Мира. — Мы сначала зайдем в Гефсиманию, а если там не найдется места для Дженни с Патти, поднимемся на Елеон. Скажите-ка лучше, а вы ослика кормили?

— Да, мы его покормили кукурузным половичком и розами!

— Розами — зря, — сказала Дженни. — Не надо приучать Патти есть садовые цветы. Он с большим аппетитом ест колючки.

— Ну и от половичка-другого, само со бой, тоже не откажется, — добавила Мира. — А больше всего на свете он любит соломенные шляпки.

— Точно! — подтвердил Антон и добавил: — Одну он сегодня уже съел — мамину, любимую. Тетя Дженни, а можно, мы всегда будем его сами кормить и прогуливать?

— Пока я здесь, он в вашем распоряжении. — Тогда можно мы с ним еще погуляем? — Патти, ты хочешь пойти с детьми? Патти так энергично закивал головой, что жасминовый веноч съехал ему на один глаз.

— Он хочет, хочет идти с нами! — обрадовано закричали дети. — Они его не замучат? — спросила Мира.

— А он не дастся. Остановится и будет стоять как вкопанный.

Отпустив детей и Патти, они поднялись вверх по улице к Гефсиманской обители. Обитель находилась на склоне горы и спускалась к воротам террасами, поэтому снизу нельзя было увидеть всего, что располагалось вверху — мешали деревья и кусты, но прекрасный храм Марии Магдалины из желтоватого иерусалимского камня был виден отовсюду.

Сразу за воротами стоял небольшой домик, из него выглянула сухонькая старушка-монахиня в белом апостольнике.

— Благословите, сестра Елена, — сказала Мира, — я вам новую паломницу привела.

— Бог благословит, сестра Мириам, — ответила та и прищурившись поглядела на Дженни. — Что-то уж больно ты молода для нас. Ты здорова, девица?

— Здорова, — удивившись вопросу, ответила Дженни.

— Зовут-то тебя как? — Дженни. Можно Евгения.

— А ты знаешь, девица Евгения, что наши насельники все больше старые да хворые? Те, кто помоложе, вроде тебя, либо самостоятельно на горе селятся, либо идут к елеонским сестрам.

Скучно тебе здесь будет. — Я не ищущу веселья.

— Если у вас нет места, я ее к елеонским сестрам отведу.

— Это, сестра Мириам, не нам с тобой решать: как матушка скажет, так и будет. А тебе у нас нравится, девица Евгения? — Нравится. Тихо у вас.

— У Дженни горе, — сказала Мира, — ее жених отправился на исцеление к Антихристу. — И ты, бедная, не сумела его отговорить? — Не сумела... — И впрямь большое горе.

Они поднялись по круто идущей вверх садовой дорожке. Вокруг стояли высокие кедры и пышные плодовые деревья. И почти под каждым деревом лежали на раскладных кроватях, на матрацах и ковриках дряхлые старики и больные, а между ними сновали монахини в черных одеждах и белых апостольниках — разносили лекарства, поили и кормили немощных, перестилали постели.

— Не надо бы тебе этого говорить, но и молчать нельзя, — со вздохом сказала сестра Елена. — Почти все эти люди прошли антихристово исцеление. Он торжественно исцелил их перед народом, а потом увечья и болезни к ним снова вернулись, и многим стало еще хуже. Вот тогда некоторые из них покаялись и пришли к нам.

— Правда? — встрепенулась Дженни. — И даже те, кто раньше совсем не верил в Христа?

— Да они почти все не верили. Антихристово добро всегда злом оборачивается, но и Господь любое зло в добро претворяет.

Они поднялись по белой каменной лестнице на следующую террасу. Здесь была широкая площадка перед скалой, а в скале был виден вход в пещерку, забранный решеткой. Неподалеку от нее стоял небольшой каменный киот с иконой Божией Матери и красной лампадкой за стеклом.

— Тут у нас негасимая лампада, — сказала сестра Елена. Они подошли к иконе и поклонились.

— А пещерка эта осталась с древних времен, и мы думаем, что в ней мог молиться Спаситель. Там у нас икона "Моление о чаше". Будет тяжело на душе — войди туда и молись пока не полегчает. Помогает. — Спаси, Господи.

Игуменья, совсем древняя монахиня с золотым крестом на груди, выслушала рассказ Дженни и Миры, а потом прошелестела ласково:

— Поживи, побудь с нами, благочестивая паломница Евгения. А чтобы не изнывать в тоске, помоги нашим сестрам ухаживать за больными — у нас рук не хватает.

— Благословите, матушка. Но есть еще одна проблема: со мной на остров пришел мой ослик.

— Ослик? — удивилась матушка. — И где же он?

— Его дети увели, — усмехнулась Мира. — Они его пасут.

— А где же они его пасут? На острове травы нет. — Он с удовольствием ест колючки.

— Хорошо, мы ослика приглашаем тоже, но с условием: ночевать он будет здесь, привязанный у ворот, чтобы не тревожить наших паломников, а днем пускай гуляет с детьми. Согласна, Евгения?

— Конечно, согласна, матушка. Спасибо за приют, а я постараюсь быть полезной обители.

— Ну вот все и устроилось, — сказала Мира.

Глава 14

Мессия сидел в кресле на трибуне, а внизу проходил отряд особых клонов — последнее достижение клонологов, которым они чрезвычайно гордились. Предполагалось, что из них будет составлена особая личная клон-гвардия Мессии под управлением генерала Чарльстона. Мессия любовался не столько их выправкой и строевой подготовкой, сколько фигурами и лицами — все клоны были точной копией его самого. Мессии приятно было видеть свое помолодевшее лицо в тысяче копий, устремленных к нему с выражением искренней преданности и любви. — Слава Мессу!

Клоны остановились напротив трибуны, подняв к нему тысячекратные повторения его собственного лица. Мессия долго задумчиво глядел на них, а потом подозвал генерала Чарльстона, велел ему наклониться и тихо сказал: — Всех немедленно уничтожить. — Почему, мой Мессия?!

— Потому что я знаю, чего можно ждать от моих копий. Сегодня же сотри их с лица земли! Хотя нет, десяток оставь — мне пригодятся двойники. — Слушаюсь, мой Мессия. Через час никого из этих не останется в живых. Кроме десяти.

— Через час? Отлично. А трупки от правь в Храм к Апостасию. — Слушаюсь, мой Мессия.

Мессия вышел со стадиона, сел в мобиль и отправился в Храм.

У входа его встретил глава Мировой Церкви Папа Апостасий Первый. Они приветствовали друг друга поклонами и тонкими всепонимающими улыбками.

— Я решил сегодня спуститься в город и навестить тебя, Апостасий. Твои жертвенники, я вижу, исправно чадят. — Чадят помаленьку.

Папа провел Мессию в Зал поклонений. В дальнем конце зала на постаменте стоял трон, а на нем возвышалась огромная сидящая статуя, с головой, как у мумии обернутой листовым золотом. Над головой исполинской статуи по стене шла надпись "ВЛАСТЕЛИН МИРА".

— Как ты думаешь, Апостасий, а если размотать эти золотые бинты, под ними и в самом деле окажется мое изображение? — спросил вдруг Мессия, внимательно глядя на статую. — Не уверен. _?

— Видишь ли, по нашему заказу была изваяна именно твоя статуя, Мессия, и ты ее видел. Затем ее закрыли повязками из листового золота, дабы каждый мог представить себе под этим покровом своего бога по образу и подобию своему. Ему и приносятся жертвы. Одни приносят цветы и фрукты, другие — животных и птиц. Некоторые благочестивые горожане несут на жертвенники трупы своих родственников, чтобы не тратиться на похороны, и эту жертву мы также охотно принимаем.

— Я тоже сегодня принесу ему жертву. Или все-таки себе? — Опять замучил кого-нибудь, проказник?

— Увидишь. Это будет необычная жертва, ты будешь удивлен, обещаю тебе. Ну а где же наши поклонники? Что-то пусто у тебя сегодня в Храме, твое святейшество.

— Конкуренция, Мессия, очень сильная конкуренция. Весь Иерусалим сегодня на Башне, ведь идут гонки исцеления.

— Горожане требуют хлеба и зрелищ, а я дарю им сушеную саранчу и гонки исцеления. И все довольны, не так ли, твое святейшество?

Мессия хохотнул, папа Апостасий тонко улыбнулся, но тут же скорбно сжал губы. — Есть у меня и духовные конкуренты. — У тебя?! Апостасий, не верю! — Я говорю о пророках Или и Энохе.

Неужели ты ничего не можешь с ними сделать, Мессия?

— Пробовал. Они неуязвимы. Пророки страдают явной пироманией: всякий, кто приближается к ним с недобрыми намерениями, сгорает на месте. — Яд?

— Твое любимое оружие. Пробовали распылять яд, устраивали газовую атаку. — И что же?

— Ветер относил отравляющие вещества в сторону нападавших.

— Печально. Тем более печально, что такие безрезультатные нападения только придают им веса в глазах слушающих. Кстати, а что с теми, кто собирается на площадь слушать пророков? Их пробовали задерживать по дороге?

— Если бы знать, какими они ходят дорогами! Они просачиваются сквозь патрули, как вода сквозь пальцы, тысячами проникают на площадь, а там они уже находятся под охраной пророков. У меня в подвалах Башни есть люди, которые были на площади и временно подпали под влияние пророков, но потом, под пытками, раскаялись и очень подробно рассказали о том, что происходит на площади перед храмом Воскресенья. Это впечатляющие и угнетающие картины, Апостасий.

— Мда-а. Противопоставить этому можно только нечто столь же грандиозное. Пророки, конечно же, должны быть уничтожены, но уничтожены самым впечатляющим способом.

— Хвалю, Апостасий! Ты всегда смотришь в корень событий и даешь мне правильные советы. Змей-из-бездны — вот кто меня выручит! Малютка Виппер войдет в Кедронский залив, оттуда легко переползет на площадь к пророкам, а там — гам-гам! и нет проблемы.

— Да, это было бы потрясающее зрелище, и оно произвело бы нужное впечатление на толпу.

— Ну что ж, с этим решено. А теперь, если у тебя есть настроение и время, давай сыграем в шахматы.

— Мое время принадлежит тебе, Мессия. С большим удовольствием сыграю с тобой партию-другую. И постараюсь выиграть. — А это мы посмотрим.

Они прошли мимо высоких, густо чадящих, сложенных из крупного камня жертвенников, на решетках которых служители особыми длинными пиками переворачивали обугленные жертвоприношения. — Жертвенники твои не пустеют.

— Да, твоими стараниями, Мессия, безработица Иерусалимскому храму не грозит даже в том случае, если ни один горожанин не принесет искупительную, благодарственную или просительную жертву в виде вороны, выдаваемой за голубя. — Есть и такие ловкачи?

— А как же! Или ты думаешь, что здесь торгуют голубями и ягнятами, как в библейские времена? — он указал на прилавки торговцев мясом для жертвоприношений. — За ягнят сходят ободранные тушки кошек, собак и даже шакалов. А вместо голубей идут вороны и любые другие птицы. Голубиное мясо теперь деликатес — кто станет отдавать его богу, который, как известно, всемогущ, самодостаточен и ни в чем не нуждается?

— Я смотрю, тебе это мелкое мошенничество в Храме даже доставляет некоторое удовольствие.

— Скажем так, меня это забавляет, поскольку никак не влияет на главное: Храм построен и функционирует, жертвы приносятся ежедневно, казна пополняется. Так какую же необычную жертву ты сегодня принесешь Храму, мой Мессия?

— Я уже сказал — обильную, друг Апостасий. А какую именно, это ты скоро увидишь. Ты не успеешь проиграть мне партию в шахматы, как ее уже доставят сюда.

— Ты разбередил мое любопытство, Мессия. Если не возражаешь, давай сядем играть на галерее, чтобы я мог оттуда видеть, когда принесут твой дар.

— Ничего не имею против: я буду наслаждаться ароматом своих жертвоприношений вместе с нашим божеством!

— Не шути так, Мессия, наше божество горделиво и обидчиво.

Они расположились на галерее над двором, где стояли жертвенники: теперь дым черными клубами поднимался прямо перед ними.

Служитель принес шахматный столик и ящичек с фигурами. Мессия выбрал черные, выточенные из обсидиана.

— Ни одна игра так не освежает мозг, как шахматы, — сказал он, расставляя тяжелые фигуры на доске из перламутра и черного дерева.

— Мой драгоценный Мессия, во что бы люди ни играли, они всегда играют в крестики-нолики, — улыбнулся Папа Апостасий. — Я начинаю, — и он сделал свой первый ход изящной фигуркой из слоновой кости.

— Как прикажешь это понимать — крестики-нолики?

— Буквально. Родившись на свет, всякий человек вступает в игру и ставит на листе своей жизни крестики и нолики, каждый раз делая свой выбор. Ему порой кажется, что игра идет по мелочи: захотелось иметь побольше денег — пошел на гонки исцеления, сделал ставку. Неважно, проиграл он или выиграл на гонках — он выбрал нолик. И нолик этот записан в книге его жизни. Но если возвращаясь с гонок с выигрышем, он бросил нищему банку энергена, в этой же книге появился такой мааленький, едва заметный крестик.

— Давно собираюсь очистить Иерусалим от нищих.

— Ну что ты, Мессия! Нищие придают особый колорит Вечному городу, что за Иерусалим без нищих! Оставь их... Твой ход.

— Я подумаю. Ну так что там дальше с нулями?

— Мой Мессия, ты хочешь, чтобы я увлекся и не следил за доской? И так, как я уже говорил, человек выбирает либо крест — либо нуль, третьего не дано. — Так ты меня нулем считаешь?

— О нет, мой Мессия! Я говорю о самой большой игре, в которой даже ты, Мессия, — всего лишь фигура. Безусловно одна из важнейших, но — фигура. Двигают нами другие.

— Согласен. Рассказывай дальше: о кресте я все знаю, теперь поведай мне о нуле.

— Охотно. Нуль — это отсутствие Бога. Не борьба с Ним, не отрицание Его, ибо то и другое уже есть признание Бога и связь с Ним. Нуль — это вселенная без начала и конца, никем не сотворенная и не имеющая цели в своем развитии. Нуль — это человек, который пришел ниоткуда и уйдет никуда, рожденный из нуля и в нуль уходящий. Разум, размышляющий без Бога, — это размышляющий нуль. Из ничего и выйдет ничего, как говаривал буйный король Лир. Если человек избрал нуль, он живет в постоянном ожидании смерти без надежды на воскресение. Нуль отравляет своей иссушающей пустотой его душу и разум, делает его послушным бурлящим внутри желанием и страстям, а также силе и власти, действующим снаружи. А мы с тобой этим успешно пользуемся, мой Мессия. Слава нулю! И шах королю. — Лукавый святоша!

— Лукавый, конечно, лукавый... А вот и повозки с жертвами! Так что там на этот раз? О, клоны! Это что-то новенькое. Никогда еще на наших жертвенниках не сжигались тела клонов. Любопытно, любопытно...

— Это не просто клоны. Ты погляди на их лица, Апостасий.

— О великая Жизненная Сила! У них у всех твое лицо, Мессия!

— Они клонированы от меня, это мои дети в самом прямом физиологическом смысле.

— И ты станешь любоваться, как они будут гореть?

— Я затем и приехал к тебе, первосвященник. Для партии в шахматы я мог бы пригласить тебя в Башню.

Они уселись у ограды галереи и приготовились наблюдать за ходом жертвоприношения.

Глава 15

В эту ночь паломники не останавливались для отдыха. Как только был объявлен перерыв, Жерар сел на колени Ланселоту, перекинул ноги через ручку кресла, положил ему голову на плечо и сразу же уснул как мертвый. Тридцатьпятник то шел рядом с коляской, то толкал ее сзади, чтобы Ланселот мог давать отдых рукам. Раны на руках, конечно, не зажили, но хуже, кажется не становилось, несмотря на постоянную нагрузку, — мазь Инги действовала поразительным образом.

В эту ночь Ланселот с Тридцатьпятником увидели еще живых распятых на фонарных крестах. Один из них заметил их внизу и со стоном просил дать ему напиток. Они при всем желании не могли бы этого сделать, хотя у них еще оставалось немного сока и вина — распятые были подвешены слишком высоко, гораздо выше, чем мог бы дотянуться человек нормального роста, что уж говорить о сидячем инвалиде и мальчике... Они постарались пройти эту часть дороги поскорее, вот и все.

Под утро на дорогу вышли клоны и служители со свежими номерами газетки "БЕГИ" и

пакетами, в которых лежал убогий дневной паек паломников. Разбудили Жерара. Воду из пайков потратили на умыванье: намочили ими платки и старательно ими обтерлись, стараясь смыть высохший едкий пот. Потом они заставили себя съесть жесткие безвкусные лепешки, запивая их дешевым энергеном, хотя в сетке у Ланселота лежали банки с остатками вина и мясного фарша.

— Оставим настоящую еду на потом: вдруг наши девочки про нас забудут, — сказал Ланселот.

— Не забудут! — со смехом сказал Жерар, первым принявшийся за свежий номер "Бегунка". — Вы только послушайте, какое интервью дала наша Ванда! Вопрос: "О чем вы думали в первые минуты, когда почувствовали себя здоровой?". Ответ: "Я думала о катафалке". Вопрос: "Почему такие мрачные мысли в такой радостный для вас момент?". Ответ: "Я думала о катафалке именно потому, что я избежала неминуемой смерти". 668

— Аи да Ванда — сообразила, как передать нам привет! — улыбнулся Ланселот. — Я думаю, она сегодня появится вместе с Ингой.

Он не ошибся. Когда на балконах появились первые зрители, паломники услышали: — Ланселот! Тридцатьпятник! Жерар!

У ограды пустого еще балкона стояла Инга, а рядом с нею — похорошевшая и за одну ночь пополневшая Ванда. Не видя на дороге никого из служителей и понадеявшись, что никто за ними не подглядывает с верхних ярусов, Тридцатьпятник и Жерар подвели коляску к самому балкону.

— Доброе утро! Ух, как же вы похорошели, девчонки! — восхищенно сказал Жерар, глядя на них снизу.

— Не трать время на комплименты, дружок! — весело крикнула в ответ Ванда и бросила ему прямо в руки небольшой узелок. Инга тем временем перебросила Ланселоту одну за другой шесть банок.

— Идите вперед, ребята. Вы знаете, что вы оторвались от других на целый ярус?

— Здорово! — обрадовался Тридцатьпятник. — А вы на меня поставили?

— Конечно! Мы оставили только сотню планет, чтобы протянуть до конца гонок, а все остальное поставили на всех. Если до своего финиша доберется первым только один из вас, все равно мы все станем богатыми людьми.

— Мы все трое должны выиграть, — сказал Тридцатьпятник. Погляди на фонари, Ванда. Ты проспала почти всю дорогу и не знаешь, что ждет сошедших с дистанции.

— В первую очередь нужно здоровье, а не деньги, — поддержал его Жерар. — Я хочу иметь две здоровые руки хотя бы для того, чтобы обнять вас как следует, девчонки!

— Уж кто-кто, а мы-то с Вандой больше всех желаем вам исцеления, ведь мы уже знаем, какое это счастье! Идите, ребята, идите! — заторопила их Инга. — Кто-нибудь сейчас придет на балкон и увидит вас. Тут пусто только потому, что все остальные паломники находятся ниже ярусом. Завтра утром мы сразу поднимемся выше и будем искать вас уже не на один, а на два яруса впереди других.

— Вы так верите в нас? — улыбнулся Ланселот.

— Мы, конечно, в вас верим, — сказала Ванда, — но мы также знаем, что ярусы после пятидесятого становятся все меньше, а дорога — круче. А еще мы верим в хлеб: в пакете вы найдете три куска настоящего пшеничного хлеба. Отправляйтесь, милые! До завтра! — До завтра!

Девушки передали им не только хлеб, вино, мясные консервы, сок и мазь для рук:

в пакете оказался еще один пакет с тремя небольшими мокрыми полотенцами, пропитанными какой-то освежающей жидкостью и тремя комплектами белья из натуральной ткани. Там же лежала пара больших рукавиц из овчины мехом внутрь для Ланселота.

— Где и когда они успели их достать? — удивлялся Ланселот, примеряя рукавицы.

— Спроси лучше, как им удалось все это протащить мимо охранников? — сказал Жерар.

— Может, они прятали все это на себе, а в один пакет сложили уже на балконе? — предположил Тридцатьпятник.

С каким же наслаждением они надели свежее белье! Снятые пропотевшие тряпки они бросили прямо на краю дороги, а потом, пройдя вперед, подальше от кучки вонючих лохмотьев, они принялись завтракать. На этот раз им передали три банки какого-то белого мяса, застывшего в желе из крепкого бульона.

— Давайте съедим сразу каждый по банке! — предложил Тридцатьпятник, глотая слюни, когда Жерар вскрыл первую банку.

— Нельзя, малыш. Ты когда в последний раз ел настоящее мясо? — Вчера. — А до этого?

— Ты думаешь, меня понос прохватит с непривычки, так?

— Вот именно. Съедим одну банку сейчас, вторую днем, а третью вечером, вот это будет правильно. Да ты не вздыхай, не вздыхай, друг мой Тридцатьпятник! Это тебе сейчас кажется, что ты можешь съесть двести граммов мяса за один присест, а на самом деле человеку это не дано от природы.

— Ты так думаешь? Так вот, Жерарчик, я тебе сейчас кое-что скажу. Ты только не подавись, ладно? Еще год назад я мясо ел каждый день и сколько хотел. И настоящую свежую рыбу, и лесную дичь. Я ел оленей, кабанов, ел страусятину, индюшатину и лесную дичь, а про гусей и кур я просто не говорю. Между прочим, вот такие вот консервы — куриное мясо в желе, у нас дома ели только слуги. Для нас повара готовили еду только из свежего мяса: моя мать считала, что консервы вредны для здоровья. И к твоему сведению, друг мой Жерар, человек может есть мяса столько, сколько хочет. Я, например, по полцыпленка зараз съедал. Вот так-то.

— Так ты из Семьи, что ли? — оторопело спросил Жерар.

— Был когда-то — год тому назад. А потом я ушел из дома.

— Не понимаю. Мессия не исцелил члена Семьи?!

— Мессия обо мне знать не знал. Когда я родился, отец хотел меня уничтожить, но мать знала, что у нее других детей не будет, и уговорила его оставить меня. Но отцу было стыдно, что у него сын — урод, покрытый лишаями, которые никакие врачи не могут исцелить. Мать умоляла, чтобы он выдал меня за сына служанки и попросил у Мессии для меня исцеления.

Отец сказал ей, что когда я подрасту, он даст мне сколько угодно денег, чтобы я мог скрыться из дома, а по том просить исцеления самостоятельно, не называя имени отца. — И что же было дальше? — Мама умерла. — А отец не захотел выполнить обещание?

— Больше всего ему хотелось, конечно, просто отправить меня на эвтаназию. Но он очень любил мою мать и выполнил данное ей обещание: дал мне денег и выставил из дома, предупредив, что если когда-нибудь кому-нибудь я назову свое имя, он меня найдет и уничтожит. И уж он это точно сделает, я знаю. — И что с тобой случилось дальше?

— То, что и должно было случиться. Отец не догадался дать мне какие-нибудь лохмотья, и я вышел из дома в чем был. Одежда на мне была богатая, сплошь из натуральных тканей. Вот меня и ограбили на дороге в первый же день, раздели и отняли золото, которым меня снабдил отец. А когда я вернулся к нашему дому и просил охранника доложить обо мне отцу, тот дал мне три минуты на то, чтобы я убрался: "У меня приказ стрелять в тебя после первого предупреждения", — сказал он. После этого я, как вы понимаете, к дому отца своего больше не приближался.

— А если Мессия тебя исцелит, ты вернешься к отцу? — Ни за что на свете! — От обиды?

— Нет, из осторожности. Допустим, я исцелюсь, вернусь в дом отца, а потом когда-нибудь снова заболею — и что тогда? Эвтаназия?

— Пей сок, — сказал Жерар и протянул ему открытую банку. — Пей и плюй на все. Если мы исцелимся и разбогатеем, пойдешь ко мне в младшие братья. Согласен?

— Жерар — французское имя, а у тебя фамилия тоже французская? — Естественно.

— Тогда не пойду. Я уже носил французскую фамилию.

— Ладно, Тридцатьпятник, после исцеления мы с тобой оба сменим фамилию, я своей тоже не очень дорожу. Будет у нас с тобой семья, будем жить на деньги, полученные от гонок. — Но больше на гонки ни ногой!

— Договорились. Будем экономить — проживем до старости без эвтаназии.

— Между прочим, я умею чинить всякую механику. В школу меня не отдавали, учили дома. Мне было скучно, и я подружился с нашим шофером. Он меня кое-чему научил. Я и тебя могу научить, например, чинить велосипеды.

— Ну вот мы и продумали всю нашу будущую жизнь, Тридцатьпятник. Чего нам теперь горевать? А теперь тебе пора спать. Топай в коляску к Лансу а я вас повезу дальше.

Тридцатьпятник уснул на коленях у Ланселота, а сам Ланселот натянул на забинтованные ладони рукавицы и, убедившись, что теперь управляться с коляской стало значительно легче, покатил вперед. Жерар положил руки и голову на спинку коляски и толкал ее, подремывая на ходу. Время от времени его руки слабели и падали вниз, и тогда он шел с опущенными руками, толкая коляску плечами и грудью.

Чем выше они поднимались, тем меньше публики было на балконах, и по этому признаку они догадывались, что здорово опережают остальных паломников.

Проснулся Тридцатьпятник. Он попил-поел и встал за спинку коляски, а на колени Ланселота уселся Жерар. Его разбудили только перед голубым финишем. Ни на балконах, ни на самом

финише они не увидели ни души. Они подошли к натянутой голубой ленте, Жерар отвязал один ее конец, они прошли за финишную черту, а потом он аккуратно сложил ленту и повесил ее на ограду. К ним так никто и не вышел, и никто не увидел их.

К их удивлению, ни Инга, ни Ванда в этот день тоже больше не появились. Они не обсуждали это между собой, боясь встревожить друг друга. Они шли дальше, и на каждом следующем ярусе их встречал только ветер — здесь, на высоте, похоже, всегда дул ветер. И это было хорошо, потому что если ветер затихал, когда они проходили мимо очередного фонаря-распятия, на них веяло сладковато-удушливым запахом разлагающейся плоти. При их приближении с фонарей срывались какие-то быстрые черные птицы и исчезали, не давая себя разглядеть.

Вечером, когда, по их предположению, наступило время ночного отдыха, на дороге не появилось ни служителей, ни клонов.

— Похоже, тут какие-то необитаемые ярусы, — предположил Жерар.

— Не думаю. Просто зрители знают, что на этом участке трассы нет никого, кроме нас, а мы их пока не интересуем, ведь это не наш финиш.

Глубокой ночью, когда они брели по дороге, освещаемой светом фонарей-распятий, они услышали позади чьи-то скорые шаги и тяжелое дыхание.

— Кто-то нагоняет нас! — воскликнул Тридцатьпятник. — Что будем делать?

— А что мы можем сделать? Идти быстрее, чем сейчас мы навряд ли сможем.

— Здесь никого нет, а нас трое. Мы можем напасть на этого торопыгу. — И что? — спросил Ланселот.

— Да ничего... Просто связать его и оставить тут. — Нет.

К счастью, им не пришлось даже спорить об этом, потому что они услышали знакомый голос:

— Ланселот! Жерар! Тридцатьпятник! Это я — Ванда!

Через минуту запыхавшаяся от бега девушка догнала их. Они остановились.

— Что случилось, Ванда? Почему ты бежишь по трассе?

— У меня не было выхода. Вы так ушли вперед, что распорядители гонок вас потеряли: на Башне, как и повсюду, порядка нет. Мы с Ингой хотели пройти на верхние ярусы, но проходы на балконы выше голубого финиша оказались заперты, лифты для зрителей выше шестидесятого яруса еще не поднимаются.

— А на каком ярусе мы сейчас находимся?

— На шестьдесят седьмом. Утром вы пройдете зеленый финиш, ребята. Мы не знаем, когда вас обнаружат и пустят зрителей на балконы вровень с вами, так что вот вам запас на два дня. Жерар, помоги мне снять мешок! По-моему, его лямки вросли в мои плечи.

Жерар помог ей снять заплечный мешок и переложить в сетку под коляской Ланселота банки с едой.

— Здесь мясные консервы, сок, вино, а в одной из банок бинты и мазь для Ланселота. Тридцатьпятик, ты, кажется, уже скоро станешь и здоровым, и богатым. Надеюсь, теперь мы встретимся уже на желтом финише, и мы с Ингой будем первыми приветствовать тебя как победителя. Между прочим, Ингу чуть-чуть не ограбили после получения выигрыша. Теперь мы стали очень осторожными. Мы решили не жалеть денег, сняли в пригороде целый дом и наняли охрану. Причем не клонов, а бывших солдат-десантников.

— Это же безумно дорого! — воскликнул Тридцатьпятик.

— Дорого, но зато безопасно и очень здорово. А какой комфорт! После исцеления ты поедешь домой в настоящем автомобиле и под охраной, а дома примешь ванну и получишь потрясающий обед из настоящих продуктов. А потом отправишься отдыхать в свои комнаты. У тебя их, между прочим, две — спальня и кабинет, и своя ванная комната. Ты только постарайся пройти свой финиш первым.

— Он придет первым, — успокоил ее Ланселот.

— Ох, Ланселот, что бы мы без тебя делали?

— Понятия не имею и даже думать об этом не хочу.

— Ладно, ребята, давайте я вас всех поцелую на прощанье и побегу назад. Фу, как от вас воняет, козлики вы мои!

— Так ты не целуй нас! — засмеялся Жерар.

— Не дождетесь! А ты, Тридцатьпятик, оботрись как следует перед финишем, а то будет неудобно, когда Мессия приблизится к тебе.

— А как происходило твое исцеление, Ванда?

— Сначала все было как в тумане. Месс подошел ко мне, надел перчатки, взял меня за руки и сказал, скривившись и отворачивая лицо, что от меня жутко воняет. Но я его слова слышала как сквозь сон и не обиделась. Он сжал мои руки — меня будто током ударило, и я потеряла сознание. А потом я очнулась и почувствовала, что я абсолютно здорова. Мне стало так легко-легко, сразу захотелось прыгать и бегать, размахивать руками, смеяться во весь голос. Тут ко мне подскочили журналисты, чтобы взять интервью. — Мы его читали в "Бегунке". — Вы поняли мой привет? — А как же! Спасибо, Ванда.

— На благодарность не отвечают благодарностью. Ладно, хватит разговоры разговаривать, время не стоит на месте. Давайте трогайте, дорогие!

С этими словами Ванда развернулась и помчалась вниз, а паломники снова двинулись вверх по дороге, становившейся с каждым ярусом все круче и круче.

Зеленый финиш они прошли втроем, пройдя мимо встречавших их служителей. Их пропустили, а потом снова натянули за ними зеленую ленту. На балконах, включая белый балкон Мессии, не было ни души.

После семидесятого яруса на балконах вновь стали появляться зрители, и друзья поняли, что они поднимаются вверх уже не так быстро, как прежде, что отставшие паломники начинают их постепенно догонять. Причина была в крутизне дороги, замедлявшей движение коляски. Да и сама коляска стала скрипеть и дребезжать: удвоенный вес сказался на ней.

— Теперь, Ланс, мы больше не будем садиться к тебе в коляску, — сказал Жерар. — Я боюсь, что она вот-вот развалится — и что тогда?

— В таком случае, — сказал Ланселот, — может быть, вам оставить меня и шагать вперед на своих двоих? У вас это получится быстрее.

— Ни за что на свете! — воскликнул Тридцатьпятник. — У тебя в коляске столько вкусных вещей: считай, если хочешь, что мы везем не тебя, а наш буфет.

И они продолжали идти рядом с Ланселотом, по очереди толкая коляску, чтобы он мог поберечь свои руки.

Некоторые зрители подбадривали их криками, у многих в руках были картонки и платки с нарисованным цифрами "35" — это были болельщики Тридцатьпятника. Но были и другие, кидавшие в них банки из-под энергена, наполненные песком и мелкими камнями.

Ветер, всегда дувший на высоких ярусах Башни, усиливался. Когда они шли по северной стороне Башни, ветер слабел, но как только они выходили на восточную сторону, он начинал дуть им в лицо, а на южной стороне ветер нес мелкую горячую пыль и дул с такой силой, что едва не опрокидывал коляску и прижимал их к самым балконам, а это было плохо — тут зрители на них только что горячую смолу не лили. Можно было, конечно, идти по наружному краю, прячась от ветра за ограждением дороги, но здесь пришлось бы проходить под самыми распятиями, а это было тяжело и страшно: с трупов прямо на трассу падали куски разлагающейся плоти и капала зловонная жижа.

Глава 16

Дженни вела в монастыре жизнь напряженную, переходя от трудов к молитвам, от уныния к надеждам. Но как ни старалась она занять свой ум работой, душевного покоя она ей не приносила. Сестры, видя ее томление, старались ее утешить.

— У нас благодать тяжелая, — говорила сестра Елена, — мы ведь в Гефсимании — здесь сам Спаситель тосковал. Молись, деточка, молитва все лечит.

Увидев по лицу Дженни, что ей совсем немогуту, к ней подошла мать Александра, самая старая монахиня в обители. — Вы позволите, Евгения, дать вам совет? — Да, конечно. — Вы читаете по-церковнославянски?

— Читаю. Меня Айно учил. Так в Нормандии звали пророка Эноха. — Так вы встречались с ним прежде?

— Да, на острове Жизор. Он сам готовил меня к крещению, а потом крестил.

— Такая счастливая девочка, а унынию поддалась... Вот что я хотела вам посоветовать. Откройте Псалтирь наугад и читайте до тех пор, пока не почувствуете, что слова псалмопевца полностью соответствуют вашему состоянию. Остановитесь, прочтите еще раз, повторите вслух, а потом читайте дальше до тех пор, пока душа ваша не воспрянет и не сольется с Давидом в славословии Бога, и тогда заканчивайте чтение аллилуйей.

Дженни послушалась и стала в перерывах между трудами и службами в храме читать Псалтирь. Раскрывая Псалтирь наугад, она и вправду каждый раз дочитывалась до таких слов, которые ей казались только что родившимися из ее собственной души. И конечно, рано или поздно, через псалом или через кафизму, но она непременно "всплывала" вместе с

псалмопевцем к славословию. Душа прояснялась, Дженни на какое-то время приободрялась, но спустя час-другой "тяжелая благодать" снова ее одолевала: она снова шла в пещерку к "Молению о Чаше", молилась о Ланселоте и плакала.

Благоволившая к Дженни игуменья, узнав о совете матери Александры, тоже дала свой рецепт:

— Выучи наизусть Шестопсалмие и читай в минуту уныния. Знаешь, какое есть монашеское предание об этих шести псалмах? Говорят, что в них предсказаны мысли и чувства души человеческой, когда она предстанет перед Господом на Страшном суде. Потому и положено, когда в церкви читают Шестопсалмие, стоять не шелохнувшись, нельзя даже кланяться. Читай Шестопсалмие, помышляя, что стоишь на Страшном суде, и любые земные беды перед этим покажутся тебе ничтожными.

Дженни послушно выучила шесть псалмов, и это тоже помогало ей бороться с унынием.

Как-то раным-рано, уже после полунощницы, но еще до литургии, в Гефсиманию пришел из города человек, постучал в ворота и сказал сестре Елене, что вчера вечером были убиты пророки Илия и Энох. Сестра Елена побежала с известием к матушке игуменье, но по дороге встретила сестер, воз-вращавшихся из больницы с ночного дежурства, и к началу службы уже вся обитель знала страшную новость. Матушка поверить в нее отказалась и послала двух сестер к храму Воскресения Господня — разузнать все в точности.

Дженни пришла в церковь к часам, и ей тоже сообщили ужасную новость. Она, как и матушка, тоже поначалу не поверила: такое просто не могло случиться! Мира говорила, что подсланные Антихристом убийцы ни разу не смогли даже приблизиться к пророкам.

Все монахини и насельники обители знали Илию и Эноха лично: пророки приходили иногда в Гефсиманию отдохнуть, посидеть в саду в тишине, а главное — побывать на монастырской службе, которую оба очень любили. Сестры наперебой старались им услужить, а больше того любили "сидеть при ноге", то есть собираться вокруг них в саду и слушать беседы "на пользу душе". И вот теперь монахини стояли в еще прохладном утреннем храме, молились и напряженно ждали — что-то принесут из города ушедшие за новостями сестры?

Уже шла молитва об оглашенных, когда отворилась дверь и в храм, понунив головы, вошли две горевестницы, и все стоявшие в храме поняли, что новость подтвердилась. Единый горький вздох пролетел по храму. Вестницы подошли к игуменье, с двух сторон наклонились к ней и что-то сказали. Игуменья перекрестилась, опустила низко голову да так и осталась.

Дженни все поняла, но не заплакала. Почему-то в голове была только одна мысль: как же сестры на клиросе будут петь Херувимскую? Регент мать Евфросинья стояла бледная, закрыв глаза, а певчие не могли сдержать слез. — И-и-же хе-е-руви-и-и-мы...

Хор запел после длинной паузы, но все-таки запел. Пели с перехваченным горлом, пели сквозь слезы, но пели — литургия должна была продолжаться.

Под пение Херувимской Дженни плакала и думала: "Учитель, дорогой учитель! Как ужасна судьба того, кто тебя убил! Я знаю, что с тобой все хорошо: ты к нам от Господа пришел и к Нему ты снова ушел. Ты исполнил свою миссию на земле, ты уже со святыми и херувимами. Но неужели я-то тебя так больше и не увижу? Ты был так близко от меня, а я трусила и боялась пойти на твою проповедь... Прости меня, учитель мой!".

К самому выносу чаши в храм вошла Мира. По ее лицу Дженни поняла, что подруга тоже уже все знает и, может быть, знает даже больше других. Так и оказалось. После службы матушка

собрала всех в трапезной, и Мира рассказала, как все происходило.

Поздно вечером, когда Илия и Энох, закончив проповедь, присели отдохнуть, а слушатели начали расходиться, на площади вдруг появился Лжемессия в сопровождении большого отряда своих гвардейцев. Задержавшиеся на площади христиане надеялись, что пророки сейчас прямо на их глазах испепелят Антихриста, но случилось совсем другое. Мира спряталась в дверях храма и оттуда все видела.

Пророки, до того сидевшие у стены, встали и спокойно ждали, что им скажет Антихрист.

— Уходите! — крикнул он пророкам, остановившись напротив храма.

— Это ты уходи, — сказал ему спокойно Илия. — Твое время уже подошло к концу.

— Лжешь! — закричал Антихрист. — Это ты сейчас умрешь, а я бессмертен!

— Все мы бессмертны. Но если бы ты знал, как ужасно твое бессмертие и что ожидает тебя в вечности, ты бы сейчас каялся со скрежетом зубным и слезами кровавыми, — сказал Энох.

Антихрист на это ничего не ответил и дал знак гвардейцам отступить в сторону. За ними открылся проход в черную улицу. По ней, со скрежетом задевая боками о стены домов, к площади полз гигантский змей с разверстой пастью, из которой двумя кривыми саблями торчали огромные желтые клыки. Змей приблизился к пророкам, поднялся над ними и нанес каждому по удару в грудь. Илия и Энох упали, и одежды их сразу же окрасились кровью. Змей развернулся на площади, давя гвардейцев и христиан, и уполз в темноту той же улицы.

Стоя в тени приоткрытой храмовой двери, Мира видела, как на площадь выехал грузовой мобиль. С него скинули балки и доски. Это оказался разборный помост, которым Месс пользовался во время своих выступлений перед планетянами. На другом мобиле подъехали солдаты и начали его собирать. Через час помост был готов, и на него гвардейцы бросили тела мертвых пророков. Вокруг была поставлена стража.

С рассветом на площадь стали пробираться христиане. Стражники не препятствовали им глядеть на убитых пророков издали и молиться, но к самым телам никого не подпускали. Тогда Мира вышла из своего укрытия и поспешила на Елеонский остров.

— Я хочу пойти в город и проститься с Айно, — сказала Дженни подруге.

— Не надо тебе туда ходить: в городе полно экологистов и шпионов, все улицы запружены ими. Даже я сегодня не пойду в свою лавочку, хотя у меня полно спешных дел. Давай лучше поднимемся на Русскую Свечу и оттуда поглядим на площадь перед храмом Воскресения Господня.

До этого дня Дженни еще не бывала на верху Елеонской горы. Они с полчаса поднимались по крутым дорогам, переулкам и лестницам и наконец оказались на ровной вершине. В прежние времена здесь было арабское поселение, но после расправы Израиля над арабами местное население куда-то исчезло. Использовать Елеонскую или, как ее еще называли, Масличную гору под новые поселения не удалось — на нее не было доступа никому, кроме христиан. Брошенные арабами дома со временем заняли православные евреи и христианские беженцы.

— Сюда переселились арабские христиане из Вифлеема, — рассказывала по дороге Мира. Она, несмотря на полноту, двигалась легко и поднялась наверх без одышки. — От Вифлеема остался лишь небольшой островок с храмом над Вертепом, и они все приплыли сюда на лодках. Эти

арабы всегда были православными. Они себя считают потомками вифлеемских пастухов, тех, что первыми пришли поклониться Христу-младенцу; это им ангелы пели "Слава в вышних Богу и на земли мир". Им предлагали поселиться в Хевроне, там у нас тоже монастырь, но они не захотели. Они заявили, что их предки встретили рождение Христа-Спасителя, и они теперь хотят встретить Его, когда Он снова придет во Славе: им вроде так было предопределено. Похоже, они не ошиблись.

— Ты думаешь, Он придет уже совсем скоро?

— Тут и думать нечего. Остается прожить эти последние дни без больших духовных потерь — и довольно с нас. Сказано же, что в последние времена мы одной верой спасемся. Дженни вздохнула. — Чего вздыхаешь, подруга?

— Все думаю о Лансе, о его неверии... Молюсь за него почти непрерывно, а все срываюсь в тоску, грешу унынием.

— Так ведь и есть с чего! Хотя уныние, конечно, самый страшный грех. Ничего, как говорит мой духовник отец Моисей, важна не частота падений, а скорость восстаний. — Это как понять?

— Не валяйся в той луже, в которую плюхнулась, а вскакивай и беги от нее.

— Я так и делаю. Бегу — а впереди другая лужа!

— А ты попробуй перепрыгнуть на бегу. Унывая уповай! — как говорит отец Моисей. Ты думаешь, я почему все время в работе? Я отца Антошки упустила, он умер не успев креститься, и что с ним теперь, страшно и подумать. Но и я не опускаю рук!

— Господи! И что же ты делаешь, Мира, чтобы помочь ему?

— Все. Все что я делаю, я делаю как бы от имени моего мужа. Вся моя жизнь теперь — это одна большая милостыня за него, непутевого. А уж поможет ли это — Господь решит. И язычникам, говорят отцы, на том свете облегчение бывает от наших молитв. Келейных, конечно, ведь Церковь за них не молится... Ну вот, мы и пришли.

Они вошли в распахнутые ворота в каменном заборе, которые, судя по высокой траве возле них, и не затворялись никогда. Дженни увидела кипарисовую аллею, в конце ее белый храм, а за ним прямоугольную колокольню Русской Свечи. Сначала они зашли в храм, помолились, после навестили игуменью Елеонского монастыря матушку Вассу и взяли у нее благословение, а уже после отправились на колокольню.

Пролет за пролетом поднимались они по узкой лестнице, и опять Дженни удивлялась выносливости Мира: сама она уже на середине подъема вынуждена была останавливаться на каждой площадке. И вот они взошли на колокольню, открытую на все четыре стороны. Мира сразу подвела Дженни к проему, открытому в сторону Иерусалима.

Первое, что увидела Дженни, был устремленный ввысь черный палец Вавилонской Башни. Русская Свеча стояла на горе, но стоярусная Башня была выше, и верхушка ее оказалась вровень с верхушкой колокольни. Черный полированный гранит облицовки сверкал на солнце и придавал Башне вид штыка, грозящего небу. Небольшое облачко, бежавшее на нее с востока, перед Башней остановилось, испуганно отпрянуло и поскорее убежало в сторону.

— Где-то там мой Ланс, — прошептала Дженни, охватив руками вмиг озябшие плечи.

— Видишь луч света, поднимающийся пря мо между Башней и нами? — Да.

— Это и есть храм Воскресения Христова. Перед ним площадь, там и стоит помост с телами Или и Эноха.

Дженни пристально смотрела на световой столб, поднимавшийся в небо куда выше Башни — он просто таял где-то в недостижимой высоте рядом с уже поднявшимся в зенит солнцем. Она опустила глаза к основанию столба, несколько раз сморгнула и почти сразу же ясно увидела маленькую площадь, запруженную людьми и квадратный помост с телами пророков. Она еще поморгала, и помост будто подплыл к ее глазам. Она увидела незнакомое лицо лежавшего ближе к ней старого пророка, седовласого и седобородого, а потом разглядела и лицо Эноха — Айно. Учитель лежал со спокойным лицом, скрестив руки на груди. Под руками на белом хитоне было ясно видно большое темно-красное пятно.

— Айно... Какое мирное у него лицо, как будто он не страдал перед смертью. — Ты их видишь? — спросила Мира. Дженни кивнула. — А я нет.

— Я вижу их так близко, как будто стою рядом. Учитель мой... — сказала Дженни и заплакала. — Там, на помосте, только их тела.

— Я знаю, Мира, знаю. Но поплакать-то мне можно?

— Ты счастливая — можешь плакать. Я уже давно не могу. Но знаешь, Дженни, у меня странное чувство: все уже напряжено до та кой степени, так стеснено, уже нечем и дышать, и потому кажется, что уже совсем вот-вот придет освобождение, и мы все вздохнем с облегчением. Это как в самом начале Великого поста вдруг прозвучит "Христос воскрес": впереди еще весь пост, но все равно все знают, что он закончится Пасхой. А мы уже в конце поста и перед Пасхой — перед Вторым пришествием.

— Я понимаю, — кивнула Дженни. — Я сама ловлю себя на том, что мне иногда уже все равно, встанет ли на ноги Ланс и даже успеем ли мы с ним пожениться. У меня одна мысль — чтобы он успел к Господу.

— Ты молись — и он успеет. Пойдем на другие стороны света поглядим.

Они перешли площадку под колоколами и стали смотреть на север. Сначала они увидели только водную гладь с редкими островками — некоторые из них были основаниями световых столбов, уходящих в небо. Потом Дженни разглядела какое-то бурление далеко в воде, как будто там кипела вода Средиземного океана.

— Это что — подводный вулкан? — спроси ла она Миру.

— Нет. Там раньше было Мертвое море. Оттуда до сих пор поднимаются и расходятся в океане мертвые воды. — Мертвые воды греха... Как страшно!

— Да. Глядя туда, понимаешь, что и вправду существует вечная расплата за нераскаянный грех. Помилуй нас, Господи, и не воздай нам по грехам нашим, но дай прощение по милосердию Твоему! — Аминь, — сказала Дженни.

— Что ты видишь теперь? — спросила Мира. — То же, что и ты, — удивилась Дженни.

— Думаю, что нет. Я же не видела Илию и Эноха так близко, как ты, я и вообще их не видела отсюда.

— Да? А я будто смотрю на большую карту мира, и если хочу что-то разглядеть в подробностях, то это место приближается к моим глазам и увеличивается. Первый раз я видела такое, когда глядела на мир вместе с Айно с башни Жизора: он показал нам тогда, как движется через Пиренеи автобус с нашими детьми, а потом показал дорогу к Бабушкиному Приюту и сам остров с усадьбой. А теперь я точно так же все вижу и без Учителя, — голос у Дженни опять дрогнул.

— Какой счастливый дар он тебе оставил в наследство! Нет справедливости даже у пророков: как бы мне пригодился такой дар в моих деловых поездках! Ну рассказывай, что ты видишь, Дженни. — Почти вся Европа затоплена... — Это не новость!

— Кругом мутная зеленоватая вода, а по ней разбросаны острова и островки, и на них повсюду черные пожарища. Даже заросли дьяволоха по краям Европейского и Дунайского морей выгорели. Белесый туман от гнилых вод смешивается с черным дымом пожарищ. — А люди?

— Люди уже не мечутся по дорогам и не прячутся в руинах. Я бегу глазами по доргам и повсюду вижу лежащих или сидящих в унынии оборванных, изможденных, умирающих людей. Никто не ест и не пьет, у них такой вид, будто все они потеряли надежду и ждут смерти как избавления. Я вижу целые поля мертвых клонов и растерянно бродящих возле них экологов. И так до самой Скандинавии, но и в Скандинавии то же самое. А на островках света люди живые и бодрые, но вид у них такой, будто они непрерывно постыются. Они тоже оставили труды и только молятся. — А что дальше, на востоке? — А на востоке — сплошная стена света.

— Понятно. Там — Россия. А "стену отчуждения" ты видишь?

— Вижу. Но она уже почти вся разрушилась. Странно, что люди не идут к ней, чтобы спастись в России.

— Они уверены, им внушили, что там еще больший ад. А я рада, что миллионы евреев остались в России: теперь они ждут Мессию вместе со всеми православными — ждут Его во второй раз и каются за тот, первый раз. Ты можешь заглянуть за эту световую стену?

— Это не стена — это полупрозрачная завеса над развалившейся "стеной отчуждения". Я вижу только голубое, зеленое и си нее — небо, леса, поля и реки с озерами. Больше ничего не видно, все в глазах расплывается.

— Довольно, а то совсем ослепнешь. Пойдем вниз, Дженни. Мне надо идти в город по делам.

— Пойдем. Я устала, и голова кружится.

Мира ушла, и Дженни снова затосковала. Так в тоске и слезах прошел весь этот день, за ним другой. Мира не возвращалась, К вечеру Дженни не выдержала и решила пойти одна в старый город, чтобы подойти поближе к Айно и проститься с ним.

Вышла она из обители во время вечерней службы. Перед уходом благословилась, хотя и не стала подробно говорить матушке, куда и зачем идет — просто подошла и молча подставила руки и склонила голову. Матушка шепотом благословила ее и перекрестила. Дженни тихонько выскользнула за дверь храма. Она еще зашла в сторожку к сестре Елене и спросила ее, как ей дойти до храма Воскресения Господня. Та подробно рассказала дорогу.

С наступлением темноты улицы и переулки старого Иерусалима пустели, лавки закрывались железными ставнями, двери наглухо запирались. Дженни казалось, что она идет по пустому и гулкому лабиринту. На площадь перед храмом Воскресения Господня она добиралась по

улицам, носившим название Скорбного пути — Via Dolorosa.

Христианское предание хранило путь, по которому Иисус Христос шел с крестом от претории до Голгофы. Сотни лет паломники со всего мира благоговейно шли по древним улочкам, на которых кое-где сохранились плиты двухтысячелетней давности, некоторые даже проходили весь путь на коленях. Антихрист приказал сорвать с домов таблички с надписями "Via Dolorosa", но следы грубо выломанных мраморных табличек остались на стенах ранами, похожими на пулевые, и служили теперь ориентирами.

Выйдя из улочки-щели на площадь перед храмом, Дженни еще успела удивиться тому, как легко она нашла дорогу и как быстро добралась до места, следуя указаниям сестры Елены. Сколько дней она бродила по торговым улицам, продавая воду, но ни разу даже нечаянно не попала на площадь Воскресения, а тут дошла за какой-то час. Но увидев перед собой пустую площадь с помостом посередине, она уже больше ни о чем не думала.

Вокруг помоста стояла плотная цепочка клонов, а по площади прохаживались экологи. Больше тут никого не было. Помост был не выше человеческого роста, Дженни примерно по плечи, и она видела застывшие лица пророков, глядящие в небо открытыми глазами. Она долго стояла в тени дома и не знала, подойти ей ближе к помосту или этого делать нельзя. Экологи уже на нее поглядывали и переговаривались.

Сразу за помостом стояла стена плотного тумана. Вглядевшись, Дженни различила в нем стену и дверь храма. Под пристальными взглядами экологов она быстро прошла по краю площади и смело вошла в туман туда, где темнела дверь. Туман внутри был тепел и светел. Она протянула руку и нащарила массивную металлическую ручку двери, толкнула ее, и дверь отворилась.

В храме царил теплый сумрак, пахнувший свечами и ладаном. Перед нею был притвор с беломраморной стеной, а на стене — большая мозаичная фреска-икона, подсвеченная несколькими тускло горевшими лампадами. Посреди притвора на полу лежал длинный темный камень. "Камень помазанья" — вспомнила она рассказ сестры Елены. Опустившись на колени, она приложилась к камню и ощутила исходящий от него тонкий цветочный запах. Сестра Елена сказала ей, что благочестивые паломницы приносят сюда цветочное масло и обливают им камень — отсюда и благоухание.

Кое-где в храме горели лампы и свечи, больше всего их было перед Кувуклией — каменным шатром над Гробом Господним. Она постояла перед входом, помолилась, а потом решила и вошла внутрь.

В Приделе Ангела стоял монах и по-гречески читал толстую книгу, лежавшую на высоком камне. Дженни осторожно и бережно прошла мимо него и вошла в низкую дверь. Камень-гроб с мраморной плитой поверху стоял справа. Дженни опустилась перед ними на колени, положила на Гроб руки и голову и заплакала.

Сначала слов у нее не было, она долго изливала горе одними слезами. Потом начала молиться. Молилась и плакала о Ланселоте, об оставшихся в Бабушкином Приюте детях, о несчастных калеках, спасающихся теперь на Елеоне. Но больше всего она плакала сегодня об Айно.

— Доколе, Господи, Ты будешь терпеть унижение Твоих святых? Я даже не могу подойти и поцеловать моего Учителя, Господи! — жаловалась она.

Она не знала, сколько прошло времени, может быть, несколько часов, а может, и вся ночь. Вдруг кто-то тихонько окликнул ее сзади: — Сестра Евгения!

Она подумала, что это тот монах, что молился в Приделе Ангела, подняла голову и оглянулась. Позади нее стоял Айно, живой и невредимый. Он улыбался.

— Учитель! — воскликнула Дженни, с трудом поднимаясь на затекших ногах.

Он приложил палец к губам и глазами показал на выход. Они прошли мимо монаха, который даже не поднял головы, продолжая молиться. Они сели рядом на скамью возле самой Кувуклии и стали шепотом разговаривать.

Радуюсь и плача, Дженни рассказала Айно все события последнего времени: жизнь в Бабушкином Приюте, встречу с Сандрой, их путешествие с Ланселотом на остров Иерусалим, бегство Патти и уход Ланселота в Башню.

— Ты хорошо сделала, что послушалась непослушного ослика, — сказал Учитель. — О своем Ланселоте не горюй, а только молись, молись и молись — и Господь все устроит. Ты по-прежнему моя ученица и готова верить мне? — Конечно, Учитель!

— Тогда встань и ступай прямо сейчас на площадь к Вавилонской Башне и жди. Ты увидишь белый мобиль, из которого выйдут две девушки, белокурая и темноволосая. Подойди к ним и назовись. Они тебе все рас скажут о твоём Ланселоте. — Я должна идти прямо сейчас? — Да.

Дженни вздохнула: ей и бежать хотелось к Башне, и так жаль было уходить от воскресшего Учителя!

— Тебе надо идти, дитя мое. Пойдем, я провожу тебя. А паломничество Ланселотово еще не кончено, ему еще предстоит сделать последний и самый важный выбор.

Когда они вышли из храма, уже светало. На площади лежали грудой поломанные доски и обломки балок — остатки рухнувшего помоста. Ни клонов, ни экологистов нигде не было видно, а у стены храма, скрестив руки, стоял живой и невредимый пророк Илия. Айно благословил Дженни, и показал, по какой улице ей надо идти, чтобы поскорее выйти из старого города. Потом он пошел к Илие, а Дженни скорым шагом, но поминутно оглядываясь на ходу, радуясь и улыбаясь, пошла к указанной улочке.

У подножия Башни, видно, еще с ночи бурлила толпа. Дженни постаралась с ней не смешиваться, а встала у края площади, куда мобили и рикши подвозили счастливых с билетами. Они выходили из машин, повозок и носилок и шли по проходу, специально устроенному в толпе служителями и клонами.

Пока она стояла, подъехало несколько белых мобилей, но девушек она пока не заметила. И вот подкатил роскошный мобиль, из которого вышли две нарядно одетые девушки, высокая блондинка и темноволосая девушка пониже ростом. Дженни тот-час подбежала к ним и сказала:

— Здравствуйте! Вы меня не знаете, но меня зовут Дженни, и я...

— Дженни! — воскликнула темненькая девушка, бросилась к ней и схватила ее за обе руки. — Наконец-то! Ланс о тебе ужасно тревожится! Он здоров, здоров, с ним все в порядке, — опережая вопросы затараторила Инга. — Твой жених — настоящий рыцарь, и мы его очень любим, правда, Ванда?

— Правда. Какая славная у Ланса невеста, рыжая, как закатное солнце! — улыбаясь сказала Ванда. — Меня зовут Ванда Ковальски, а это — Инга Петрих, а ты — Дженнифер Макферсон.

Девушки тут же начали хлопотать о том, чтобы провести Дженни на гонки. Но билетов уже не было, все было раскуплено до конца гонок. Их невозможно было купить даже у спекулянтов, хотя Инга и Ванда предлагали огромные деньги — так им хотелось порадовать Ланселота и привести Дженни.

— Если бы не Ланс, нас бы обеих уже не было в живых! Если говорить честно, то не Мессу, а Лансу мы обязаны своим исцелением! — твердили они наперебой. — Ты не представляешь, что такое твой Ланс!

— Ну, положим, некоторое представление о нем у меня имеется, — улыбаясь, отвечала Дженни. — Идите, девушки, без меня. Раз не выходит, значит, и не надо мне всходить на эту Башню.

— Хорошо. Тогда ты подожди нас в нашем мобиле, ладно? Мы тебе принесем вес точку от Ланса. Пойдем, мы тебя запрем для безопасности. — А что это за люди возле вашего мобиля?

— Это наша охрана. Здесь очень опасная публика, пришлось нанять этих молодцов.

Дженни довольно долго ждала возвращения девушек в их роскошном мобиле. Уже высоко вошло солнце и в машине стало жарко, ей пришлось включить кондиционер. Наконец вернулись Ванда с Ингой и передали ей слова Ланселота: он просит ждать его на острове, где они провели первую ночь в Иерусалиме, а еще что он ее любит.

Дженни хотела выйти из мобиля, но Ванда ее остановила и попросила:

— Поедем к нам в гости, пожалуйста, Дженни! Ты будешь первая гостья в нашем новом доме. Пообедаем у нас, посидим, поговорим, а потом отвезем тебя домой.

Пока девушки ходили на гонки, Дженни, сидя в мобиле, решала, сказать ли им сразу правду об исцелениях Антихриста или подождать, пока они узнают друг друга поближе.

— Я с удовольствием поеду к вам, раз вы меня приглашаете. А потом я приглашу вас посетить мой остров. Согласны? И вы обещаете мне побольше рассказать о Лансе?

— Об этом и просить не надо! И тебе расскажем, и детям и внукам, если они у нас будут! — сказала Ванда. — Поехали!

Следом за их шикарным мобилем двинулся скромный черный мобиль с охраной.

Девушки снимали довольно большой двухэтажный дом в уцелевшем пригороде Иерусалима Рамоте, который располагался на холме. Оба мобиля въехали в высокие металлические ворота, тотчас запертые за ними охранником, вышедшим из будки у ворот.

Вокруг дома был разбит прекрасный сад и внутри дом тоже выглядел неплохо. Конечно, его нельзя было сравнить с роскошным особняком Макферсонов, но Дженни он понравился. Хозяйки повели ее на второй этаж и показали ей апартаменты, приготовленные для Ланселота.

— Милые вы мои, если все обойдется, мы с Лансом не останемся в Иерусалиме, — сказала Дженни.

— Ну и что? — пожала плечами Ванда. — Зато у вас будет в Вечном городе место, куда вы всегда можете приехать и жить сколько угодно. — У меня есть такое место.

— Гефсимания? — Да. — А что вы там делаете, Дженни? — Помогаю ухаживать за больными.

— Вот видите! А здесь мы с Ингой за вами ухаживать станем, будем изо всех сил стараться вам угодить.

— Мы вас ублажа-а-ать будем! — пропела Инга, умильно заглядывая в глаза Дженни.

Потом девушки принялись готовить обед для гостыи и для себя, и для тех троих, кто остался на Башне. Дженни они позволили помогать только после того, как она сказала, что тоже хочет готовить еду для Ланса. А пока готовили обед, девушки рассказывали ей о "Веселом катафалке" и обо всех приключениях и победах. Дженни слушала, ужасалась гонкам и гордилась Ланселотом. Впрочем, про гонки Инга с Вандой не все ей рассказали, кое-что, самое страшное, они утаили.

Когда обед был готов, они уселись на террасе за столом и девушки принялись угощать и ублажать Дженни. А она становилась все грустнее и грустнее к концу обеда, и они никак не могли понять, что ее расстроило. А Дженни раздумывала, сейчас или потом рассказать им правду о том, что исцеление Мессии действует недолго. Наконец она решилась и все им рассказала. Девушки слушали и бледнели.

— Вам, девушки, надо пойти со мной в Гефсиманию и самим во всем убедиться, поговорить с людьми, прошедшими исцеление у Мессии, узнать их истории и спросить у них совета, как вам быть. В Гефсимании многим из них становится легче, некоторые даже опять встают на ноги. И вот я думаю: а зачем вам ждать, пока вы снова утратите здоровье? Не лучше ли будет сразу обратиться к Богу и просить Его оставить вам здоровье? Впрочем, об этом надо поговорить с более знающими людьми, с игуменьей Елизаветой и с гефсиманским священником. — Едем! Немедленно! — скомандовала Ванда.

— А посуда? — растерянно спросила Инга. — Ой, о чем я думаю? Поехали!

Дорогой они рассказали ей о гонках исцеления то, что пропустили за обедом.

Они оставили мобиль на берегу Кедрона, перешли через мост и в монастырь пришли незадолго до вечерней службы, когда все обитатели еще были в саду. Инга шла, держась за руку Дженни, а Ванда бросилась расспрашивать насельников, прошедших через гонки исцеления. Рассказы их были куда резче, чем рассказ Дженни. Выслушав с десятков историй и убедившись, что все они говорят об одном, они попросили Дженни отвести их к игуменье. Перед домиком матушки Елизаветы они сели на скамеечку и стали ждать, когда игуменья освободится и побеседует с ними. Инга безутешно рыдала, а Ванда ее успокаивала:

— По крайней мере, мы-то с тобой предупреждены, а эти люди радовались и не ждали беды.

Вышла игуменья. Она спросила Дженни, кого та привела, и узнав в чем дело, вдруг сказала нечто неожиданное и утешительное:

— Тут у нас есть один человек, получивший исцеление, но понявший, от кого он его получил. Он пришел к нам и покаялся. Так вот он до сих пор здоров, а с момента его исцеления Антихристом прошло уже больше года. Правда, он один такой, остальные пришли к нам уже после того, как вновь утратили здоровье. А вы верите в Иисуса Христа?

— Я что-то такое помню с детства, — сказала Ванда. — Но очень смутно. Кто-то был у нас в семье верующий, кажется, моя бабушка. Но я была маленькая, когда она умерла.

— А она не крестила тебя тайком от родителей? — Нет.

— Ох, уж эти современные бабушки! — вздохнула игуменья. — И осталось их мало, и никуда они не годятся. Ну вот что, сегодня вы уже не успеете поговорить с нашим духовником отцом Алексеем, а завтра приходите ровно в полдень: я ему вас представлю, и вы уже с ним вместе решите, как вам быть. Простившись с игуменьей, девушки захотели посмотреть, как устроилась в обители Дженни. Она смутилась, но все-таки повела показывать свою келью. Это оказался низенький дом, поделенный на пять комнатушек, каждая с узкой дверью и крохотным окном. В келейке Дженни они увидели четыре койки, занятые больными женщинами, посередине — стол, заставленный посудой и лекарствами, а под столом — свернутый матрац.

— А где же ты спишь, Дженни? — спросила Ванда.

— На полу, на матраце. Да не беспокойтесь, мне там удобно. Ночью приходится часто вставать к моим больным, а с полу вставать легче. И воздух внизу чище и прохладнее, мы спим с открытой дверью.

Все четверо ее соседок с постелей не вставали, и ей приходилось за ними ухаживать по ночам, когда монахини отдыхали.

— Ты сегодня же переедешь к нам! — решительно объявила Ванда.

— А что сказал мой Ланселот? — хитро улыбаясь, спросила Дженни.

— Он велел тебе ждать его в Гефсимании, но он не знал, в каких условиях ты здесь находишься!

— Милые мои, да вы скоро сами начнете бегать сюда каждую свободную минуту, вы еще не знаете, что такое благодать! — А ты расскажи!

— Это не объяснишь. Это надо прожить и прочувствовать.

Словом, переезжать к Ванде с Ингой она категорически отказалась, но зато сами они обещали завтра снова приехать на остров Елеон.

Глава 17

Накануне встречи девушек с Дженни Тридцатьпятник без всяких помех спокойно прошел желтый финиш. Его встретили, поздравили и повели на белый балкон к Мессии на исцеление.

На другое утро в "Бегунке" они прочли, что финиш взял паломник, пожелавший остаться неизвестным.

— Странно, — сказал Жерар. — Он так и не назвал свое настоящее имя.

— Не назвал, значит, ему так надо было. Вот скоро ты встретишься с ним, тогда и спросишь, почему он так поступил.

Тридцатьпятник на гонках в этот день не появился.

Инга и Ванда пришли довольно рано и принесли радостное известие Ланселоту: Дженни нашлась!

— Где она? — крикнул им Ланселот.

— Там, где вы провели первую ночь в Иерусалиме!

— Скажите ей, чтобы она там и оставалась. Я ее найду после гонок. И скажите, что я люблю ее.

Слышавшие весь этот разговор зрители на балконе весело и глумливо заржали.

Жерар и Ланселот заметили, что обеих девушек окружают какие-то странные парни в одинаковых серых костюмах. Сначала они было встревожились, но потом сообразили, что это и есть их личная охрана, о которой говорила Ванда.

— Как ты думаешь, эти самые охранники не заложат наших девушек? — спросил Жерар.

— Определенно нет. Они за плату на все готовы, и на предательство, и на верность.

— Надеюсь, на верность, а то пришлось бы отказаться от хлеба, мяса и вина. На паломнической диете мы с тобой не далеко бы ушли.

— Ты думаешь, мы поступаем не совсем честно по отношению к другим паломникам?

— Совсем ты, Ланселот, сбрендил! А когда их болельщики кидают в нас гигиенические пакеты с дерьмом и банки с песком, норовя попасть в голову — это что, честно? И потом, кто мешает им объединить усилия? В каждом номере "Бегунка" пишут о том, что "Веселый катафалк", в котором калеки помогают друг другу, опережает всех паломников на несколько ярусов, но ни разу не писали, что кто-то последовал нашему примеру. И паломникам, и зрителям наши действия не нравятся не только потому, что мы берем финиш за финишем. Тут главное в другом. — В чем же?

— А в том, что мы нарушаем главный принцип существования планетян — каждый за себя против всех. "Бегунок" всегда пишет о нас с иронией и предрекает, что вот-вот наше "противоестественное содружество", как они это называют, развалится. А служители? Ты же видишь, как они смотрят на нас. Я думаю, почти все на этой Башне, и служители, и зрители, с нетерпением ждут, чтобы наше предприятие лопнуло.

— Не дождутся, — сказал Ланселот, но ошибся: кое-что все-таки лопнуло.

Случилось это в полдень, когда ветер особенно свирепствовал. Они проходили слишком близко к балкону, прижимаемые к стене Башни этим колючим южным ветром. К счастью, Жерар в это время шел рядом с коляской с противоположной балкону стороны, и потому только остался жив. Ни он, ни Ланселот сначала не поняли, что случилось. Оба сперва услышали грохот и вопли зрителей, и сразу же вслед за тем громкий треск и скрежет металла о бетон. Коляска остановилась. С балкона раздались торжествующие крики и хохот. Жерар нагнулся и увидел, что ось коляски лопнула, а позади ее на дороге лежит камень размером с голову. Тут же в них полетели банки и другая дрянь.

— Слезай, приехали! Конец "Веселому катафалку"! — глумились с балкона веселящиеся зрители.

— Ставь коляску на тормоз и цепляйся за мои плечи! — крикнул Жерар, подставляя спину Ланселоту: тот послушался, еще не понимая толком, что, собственно, произошло.

Жерар сначала отнес его к барьеру и усадил там, а потом вернулся к коляске, взвалил ее на спину, с трудом удерживая ее за спинку своими культиями, и, согнувшись под ее тяжестью

вдвое, потащил коляску вверх по дороге. Он не собирался, да и не смог бы при всем желании, отнести ее на большое расстояние, но хотел убрать ее подальше от балкона, с которого в них бросили эту проклятую каменюку. Он все-таки оттащил ее метров на сто и оставил под внешним ограждением, и только после этого вернулся к Ланселоту. Тот сидел бледный как смерть и с ужасом ждал, что скажет Жерар.

— Ничего, — сказал Жерар, — лопнула только ось. Цепляйся за мои плечи, — он снова повернулся к Ланселоту спиной и присел. — Ну ты чего?

— Жерар, кажется, мое паломничество подошло к концу.

— Не болтай. Ты что не понимаешь, как нам повезло?

— Куда как повезло! — Ланселот даже рассмеялся.

— Ну да, повезло! А если бы одному из нас этот камень упал на голову? Они швырнули его с большой силой, только прицелились плохо. Но, видно, зараза-каменюка срикошетила от дороги и ударила прямо в середину оси. И это опять-таки к лучшему — ось просто лопнула, и ее половинки еще можно скрепить, а вот если бы камень попал в колесо или погнул ось...

— Жерар, я благодарен тебе за твою дружбу и твои усилия, но...

— Но сейчас ты немного помолчи, Ланс. Мне сейчас надо думать, как скорее починить твою коляску, а не пустыми разговорами заниматься. Если у тебя будут предложения по ремонту оси, любое будет выслушано с благодарностью. Если же тебе просто вдруг приспичило передо мной мелодраму разыгрывать, сделай одолжение, заткнись! Понял? А теперь хватайся за меня, я отнесу тебя к коляске.

Ланселоту ничего не оставалось, как подчиниться. Но он уже видел сценарий, по которому будет разворачиваться действие дальше, так ясно, как будто все это происходило в Реальности: Жерар будет тащить его на спине, время от времени ссаживая его у ограждения и возвращаясь за бесполезной теперь коляской, которую в конце концов все равно придется бросить. Может, он и дотащит его таким образом до оранжевого старта и даже пройдет его первым, но после-то ему все равно ему придется его покинуть! Никто не позволит ему и дальше нести на спине паломника, который сделал заявку на самый высокий старт. Ну что ж, остальное ясно: когда ночью Жерар уснет, он, Ланселот Озерный, уж как-нибудь найдет способ исчезнуть с трассы и освободить друга. Ему стало спокойно, и он даже поудобнее перехватил руки на плечах Жерара и облегченно вздохнул. Жерар, будто подслушав его мысли, повернул к нему красное лицо и прохрипел:

— Ничего не выйдет! И учти, поганец, если ты попытаешься помешать спасти тебя, я сам тебя сброшу с Башни, как только Мессия починит мне руки! Ты меня понял?

— Понял, понял, — сказал Ланселот и усмехнулся: это сам Жерар еще не понял, что ему, Ланселоту, и в самом деле пришел конец.

И конец этот один — распятие. "Никуда мне от Тебя не деться, — грустно пошутил он про себя, мысленно обращаясь к Христу, — никогда не мечтал я о стигматах, а вот, надо же, того и гляди сподоблюсь..."

Когда на балконе появились Инга с Вандой, Ланселот оставался сидеть, прислонившись спиной к ограждению, и только махал им издали рукой и улыбался все время, пока они, перегнувшись через перила балкона, бросали банки с едой Жерару и, конечно, расспрашивали его о том, что

случилось с Ланселотом и где его коляска. Выслушав его, они сразу же исчезли.

Ночью Ланселоту так и не удалось покинуть Жерара. Он просто не успел это сделать. Как только с балконов удалили зрителей, с одного из них с грохотом упал какой-то мешок. Вслед за тем с балкона свесилась веревка. Потом они увидели, как через ограждение перелезла худощавая темная фигурка, скользнула вниз по веревке — и вот перед ними явился Тридцатьпятник! — Привет, ребята, вот и я!

Кожа на лице у Тридцатьпятника была розово-белой, гладкой и нежной, как у молоденькой девушки. Он был хорошо отмыт, весь благоухал и одет был в новенький черный спортивный костюм. Обрадованные Жерар и Ланселот постеснялись притронуться к такому красавчику, но он сам кинулся обнимать их. — Вы видите, видите, какой я стал? — Прямо маленький лорд Фаунтлерой!

— Это вы про мои локоны? Я хотел их остричь, но Ванда с Ингой не дали: они со мной как в куклы играют — то наряжают, то причесывают. Предупреждаю, ребята, после исцеления они вас замучают!

— Лично я совсем не прочь, — ухмыльнулся Жерар.

— С тобой все ясно, Жерар. Ребята, а где коляска? — На пол-яруса позади. — Я побежал к ней!

И он помчался вниз, подхватив свой мешок, из которого торчал длинный поблескивающий стержень.

— Вот так, друг Ланселот Озерный! — сказал Жерар. — Чего-то подобного я и ждал. У парнишки в мешке инструменты, и он собирается чинить твой "катафалк".

Ланселот ничего не ответил и снова откинулся к стене, сделав вид, что дремлет. Он боялся поверить в то, что Тридцатьпятнику в самом деле удастся починить его коляску. Мальчик долго не появлялся, и Ланселот с Жераром оба уснули, чтобы не терять силы и время на беспокойство. Потом они услышали сквозь шум ветра шаги Тридцатьпятника, а еще через несколько минут увидели его, катящего перед собой коляску.

— Получайте ваш транспорт, ребята! До бежит теперь до самого верха, только вдвоем в коляску не садитесь. — Как тебе это удалось, Тридцатьпятник?

— Да очень просто. Я же говорил вам, что занимался механикой в гараже у нас дома, так что я знал примерно, что нужно купить и принести сюда, чтобы починить эту бедную "катафалку". Пришлось ехать в старый город, чтобы купить нужные инструменты на базаре. Кстати, вам крупно по везло, ребята: если бы не сегодняшний ремонт, "катафалка" наша стала бы несколькими ярусами выше — она вся была забита песком. Я все почистил и смазал, теперь она гораздо легче пойдет.

— Ну спасибо, Тридцатьпятник! Скажи-ка, а как ты себя чувствуешь? — Потрясающе! — Так тебя Ванда с Ингой забрали к себе?

— Конечно. Там и для тебя комната приготовлена, Жерар, так что ты о будущем не волнуйся. Ты только первым приходи на своем финише.

— Я постараюсь, Тридцатьпятник. Слушай, а как, кстати, твое настоящее имя? В "Бегунке" об этом не было ни слова.

— И не будет. Когда Мессия меня исцелял, рядом с ним стоял мой отец. Он ничего мне не сказал, но по его глазам я понял, что если я назову свое настоящее имя — из Башни через час вынесут мой красивый труп. Я сказал, что хочу сохранить свое имя в тайне.

— Вот как... Ну что ж, оставайся для нас Тридцатьпятиком. — Девушки сократили меня до Пятика.

— Под любым именем ты наш друг, — улыбнулся Ланселот.

— Вот и я так думаю. Все, ребята, я должен бежать, а то еще встречу отца — он каждое утро является к Мессии на заседание Совета мирового правительства. — Так он у тебя министр, что ли?

— Он людскими ресурсами занимается, человечество счастливит. Ну пока! Скоро увидимся с тобой, Жерар! А после — с тобой, Ланс. Желаю вам удачи. — Счастливо, Пятик! Будь осторожен! — Постараюсь!

Ловкий мальчишка быстро вскарабкался по веревке на балкон. Жерар привязал к концу веревки мешок с инструментами, Пятик втянул ее, отвязал веревку, уложил ее в сумку, помахал друзьям и исчез.

— Ну как коляска, сэра Ланселот Позорный? — спросил Жерар, когда Ланселот уселся в нее и проехал несколько метров.

— Коляска — блеск! Идет вдвое легче, чем раньше. А почему это я Ланселот Позорный? Чем же это я так опозорился?

— А тем, что своих друзей посчитал чуть не за дерьмо, которым в нас зрители бросают. — Я так никогда не считал.

— Тогда зачем настаивал, чтобы я бросил тебя и шел вперед один? Для красоты, что ли, для позы? В таком случае ты — Ланселот Позорный. — Жерар!

— Что "Жерар"? Ты скажи прямо — стыд но тебе? — Стыдно.

— Ладно, тогда поехали! Мы уже черт знает сколько времени потеряли. И в наказание ты теперь будешь спать до тех пор, пока на трассу не выйдут служители!

Жерар взялся за спинку коляски, и Ланселот не осмелился ему возразить, к тому же коляска и впрямь шла теперь гораздо легче. Он откинул голову и уснул.

Рассвело. Оба заметили, что на этой высоте было светло, когда внизу Вечный город еще лежал в предутреннем сумраке. Вот-вот на трассе должны были появиться служители и клоны. Но сначала появилась Ванда. Легкой тенью она соскользнула с балкона по веревке, подбежала к Лансу и тронула его за плечо.

Убедившись, что он не спит, она разбудила Жерара. На плече у нее был рюкзачок, из которого она достала небольшую клетчатую салфетку, расстелила ее прямо на асфальте и стала сервировать им завтрак: термос с кофе, горячие булочки, сыр и апельсины.

— Балуеть ты нас, Ванда. И на ходу бы отлично поели.

— Еще придется на ходу есть. Давайте, загружайтесь калориями! Для тебя, Ланс, есть еще кое-

что. Мы с Ингой были у Дженни в Гефсимании. Вот тебе от нее записка и еще вот это, — Ванда достала со дна мешка и протянула ему маленькую бутылочку и свернутую бумажку. "Ланселот, еще не поздно — вернись! Твоя Дженни", — прочел он.

— А это что? — спросил он, разглядывая крохотную стеклянную бутылочку с нарисованным на ней крестиком.

— Это святая вода. Дженни велела тебе пить ее по глотку и мазать раны на руках.

— Ах, Дженни, чудачка моя неисправимая! — засмеялся Ланселот. Он поцеловал бутылочку и спрятал ее в карман рубашки. — Лечиться святой водой я, конечно, не стану, но все равно — спасибо. Этот сувенир будет мне напоминать о ней.

— А я бы посоветовала тебе пить святую воду по глоточку каждый день. Мы с Ингой пьем.

— Вы что, верите в ее чудодейственные свойства?

— Верим. Мы вообще верим, то есть веруем. В Господа нашего Иисуса Христа. А еще мы скоро крестимся. И Пятик с нами. Надеюсь, вы оба попадете на наши крестины. Жерар и Ланселот переглянулись. — Вот те раз! — сказал Жерар.

— Неужели это моя Дженни так скоро вас обработала? — удивился Ланселот.

— Спуститесь с Башни — сами все узнаете, — сказала Ванда. Очень ей не хотелось сейчас открывать друзьям тайну исцелений Антихриста.

Накормив их, Ванда собрала свой рюкзачок и тем же путем сиганула обратно на балкон.

Жерар встал на свое место и начал толкать коляску.

Вскоре появились служители и разнесли пакеты и газеты. Получив газетку, Жерар отдал ее Ланселоту, а сам предложил двигаться дальше: он знал, что сегодня — его финиш, а потому не хотел терять ни минуты. — Жерар! Может, ты хоть теперь...

— Ланселот, ты на свои руки давно смотрел? После моего финиша тебе надо одному пройти еще десять ярусов, самых коротких, но и самых крутых, между прочим. Я думаю, что ты до финиша дойдешь если не завтра к вечеру, то уж послезавтра точно, и я хочу, чтобы ты сегодня поберег руки. Лучше почитай вслух газету. Про нас чего-нибудь пишут? — Гм... Кое-что пишут. "К радости большинства участников и зрителей, знаменитая группа паломников, которую болельщики метко окрестили "Веселым катафалком", приказала долго жить. Туда и дорога! С отвращением наблюдали зрители, как пятеро калек, если не сказать уродов, облепив коляску главного калеки, нагло нацепившего на себя красную куртку, день за днем публично демонстрировали редкие душевные пороки: варварскую небрезгливость к чужому телу, латентную сексуальность, отсутствие спортивной гордости и крайне низкую конкурентоспособность. Если бы эти люди верили в себя, разве стали бы они сбиваться в такую плотную кучу на глазах у всех зрителей? Да, трое из них показали неплохие результаты, но главным образом за счет других двух участников: Тридцать третий и Тридцать четвертый участники изо всех сил помогали выиграть мальчишке-уроду и двум тяжело и безобразно больным девушкам. Надо ли добавлять, что с тех пор никто больше не видел на Башне этих победителей — двух девушек и мальчика! Теперь их кавалеры поплатились за свое ложное милосердие: справедливо негодующие зрители позволили себе маленькую шалость — бросили в "катафалк" небольшой камушек. Этот крохотный "сувенир", брошенный с высоты искреннего негодования, оказался роковым для "Веселого катафалка": коляска Тридцать третьего

рассыпалась на мелкие части, и они раскатились по всей трассе. Безногий, безответно взывая к милосердию безрукого, остался лежать там же, а номер Тридцать четвертый побрел в одиночестве к финишу, морально уничтоженный и физически обессиленный. Так оба уroda бесславно сошли с дистанции". Ну как тебе?

— Чепуха какая! Но есть в ней и ценная информация: там написано, что никто больше не видел на Башне девушек и мальчика.

— Да, это замечательно. Выпьешь немного вина, Жерар? — Конечно.

— И поешь как следует, тебе сегодня придется попотеть. — Ничего, девчонки после отмоют!

— Жерар, а ты часом не распутник? Как там у тебя насчет латентной сексуальности?

— Ланселот, у меня не было девушки даже в Реальности, когда еще жива была Реальность. Это я так, болтаю, а сам-то я на женщин и не смотрел никогда. Я ведь родился безрук, так что... — Соврал, выходит, "Бегунок".

— Знаешь, этот желтый листок даже на подтирку использовать не гигиенично. Ты не находишь?

— Абсолютно с тобой согласен. А теперь — в путь!

Чем выше шли ярусы, тем богаче и наряднее были одеты зрители, и тем развязней и агрессивней они себя вели. Придя на трибуны и увидев невредимый "Веселый катафалк", они просто взбесились от злости: в друзей полетели камни, стеклянные баллоны, наполненные горчичным газом, которые взрывались при ударе, банки из-под энергена, наполненные песком, заточенные гвозди, пущенные из рогаток. Жерар объяснил, что все эти "орудия" продаются из-под полы у входов на Башню, а членов Семьи обыскивать никто не смеет, вот они и куражатся. Они с Ланселотом старались все время держаться левой стороны трассы, куда "сувениры" с балконов не долетали.

Как Ланселот ни сопротивлялся, Жерар ни в какую не соглашался оставить спинку коляски:

— Если ты хочешь облегчить мне работу, расскажи мне о себе и о твоей Дженни. Мы скоро с тобой расстанемся, а я ничего о тебе не знаю. Если, конечно, ты можешь о себе говорить.

— Почему нет? Мне абсолютно нечего скрывать. Правда, и рассказывать особенно нечего. Ну, примерно год назад я начал свое паломничество вместе с моей невестой Дженни, и вот, как видишь, оно подходит к концу.

— Ты необычный парень, Ланселот, и мне хотелось бы узнать немного о тебе и о твоей жизни до паломничества и о том, как ты добрался до Иерусалима.

— Насчет необычного парня это ты, Жерар, немного заврался: я человек настолько заурядный, что, пожалуй, кроме моей инвалидности во мне нет ничего, что отличало бы меня от других.

— Ну вот и начни с того, как ты стал инвалидом. — Я таким родился.

— И родился ты в Норвегии, это я уже знаю. А кто были твои родители? Как это они оставили тебя в живых?

Жерар был из тех, кто умел задавать вопросы, и короткого рассказа не получилось: час шел за

часом, а Ланселот все говорил и говорил. Они только сделали небольшой перерыв, чтобы поесть. Когда рассказ был окончен, Жерар спросил:

— Ланс, когда ты исцелишься, ты вернешься к своим детям? — Не знаю, Жерар, честное слово, пока

не знаю. Это один из тех вопросов, на которые у меня пока нет ответа. С одной стороны, я очень скучаю по ним, мне здорово нравилась роль многодетного отца. Но что будет с детишками, если их любимый Ланселот вдруг явится к ним на своих двоих и объявит, что их-то он уже не хочет везти в Иерусалим. — А что же с ними будет без тебя?

— Ты лучше спроси, что будет со мной без них.

Глава 18

В Гефсиманию явились Илия и Энох. Счастливые монахини окружили воскресших пророков таким плотным хороводом, что Дженни никак не удавалось подойти к Учителю. Наконец он увидел ее рыжую голову между белых апостольников и подозвал ее. Только тогда сестры расступились и пропустили ее к пророку.

— Это, Илия, одна из моих учениц, ее зовут Евгения. Благослови ее.

Пророк Илия ласково благословил девушку.

— Ты ее предупредил? — спросил он Эноха.

— Зачем? Ее светильник всегда полон масла, она из мудрых дев. Вот ее жених...

— Жених? — старший пророк внимательно поглядел на Дженни, потом отвернулся и задумался, прикрыв глаза.

— Жди своего жениха сегодня с вечера у Кедрона, — вдруг сказал он. — Жди сколько будет надо. Если перейдет Кедрон — спасется, — сказал он.

В Гефсиманию спустились монахини с Елеона и мирские, жившие на горе. Увидев воскресших пророков, они смеялись и плакали от счастья, подходили к ним под благословение, от радости плакали и обнимали друг друга.

Дженни тоже кто-то обнимал и поздравлял. Она была единственным печальным человеком в этой толпе, но и она радовалась как могла. Пожимая руки и отвечая на объятия, Дженни почему-то вспомнила вдруг, как она когда-то не смела прикоснуться даже к Ланселоту, как боялась подойти близко к любому человеку, чтобы нечаянно не вдохнуть воздух, которым дышали другие. В толпе ее едва разыскала сестра Елена.

— Евгения, иди к воротам, там к тебе твои друзья опять пожаловали!

Дженни побежала вниз, перепрыгивая через три ступеньки. У ворот она увидела Ванду с Ингой и красивого стройного мальчика лет четырнадцати. — Вот, привели нашего Пятика, хотим его с отцом Алексеем познакомить и с матушкой Елизаветой. Но с тобой — в первую очередь, конечно. Пятик, это Дженни! — Здравствуй, Пятик!

— Какая вы красивая, Дженни! Я рад за нашего Ланса.

— Вы только подумайте, какой кавалер вылупился из нашего задиры! — всплеснула руками Ванда.

— Вы очень вовремя пришли, дорогие, — сказала Дженни. — Идемте скорее наверх. Знаете, кого вы сейчас увидите и услышите? Воскресших пророков Илию и Эноха!

А наверху шла проповедь. Люди тесными рядами сидели на земле и на камнях. Девушки с Пятиком подошли и сразу же услышали главные слова:

— Время кончилось, братья и сестры! Все сроки исполнились, остались уже не годы и месяцы и даже не дни, а часы.

Дальше пророки говорили о том, чтобы те, кто еще не успел креститься, сегодня же, не откладывая, принесли полное покаяние за всю свою жизнь и крестились. Кончив проповедь, они повели всех к Кедрону. Откуда-то появились священники и начали исповедовать желающих креститься. Явился и отец Алексей и сразу же нашел Ингу и Ванду. — Готовы? — спросил он сурово.

— Как скажете, батюшка! — ответила Инга за обеих, а Ванда подвела к нему Пятика.

— Готов креститься, отрок? — спросил его отец Алексей.

— Я, конечно, креститься хочу, — отвечивал отрок, — но я хотел бы подготовиться как следует, почитать литературу... Ой! — Пятик поперхнулся "литературой" — это Ванда дала ему подзатыльник.

Все пошли с Елеонской горы к Кедрону. Пятика отец Алексей исповедывал на ходу. После отпущения грехов люди сразу же нескончаемой вереницей шли в воду Кедрона, и Энох с Илией крестили их.

Сквозь плотную толпу Дженни уже больше не смогла пробиться к друзьям Ланселота, а вскоре она даже потеряла их из виду. Да она и не стремилась к ним, зная, что теперь с ними-то все будет в порядке... Она пела вместе со стоящими на берегу "Во Иордане крещающуся Тебе, Господи", пела вместе с крещающимися "Символ Веры", пела со всеми вместе "Да воскреснет Бог". Она не видела как Ванда, Инга и Пятик, теперь уже раб Божий Петр, перешли Кедрон через мост и тут встретили Жерара.

— Девчонки, смотрите! — Он еще издали показал им свои исцеленные руки.

Друзья подбежали к нему и бросились его обнимать.

— Как же ты вовремя нашел нас, Жерар!

— Ланс сказал мне, где я вас скорее всего найду. А что тут такое происходит? Что за столпотворение?

Девушки объяснили ему, что происходит.

— Пророки? Настоящие пророки? А мне можно будет их послушать?

— Если ты еще держишься на ногах, — сказала Ванда. — А впрочем, мы ведь можем сесть на берегу, смотреть и слушать.

И так они и сделали. Сели, смотрели и слушали.

К вечеру, когда поток жаждущих святого крещения почти иссяк, пророки собрали вокруг себя священников и приказали им оставаться у Кедрона и крестить всех, кто еще успеет прийти к ним.

— Сколько нам ждать, пророче Илия? — спросил один из священников.

— Пока не начнет колебаться земля, пока не появится в небе Крест и вы не услышите от самого Спасителя: "Приидите ко Мне". Тогда прекращайте ваше служение и идите к Нему. — А до тех пор?

— А до тех пор оставайтесь здесь, у Кедрона, крестите всех проходящих за спасением, проповедуйте Христа Воскресшего и Грядущаго.

— Долго же нам придется служить без отдыха, пророче...

— О род наивный! — воскликнул Илия и поглядел на Эноха. Тот кивнул.

— А почему ты величаешь Илию всего лишь пророком? — вдруг спросил он священника. — Разве не видел ты, как Господь сподобил нас пролить за Него свою кровь? Мученик превыше пророка, так уже ты этой великой чести нас не лишай, отче!

— Простите и благословите, пророцы и мученицы Илие и Енох!

— Бог да благословит вас всех. Идите и служите Ему, — сказали пророки-мученики, и священники опять пошли к воде.

Уже стемнело. Взошла луна. По небу летели быстрые облака. Одно облако было ярче других освещено луною, оно казалось светящимся изнутри. Вдруг оно стало опускаться над Иерусалимом, постояло над ним, потом поплыло к Кедрону, и здесь опустилось на воду. Илия и Энох по воде прошли к облаку и скрылись в нем. Облако снова поднялось в небо и умчалось на восток. Пораженные люди долго стояли неподвижно, устремив глаза в небо. Первыми опомнились священники.

— Не успевшие принять святого крещения, покайтесь и креститесь! — воскликнул один из них. — Пророки воскресли и восхищены на небо во второй раз. Время на исходе!

— Скорее, Жерар, скорее! Ты можешь не успеть! Скажи, ты веруешь в Иисуса Христа? Ты веришь Его пророкам Илие и Эноху?

— Еще бы не верить, когда я их видел своими глазами и слышал своими ушами!

— Так идем скорее к отцу Алексею, он тебя сейчас же окрестит!

Инга и Ванда ухватили его за обе руки и потащили к берегу.

— Да стойте вы все, сумасшедшие девчонки, — попытался остановить их Жерар. — Я жене готов!

— Готов, готов! — заверил его Пятник-Петр, подталкивая в спину. — Попроси, чтобы тебя Павлом нарекли!

— Не знаю почему, но чувствую, ты прав — надо идти, — сказал Жерар. — Веди, братишка!

Скоро людей на обоих берегах Кедрона почти не осталось, и только священники продолжали

поджидать "работников после-него часа", чтобы успеть крестить и запаздывающих.

— А наш Ланс успеет ли креститься? — спросила Павла-Жерара Инга-Иоанна.

— Пятик, поспешим к Башне, — сказал Жерар. — Мы должны его встретить хотя бы внизу, если наверх не проберемся.

— Я с вами! — воскликнула Дженни.

— Ну, дорогая, а как же христианское послушание? — спросила Ванда-Варвара. — Тебе жених велел ждать его здесь — изволь ждать!

И Дженни послушно села у моста ждать их возвращения.

Глава 19

Всего несколько часов тому назад Жерар первым прошел через оранжевый финиш. Теперь Ланселот поднимался наверх один. Трасса становилась все уже и уже, и для того, чтобы избежать нападений со стороны зрителей, он прижимался к наружному ограждению. Спасибо Жерару: руки его отдохнули и раны поджили почти за целый день отдыха — Жерар только перед самым финишем оставил спинку коляски и пошел вперед один.

Ланселот поднимался к своему финишу и знал, что идет первым, но радости в нем не было. Ланселот не раз благодарил судьбу за то, что события с самого начала его паломничества в Иерусалим шли такой напряженной чередой, что почти не оставляли ему времени на размышления, но даже когда были спокойные моменты в его паломничестве, он и сам не хотел думать о том новом, неожиданном и страшном, что он узнал о Мессии во время своих странствий. То же самое было и во время движения "Веселого катафалка" наверх. Но вот теперь он остался один, и никуда ему было не укрыться от воспоминаний и размышлений. Да еще разговор с Жераром, заставившим его еще раз мысленно пройти весь путь от островка в Тронхейме-фьорде до Вавилонской Башни в Иерусалиме.

Он бы рад вообще уйти с трассы, но не мог подвести тех, кто ему доверился: четверо его друзей поставили на него все, что у них было, и он просто обязан был прийти первым.

Ему повезло и не повезло: как только стемнело, начался шторм, и ветром сдуло почти всех зрителей с балконов. Только самые упорные, укутавшись в плащи, следили за его подъемом. Если они что-нибудь и кричали ему, Ланселот их криков не слышал за гулом ветра.

Ветер дул с юга. Когда Ланселот выходил на восточную сторону Башни, коляску сносило к наружному ограждению, а когда шел по южной стороне Башни, ему приходилось пробираться под самыми балконами, прижимаясь к черной стене. Но как только он выходил на западную сторону, южный ветер, дувший наискось в спину, вновь отбрасывал коляску к наружному барьеру. Здесь на фонарях висели распятые участники уже теперешних гонок, некоторые из них были привязаны к перекладинам фонарей только вчера, и многие из них были еще живы. Почему-то они встречали его злобными выкриками, плевали в него с высоты и проклинали. За что, почему? В ярком свете фонарей он видел на них желтые, зеленые и даже синие куртки — уж им-то он соперником не был, и все-таки они его ненавидели. Он старался поскорее выбраться на северную сторону: уж лучше получить камнем по голове, чем слушать проклятья умирающих.

С юга наплыли облака, и плотный влажный туман окутал верхние ярусы Башни. Пошел проливной дождь, но и ветер не стихал. Бинты на руках Ланселота намокли, и руки стали

тяжелыми и неуклюжими. Сняв повязки, чтобы крепче ухватиться за ободья, Ланселот мельком заметил, что на его правой руке уже нет и следа от печати. Несмотря на пронизывающий ветер и дождь, ему было жарко, он исходил липким и едким потом. Он снял с себя всю одежду, оставив только трусы и носки да накинул на плечи красную куртку — финиш он должен был пересечь в форме. Из сетки под коляской он достал все оставшиеся банки, допил вино, а потом выбросил все — и одежду, и банки с едой, и сапоги. Это немного облегчило коляску, но крутить колеса становилось все труднее и труднее. Очень скоро он обнаружил, что сделал глупость — вместе со всем балластом выбросил и рукавицы, а руки стали замерзать под холодным дождем и неметь. И трасса была мокрой и скользкой, и ветер сносил коляску, но все-таки хуже всего было с руками.

На девяносто девятом его ждала неожиданность — трассу перегораживала сияющая ослепительным электрическим светом стеклянная стена. В середине ее были распахнуты двери, возле них стояли служители в черных непромокаемых плащах.

— Подтянись, Тридцать третий! Ты въезжаешь на личный ярус Мессии! Хочешь умыться, выпить воды? — Дождем умыло, — ответил Ланселот. Служители подошли к нему и обыскали его. Один из них обнаружил у него в кармане куртки маленькую бутылочку от Дженни.

— Это у тебя что такое? Яд на случай провала? — Это вода, — ответил Ланселот. — Служитель открыл бутылочку и понюхал.

— Запаха никакого. Непонятно... А ну глотни! Ланселот послушно сделал глоток и улыбнулся.

— Говорю же вам, это вода — сувенир от невесты.

— А если так, то допивай до конца, а пузырек давай сюда. Ну, теперь езжай. Между прочим, мы оба на тебя поставили. Может, выпьешь энергенчику? — Нет, мне ничего не надо. — Тогда не теряй времени. — А что, за мной уже близко другие?

— Какое там! Ты на два яруса впереди всех. Ты крепкий мужик, Тридцать третий: другие-то на двух ногах, а уже еле-еле ползут, да и ветер с ног сбивает.

— Теперь-то тебе что, под крышей поедешь до самого финиша — последний ярус весь под стеклянным колпаком, — добавил второй. — Сейчас тебя ждет торжественная встреча — приготовь улыбку для дам.

Служитель нажал кнопку, стеклянные двери раздвинулись перед Ланселотом, и на него повеяло теплым ароматным воздухом. Он въехал в широкий проем, и оказался в длинной галерее, похожей на оранжерею; справа шел длинный белый балкон, полный зрителей, с решетки балкона свисали плющ и цветущие лианы, слева в каменных бассейнах росли пальмы, каштаны, магнолии и тюльпанные деревья, а между ними цвели разнообразнейшие розы — они-то и давали дивный аромат, заполнявший галерею. Терраса на девяносто девятом ярусе была вымощена белыми мраморными плитами, и вся эта роскошь освещалась все теми же фонарями, похожими на кресты, но на них не было распятых.

Окинув одним взглядом открывшуюся перед ним новую трассу, Ланселот решительно крутанул ободья коляски и поехал вперед по скользкому мрамору. И тут же теплое и благоухающее пространство перед ним и вокруг него взорвалось и загремело напряженной и возбуждающей музыкой. Балконы, все как один просторные и нарядные, оказались заполнены изысканной публикой. Мужчины были в черных костюмах и ослепительно белых рубашках или в разнообразных военных костюмах, а женщины в своих ярких нарядах, с перьями и драгоценными камнями в прическах казались тропическими птицами. Здесь была уже самая

верхушка Семьи, избранные из избранных. Но при виде Ланселота вся эта публика завизжала и заорала ничуть не изящнее зрителей на самых нижних ярусах. Правда, вместо банок и камней в него полетели цветы и бокалы. На цветы ему было наплевать, ему не нужны были цветы от этих женщин, а вот бокалы были опасны: они разбивались перед самой коляской и брызги напитков долетали до его лица: ему пришлось прищурить глаза, чтобы в них не попал осколок стекла.

Гроыхающая музыка оглушала его до звона в ушах, свет прожекторов, падавший сверху и отражавшийся в зеркале мраморного пола, слепил его, густой аромат растений душил. У него начала кружиться голова и заломило в висках, и скоро Ланселот даже пожалел о свежем штормовом ветре, оставшемся за стеклом. А там всюду бушевала гроза, и молнии, казалось, били прямо в стеклянную крышу галереи.

Ехать по скользкому мрамору оказалось куда труднее, чем по шероховатому бетону. Ладони закровоточили сильнее и начали еще больше скользить по металлу ободьев, но теперь обвязать руки было нечем, ведь он выбросил и бинты, и рукавицы! Он остановился, стянул красную куртку, положил ее на колени, а руки просунул в рукава. Куртка была из синтетики, и ее ткань плохо впитывала кровь, но хотя бы слегка уменьшила скольжение рук по металлу. Теперь он ехал обнаженный, в одних трусах, и пот струями стекал по его мощному торсу. Женщины на балконах радостно завизжали, и до него долетело несколько циничных и восторженных выкриков по поводу его сложения. Под рев марша, под крики с балконов и завывания ветра снаружи Ланселот медленно продвигался к последнему финишу. Он уже видел впереди высокие красные ворота, перегороженные широкой красной шелковой лентой и увенчанные огромным портретом Мессии. А сразу за воротами, на красном ковре стоял живой Мессия и протягивал к нему руки.

Ланселот не спешил. Он медленно подъехал к воротам, зацепил плечами ленту и, волоча ее за собой, подъехал к Мессии и остановился у края красного ковра, на котором тот стоял. Взревели фанфары, а потом смолкли по знаку поднятой руки Мессии. Замолкло все — музыка в репродукторах и голоса на балконах, остался только шум ветра и раскаты грома за стеклянными стенами. И Мессия заговорил.

— Приветствую тебя, победитель очередных гонок исцеления. Протяни свои руки — твой Мессия исцелит тебя!

Рядом с Мессией стояли служители с микрофонами в руках, и поэтому голос заговорившего Ланселота прозвучал так же громко, как голос самого Мессии.

— Ты не Мессия, — сказал Ланселот. — Мессия — другой, и Он уже приходил в этот мир. Ты — Антихрист, убийца людей и погубитель мира. Я отказываюсь от твоего исцеления и плюю на тебя!

Ланселот приподнялся в коляске, опираясь на ее ручки окровавленными ладонями, и плюнул в лицо Лже-Мессии. Антихрист завизжал и схватился обеими руками за лицо. И все увидели, как его лицо полыхнуло коротким синим пламенем, а руки превратились в покрытые рыжей шерстью лапы с длинными черными когтями. Все это происходило в мертвой тишине, сопровождаемой лишь завыванием ветра за стеклом. Одна за другой текли секунды. Потом Антихрист отнял свои мерзкие руки от лица — оно было покрыто кровавыми язвами там, куда попал плевок Ланселота. И тут взорвались балконы.

— Распни! Распни его! — вопили зрители, едва не сокрушая перила балконов.

К Ланселоту подскочили охранники Антихриста, сорвали его с коляски и бросили на пол.

— Несите сюда крест, — приказал Антихрист.

Принесли большой деревянный крест и опустили его на плиты рядом с Ланселотом. Охранники подняли его и положили спиной на балку, а руки растянули вдоль перекладины и начали прикручивать их проволокой. Ланселот не сопротивлялся, он понимал, что это бесполезно. Принесли две лестницы. — На фонарь! — приказал Антихрист.

Два охранника прислонили лестницы к столбу фонаря, другие подняли крест и снизу подали его тем двоим. Охранники привязали перекладину креста к поперечине фонаря и спустились вниз. Ланселот повис на растянутых руках.

Антихрист подошел к распятому Ланселоту, но не настолько близко, чтобы тот снова мог попасть в него плевком.

— Еще не все пропало, друг мой! — сказал он спокойно и соболезнующе. — Ты можешь раскаяться, признать меня Мессией и попросить у меня прощенья. Я прошу тебя, сниму с креста и исцелю.

— Ты — не Мессия! Ты — Антихрист! — крикнул Ланселот и снова плюнул в его сторону и, конечно, не попал.

В этот момент сверкнула особенно яркая молния, страшный удар грома прокатился по стеклянной крыше и вниз посыпались осколки. И молнии одна за другой стали бить в обнажившийся верхний ярус Ново-Вавилонской Башни. Электрический свет потух, но от непрерывно бьющих молний на Башне стало еще светлее. Особенно сильный удар потряс Башню до основания, и Антихрист рухнул на белые мраморные плиты. Башня качнулась, затрещало основание фонаря, к которому было прикреплено распятие, и фонарь вместе с распятием рухнул и тяжело ударился о парапет. Теряя сознание от удара, Ланселот еще успел увидеть, как тело Антихриста вспыхнуло синим пламенем, обуглилось, рассыпалось черным пеплом, и ветер понес его, разметая на ходу, вниз по белым плитам. Он успел услышать крики отчаянья, с которыми бросились бежать вниз по дороге, давя друг друга, падая, поднимаясь и топча ногами упавших, слуги и гости Лжемессии. "Вот и финиш", — успел подумать Ланселот, и тьма объяла его. — Ланс, Ланс, очнись! Открой глаза, Ланс! — Дженни? — Ланселот открыл глаза.

— Нет, это я, Ванда. Жив! Слава Тебе, Господи! — Ванда, плача, гладила волосы и щеки Ланселота. — Скорее, ребята! Жерар, Пятник, да снимите же его поскорее!

— Ланс, выпей это! — Откуда-то появилась Инга и поднесла ему ко рту банку с вином.

Ланселот сделал глоток. Сначала полыхнуло в желудке, потом почти сразу же — в голове. Сознание вернулось полностью, а вместе с ним и невыносимая боль в руках и, как ему показалось, в ногах. Во всяком случае, боль пронзила его там, внизу, где он никогда ничего не чувствовал, кроме глухой тяжести своих бесчувственных ног. Он приподнял голову и поглядел на них: Инга и Ванда разматывали проволоку, которой его ноги были привязаны к кресту. Он читал когда-то о "фантомных болях", когда калеки чувствуют боль в ампутированных ногах, но сам он никогда ничего подобного не испытывал. А вот сейчас его ноги жгло огнем, крутило, ломало, и он не смог сдержать стона. А тут и левую руку, растянутую на перекладине креста, ошпарило болью: он скосил глаза влево и увидел Жерара. Тот только что перекусил проволоку, которой левая рука Ланселота была прикручена к перекладине, и передал кусачки Тридцатипятику, трудившемуся над его правой рукой, а сам начал осторожно разматывать

проволоку. И тут точно такая же боль пронзила правую руку Ланселота.

— Потерпи еще немного, Ланс! Сейчас, сейчас мы тебя освободим и унесем отсюда.

— Скорее, Жерар, Пяттик! С той стороны Башни уже полыхает вовсю. Хорошо еще, что ветер дует от нас, а то бы и тут уже горело, — торопила друзей Ванда.

— Терпи, Ланс, миленький, — приговаривала Инга, уже обвязывая ему запястья чистыми платками: без платков она из дома не выходила.

— Все! — сказал Пяттик, откидывая последний кусок проволоки с правой руки Ланселота и подхватывая его под мышки. Жерар, оглядевшись и не найдя ничего подходящего, снял с себя новую кожаную куртку и ею стал сметать в сторону осколки. Расчистив место, он встряхнул куртку и расстелил на полу: Ланселота уложили на нее, и все сели вокруг, ожидая, когда он полностью придет в себя.

— Я залезу через балкон внутрь и поищу там что-нибудь, на чем мы сможем снести Ланселота вниз.

— Иди, Пяттик, а то мы все тут сгорим, — сказал Жерар.

Ланселот потихоньку шевелил пальцами рук, и жизнь в них возвращалась. Вот по сосудам забегали мурашки, а потом боль в руках стала уже терпимой. Он вспомнил, что вот так же болели его руки после целого дня лова во время путины лосося. Тяжело, но терпеть можно, когда знаешь, что завтра будет легче. А вот ноги... Ланселот повернулся набок, обхватил ноги под коленями, подтянул и обнял их руками. Он полежал так некоторое время, и боль уменьшилась. Он вздохнул с облегчением, отпустил руки — и выпрямил ноги! И вдруг он понял, что именно с ним происходит.

— Мои ноги! — закричал он. — Я чувствую их! Жерар, девочки, я чувствую мои ноги! Они болят, но они болят как живые!

— Ой, Ланс! Неужели этот... ну, кого мы звали Мессом... неужели он все-таки исцелил тебя? — ошеломленно проговорила Инга.

— Нет, это не Антихрист. Это та молния, которая убила его, ударила в столб, на котором я висел, и обожгла мои ноги. Теперь я вспомнил, что почувствовал в ногах вспышку огня и боли в тот самый миг, когда упал Антихрист и рухнул мой столб. А потом я потерял сознание и, конечно, не чувствовал ничего во всем теле. Мои ноги! Болите, родимые, болите сколько хотите, но только оживайте, оживайте!

Ланселот осторожно, кряхтя и постанывая, сгибал и разгибал ноги в коленях, поворачивал ступни вправо и влево. Инга присела у него в ногах, сдернула с него носки и принялась щупать его пальцы. — Ты чувствуешь пальцы, Ланс? — Сам не пойму. Там, внизу, все болит.

— Скажи, какую ногу я сейчас трогаю, правую или левую? — Правую, кажется. — Нет, я левую трогаю...

— Инга, дурища! — воскликнула Ванда. — Это для тебя она левая, а у Ланса это правая нога!

— Ой, правда! А так, Ланселот? Что ты чувствуешь теперь?

— Что ты откручиваешь мне большой палец моей левой ноги. Спасибо, Инга, но довольно уже,

дай мне отдохнуть от боли.

— Ланселот, а ты попробуй теперь встать! — глядя на Ланселота восторженными глазами проговорила Инга.

— Ни в коем случае! — закричала Ванда. — Так можно порвать связки и мускулы, они же у него слабые!

— Ванда права. Не торопи чудо, Инга, — строго сказал Жерар, — всему свое время. Ноги сами скажут Лансу, когда они готовы будут держать его.

— Эй, вы! Помогите-ка мне! — раздался с балкона голос Пятика. Он водрузил на барьер большое конторское кресло на колесах и теперь боялся уронить его. Жерар кинулся к нему, поднял руки, подхватил кресло и опустил его на пол. Пятик спрыгнул с балкона, и вдвоем они подкатили кресло к лежащему Ланселоту. Его усадили в него и попробовали везти. Под колесиками раздался хруст стекла, но в общем было ясно, что дело идет. И они покатали кресло к выходу с балкона-оранжереи.

Когда выехали наружу, их охватило холодным ветром. Жерар накинул на плечи Ланселота свою куртку, и они побежали вниз, заботясь только об одном — чтобы кресло с Ланселотом не перевернулось.

Когда они одолели половину сотого яруса и вышли на другую сторону, им пришлось прорываться через клубы смрадного черного дыма.

— Держись крепче за ручки, Ланс! Если мы тебя здесь уроним, то потеряем тебя в дыму! — крикнул Жерар.

Ланселот держался изо всех сил, стараясь крепче упираться ногами в крестообразное основание кресла. Ноги держались, ноги его слушались!

Когда они спустились на девяносто девятый ярус, дым остался наверху, и они смогли отдышаться. Но сквозь окна Башни было видно, что внутри пожар уже разгорается.

— Может быть, какой-нибудь лифт еще работает? — предположила Ванда на девяносто восьмом ярусе.

— Я проверю! — крикнул Пятик и бросился к балкону.

— Если там уже начался пожар, немедленно возвращайся! — крикнул ему вдогонку Ланселот. Пятик догнал их на девяносто седьмом.

— Ребята! Все лифты рухнули вниз, и огонь как раз по шахтам лифтов пробирается вниз. Но грузовых лифтов наверху нет. Значит, у них свои шахты, с верхом не связанные. Яру сов через пять я еще раз заберусь внутрь и проверю: если там будет грузовой лифт, мы попробуем на нем перегнать огонь. — Умница, Пятик! Так и сделаем.

На восьмидесятом ярусе — на желтом финише гонок, Пятик снова забрался через балкон внутрь Башни и обнаружил внутри еще работающий грузовой лифт. Он спустился на нем до семьдесят девятого яруса, и тут он обнаружил открытый выход наружу. Он выбежал на трассу и стал поджидать на ней остальных. Ему было очень страшно стоять на ней одному: сверху страшно гудело пламя, а вокруг валялись трупы зрителей, клонов, охранников, видимо, убивавших и давивших друг друга при бегстве. "Если бы мы не остались спасать Ланселота, мы

бы тоже погибли в этой давке", — подумал Пятик.

— Лифт есть и еще действует! — крикнул он еще издали, увидев друзей. — Давайте скорее, а то огонь доберется до механизма лифта, и тогда нам всем как! Еще чудо, что электричество действует!

— Я слышал, что это чудо предусмотрено строителями, — сказал Жерар, — на каждом ярусе есть своя аварийная система.

Они въехали внутрь Башни, и Пятик побежал вперед, показывая дорогу к лифту. Кабина его была похожа на гараж, где мог поместиться большой грузовой мобиль.

— С Богом! — сказал Пятик и нажал кнопку первого наземного яруса. Лифт загудел и пошел вниз. Он даже не столько шел, сколько падал вниз, по крайней мере, так им казалось.

Когда они прошли уже тридцатый ярус, лифт начало потряхивать, а свет замигал.

— Пятик, останавливай лифт! — скомандовал Ланселот. — Не стоит рисковать.

Пятик нажал кнопку с цифрой 33. Они выехали из ворот лифта, и услышали, как тот пошел вниз — уже без них.

— Может, зря мы вышли? — спросила Ванда.

Ответом ей был взрыв, раздавшийся снизу, из шахты, куда ушел лифт.

— Вот так, — сказал Жерар. — Вовремя мы выскочили, ребята. Теперь снова выходим на трассу — и помогай нам Бог!

Они нашли открытые двери и вышли на дорогу, теперь уже пологую. Здесь трупов стало попадаться еще больше, то и дело приходилось объезжать тела. Ни одного живого раненого они среди них не увидели. Но возле рухнувших ворот фиолетового финиша они видели стоящего на посту клона — живого. Инга подбежала к нему и дернула за руку.

— Бежим отсюда, малыш! Тут сейчас все сгорит!

Она потянула клона за руку и он сделал за ней несколько шагов, но потом врывал у нее руку вернулся на свой пост и замер по стойке смирно.

— Ты его не спасешь, Инга, он ведь запрограммирован! — крикнул на бегу Пятик.

Они бежали и бежали, кресло Ланселота подпрыгивало и скрипело и, казалось, вот-вот развалится.

— Ребята! Если увидите целую банку энергена — подберите! — попросил Ланселот. — Ужасно хочется пить, горло просто дерет.

— И не вздумайте! — крикнул Жерар. — Еще не хватало подобрать энерген с какой-нибудь отравой и свалиться тут!

— У меня есть вода! — сказала Инга. — Вот, держи, Ланселот! — и она вытащила из своей сумки бутылку с водой. — Это святая вода из Гефсимании, ее мне Дженни дала для тебя. Все глотнули по очереди святой воды.

— Что с Дженни? — спросил Ланселот у Инги.

— Она в порядке и ждет тебя. Если чудом выберемся отсюда, то сразу отправимся к ней, на Елеонскую гору.

Они выбрались. Небо уже готовилось рассветать, когда они спустились с винтовой дороги и выкатили кресло с Ланселотом на площадь перед Башней. Башня горела, верхние ярусы обрушивались внутрь, разбрасывая вверх и в стороны горящие обломки. Чудом ни один из них не задел бегущих паломников.

Пятик увидел валявшийся на боку трехколесный велосипед рикши. Он поднял его: как ни странно, велосипед был на ходу. Ланселота пересадили в коляску, Жерар сел за руль, и теперь дело пошло быстрее. Им удалось проехать и пробежать половину города, когда Башня с чудовищным грохотом обрушилась. Над городом поднялось и встало огромное черное грибовидное облако.

И в тот же миг окончательно рассвело. Но над миром в это утро взошло не солнце над Елеонской горой, куда бежали паломники, появился огромный сияющий Крест.

И тотчас буря и пожар стихли и наступила тишина. Небо очистилось, и в нем кое-где виднелись последние утренние звезды. Крест вознесся и остановился в небе, заливая светом вершину Елеонской горы с квадратной остроконечной колокольней и круглым куполом храма. — Что это? — прошептал Ланселот.

— Это Крест Христа Спасителя, настоящего Мессии, — сказал Пятик. — Отец Алексей, который нас всех крестил, сказал, что Христос вот-вот придет, но сначала появится Крест.

— Который будет виден со всех концов Земли, — добавила Ванда. — Так сказала матушка Елизавета.

— Кто такая матушка Елизавета? — спросил Ланселот. 756

— Игуменья Гефсиманской обители, в которой живет твоя Дженни, — сказала Инга.

— И ваш Патти тоже живет там, — добавил Пятик. — А мы все крестились, Ланс, мы только еще не успели тебе это сказать.

— Ну вот, — улыбнулся Ланселот, — опять вокруг меня все христиане, а я один так и остался некрещеным.

— Ланс! Ты исповедал прямо в лицо Антихристу, что веруешь в Христа! За это он и приказал тебя распять, — сказал Пятик.

— А вы откуда знаете? Вас же там не было!

— Мы были внизу Башни и ждали тебя там, потому что на верхний ярус никого не пускали. Инга сообразила сунуть золото охранникам, и нас пропустили на первый ярус. Мы там стояли и ждали тебя у выхода из лифта, думали, что ты исцелишься и спустишься на лифте, как мы все делали. И мы слушали по радио, что происходит наверху — там же повсюду репродукторы установлены. Мы даже плевков слышали, Ланс! А ты что, попал Антихристу прямо в лицо, да? — Попал, попал.

— Здорово! Я догадался: потому он и приказал тебя распять. Мы услышали, и тут же стали

искать какой-нибудь открытый вход. Все кругом было заперто. А потом началась паника, народ побежал вниз, ну а мы — вверх. Нашли лифт и добрались до тебя, хоть и не сразу. И нашли тебя на кресте.

— Ты крестился, Ланс, крестился своей мученической кровью. Твой крест остался там, наверху Башни, — тихо сказала Инга и погладила перевязанное запястье Ланселота. — Но Башня рухнула, а с нею и мой крест.

— А мы свидетели твоего крещения, Ланселот! — сказал Пяттик. — Ты не бойся, мы все расскажем про тебя. — Кому расскажете?

— Как это кому? Спасителю, когда увидим Его, — сказала Инга. — И Дженни, конечно, тоже. Как она будет счастлива, как будет гордиться тобой, Ланс!

Они добрались до Кедрона, и тут наконец увидели живых людей. Люди шли к берегу со всех сторон, сплошным потоком переходили через мост и поднимались по склону Елеонской горы — к Кресту, сиявшему над миром.

Они взошли на мост, когда толпа стала уже редеть. И тут они увидели Дженни, бегущую им навстречу. Люди удивлялись и пропускали ее.

И тут Ланселот решился. Он велел Же-рару остановиться, осторожно поднялся с сиденья и шагнул с коляски на теплые доски деревянного настила моста. Ноги держали его. К нему подскочили Жерар и Пяттик, и медленными шагами, опираясь на их плечи, Ланселот пошел навстречу Дженни своими ногами.

— Христос исцелил тебя, Ланс! — радостно воскликнула Инга. — А я это давно понял, — сказал Пяттик. Они встретились с Дженни на середине моста и обнялись.

— Какой ты высокий, Ланселот мой! — сказала Дженни, подняв от его груди заплаканное лицо. — А ты все-таки маленькая, королек! Они долго стояли обнявшись и не заметили, что друзья оставили их и прошли вперед. Уже и людей на мосту не осталось. — Пойдем? — спросила Дженни. — Куда? — спросил Ланселот. — Наверх, к Кресту. Все уже ушли вперед. Сначала ноги еще плохо повиновались Ланселоту, и он шел, опираясь на плечо Дженни, но с каждым шагом он чувствовал, как мускулы и жилы на ногах крепнут, и вот он уже отпустил ее плечо и взял за руку.

Они прошли мимо распахнутых настежь ворот Гефсиманской обители.

— Даже Патти ушел со всеми, — сказала Дженни, заглянув в ворота.

Они пошли вверх по улице. Поднимались они все быстрее и быстрее, не уставали от подъема, а наоборот, становились бодрее с каждым шагом. Вот они дошли до арабского поселка, вот прошли по его пустым улицам и вошли в ворота Елеонской обители. Перед ними была аллея, обсаженная кипарисами, а в конце ее — сияющий белый храм. Двери храма распахнулись, и из них вышел высокий Священник в ослепительно белых одеждах. Дженни и Ланселот видели его со спины, видели падающие на плечи кудри русых волос, но не видели лица. За ним шли священнослужители в таких же радостных пасхальных одеяниях, монахи и монахини, мирские мужчины и женщины, старики и дети. Священник в белом, идущий впереди всех, медленно шел по дороге из храма и вел за Собой остальных. Они не видели Его лица, потому что он шел почти спиной к ним, уходя от них еще выше по горе. А люди все выходили и выходили из храма, и было абсолютно непонятно, как в этом небольшом храме помещалось столько людей, и как это так получается, что идущего впереди всех Священника они продолжают видеть, хотя

за ним прошли уже, наверное, тысячи людей. Ланселот решил, что люди входят в храм с другой, не видимой им стороны, проходят его насквозь и поэтому такая нескончаемая процессия выходит из его дверей.

Ланселот и Дженни увидели большую группу монахинь в необыкновенно сияющих белых одеждах; впереди шла полная монахиня с золотым крестом на груди, а за монахинями шли Сандра и Леонардо, ведя под руки высокую беловолосую старушку с молодым лицом. За ними, держась рядом, радостно переговариваясь на ходу, но не сводя глаз с Христа, шло множество людей в очень светлой мирской одежде, и Дженни с Ланселотом увидели среди них помолодевшего доктора Вергеланна, они увидели Марию с младенцем на руках и рядом Хольгера, при этом Хольгер с любовью смотрел на Спасителя явно зрячими глазами; шла под руку с Драганом леди Патриция, а рядом с ними шли и тоже держались за руки Эйлин и Карл. И у Ланселота, и у Дженни перехватило дыхание, когда они увидели стаю летящих над ними детей и среди них всех юных насельников Бабушкиного Приюта! Потом снова пошли толпы незнакомых людей, но Ланселоту показалось, что среди них мелькнули лица мэра датского городка и старика с гамбургского берега и уже совсем забытое лицо чиновника из Центра питания города Тронхейма. И тут Ланселот испугался.

— Господи, а мы? — закричал он, схватив Дженни за руку, полный тревоги, любви и надежды. Как будто услышав его отчаянный зов, Священник остановился, и Ланселот понял, что сейчас Он обернется и скажет:

— Идите и вы.

Июль 2002, д. Ириновка — Май 2003, Берлин.

Примечания

[1] Известное высказывание о. Серафима Платинского (Роуза) о последних временах.